АКАДЕМИЯ НАУК СССР

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО АРХЕОЛОГИИ СССР
52

П. А. РАППОПОРТ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОГО ВОЕННОГО ЗОДЧЕСТВА X-XIII ВВ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1956

ПРЕДИСЛОВИЕ

Военное зодчество с древнейших времен играло видную роль в развитии русского военного искусства. Совершенно естественно, что история древнерусского военного зодчества и военно-инженерного искусства в целом давно уже привлекала к себе внимание исследователей.

Уже в 1858 г., издавая свой труд «Материалы для истории инженерного искусства в России», Ф. Ласковский начал книгу фразой: «Инженерное искусство в России достигло такого обширного развития, что для него настало время иметь свою историю» [1]. Между тем, несмотря на очень большое количество материала, накопленного за время, прошедшее после выхода работы Ф. Ласковского, обобщающих, сводных работ по истории древнерусского военно-инженерного искусства так и не появилось. Кроме того, оставались неизученными и многие оборонительные сооружения, в том числе иногда и такие важнейшие памятники, которые являлись определяющими для различных периодов развития военного зодчества древней Руси. «Отсутствие специальных исследований отдельных памятников древнерусского крепостного зодчества определило то недопустимое положение, что до сих пор основным капитальным трудом по истории древнерусского крепостного зодчества остается книга Ф. Ласковского, вышедшая в 1858 г. » [2]

Однако старые, дореволюционные работы по истории русского военно-инженерного искусства не могут удовлетворить наших требований не только из-за недостаточной изученности фактического материала, но прежде всего по их методологическим установкам. Только марксистское понимание истории военно-инженерного искусства как явления, теснейшим образом связанного со всей историей общества, позволяет правильно показать развитие оборонительных сооружений, их место и роль в истории русской культуры.

На пути создания марксистской истории древнерусского военно-инженерного искусства и, даже более узко, истории древнерусского военного зодчества имеется много трудностей; наиболее серьезным затруднением до сих пор является плохая изученность памятников. Некоторые типы древнерусских оборонительных сооружений известны в большом количестве образцов, причем часть из них подверглась достаточно серьезному исследованию и конструкция их поэтому более или менее ясна. Другие типы оборонительных сооружений, наоборот, очень плохо изучены и устройство их может быть пока определено в значительной степени ориентировочно. Наконец, некоторые группы памятников военного зодчества по существу вообще еще никак не изучались и относительно этих сооружений не имеется почти никаких сведений. К тому же далеко не всегда еще известно, даже приблизительно, время возведения многих важнейших древнерусских оборонительных сооружений.

Эта отрывочность, неполнота и неравномерность материала не дает возможности в настоящее время написать такую историю

---

[1] Ф. Ласковский. Материалы для истории инженерного искусства в России, ч. I. СПб., 1858, стр. 1.

[2]Предисловие к сборнику «Крепостные сооружения древней Руси»: МИА СССР, № 31, 1952, етр. 5. См. также: *А. Д. Цирлин*. Передовые черты русского военно-инженерного искусства. Сб. «Из истории русского военно-инженерного искусства», М., 1952, стр. 3.

древнерусского военного зодчества, в которой развитие типов и форм оборонительных сооружений, а также объяснение их назначения, причин их появления и исчезновения было бы изложено хотя бы с минимальной полнотой, позволяющей представить это историческое явление на всей русской территории и во все периоды. Состояние изученности материала заставляет нас ограничиться формой очерков, где одни вопросы изложены с достаточной полнотой, а другие опущены почти целиком.

Очень затрудняет изложение истории военного зодчества также почти полная неразработанность вопросов периодизации развития русских оборонительных сооружений. [1]

В настоящих «Очерках» рассматриваются в основном памятники X—XIII вв. Хронологические границы этого периода достаточно четко определяются теми резкими изменениями в типах и конструкциях укреплений, которые можно отметить с одной стороны в конце X в., а с другой — во второй половине XIII в. Оборонительные сооружения более раннего периода, относящиеся ко времени формирования Киевского государства (до конца X в.), привлечены лишь в самых общих чертах. Специальным изучением оборонительных сооружений этого раннего периода никогда еще не занимались, и поэтому данный вопрос требует особого исследования. [2] Памятники более поздние, относящиеся ко времени после монгольского нашествия, *т. е. второй* половины XIII и начала XIV в., затронуты лишь частично в заключительной главе, для выяснения того, какие наиболее существенные изменения произошли в это время в типах оборонительных сооружений.

Кроме хронологических границ, изложение в данных «Очерках» ограничено также и территориальными рамками. Работа в основном построена на материалах центрального района Киевской Руси — Среднего Поднепровья. Пути развития военного искусства на всей территории Руси были, по-видимому, в общих чертах одинаковы. Даже в период феодальной раздробленности, когда в различных княжествах должны были существовать местные особенности в области военного дела, все же «русское военное искусство... развивалось на единой основе, заложенной в предшествующий период истории русского народа». [3] Однако, например, в области устройства оборонительных сооружений развитие в период феодальной раздробленности могло происходить в различных районах Руси несколько по иному.

Именно в центре Киевской Руси, на территории древней «Русской земли», а позднее на территории Киевского, Переяславского. Черниговского и Новгород-Северского княжеств, естественнее всего ожидать наличия наиболее характерных общих черт русского военно-инженерного искусства X—XIII вв. Поэтому в работе основное внимание уделено оборонительным сооружениям этого центрального района, а также тесно с ним связанным памятникам Турово-Пинского княжества. Для того чтобы на более широком материале показать картину развития типов оборонительных сооружений, особенно систему их планировки и общую организацию обороны, частично привлечены также оборонительные

сооружения Рязанской, Смоленской и Полоцкой земель, где развитие этих типов происходило, по-видимому, вполне аналогично развитию военного зодчества в Среднем Поднепровье. [4] Оборонительные сооружения Залесской земли (Владимиро-Суздальского княжества), Новгородской земли, а также западных районов Руси — Галича и Волыни — в настоящей работе почти не привлекаются. Естественно поэтому, что все местные варианты развития оборонительных сооружений в данной работе не могут быть показаны.

Не обнимают данные «Очерки» и всех сторон военно-инженерного искусства. Предметом изучения являются лишь оборонительные сооружения, построенные заблаговременно, как капитальные устройства, обеспечивающие безопасность укрепленных поселений или границ, т. е., по современной

---

[1]Попытка предварительного решения данного вопроса сделана в статье: *П. А. Раппопорт* и *В. В. Косточкин*. К вопросу о периодизации истории древнерусского военного зодчества. КСИИМК, вып. 59, 1955.

[2]Замечательно, что еще в середине XIX в. автор статьи «Археологические сведения о старинных русских крепостях, их строителях и проч. » писал: «Что касается до военностроительного искусства, его начала проявляются гораздо прежде X-го века» (Русск. инвалид, 1845, № 2, стр. 7).

[3]*А. А. Строков*. Военное искусство Руси периода феодальной раздробленности. М., 1949, стр. 5.

[4]См. карту в «Приложении» к настоящим «Очеркам».

военно-инженерной терминологии, долговременная фортификация. Полевая фортификация — постройка легких, временных оборонительных сооружений непосредственно перед боем или даже в процессе боя — не рассматривается, так как этот раздел военно-инженерного искусства может быть изучен лишь вместе с самой тактикой боя, вместе с изучением истории военного искусства в целом. Совершенно не затрагивается также строительство дорог и мостов.

Специально следует отметить, что в данной работе оборонительные сооружения рассматриваются исключительно с точки зрения их военного назначения, а художественная их сторона как памятников зодчества не затрагивается.

Ф. Меринг совершенно справедливо отмечал, что «всякая военная организация всеми своими нитями связана с тем общественным строем, из которого она выросла». [1]

Развитие военно-инженерного искусства как составной части военного искусства также зависит от уровня развития производительных сил, от экономики и от особенностей общественного строя. Однако тактика осады и обороны укрепленных пунктов и ее обусловленность развитием техники и социальных отношений в целом специально в данной работе не рассматривается. Вопросы тактики осады и обороны затрагиваются лишь настолько, насколько это необходимо для понимания сущности и назначения оборонительных сооружений.

Задача настоящих «Очерков», таким образом, заключается прежде всего в том, чтобы в результате изучения группы памятников русского военного зодчества X—XIII вв.

попытаться дать, хотя бы в самых общих чертах, картину развития типов и конструкций этих сооружений, а также выяснить основные принципы их боевого применения.

---

[1]Ф. Меринг. Очерки по истории войн и военного искусства. М., 1940, стр. 59. О зависимости военного искусства от экономического строя общества см. также: Г. Федоров. Происхождение и сущность войн. Сб. «Марксизм-ленинизм о войне, армии и военной науке», М., 1955, стр. 31; О. Закржевский. Влияние развития средств борьбы на военное искусство. Там же, стр. 186.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ВОЕННО-ИНЖЕНЕРНОГО ИСКУССТВА

I. ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ТРУДЫ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ВОЕННО-ИНЖЕНЕРНОГО ИСКУССТВА

1

Более ста лет тому назад «кондукторской роты Главного инженерного училища капитан» А. Савельев опубликовал свою работу «Материалы к истории инженерного искусства в России». Во введении к этой работе он писал: «Главною целию наших исследований было намерение собрать об этом предмете по возможности все сведения и представить их в виде материалов для будущего историка инженерного искусства в России». [1]

Попытки сведения воедино исторических данных о древнерусских крепостях предпринимались и до А. Савельева, например в работах А. Глаголева, Лутковского и др. [2] Однако работа А. Савельева была все же, несмотря на ее краткость, по существу первым опытом систематического изложения основных особенностей развития оборонительных сооружений на Руси с древнейших времен до начала XVIII в.

Через несколько лет после работы А. Савельева вышла в свет первая часть «Материалов для истории инженерного искусства в России» Ф. Ласковского. [3] Ф. Ласковский, подобно А. Савельеву, прекрасно понимал, что по состоянию изученности источников он не сможет изложить историю русского военно-инженерного искусства, почему он и назвал свою работу лишь «Материалами для истории... ». Во введении Ф. Ласковский писал: «Утешаюсь мыслию, что он (*т. е. этот* труд, — *П. Р.)* положит собою начало историческому изучению инженерной части в России и вызовет другие полнейшие и обширнейшие исследования».

Работа Ф. Ласковского явилась завершением определенного этапа изучения русских крепостей, этапа, связанного с мобилизацией письменных источников и осмыслением данных русских летописей. Знание самих сохранившихся памятников русского оборонительного зодчества было еще крайне поверхностным. Для допетровского периода русской истории Ф. Ласковский привлекает к изучению реально существующие памятники лишь самого конца этого периода — XVI—XVII вв.; касаясь памятников более раннего времени, он опирается исключительно на данные летописей. Естественно поэтому, что в первой части «Материалов» Ф. Ласковский рассматривает главным образом сооружения времени Московской Руси, более ранние же крепости конкретно им

[1]А. Савельев. Материалы к истории инженерного искусства в России. СПб., 1853, стр. 2.
[2]А. Глаголев. Краткое обозрение древних русских зданий и других отечественных памятников, ч. I, тетр. 1. СПб., 1838. — Лутковский. Исторический обзор построения в России крепостей и укреплений с древних времен до 1800 г. Инженерные записки, ч. 24, № 6, СПб., 1841. — Археологические сведения о старинных русских крепостях и укреплениях, их строителях и проч. Русск. инвалид, 1845, №№ 2—24.
[3]Ф. Ласковский. Материалы для истории инженерного искусства в России, ч. I. СПб., 1858.

вообще не исследуются и по ним высказываются лишь самые общие, к тому же беглые соображения.

Однако письменные источники были использованы Ф. Ласковским с большой полнотой и для своего времени на высоком научном уровне. Именно поэтому работа Ф. Ласковского в течение многих лет оставалась наиболее авторитетным трудом по истории древнерусского военно-инженерного искусства. Более поздние сочинения, в частности «История крепости в России» Л. Фримана, по существу лишь повторяли положения, высказанные Ф. Ласковским. [1]

Как в трудах А. Савельева и Ф. Ласковского, так и в работе Л. Фримана рассматриваются не только сами оборонительные сооружения, но и вопросы инженерной тактики, вопросы обороны и штурма крепостей. Касались этих вопросов и авторы сочинений, посвященных общим проблемам русской военной истории. Так, еще Н. Голицын в своей «Русской военной истории» останавливался на вопросах тактики обороны, хотя и очень бегло, без доказательств и не разделяя хронологически период X—XIII вв. от более позднего времени. [2]

В дальнейшем положения, высказанные Н. Голицыным, почти буквально повторялись во всех сочинениях по русской военной истории, так же как положения Ф. Ласковского во всех работах по истории русского военно-инженерного искусства. Таково, например, краткое изложение тактики штурма и обороны городов у А. Панова, *А. Г. Елчанинова* и многих других. [3]

Это повторение выводов, изложенных в основном еще в середине XIX в., объясняется прежде всего тем, что сами памятники древнейшего периода продолжали оставаться в сущности не только неисследованными, но и вообще оказывались вне поля зрения военных историков. Правда, еще Ф. Ласковский среди древних русских городов выделил группу «городов малых размеров, построенных более с оборонительной целью», [4] и отметил, что остатки этих городов сохранились в виде городищ. Таким образом, Ф. Ласковский вплотную подошел к использованию наиболее важного из всех источников по истории домонгольских оборонительных сооружений — сохранившихся доныне городищ. Однако, ссылаясь на то, что «наши археологи не совершенно согласны касательно значения слова городище», Ф. Ласковский высказал убеждение, «что значение старинных городищ останется навеки не вполне разъясненным». [5]

Между тем, почти все без исключения древнерусские оборонительные сооружения X—XIII вв. сохранились до наших дней именно в виде городищ, и только конкретное

археологическое изучение городищ и могло дать материал для дальнейшего изучения истории русского военно-инженерного искусства того времени.

2

Одним из первых начал заниматься изучением древнерусских городищ *З. Д. Ходаковский*. Правда, к изучению городищ Ходаковский подошел с чрезвычайно своеобразной и предвзятой точки зрения. В В 1819 г. и «Вестнике Европы» он поместил статью, в которой утверждал, что городища не следует считать древними оборонитель-

---

[1]Л. Фриман. История крепости в России, ч. I. Спб., 1895. В работе Ц. Кюи, сделавшего попытку дать периодизацию истории фортификации в связи с изменением оружия и в особенности «вместе с усовершенствованием артиллерии», наиболее ранний период почти совершенно не затрагивается (Ц. Кюи. Краткий исторический очерк долговременной фортификации. СПб., 1897). Очень коротко выводы Ф. Ласковского повторяются в общих курсах фортификации, например: Ф. Ласковский и Н. Болдырев. Курс фортификации, ч. I. СПб., 1864 и др.

[2]*Н. С. Голицын*. Русская военная история, ч. I. СПб., 1877, стр. 43, 44.

[3]А. Баиов. Курс истории русского военного искусства, вып. 1. СПб., 1909, стр. 8. — *А. Г. Елчанинов*. Очерк истории военного искусства в России до Петра Великого. Сб. «История русской армии и флота», *вып.* 1, М., 1911, стр. 13. — Сб. «Русская военная сила», под ре*д. А. Н*. Петрова, М., 1897, стр. 68—69.

[4]Ф. Ласковский. Материалы для истории инженерного искусства в России, ч. 1, стр. 62.

[5]Там же, прим. на стр. 62 и 63. Трудно объяснить, какими мотивами руководствуются те авторы, которые называют городищами поселения, предшествующие городам и относящиеся ко времени первобытно-общинного строя. См., например: *К. А. Софроненко*. Общественно-политический строй Галицко-Волынской Руси XI—XIII вв. М., 1955, стр. 16—18. Замечательно, что В. Татищев еще в XVIII в. дал следующее, совершенно правильное определение городища: «Городище, называется место, где прежде бывал город и опустошен» (*В. Н. Татищев*. Лексикон российской, ч. 2. СПб., 1793, стр. 64).

ными сооружениями — «старинными военными крепостями, замками и окопами», так как последние городищами не назывались. Ходаковский писал о городищах: «Я по крайней мере надеюсь доказать... что сии городища были святыми оградами или приходскими местами, где свадьбы и другие обряды языческие совершались». [1] Основным доказательством этого положения Ходаковский считал то, что все городища имеют якобы одинаковый тип.

В 1820 г. в журнале «Сын отечества» Ходаковский вновь писал: «Все пространство земли от Уральских гор и Камы, на запад до Лабы и Герцынских лесов, от северной Двины, на юг до Балканских гор и Адриатического моря, наполнено насыпями городищными, которые ограждали некогда посвященные многобожию места». [2] В результате совершенного им путешествия Ходаковский еще более утвердился в своем первоначальном мнении о назначении древних городищ. [3]

Выводы Ходаковского, по-видимому, в значительной степени строились на материале его же собственной фантазии, так как большинство его доказательств однотипности городищ совершенно не соответствует действительности. Замечание же его о густоте

расположения и очень малом размере городищ, очевидно, вызвано тем, что наряду с древнерусскими он видел также городища дьякова типа, которые обычно расположены «кустами», действительно довольно близко одно от другого.

Против теории Ходаковского сейчас же выступил К. Калайдович, исследовавший городища Рязанской губернии. Он писал: «Решительно утверждаю, что большую часть оных (*т. е. городищ*, — П. *Р.*) составляют ограждения городов, селений и крепостей». [4] То же самое несколько позднее доказывал и И. Данилович, объяснявший городища как оборонительные сооружения, но не обитаемые, а лишь обновляемые и используемые во время войны. [5] На основании изучения городищ Харьковского, Валковского и Полтавского уездов ту же точку зрения поддерживал и В. Пассек: «Хотите ли познакомиться с военным бытом переселившихся племен? — Перед Вами городища с их отличительным устройством и расположением». [6]

К теории Ходаковского присоединился лишь один М. Погодин, который в своих работах излагал эту, по его словам, «остроумную, а может быть, в известной степени и истинную систему». [7] Кроме того, в редакционном примечании к статье Пассека Погодин отметил, что тот еще не доказал своей правоты. [8]

Компромиссное решение вопроса предложил Д. Корсаков, считавший, что городища могли иметь различные назначения — и как места поклонения богам, и как поселения, группирующиеся вокруг этих мест культа, и, наконец, как настоящие города, построенные князьями. [9]

Остальные исследователи городищ, как правило, решительно возражали против «системы» Ходаковского, считая городища остатками древних укрепленных пунктов. Так, например, А. Уваров, производивший раскопки в мерянской земле, писал: «Мы полагаем, что городища, о прямом значении которых доселе ничего неизвестно, занимая центральное положение и, вероятно, самое лучшее возвышенное место... служили укрепленным местом для самых жилищ обитателей». [10]

Не может быть сомнений в том, что решение отдельными исследователями вопроса о первоначальном назначении городищ следует связывать с общетеоретическими уста-

---

[1] З. Д. Ходаковский. Разыскания касательно русской истории. Вестн. Европы, 1819, октябрь, № 20, стр. 280.

[2] З. Д. Ходаковский. Проект ученого путешествия по России. Сын отечества, XXXIII, 1820, стр. 296.

[3] Путевые записки Ходаковского. ЖМНП, ч. 20, № 12, СПб., 1838, стр. 488, прим.

[4] Письма К. Калайдовича об археологических исследованиях в Рязанской губернии. М., 1823, стр. 62.

[5] Исторический взгляд на древнее образование славянских и преимущественно польских городов до XIII ст. Русск. историч. сб., М., 1841, т. 4, кн. 2—3, стр. 178 (статья анонимна). О том, что автор ее — И. Данилович, см.: *Д. Я. Самоквасов*. Древние города России. СПб., 1873, стр. 95.

[6] В. Пассек. Курганы и городища Харьковского, Валковского и Полтавского уездов. Русск. историч. сб., М., 1839, т. 3, кн. 2, стр. 203.

[7] М. Погодин. Исследования, замечания и лекции, т. 2. М., 1846, стр. 400.

[8] Русск. историч. сб., М., 1839, т. 3, кн. 2, прим. на стр. 220.

[9] Д. Корсаков. Меря и Ростовское княжество. Казань, 1872, стр. 59.

[10] *А. С. Уваров*. Меряне и их быт по курганным раскопкам. М., 1872, стр. 94.

новками этих исследователей. В частности, любопытно сопоставление этого вопроса с отношением данных историков к «норманской проблеме». Ходаковскому, связанному своими взглядами со Шлецером, казалось невероятным, чтобы славяне еще до «призвания варягов» могли иметь в большом количестве укрепленные поселения. Изучение самих городищ не оставляло никаких сомнений в том, что это оборонительные сооружения, и все же ярый норманист М. Погодин присоединился к Ходаковскому.

Несколько иную позицию в этом отношении занял И. Срезневский, который, критикуя Ходаковского и обвиняя его в «излишней смелости» и поспешности выводов, сам в то же время соглашался с ним в основных положениях. [1] В своей статье «О городищах в землях славянских» П. Срезневский попытался дать типологическую классификацию городищ, разделив их на одновальные и многовальные и анализируя различные по форме образцы обоих этих типов. [2] Однако именно в этой статье легко обнаруживается основная ошибка И. Срезневского. Дело в том, что значительная часть рассматриваемых им городищ (в особенности относимых им к многовальному типу) в действительности является не городищами, а так называемыми майданами. Рисунки заглавных букв своей статьи И. Срезневский скомбинировал из планов исследованных им городищ, и планы эти в большинстве также относятся не к городищам, а к майданам. [3] Очевидно, именно смешение майданов с городищами и привело И. Срезневского к выводу о культовом назначении городищ и их невоенном характере.

Между тем, уже за два года до этой статьи И. Срезневского была опубликована сводная работа И. Фундуклея «Обозрение могил, валов и городищ Киевской губернии», где в тексте, составленном Грабовским, майданы достаточно четко отделялись от собственно городищ. [4] Ссылаясь на консультацию военных специалистов, Грабовский приводил доказательства того, что майданы в отличие от городищ не могли быть военными сооружениями.

Вопрос о первоначальном назначении майданов вызвал в научной литературе ожесточенную полемику и самые противоречивые толкования. Майданы пытались объяснить и как места людоедских пиршеств «андрофагов», и как «сторожевые и наблюдательные крепости» запорожских казаков, и как «скифские религиозные станицы», и т. д. [5]

Только в 1904 *г. В. А*. Городцов смог, наконец, решить загадку майданов. Отметив, что майданные насыпи находятся главным образом на территории южной России и «группируются всегда наряду с обыкновенными курганами», Городцов обратил внимание на то, что народное название большинства майданов - «раскопанная» или «робленая могила». Далее Городцов приводил убедительные доказательства того, что майданы действительно являются раскопанными древними могилами курганного типа. [6] Через два года после Городцова к вопросу о майданах обратился А. Спицын. Приведя ряд данных, подтверждающих предположение Городцова, Спицын отметил: «Наблюдения Городцова столь решительны, что теперь исследователей могут занимать лишь вопросы: когда, кому и для какой цели понадобилась переделка огромных кур-

---

[1] И. Срезневский. Святилища и обряды языческого богослужения древних славян. Харьков, 1846, стр. 35.

[2]И. Срезневский. О городищах в землях славянских. Зап. Одесск. общ. истории и древностей, т. 2, отд. 2, Одесса, 1850.
[3]Майданы — «кольцевидные земляные насыпи, внутри которых имеется углубление или впадина, а снаружи идет один или несколько добавочных валов, расположенных радиально, что придает наиболее сложным из них вид паука или краба» (определение В. Городцова: Древности, т. 20, вып. 2, М., 1904, стр. 29).
[4]И. Фундуклей. Обозрение могил, валов и городищ Киевской губернии. Киев, 1848, стр. 94 и 114.
[5]См., например: Н. Бублиев. Укрепления запорожских казаков в гор. Александрии и Александрийском уезде. Зап. Одесск. общ. истории и древностей, т. 2, отд. 3, Одесса, 1850, стр. 826—829; А. Подберезский. О курганах обрядовых в южной России. Там же, т. 7, 1868, стр. 262.
[6]*В. А. Городцов*. Майданы. Древности, т. 20, вып. 2, М., 1904, стр. 29. Любопытно, что, хотя в работе И. Фундуклея майданы объясняются как места людоедских пиршеств, во введении к этому труду майданы отнесены в разряд «раскопанных могил» (И. Фундуклей, ук. соч., стр. V). На обсуждении доклада В. Городцова в Московском археологическом обществе с подтверждением мнения Городцова выступил также Л. Падалка (см.: Археологическая летопись южной России, Киев, 1904, № 4—5, стр. 128-135).

ганов под майданы?». [1] И далее, ссылаясь на многочисленные русские и польские письменные источники XVI—XVII вв., Спицын пришел к решительному выводу, что форма майданов объясняется исключительно технологическим процессом добывания и вывоза земли для селитренного варения, для которого и были в течение XVI—XVII вв. разрыты многочисленные древние курганы.

Доказательства Городцова и Спицына были настолько убедительны, что вопрос о майданах этими работами был окончательно решен. [2]

Но если вопрос о назначении майданов дискутировался в течение всей второй половины XIX в. и был окончательно решен лишь в начале XX в., то уже само обсуждение этого неясного вопроса позволило достаточно четко отделить майданы от настоящих городищ. В изучении же этих последних вопрос встал уже не об их назначении, а об исследовании и классификации. Первая серьезная работа такого характера принадлежит перу Д. Самоквасова. В сочинении «Древние города России» Д. Самоквасов дал исторический обзор вопроса о назначении городищ и суммировал доказательства того, что городища — это остатки древних городов, древних укреплений. [3] Далее Самоквасов разделил все городища на два основных типа — «городища с кругообразными очертаниями», относящиеся ко времени до введения огнестрельного оружия, и «городища с правильными угловатыми очертаниями», относящиеся ко времени господства огнестрельного оружия. [4]

Несмотря на всю примитивность этого деления, сам принцип, введенный впервые Д. Самоквасовым, несомненно сыграл большую положительную роль в дальнейшем изучении древнерусских городищ. Связь формы городищ с тактическими и военно-техническими требованиями определенного времени помогла не только подойти (хотя бы и очень приблизительно) к датировке городищ, но и ввела эти городища в конкретную историческую обстановку.

Вскоре после Д. Самоквасова *В. Б. Антонович*, проделавший большую работу по конкретному исследованию различных городищ, вновь попытался классифицировать городища по их форме. [5] В. Антонович разделил городища на следующие типы: 1) древнейший тип — майданы; Антонович отмечал, что все предположения о назначении и датировке их пока не были основаны на чем-нибудь положительном; 2) второй тип — «циркулярные городища», круглой или овальной формы; «их можно считать первоначальными славянскими городищами»; 3) городища княжеские (до середины XIII в.), находятся на возвышенности над рекой и имеют неправильный контур; от материка отрезаны валом и рвом; 4) городища «литовского времени» (XV—XVI вв.), стороны выровнены, по углам круглые выступы — рондели;

---

[1]*А. А. Спицын*. Майданы. ЗОРСА, т. VIII, вып. 1, СПб., 1906, стр. 1.

[2]Подробную и очень убедительную сводку этих доказательств дал О. Федоровский в работе «Майдани Харьківщини та майданові теорії» (Зап. всеукраїнськ. археологичн. комітету, т. I, Київ, 1931). Правда, В. Ляскоронский даже и 1911 г. продолжал считать майданы «остатками древних сооружений, восходящих к доисторическим временам», а К. Мельник-Антонович писала, что «обе догадки (Городцова и Спицына, — *П. Р.) п*о многим причинам не выдерживают научной критики». Однако все возражения против доказательств Городцова и Спицына не смогли поколебать неопровержимости этих доказательств. См.: *В. Г. Ляскоронский*. Городища, курганы, майданы и длинные (змиевые) валы в области Днепровского Левобережья. Тр. XIV АС, т. III, М., 1911, стр. 66; К. Мельник-Антонович. Майданові городища на Україні. Зап. Українськ. науков. товариства в Київі, кн. 3, Київ, 1909, стр. 82.

[3]*Д. Я. Самоквасов*. Древние города России. СПб., 1873.

[4]Те же принципы изложены Д. Самоквасовым и в другой работе — «Древние земляные насыпи и их значение для науки» (Древняя и Новая Россия, СПб., 1876, № 3, стр. 268—272). С возражениями Д. Самоквасову выступил Д. Багалей, который считал, что «при данном состоянии археологических изысканий определить происхождение и назначение городища по его структуре представляется делом почти невозможным» (Д. Багалей. История Северской земли до половины XIV ст. Киев, 1882, стр. 61).

[5]Н. Беляшевский. Археологический съезд в Риге (изложение доклада Антоновича). Киевск. старина, 1896, октябрь стр. 81. — В. Антонович. Попытка группировки городищ по их культурам в бассейне Днепра. Тр. X АС, т. III, М., 1900, стр. 104. Любопытно, что В. Антонович, все построения которого представляют собой логическое продолжение идеи Д. Самоквасова, считал, однако, работу И. Срезневского более серьезной, чем работу Д. Самоквасова. См. отчет о реферате В. Антоновича: Киевск. старина, 1888, май, стр. 56.

5) городища позже конца XVI в. прямолинейные с бастионами.

Необходимо отметить, что В. Антонович не считал возможным определять время построения городищ только по их форме. Для датировки городища В. Антонович предлагал: а) выяснить план городища и собрать письменные источники; б) если древних письменных сведений нет, раскопать связанные с данным городищем курганы и собрать археологические находки на самом городище. [1]

Кроме того, В. Антонович отмечал, что могут существовать и многослойные городища, бытовавшие в течение длительного времени и поэтому относящиеся к нескольким

периодам. Любопытно, что о таком средстве датировки, как раскопка самих городищ, В. Антонович даже не упоминал. Это совершенно верно отметил (в замечаниях по докладу Антоновича) В. Сизов, выступавший в защиту раскопок городищ «хотя бы в виде пробных траншей». [2]

Классификацию городищ Волынской земли предложил также А. Андрияшев, считавший, что «при определении эпохи, к которой относится данное городище, форма представляет единственный достоверный признак». [3] Древнерусские городища А. Андрияшев делил следующим образом: 1) городища дохристианского времени; это городища круглые или эллиптические, с двумя противоположными входами; 2) городища княжеского периода — детинец на выступе нагорного берега реки, с 3 сторон окружен рекой и притоком ее, а с 4-й стороны — глубокими рвами и высокими валами; 3) городища, построенные после появления огнестрельной техники; они имеют правильную геометрическую форму, чаще всего прямоугольную; начиная с середины XVII в. на углах укреплений располагаются бастионы.

К выводу о правильности классификации Д. Самоквасова на материале городищ Полтавской губернии пришел Л. Падалка, хотя он и отмечал, что ряд городищ под эту классификацию не подходит. [4] Близкую по основным принципам классификацию дал и В. Ляскоронский на материале памятников Днепровского Левобережья. [5] Городищами древних славян он считал круглые болотные городища; в отличие от них городища так называемого великокняжеского времени, по его мнению, располагались на мысу или холме и имели валы по контуру возвышенности. Кроме того, В. Ляскоронский отметил еще нагорные городища (круглые и концентрические городища сложной формы), которым он не дал определенной датировки.

Сравнение типологических классификаций, предложенных Д. Самоквасовым, В. Антоновичем, Л. Падалкой, А. Андрияшевым и В. Ляскоронским, показывает, что некоторые типы городищ всеми этими авторами описаны почти совершенно одинаково. Так, все исследователи более или менее сходно описывали городища великокняжеского периода — это городища, расположенные на высоком мысу, образованном слиянием двух рек или соединением двух оврагов. С напольной стороны такие городища отделены от плато валом и рвом, а иногда и несколькими рядами валов. По периметру вокруг всего городища соответственно естественным линиям обрывов также часто проходит вал. Приводимые авторами многочисленные примеры подобных городищ явно относятся к эпохе Киевской Руси, а многие из них даже удается связать с определенными, упоминаемыми в летописи городами. Все это делает вполне убедительным вывод, к которому пришли упомянутые исследователи, о том, что городища подобного типа являются остатками русских городов X—XIII вв.

Но, по-видимому, кроме городищ, расположенных на мысах, к тому же периоду относятся и некоторые другие городища, не подходящие под классификацию Д. Самоквасова, В. Антоновича и других перечислен-

---

[1] *В. Б. Антонович*. О городищах до-княжеского и удельно-вечевого периода, находящихся в западной части древней Киевской земли. Чтения в Историч. общ. Нестора летописца, кн. 3, Киев, 1889, стр. 11—12.

[2] Киевск. старина, 1896, октябрь, стр. 34.

[3] *А. М. Андрияшев*. Очерк истории Волынской земли до конца XIV ст. Киев, 1887, стр. 52.

[4] Л. Падалка. О древних городках, городищах и насыпных валах на территории нынешней Полтавской губернии. Труды Полтавск. учен. архивн. комисс., вып. 1, Полтава, 1905, стр. 160—161.

[5]*В. Г. Ляскоронский*. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы, находящиеся в бассейне р. Сулы. Тр. XI АС, т. I, М., 1901, стр. 404—431.

ных авторов. Так, например, даже сам В. Антонович приводил в качестве примеров несколько городищ, расположенных на равнине, но относящихся, судя по находкам, к тому же времени, к X—XIII вв.

Совпадают выводы перечисленных исследователей и относительно формы поздних городищ, построенных уже в период господства огнестрельного оружия, — это городища правильной геометрической формы, с прямыми участками валов между расположенными на углах ронделями или, позднее, бастионами.

Что же касается других типов городищ, то здесь не было такого единогласия в определении времени их сооружения, хотя, в частности, круглые городища большинство исследователей относило к древнейшему периоду истории славян.

Таким образом, работами русских исследователей второй половины XIX — начала XX в. была выработана принципиально совершенно правильная система классификации городищ по их форме, *т. е. по* их военно-тактической организации. Бесспорна и мысль о том, что система обороны укрепленных поселений, а следовательно, и план укреплений в различные исторические периоды отвечает определенному тактическому принципу и поэтому имеет в каждый период свои особенности. Классификация городищ согласно этому принципу — крупная заслуга русских ученых и в первую очередь *Д. Я. Самоквасова*.

Однако очень серьезным недостатком данной системы было то, что она не была проверена или подтверждена исследованием самих городищ и в первую очередь археологическими раскопками. В связи с этим многие положения данной классификации оказались чересчур схематичными, а некоторые и прямо ошибочными. Кроме того, некоторые городища были созданы как укрепленные пункты в одну эпоху, а затем был обитаемы и использовались гораздо позже уже в совершенно иных условиях. Оборонительная система городищ в таких случаях обычно переделывалась, приспособлялась к новым условиям, что крайне затрудняет выяснение особенностей этой оборонительной системы для каждого определенного исторического периода. Это совершенно верно отметил еще П. Голубовский, писавший о трудности определения времени сооружения городищ по их форме, так как городища при использовании их позже переделывались «согласно требованиям нового оружия, тактике новых врагов». [1]

Для выяснения особенностей русских оборонительных сооружений в различные периоды их существования необходимо было детально и совершенно конкретно изучить достаточное количество памятников русского военного зодчества и выяснить их общие, типичные (для определенного периода) черты. Только обладая таким проверенным материалом, можно делать обобщения и создавать классификацию городищ, а затем уже на этой основе попытаться выяснить и историю развития русских оборонительных сооружений,

II. РАБОТЫ СОВЕТСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ПО ИЗУЧЕНИЮ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ X-XIII вв.

Конкретное археологическое изучение городищ было начато в основном уже после Великой Октябрьской социалистической революции. При этом необходимо подчеркнуть, что переход к раскопке городищ именно в это время — не случайное хронологическое совпадение.

Отсутствие интереса к археологическому изучению древних населенных мест — типичная черта буржуазной археологии вообще и русской дореволюционной археологии в частности. Погоня за ярким материалом, непонимание роли материального производства и труда в истории общества определили то положение, что русские дореволюционные ученые обращали свое внимание в первую очередь на могильники и курганы. Культовыми представлениями древних интересовались больше, чем их реальной жизнью. Внимание археологов привлекали к себе лишь отдельные города, которые были связаны с наиболее яркими находками.

Правда, некоторые исследователи отмечали большое значение раскопок городищ для изучения древнерусских оборонительных сооружений. Так, Д. Самоквасов писал, что «только систематическими раскопками городищ можно получить фактический материал для научного познания архитектуры

---

[1]П. Голубовский. Печенеги, торки и половцы. Киев, 1884, стр. 89.

древнейших городских укреплений, служивших древнему русскому народонаселению средством общественной самообороны». [1] Имели место в дореволюционное время и отдельные примеры раскопок городищ. Так, В. Хвойка в 1909—1910 гг. проделал большую работу по исследованию городища в с. Белгородке (древнего Белгорода) и даже изучил оборонительные конструкции в валах этого городища. Однако именно то, что валы Белгородки были в течение долгого времени единственным оборонительным сооружением древней Руси, достаточно детально исследованным, привело к совершенно неправильной оценке этого памятника. Конструкция валов Белгородки стала приводиться в качестве примера типичной системы домонгольских городских укреплений, между тем как в действительности эта конструкция является типичной лишь для очень короткого отрезка времени — только для конца X в.

При этом, если раньше, еще со времени Д. Самоквасова, большинство русских историков в изучении городищ и стояло в общем на правильных позициях, связывая оборонительную систему, вернее форму городищ, с уровнем военных знаний, военной техники определенного времени, то вопрос о социальной природе древнерусских городищ по существу даже не ставился. *Город* рассматривался как понятие в первую очередь юридическое и административное. Между тем, только правильное понимание общественного назначения каждого отдельного укрепленного пункта дает возможность верно оценить и его оборонительную систему. [2] Оборонительные сооружения города и замка — явления не тождественные и не могут рассматриваться совершенно одинаково, даже если в обоих этих случаях применены одни и те же военно-инженерные конструкции.

Далее, русская дореволюционная наука рассматривала все русские городища X— XIII вв. как нечто хронологически единое, между тем как в настоящее время внутри этого периода мы проводим достаточно четкие хронологические деления, отвечающие исторической периодизации, изменениям социально-экономической структуры общества. Система обороны, как всей земли или отдельных княжеств, так и городов, рассматривается теперь в ее развитии даже в пределах X—XIII вв. [3]

Наконец, третьей существенной новой чертой в изучении оборонительных сооружений древней Руси является то, что эти сооружения изучаются теперь не в узких рамках одной губернии или области (что было особенно характерно, например, для работ украинского буржуазного националиста *В. Б. Антоновича*), а на всей территории древней Руси. Благодаря такой широкой постановке вопроса при дальнейшем изучении удастся, несомненно, определить не только общие черты древнерусских оборонительных сооружений, но и специфику сооружении различных районов древней Руси, а также уяснить их соотношение и взаимосвязь с оборонительными сооружениями соседних стран.

Таким образом, совершенно иной, чем в дореволюционной исторической науке, методологический подход позволил советским историкам совершенно по-иному подойти и к изучению оборонительных сооружений.

Работа, проделанная советскими исследователями в области археологического изучения городищ, дала огромное количество нового материала, характеризующего конструкции оборонительных сооружений и их планировку. Сплошное обследование городищ на территории целых районов позволило впервые установить такую хронологическую классификацию городищ, которая полностью подтверждается фактическим материалом. Большое значение в этом отношении имеет работа, проведенная белорусскими археологами на территории БССР и Смоленской об-

---

[1] *Д. Я. Самоквасов*. План археологических работ. Труды Московск. предварит. комитета XIV АС, вып. 1, М., 1906, стр. 12. Отдельные голоса в защиту археологического изучения городищ раздавались, начиная с середины XIX в. См., например, статью И. Сахарова «Обозрение русской археологии» (ЗОРСА, т. I. СПб., 1851, стр. 12).

[2] Интересные соображения о социальной природе городищ Восточной Европы имеются, например, в статье *С. В. Киселева* «Поселение» (Труды секции теории и методологии РАНИОН, т. 2, М., 1928).

[3] Характерными примерами могут служить следующие работы: для отдельного города — Н. Воронин. Социальная топография Владимира XII—XIII вв. СА, VIII, 1946; для всей военной системы - *И. У. Будовниц*. Владимир Мономах и его военная доктрина. ИЗ, вып. 22, 1947.

ласти. [1] Но наибольшее количество проверенного материала по типологии древнерусских городищ дали работы Днепровской левобережной экспедиции Института истории материальной культуры АН СССР. Руководившему этой экспедицией *И. И. Ляпушкину* на основании обследования нескольких сотен городищ удалось окончательно установить правильное соотношение различных типов планировки городищ с временем их возникновения. На Днепровском Левобережье *И. И. Ляпушкин* выявил следующие типы планировки древнерусских городищ: 1) городища VIII—X вв., расположенные на мысах и

защищенные валом и рвом с напольной стороны, а также болотные островные городища; 2) городища XI—XIII вв. с планировкой, аналогичной планировке городищ VIII— X вв.; 3) городища XII—XIII вв., имеющие правильную круглую форму; 4) сложные городища с несколькими линиями валов, оказавшиеся городищами скифского времени, на которых позднее, в VIII— XIII вв., были расположены славянские укрепленные поселения, относящиеся к простому мысовому типу.

Тем самым в работе *И. И. Ляпушкина* было завершено создание той хронологической классификации древнерусских городищ, первые наметки которой были сделаны еще Д. Самоквасовым. [2]

О широком размахе, который приобрели археологические работы на городищах, можно судить хотя бы по тому, что на ряде древнерусских городищ были раскопаны очень значительные площади, а в одном случае городище было вскрыто даже целиком (Райковецкое городище). [3] Параллельно с исследованием площадки городища зачастую проводилось также изучение конструкции их оборонительных валов.

К сожалению, результаты значительной части археологических исследований по изучению древнерусских оборонительных сооружений остаются до сих пор необобщенными. Вследствие этого многие характерные черты оборонительных сооружений X—XIII вв., уже достаточно определенно выявленные исследователями, до сих пор не получили более или менее широкой известности. Этим, по-видимому, и объясняется то явление, что в специальных трудах по истории русского военного искусства, даже в самых новых, оборонительные сооружения древнейшего периода русской истории излагаются крайне обще и поверхностно. Общий характер изложения, совершенно не учитывающего данных археологии, свидетельствует о том, что в этих работах сведения по истории военного зодчества взяты из устаревших источников.

Например, в курсе Е. Разина «История военного искусства» оборонительная система древнерусских городов описана следующим образом: «Городские укрепления состояли из наружной крепости (окольного града или острога) и внутренней цитадели (детинца или вышгорода, кремля). Кремль располагался на командующей труднодоступной высоте. Внешние и внутренние укрепления состояли из деревянных стен, с деревянными башнями, с глубоким рвом и тыном впереди. Стены (заборы) состояли из двойного ряда срубов или толстых бревен, между которыми насыпали землю и камни. Башни (вежи или стрельницы) были четырехугольными, имели бойницы и фланкировали подступы к стенам. Стены и башни иногда обкладывались дерном. Так были укреплены Киев и XII в. и Москва в XIV в. ». [4] Это описание почти буквально заимствовано из книги Н. Голицына, изданной во второй половине XIX в. и давно уже устаревшей. [5] Кроме того, в данном случае описание городских укреплений сделано было Н. Голицыным не оригинально, а полностью заимствовано из сочинения Г. Успенского, где

---

[1] См., например: *А. Н. Лявданский*. Смоленские городища; Працы, т. I; Працы, т. II; Працы, т. III, и др.

[2] Хронологическая классификация городищ, данная в настоящей работе, в основном построена на классификации *И. И. Ляпушкина*, которая в наиболее полном виде изложена в неопубликованных отчетах [*И. И. Ляпушкин*. 1) Отчет об экспедиции 1947 г.; 2) Отчет об экспедиции 1948 г.]. Приношу искреннюю признательность *И. И. Ляпушкину* за разрешение пользоваться этим неопубликованным материалом.

[3] *В. К. Гончаров*. Райковецкое городище. Киев, 1950. См. также обзор *Н. Н. Воронина* об итогах археологического изучения древнерусских городов (КСИИМК, вып. 41, 1951).

[4] Е. Разин. История военного искусства, т. 2. М., 1940, стр. 34.

[5]*Н. С. Голицын*. Русская военная история, т. I, стр. 42—43.

эти укрепления описаны следующим образом: «Укрепления сии (*т. е. городов, — П. Р.)* состояли в том, что город обносили деревянными, из толстого лесу рубленными двойными стенами, внутри коих насыпали землю и каменья... Сверх того в разных местах по стенам городским строились также высокие деревянные башни, которые, дабы предохранить их от неприятельских огней и запаления, окладены были дерном. Таким образом укреплены были в XII ст. Киев и в XIV Москва». [1] Но более того, сам Г. Успенский отмечает, что источником этого описания для него послужило сочинение М. Щербатова «История Российская». [2] Даже независимо от правильности описания укреплений, сам факт почти текстуального повторения в современной работе без критической проверки сведений, изложенных еще в в XVIII в., показывает, как мало еще в сущности известно об оборонительной системе русских городов X—XIII вв.

Точно так же в другом современном курсе военной истории И. Снежкова [3] описание оборонительной системы на границах Киевской Руси почти буквально заимствовано из дореволюционных курсов военной истории А. Елчанинова и А. Баиова. [4]

Возможность появления в настоящее время подобных работ конечно объясняется в первую очередь тем, что достижения советской археологии в части изучения древнерусских оборонительных сооружений не получили еще достаточной известности даже в кругах историков. [5]

Между тем, материал, добытый советскими археологами, дает возможность совершенно по-иному представить как типы, так и конструкции оборонительных сооружений древней Руси.

Данные раскопок позволяют уже перейти к подведению некоторых итогов и сделать попытку разобраться в том, каковы были наиболее типичные черты русских укреплений в X—XIII вв. В отношении деревянных конструкций, расположенных в земляных валах, эту попытку впервые сделал *А. Л. Монгайт* в статье «Древнерусские деревянные укрепления по раскопкам в старой Рязани». [6] При всей краткости этой статьи и неубедительности ряда ее положений, это все же первая работа, в которой серьезно, с привлечением археологического материала рассматриваются конструкции древнерусских оборонительных сооружений. [7]

В самые последние годы появились работы, пытающиеся подвести итоги нашему знанию оборонительных сооружений X— XIII вв. уже в более широком плане. Так, в работе *В. И. Довженка* «Военное дело в Киевской Руси» имеется глава, специально посвященная оборонительным сооружениям. [8] В этой главе дается сводка большого фактического материала по русским оборонительным сооружениям X—XIII вв. Материал этот изложен очень четко и систематично, хотя и без всякого критического подхода, даже в тех случаях, когда источники являются недоброкачественными. Никаких попыток обобщений в области военно-тактической организации и системы обороны в этой работе не делается.

Иной характер имеет работа *Н. Н. Воронина* — глава, посвященная оборонительным сооружениям, в «Истории культуры древней Руси». [9] Здесь, наоборот, все внимание

обращено на общие стратегические и тактические принципы обороны, способы штурма городов и их защиты. Фактические

---

[1]Г. Успенский. Опыт повествования о древностях русских, ч. I. Харьков, 1811, стр. 276.
[2]М. Щербатов. История Российская, т. 2, СПб., 1771.
[3]*И. М. Снежков*. Очерки по военной истории, вып. 7. М., 1939, стр. 20.
[4]*А. Г. Елчанинов*, ук. соч., стр. 12. — А. Баиов, ук. соч., стр. 8.
[5]Разительный пример полного игнорирования современных археологических данных представляет статья *Н. С. Державина* «Из истории древнеславянского города» (ВДИ, 1940, № 3—4).
[6]КСИИМК, вып. 17, 1947.
[7]Мы не упоминаем здесь работы *М. А. Фриде* «Русские деревянные укрепления по древним литературным источникам», так как, будучи построенной только на письменных источниках, работа эта, совершенно естественно касается главным образом сооружений более поздних — XVI—XVII вв. (Изв. РАИМК, т. 3, Л., 1924, стр. 113—143). Точно так же почти не затрагивает древнейшего периода и большая дореволюционная работа М. Красовского (М. Красовский. Курс истории русской архитектуры, ч. I. Деревянное зодчество. Пгр., 1916).
[8]*В. И. Довженок*. Військова справа в Київській Руси. Київ, 1950. Глава об оборонительных сооружениях ранее была изложена *В. И. Довженком* в отдельной статье «Будова міських укріплень в Київській Руси» (Вісн. Академії Наук УРСР, № 7, Київ, 1947).
[9]История культуры древней Руси, т. I, М. — Л., 1948.

данные по оборонительным сооружениям излагаются чрезвычайно кратко, причем почти исключительно по опубликованным источникам.

Таким образом, эти две попытки изложить систему русских оборонительных сооружений X—XIII вв., обе, каждая по-своему, подводят итоги нашему знанию добытого археологическими раскопками материала, но не являются ни в какой степени исчерпывающими и, не будучи специальными исследованиями в этой области, подходят к археологическому материалу без критической проверки.

Необходимо отметить еще одну работу -статью В. Подключникова «Стратегический фактор в общей планировке древнерусских городов». [1] Основной материал статьи — более поздний; кроме того, в ряде положений эта статья ошибочна. Однако названная работа интересна тем, что в ней впервые делается попытка выяснить значение военного фактора в планировке древнерусских городов.

В общих курсах фортификации русские оборонительные сооружения X—XIII вв. описываются чрезвычайно кратко и в основном в соответствии с выводами Ласковского. [2]

К сожалению, не получила достаточно полного освещения в работах советских исследователей и эволюция тактики обороны и осады крепостей в древней Руси. За исключением небольшой работы *М. Г. Рабиновича*, [3] эти вопросы почти совершенно не затрагиваются в сочинениях, посвященных истории древнерусского военного искусства. [4]

---

[1]Сообщ. Кабинета теории и истории архитектуры, вып. 3, М., 1943.

[2]Например: В. Яковлев. Эволюция долговременной фортификации. М., 1931.
[3]*М. Г. Рабинович*. Осадная техника на Руси в X—XV вв. Изв. АН СССР, сер. истории и философии, т. VIII, № 1, 1951; Сборник статей «Из истории русского военно-инженерного искусства» (М., 1952) в основном посвящен инженерной тактике и оборонительным сооружениям не древнее XVI в.
[4]См., например: *А. А. Строков*. 1) Военное искусство Киевской Руси. М., 1948; 2) Военное искусство Руси периода феодальной раздробленности. М., 1949; *Б. А. Рыбаков*. 1) Русское военное искусство X—XIII вв. М., 1945; 2) Боевые порядки русских войск в XI—XII вв. Уч. зап. Моск. обл. пед. инст., т. 27, М., 1954; *А. В. Арциховский*. Русское оружие. Докл. и сообщ. Ист. фак. МГУ, вып. 4, М., 1946; Сб. «Военное искусство рабовладельческого и феодального общества», изд. Военной академии им. *М. В*. Фрунзе, вып. 1, М., 1953, и др.

ПЛАНИРОВКА ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ

I. ГОРОДИЩА И ИХ ДАТИРОВКА

1

Наличие на Руси очень большого количества *городов* хорошо известно как по свидетельствам древних авторов, так и по огромному количеству сохранившихся остатков этих городов. [1]

Однако следует иметь в виду, что города, о которых идет речь, — города не в современном, а в древнерусском смысле этого слова. Мы называем теперь городом поселение, являющееся центром ремесла и торговли, самим своим существованием связанное с общественным разделением труда. Между тем, в древней Руси термин *город* имел совершенно иное значение. Прежде всего он был менее определенным, обозначая как населенный и административный пункт, так и укрепленный пункт, крепость. Чаще всего этот термин был связан именно с военными особенностями поселения, а не с его социальным содержанием, так как под термином город прежде всего понималось укрепленное поселение, а также оборонительные стены и система укреплений. [2] Характерным примером может служить относящееся к XII в. описание путешествия игумена Даниила, где про один из укрепленных монастырей сказано, что «монастырь тот городом оделан весь». [3] Употреблялся этот термин и в переносном смысле, обозначая вообще защиту, оплот. [4]

Письменные источники совершенно недвусмысленно свидетельствуют, что основным типом русских оборонительных сооружений древнейшего периода являлись укрепленные поселения — *города.* Изучение сохранившихся городищ, представляющих собой остатки этих древнерусских *городов,* и является, в сочетании с письменными источниками, единственным средством исследования планировки и конструкций оборонительных сооружении древней Руси до XIII в. [5]

---

[1]Скандинавы даже называли Русь «Гардарики» — т. е. «страна городов». Однако происхождение и значение этого слова еще недостаточно ясно; см., например, примечание С. Сабинина к переводу саги об Олаве (Русск. историч. сб., издаваемый Общ. истории и древн. российских, т. IV, кн. 1, М., 1840, стр. 108). Следует отметить, что в

древних скандинавских языках слово garđr обозначает не город, а забор, ограду, место, обнесенное оградой, хутор, двор и т. д. (см., например: Sveinbjörn Egilsson. Lexicon poeticum antiquae linguae septentrionalis. København, 1931, стр. 173, а также: H. S. Falk und A. Torp. Norwegisch—Dänisches etymologisches Wörterbuch, I. Heidelberg, 1910, стр. 292). Выражаю искреннюю признательность *И. М. Дьяконову* за сделанные им по этому поводу указания.

[2]На целом ряде примеров это убедительно показано, например, в работе *М. А. Фриде* «Русские деревянные укрепления по древним литературным источникам» (Изв. РАИМК, т. 3, Л., 1924, стр. 117).

[3]Путешествие игумена Даниила. Под ре*д. А. С*. Норова, СПб., 1864, стр. 57. Иногда термин *город* применялся и к укреплениям легкого, полевого типа. Ввиду того, что социальное содержание многих укрепленных поселений древней Руси, называемых в летописях *городами,* до настоящего времени еще не ясно, в данной работе для удобства изложения в некоторых случаях древнерусские укрепленные пункты также условно называются городами, без расшифровки этого понятия.

[4]Так, например, берендеи говорили русским князьям. «Вы есте наш город» [Ипатьевская лет., 6680 (1172); см. то же: Лаврентьевская лет., 6677 (1169)].

[5]О значении слова *городище,* как «остатки древнего города» в различных славянских языках см., например: Wl. Kowalenko. Grody i osadnictwo grodowe Wielkopolski wczesnohistorycznej. Poznań, 1938, стр. 24.

2

Изучение путей развития планировки оборонительной системы древнерусских укреплений невозможно бел предварительной классификации городищ, являющихся остатками этих укреплений. [1]

К сожалению, изученность древнерусских городищ еще не настолько велика, чтобы иметь возможность провести эту классификацию с одинаковой полнотой для всех районов древней Руси. Между тем, при наличии одних и тех же, общих закономерностей развития системы обороны для всей Руси — для отдельных областей несомненно должны быть характерны какие-то свои, локальные варианты, выявить которые с достаточной определенностью пока не представляется возможным.

Значительные трудности, кроме того, представляет и сама хронологическая классификация городищ, так как количество городищ, на которых производились более или менее значительные раскопки, еще сравнительно невелико; поэтому и датировка подавляющего большинства памятников основана исключительно на подъемном материале. При этом предметы, дающие возможность достаточно точно датировать поселение (как, например, монеты, произведения прикладного искусства и пр.), обычно почти всюду отсутствуют, а основным материалом для датировки остается наиболее массовый археологический материал — керамика.

Между тем, современное состояние знаний в отношении древнерусской керамики таково, что ее в большинстве случаев возможно разделить лишь на две основные группы: на лепную и домонгольскую гончарную. Лепная керамика в Среднем Поднепровье относится в основном к VIII— IX вв., а во второй половине X в. уступает свое место керамике, изготовленной на ручном гончарном круге. Возможно, что в некоторых наиболее

передовых районах Киевской Руси гончарная керамика получает преобладание еще несколько раньше. Таким образом, появление древнерусской гончарной керамики можно, по-видимому, относить к концу IX — началу X в., ее преобладание начинается приблизительно с середины или второй половины X в., а для более северных и периферийных районов Руси даже с конца X в.

Сама гончарная керамика раннего периода в современной археологической литературе, как правило, определяется лишь как «керамика домонгольского времени», *т. е. с* X по XIII в. в целом. Лишь в тех немногих случаях, когда керамика, найденная на городище, была тщательно проанализирована, имеется возможность разделить ее на две группы — более раннюю (X—XI вв.) и более позднюю (XII—XIII вв.). Поэтому и древнерусские городища, за немногим исключением, датируются лишь в пределах VIII— X и X—XIII вв., причем только иногда вторая группа городищ может быть в свою очередь разделена на более ранние и более поздние городища.

Между тем, определение времени существования каждого укрепленного поселения важно как для выяснения развития форм оборонительных сооружений, так и для выяснения назначения самого поселения, что в свою очередь совершенно необходимо для определения путей развития оборонительной системы.

Так, для времени сложившегося феодализма, *т. е. начиная* с середины или второй половины XI в., можно предполагать наличие лишь двух основных типов укрепленных поселений — феодальных замков и городов, *т. е. центров* ремесла и торговли Существование укрепленных поселений свободных крестьян-общинников в это время маловероятно, поскольку свободного крестьянства, не зависящего от феодалов-землевладельцев, в это время в сколько-нибудь значительном количестве быть уже не могло. [2]

Для предшествующего периода, *т. е. для* времени раннефеодального государства, наряду с замками и городами можно предположить и наличие укрепленных поселений свободных общинников. При этом естественно, что, начиная с конца X в., в период, когда завершается сложение раннефеодального государства, количество таких поселений, видимо, уже невелико и располагаются

---

[1]В данной работе термин *планировка* понимается лишь как обозначение самой общей схемы плана оборонительной системы, без учета расположения въездов, башен и пр.
[2]О постепенном распространении феодальной дани на вею территорию древнерусского государства см., например: *А. Н. Насонов*. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, стр. 216—217.

они, вероятно, главным образом на периферии Киевской Руси, вдали от основных центров. Для более раннего времени, для IX— X вв., такие укрепленные поселения свободных общинников, наоборот, должны были составлять основную массу укрепленных поселений и лишь в наиболее передовых районах Руси можно предполагать наличие феодальных замков и городов. [1]

Наконец, для VIII—IX вв., *т. е. для* времени до сложения раннефеодального государства, все городища естественно связывать с укрепленными поселениями, представлявшими собой свободные, *т. е. не* закрепощенные, территориальные общины. [2]

Кроме этих основных типов укрепленных поселений, для времени после сложения древнерусского государства, примерно с конца X в., можно ожидать, что часть городищ окажется остатками пограничных крепостей, *т. е. укрепленных* поселений-замков, но существенно отличающихся от обычных феодальных замков, основное назначение которых не столько оборона от внешних врагов, сколько подчинение зависимого сельского населения округи.

Хронологическая классификация городищ, делящая эти памятники на две основные группы — VIII—X и X—XIII вв., построена в основном на материале, который является наиболее существенным для датировки самих городищ, *т. е. на* керамическом материале. Эта классификация не полностью совпадает с исторической периодизацией Киевской Руси. [3] Естественно, что это обстоятельство еще более затрудняет изучение городищ.

Несмотря на это, классификация древнерусских городищ, учитывающая как их тип, так. по возможности, и их назначение, дает возможность проследить пути развития приемов планировки оборонительной системы древнерусских укрепленных поселений.

II. ГОРОДИЩА VIII—X вв.

Классификация древнерусских городищ по их внешним признакам и в первую очередь по планировке их оборонительной системы показывает, что подавляющее большинство этих городищ относится к одному типу, типу мысовых городищ. К тем или иным вариантам мысового типа относится не менее трех четвертей вообще всех известных нам древнерусских городищ древнейшего периода.

Естественно, что такое преобладание одного определенного типа не могло оставаться незамеченным, и исследователи, занимавшиеся изучением древнерусских городищ, не могли не отметить этого явления. *В. Б.* Антонович, а затем *В. Г. Ляскоронский*, А. Андрияшев и другие историки и археологи отмечали, что мысовой тип городища «с кокошникоподобным валом» или с валом по периметру возвышенности является, если

---

[1] О времени появления на Руси городов см.: *Н. Н. Воронин*. К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города. КСИИМК, вып. 41, 1951, стр. 13; *М. Н. Тихомиров*. Древнерусские города. М., 1946, стр. 31; *В. А. Богусевич*. Итоги и задачи археологического изучения древнерусских городов. Докл. VI научн. конфер. Инст. археолог. АН УССР, Киев, 1953, стр. 96.

[2] Совершенно неубедительна попытка *М. Ю. Брайчевского* трактовать Роменско-Боршевские городища, *т. е. остатки* укрепленных поселений VIII—X вв., как остатки родовых поселений (*М. Ю. Брайчевский*. Об «антах» Псевдомаврикия. Сов. этнограф., 1953, № 2, стр. 30). В эпоху сложения Киевского государства сельские поселения, конечно, представляли собой уже не родовые поселки, а поселения типа территориальной общины. Однако еще менее убедительно высказанное несколько раньше тем же *М. Ю. Брайчевским* диаметрально противоположное утверждение, что все древнерусские городища являются остатками феодальных замков (*М. Ю. Брайчевский*. К происхождению древнерусских городов. КСИИМК, вып. 41, 1951, стр. 32-33). Необходимо также отметить, что резкое противопоставление в работах М. Брайчевского и некоторых других исследователей истории Днепровского Левобережья в VIII—X вв. истории Правобережья ни на чем не основано. Наличие на Днепровском Правобережье и

западнее, вплоть до Карпат, археологической культуры, чрезвычайно близкой роменско-боршевской культуре, в настоящее время уже не может вызывать сомнений. См.: *И. И. Ляпушкин*. Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XVI, 1952, стр. 38—39. Роменская культура - это, по-видимому, культура северян, а почти аналогичная боршевская культура — культура вятичей. Соответствующие более западные культуры принадлежат, очевидно, древлянам и другим летописным племенам Правобережья. Об этом см., например: *Д. Т. Березовец*. К вопросу о летописных северянах. Археологія, VIII, Київ, 1953, стр. 38.

[3]См., например: Итоги дискуссии о периодизации истории СССР. Вопр. истории, 1951, № 3, а также: *Л. В. Черепнин*. Основные этапы развития феодальной собственности на Руси. Вопр. истории. 1953, № 4.

и не единственным, то основным типом древнерусских городищ. [1]

Правда, мысовое, расположение не исключительная особенность только древнерусских городищ X—XIII вв., так как такой же мысовой тип городищ характерен и для некоторых более ранних и для более поздних исторических эпох. Поэтому одна только эта типологическая особенность еще не дает возможности определенно выделять древнерусские городища среди городищ другого времени или другой этнической принадлежности. [2]

Если мысовой тип является обычным для древнерусских городищ X—XIII вв., то еще шире он распространен среди более ранних славянских городищ. Так, городища роменско-боршевской культуры, датируемые VIII—X вв., в большинстве своем относятся именно к этому типу. [3] Расположены эти городища, как правило, на небольших мысах, вдающихся в пойму реки или в болотистую долину. От прилегающего плато мыс отрезается рвом и валом; остальные стороны площадки городища не имеют земляных укреплений, и их защитой служат крутые склоны мыса, а при болотистом окружении также и подходящие к городищу болота. Поселение располагалось обычно не только на площадке городища, но и за валом, на плато, *т. е. кроме* укрепленной части, в поселении имелась и неукрепленная часть. Очень характерным примером такого городища является известное городище Монастырище близ города Ромны Сумской области (рис. 1). Это городище представляет собой невысокий мыс (всего от 2 до 4 м над луговой поверхностью), окруженный труднопроходимым болотом. От плато мыс отделен рвом и валом. Площадка городища, имеющая яйцевидно-овальную форму, равна по длине 75 м и по ширине — до 44 м. [4]Иногда подобные городища располагаются не на низких, а, наоборот, на очень высоких мысах. Так, например, городище у с. Куземина, находящееся на мысу коренного берега р. Ворсклы, имеет высоту около 40 м над уровнем реки. От прилегающего берегового плато это городище также отделено валом и рвом. [5]

К тому же простейшему типу мысовых городищ, имеющих с напольной стороны

---

[1]См., например: *В. Б. Антонович*. О городищах до-княжеского и удельно-вечевого периода, находящихся в западной части древней Киевской земли, стр. 14—15; *В. Г. Ляскоронский*. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы, находящиеся в бассейне р. Сулы, стр. 430; О. Андрияшев. Нарис історії колонізації Київськоі землі. Київ та його околиця. Київ, 1926, стр. 45; Л. Добровольский. З минулого Хотівської околиці Київа. Зап. Історично-Філологічн. відділу ВУАН, кн. XII. Київ, 1927, стр. 206 и др.

[2]О наличии скифских мысовых городищ см.: *И. И. Ляпушкин*. Поселения зольничной культуры. СА, XII, 1950. На различных территориях мысовые городища характерны для середины I тысячелетия н. э., например, в верхнем течении Днепра, на территории Мордовской АССР, в юго-восточной Прибалтике и др. (*В. Р. Тарасенко*. Раскопки на городище Барсучья горка. КСИИМК, вып. 15, 1947, стр. 102; *П. Д. Степанов*. Памятники I тысячелетия *н. э. в* восточной части Мордовской АССР. КСИИМК, вып. 19, 1948, стр. 38). Мысовой тип городищ характерен также и для финских феодальных городищ IX—XIV вв. (*А. П. Смирнов*. Финские феодальные города. Сб. «На удмуртские темы», М., 1931).

[3]Основные типологические особенности городищ VIII—X вв. были впервые выявлены *И. И. Ляпушкиным* на материале Днепровского Левобережья (*И. И. Ляпушкин*. Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного Левобережья, стр. 11).

[4]Н. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губ. в 1906 г. ИАК, вып. 22. СПб., 1907, стр. 55—57. См. также: М. Макаренко. Городище «Монастырище». Київ, 1925.

[5]П. Третьяков. Стародавні слов'янські городища у верхній течії Ворскла. Археологія, т. I, Київ, 1947, стр. 129.

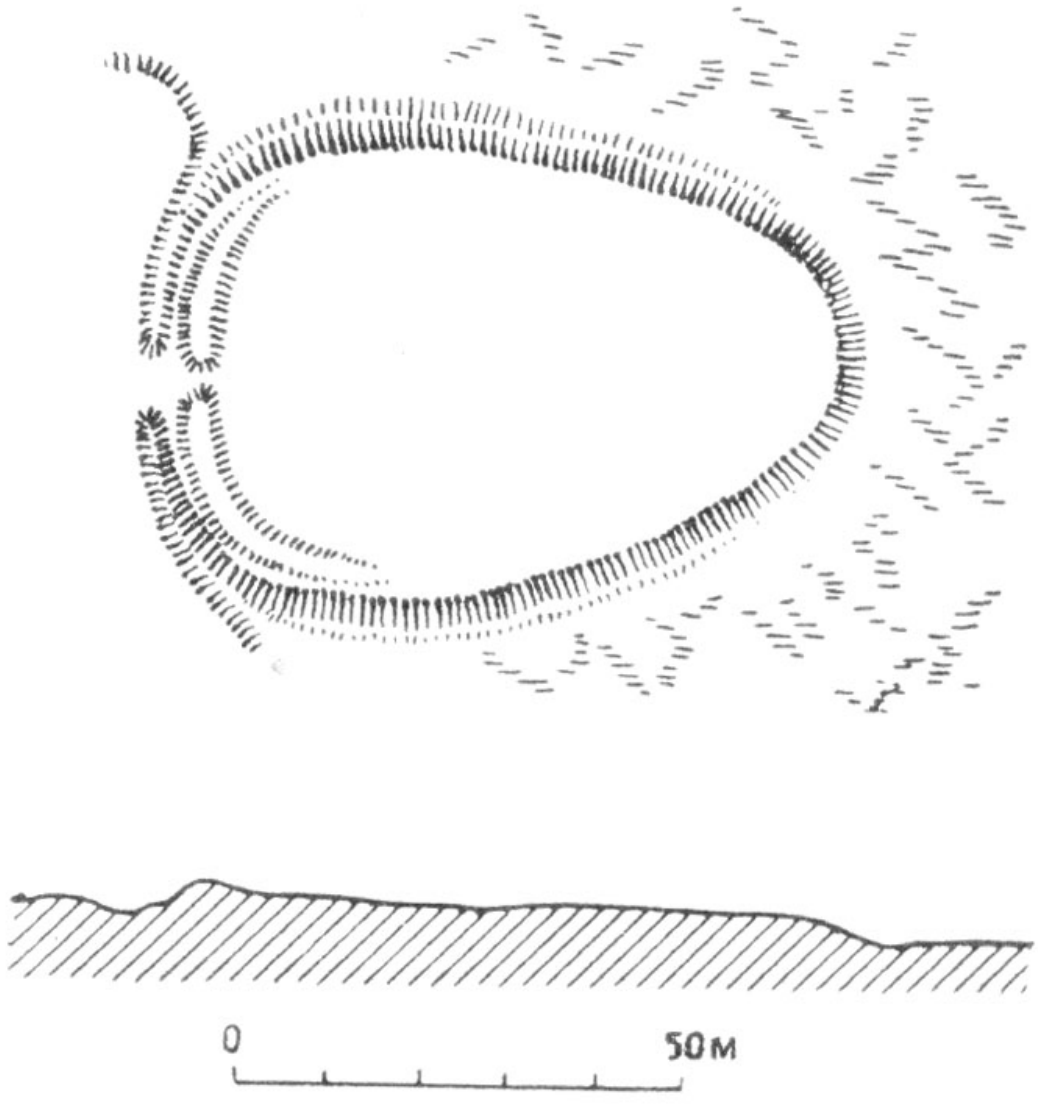

Рис. 1. План городища Монастырище. (По данным обмера П. Василенко, приведенным в работе Н. Макаренко).

вал и ров, относятся роменские городища у с. Горки, у с. Божки, Шуклинское городище и полый ряд других. [1]

Совершенно аналогичны по типу славянские городища VIII—X вв. Воронежской области. Так, на небольшом, но высоком мысу расположено Малое Боршевскоо городище (рис. 2, *а*). Высота мыса здесь около 30 м; размер площадки городища 60 X 30 м. [2] К тому же типу относится и Большое Боршевское городище, но здесь форма мыса очень вытянутая и размеры городища значительно больше — длина площадки 174 м (рис. 2, *б*). [3]

Склоны мысов, на которых расположены городища, обычно имеют значительную крутизну, быть может, частично за счет искусственной подрезки этих склонов. В тех случаях, когда конец мыса имел пологий скат, здесь иногда устраивались дополнительные вал и ров, отрезавшие площадку городища от самого конца мыса. Характерным примером городища, имеющего вал и ров не только с напольной стороны, но и со стороны мыса, является городище Стрелица у с. Долгий Колодезь на реке Псел (рис. 2, в). [4] Наличие такого вала на мысу заставляло некоторых исследователей предполагать, что на славянских городищах VIII—X вв. были и замкнутые валы, обходившие вокруг всего городища. Так, В. Ляскоронский считал, что вал вокруг всей площадки имелся на Опошнянском городище. [5] В действительности, согласно данным *И. И. Ляпушкина*, на этом городище имеются валы лишь с напольной стороны и на самом конце мыса, принятые ошибочно Ляскоронским за остатки одного, замкнутого вала.

К сожалению, за исключением роменско-боршевской группы памятников, славянские городища до X в. не всюду еще бесспорно определены. В тех случаях, однако, когда славянские памятники VIII—X вв. удается все же выделить с достаточной определенностью, выясняется, что большинство городищ относится к тому же простому мысовому типу. Так, городища у деревень Вязовеньки и Лестравка под Смоленском, городище у Старого Села на Западной Двине, городища у дер. Азарычи и у дер. Чаранки на Могилевщине и целый ряд городищ Белоруссии также представляют собой небольшие мысы, отрезанные от плато валом и рвом. [6] Однако не всегда достаточно ясно, относятся ли эти городища только к VIII— X вв. или же и к более раннему времени, а кроме того, не всегда достаточно ясна пока и этническая принадлежность этих городищ.

Несколько иной вариант мысового типа дает одно из городищ VIII—X вв. Воронежской области — Кузнецовское городище. Оно отличается тем, что площадка здесь имеет гораздо большие размеры (длина ее 325 м), а от плато городище отрезано двумя валами, причем валы эти идут почти до самого конца мыса вдоль одной из сторон городища. [7] Следует отметить, однако, что на Кузнецовском городище имеется и более ранний, дославянский слой, и поэтому исключительные размеры валов и площадки городища могут в данном случае объясняться использованием славянами существовавшего ранее городища со всеми его земляными укреплениями. [8]

Таким образом, очевидно, что для славянских городищ VIII—X вв. наиболее распространенным является мысовой тип городищ, причем в самом простом его варианте — в виде небольшого мыса, имеющего вал и ров только с напольной стороны и, изредка, также на самом конце мыса.

Эти городища простого мысового типа в сущности представляют собой различные варианты полуостровного расположения, ибо, будучи ограничены крутыми скатами, оврагами или болотом, они все же с одной сто-

---

[1]*И. И. Ляпушкин*. Поселения зольничной культуры, стр. 53—56. См. также: *И. И. Ляпушкин*. Раннеславянскис поселения Днепровского лесостепного Левобережья.

[2]П. II. Ефименко и *П. Н. Третьяков*. Древнерусские поселения на Дону. МИА СССР, № 8, 1948, стр. 72.

[3]Там же, стр. 15.

[4]К. Сосновский. Городища и курганы в бассейне верхнего течения р. Псла. Труды Курск. губ. учен. архивн. комиссии, вып. 1, Курск, 1911, стр. 309, табл. II, а также: *И. И. Ляпушкин*. Отчет об экспедиции 1948 г., стр. 62. Почти аналогично по схеме планировки городище IX—X вв. у с. Хотомель в районе Турова (доклад *К. В. Дубенской* на пленуме Ленинградского отделения ИИМК 7 апреля 1955 г.).

[5]Тр. XIII АС, т. I, М., 1907, стр. 184.

[6]Працы, т. II, стр. 298 и 302, 96—102; Працы, т. III, стр. 239.

[7]*П. П. Ефименко* и *П. Н. Третьяков*, ук. соч., стр. 91.

[8]Сведения о наличии более древнего слоя любезно сообщены *С. Н. Замятниным*.

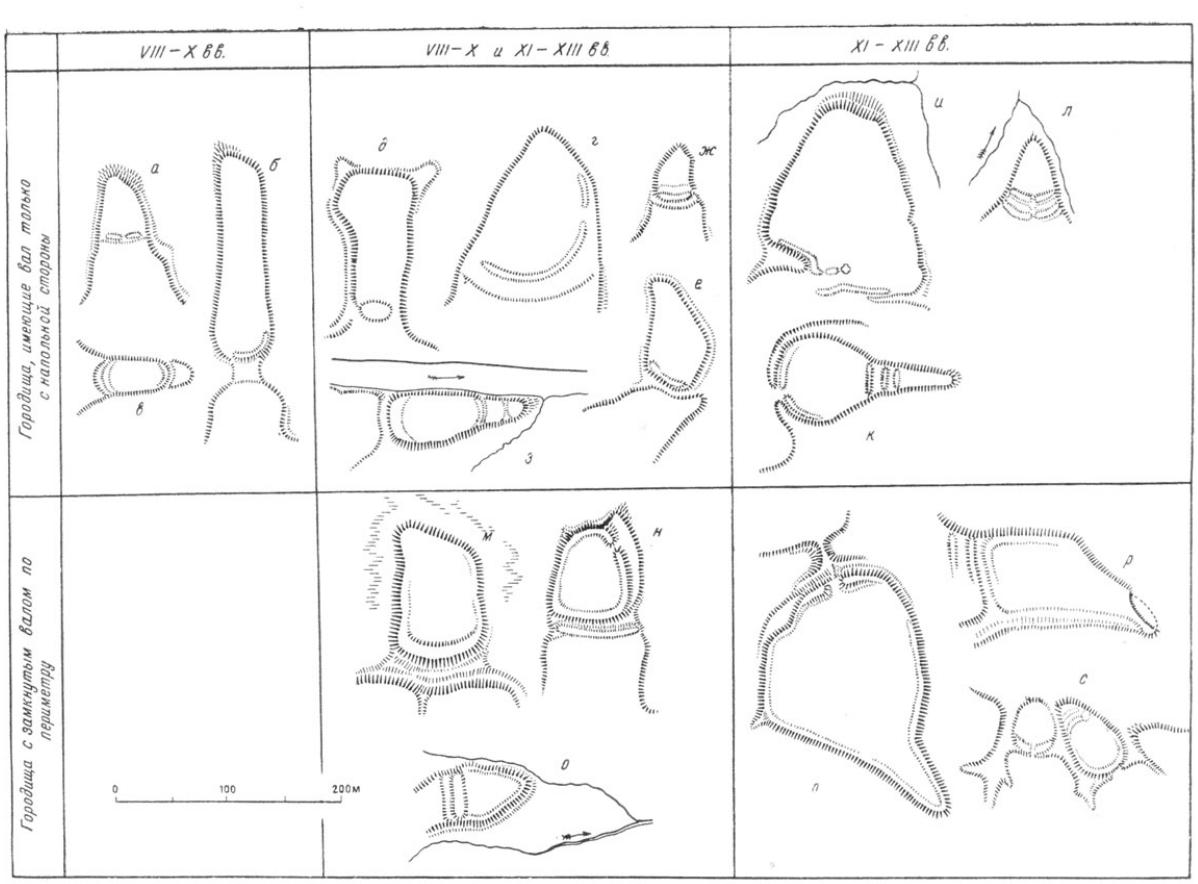

Рис. 2. Планы мысовых городищ. а — Малое Боршевское (по Ефименко и Третьякову); б — Большое Боршевское (по Ефименко и Третьякову); в — Стрелица (по Сосновскому); г — Ратское (по Ляпушкину); д — у дер. Ховзовка (по Ляпушкину); е — Петровское (по Третьякову); ж — у дер. Высокое (по Тарасенко); з — Донецкое (по Городцову); и — у Климентовского погоста (по «Истории культуры древней Руси», т. I); к — Гримовское (по Вельмину); л — у дер. Рубцово (по Городцову); м — Липинское (по Воеводскому); н — у дер. Цяцерын (по Кавалене); о —

Струтынское (по Пастернаку); п — в с. Старые Безрадичи; р — у с. Витачев; с — Большое и Малое Ницахское (по Городцову).

роны непосредственно примыкают к соседней площадке и здесь, с этой напольной стороны, ограничены уже не естественными препятствиями, а искусственными сооружениями — валами и рвами. Однако во многих случаях мыс, на котором расположено городище, отделен от прилегающей площадки не рвом, а широким оврагом, и площадка городища оказывается со всех сторон совершенно изолированной, *т. е. приобретает* характер бугра-останца. В этом случае полуостровной тип городища уже приближается к островному типу.

В чистом виде островной тип может быть представлен двумя вариантами — городищем на островке среди болота (или даже среди реки) и городищем на вершине отдельно стоящего холма или горы. Однако в таком чистом виде островной тип среди древнерусских городищ встречается крайне редко. Отдельные вершины вообще не характерны для рельефа южной Руси, но даже и там, где они встречаются, они обычно не использовались для постройки древнерусских укреплений. [1] Болотные городища также как правило, расположены не на островке, а на мысу, вдающемся в болото, и таким образом с одной стороны имели связь с берегом. В некоторых случаях эта связь осуществлялась по узкой тропинке, и иногда бывает очень затруднительно решить, к какому типу относится городище — к полуостровному или островному. По-видимому, принципиальной разницы между островным и полуостровным типами не существовало, и чисто островной тип городищ появлялся лишь при наличии соответствующих условий местности.

Среди городищ роменско-боршевской культуры, т. е. VIII—X вв., несколько болотных городищ близки по типу к островным — это городище на берегу озера Буромка Черниговской области и городище над Соловей-озером у с. Банище Курской области. [2] Никаких искусственных земляных укреплений на них не имеется, и некоторые из городищ такого типа вообще называют даже селищами, считая их остатками неукрепленных поселений. Но само расположение этих древних поселений среди труднопроходимого болота говорит о том, что они были приспособлены к обороне. На обоих указанных городищах, кроме роменского слоя, есть и более поздний слой — XI—XIII вв.; но наличие на этих городищах достаточно большого количества керамики роменского типа свидетельствует о том, что подобный тип городищ существовал уже с VIII—IX вв.

Однако если в южных районах Руси такие чисто островные городища встречаются крайне редко, так как здесь не имеется подходящих для этого природных условий — отдельных высоких островков среди болот и особенно отдельно стоящих холмов, — то в северных районах подобные отдельные холмы ледникового происхождения более часты, более часты здесь и городища чисто островного типа.

Так, например, в районе Полоцка хорошим примером такого островного типа может служить городище у дер. Гаравыя, расположенное на островке среди болота (рис. 3). [3]

Городища VIII—X вв. мысового типа имеют вал исключительно с напольной стороны (и лишь изредка на конце мыса), *т. е. с* той стороны, где нет естественных препятствий. Понятно поэтому, что на островных городищах VIII—X вв. вообще нет земля-

[1]Характерный пример — городище на вершине Девичь-Горы в г. Триполье. Это городище, считавшееся древнерусским, оказалось в действительности относящимся к гораздо более раннему времени (П. Раппопорт. Обследование городищ в районе Киева в 1950 г. Археологія, т. VII, Київ, 1952, стр. 147).

[2]Изв. Таврическ. учен. архивн. комиссии, № 47, Симферополь, 1912, стр. 135. — *И. И. Ляпушкин*. Отчет об экспедиции 1947 г., стр. 41.

[3]*А. Н. Лявданский*. Археологические исследования в Полоцком округе. Працы, т. II, стр. 176.

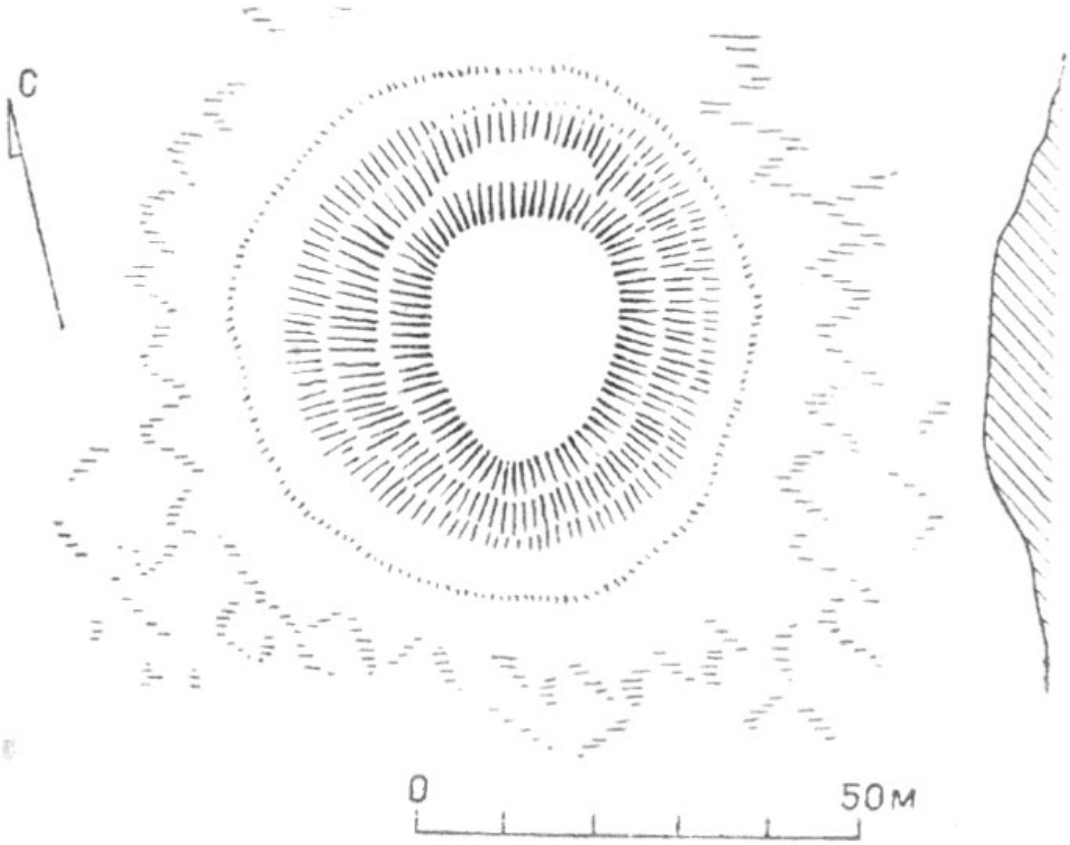

Рис. 3. Городище у дер. Гаравыя. (По Лявданскому).

ных укреплений, так как они со всех сторон имеют естественную защиту. На городище у дер. Гаравыя единственными следами искусственных укреплений служит подрезка склона с северной, более пологой стороны холма. Городище у дер. Волоковая на Смоленщине расположено на мысу среди болота. [1] Самый конец мыса повышается и образует как бы островок. Поэтому, несмотря на то, что в плане городище имеет явно выраженный мысовой характер, его оборона была построена на принципе островного решения и никакого вала с напольной стороны здесь нет. Края этого городища несколько приподняты, но раскопки показали, что это не остатки вала, а лишь утолщение культурного слоя на краях площадки. Земляного укрепления на городище не было, и обнаруженные здесь остатки частокола были расположены на ровном, не подсыпанном

краю холма. Как городище у дер. Гаравыя, так и городище у дер. Волоковая относятся к VIII—IX вв. [2]

Наконец, третью группу городищ VIII—X вв. составляют городища со сложно-мысовым планом, где на естественно защищенном мысу расположены две или даже три площадки, укрепленные валами и рвами, *т. е. двух-* или трехчастные мысовые городища.

Таково, например, Тростяницкое городище на Ворскле. [3] Оно находится на длинном и узком мысу коренного берега р. Ворсклы и имеет три самостоятельных площадки. Каждая из этих площадок с напольной стороны ограждена валом и рвом; кроме того, на самом конце мыса есть также небольшой отрезок вала, защищающий городище со стороны пологой стрелки мыса. По боковым сторонам городища земляных укреплений не имеется. Обследовавший это городище *П. Н. Третьяков* на основании подъемного материала датировал его IX—X вв.

Несмотря на наличие отдельных примеров подобных, сравнительно ранних городищ, очевидно, что сложно-мысовой тип городищ мало характерен для VIII—X вв. и встречается здесь лишь в виде единичных исключений, да и то, по-видимому, лишь в самом конце этого периода.

Все перечисленные типы городищ, *т. е. островные*, простые мысовые и сложно-мысовые, имеют план оборонительной системы, непосредственно зависящий от формы того холма, на котором данное укрепление расположено. Поэтому все городища VIII—X вв. можно объединить в одну группу городищ, имеющих конфигурацию укреплений, непосредственно зависящую от рельефа местности. Деление на типы внутри данной группы далеко не всегда может быть четко проведено, и сами эти типы не являются принципиально отличными друг от друга; существуют также городища как бы переходного, промежуточного типа.

Среди городищ данной группы островной тип является более простым, так как островные городища занимают площадки, со всех сторон защищенные естественными препятствиями — крутыми склонами, рекой или болотом. Мысовой тип является несколько более сложным, чем островной, так как здесь естественные препятствия не полностью окружают все городище, оставляя с одной стороны свободный доступ. Именно с этой стороны и располагаются в первую очередь искусственные заграждения. В конце рассматриваемого периода, в X в., по-видимому, впервые появляется еще более сложный тип городищ — сложно-мысовой.

Поскольку городища VIII—X вв. относятся ко времени распада доклассового общества и сложения раннефеодального государства, совершенно очевидно, что основная их масса представляет собой остатки укрепленных поселений крестьян-общинников. Раскопки на городищах Монастырище, Боршевское и др. показали, что все эти городища — остатки укрепленных сельских поселений, порой, быть может, достаточно крупных, но все же не имеющих еще городского характера. [4] Металлические, костяные и гончарные изделия, находимые на роменско-боршевских городищах, не являются еще предметами ремесленного изготовления, а продуктами домашнего производства. Жилища, раскопанные на го-

---

[1] *А. Н. Лявданский*. Археологические исследования в бассейнах рек Сожа, Днепра и Каспли. Працы, т. II, стр. 322.

[2] Датировка обоих городищ основана на совпадении форм керамики этих городищ с керамикой курганов, которые достаточно определенно датируются VIII—IX вв.

[3]*П. Н. Третьяков*. Стародавні слов'янські городища у верхній течії Ворскла, стр. 125.
[4]См. об этом, например, статью *В. А. Богусевича*. «Происхождение и характер древнерусских городов Поднепровья» (Археологія, т. V, Київ, 1951, стр. 36).

родищах VIII—X вв., никогда еще не представляли собой ремесленных мастерских, как это обычно для жилищ, вскрываемых в русских городах XI—XIII вв.

Поэтому городища VIII—X вв. простого мысового типа с валом и рвом, защищающими одну только напольную сторону (как и островного типа, совершенно лишенные искусственных земляных укреплений), определяются достаточно ясно как остатки укрепленных поселений свободной территориальной общины. В конце этого периода, в IX и особенно в X в., в связи с развитием феодальных отношений появляются, по-видимому, и феодальные владельческие усадьбы — замки. [1] Кроме того, возможно, что городища VIII—X вв. в некоторых районах Руси были иногда даже не самыми поселениями, а лишь укрепленными убежищами для населения нескольких неукрепленных поселений, расположенных поблизости. [2]

III. ГОРОДИЩА X-XIII вв. С ПЛАНИРОВКОЙ УКРЕПЛЕНИЙ, ПОДЧИНЕННОЙ РЕЛЬЕФУ МЕСТНОСТИ

1

Городища простого мысового типа, имеющие вал и ров только с напольной стороны, являются характерными не только для VIII— X вв., но и для более поздней поры.

В тех случаях, когда славянские поселения VIII—X вв. не прекратили своего существования и продолжали жить в XI— XIII вв., планировка их оборонительной системы большей частью не менялась. Поэтому городища, имеющие культурный слой как VIII—X, так и XI—XIII вв., в большинстве относятся к тому же простейшему мысовому типу.

Таковы, например, городище Курган, Ратское городище и городище у с. Ховзовка в бассейне Сейма (рис. 2, *г, д*). [3] Таково же и Петровское городище на р. Ворскле (рис. 2, е). [4] Все эти городища точно соответствуют в плане форме мыса, на котором они расположены и отделяются от прилегающего плато рвом и валом. К такому же типу относятся Шестовицкое и Горкинское городища, а также Редичевские городища на Десне, городища у с. Сары, у с. Горналь, у дер. Могрица, у дер. Тополи, у с. Каменное и у с. Кнышевка на р. Псел, Никольская горка в Путивле и огромное количество других городищ, имеющих культурные напластования VIII—X и XI—XIII вв. [5]

Севернее, в районе Смоленска, характерным представителем этого типа является городище близ дер. Ободрово (рис. 4). Оно расположено на треугольном мысу высотой до 14 м и имеет площадку длиной в 50 м и шириной до 48 м. От плато городище

---

[1]Так, *П. Н. Третьяков* в статье «Древлянские грады» указывает, что часть городищ Днепровского Правобережья VIII—X вв. представляет собой остатки укрепленных усадеб (сб. «Академику *В. Д. Грекову*», М., 1952, стр. 67).

[2]Например, в бассейнах Прута и Серета (доклад *Б. А. Тимощука* на пленуме ИИМК в апреле 1951 г.), а также Малое городище близ Канева (*В. А. Богусевич*. Каневская археологическая экспедиция. Археологічні пам'ятки УРСР, т. III, Київ, 1952, стр. 153). Следует отметить, однако, что наличие городищ-убежищ не характерно в целом для эпохи Киевской Руси, по-видимому даже и для наиболее раннего периода.

[3]*И. И. Ляпушкин*. Поселения зольничной культуры, стр. 48 и 50. На этих городищах имеется материал скифского времени, роменский и XI—XIII вв. Городище Курган см.: *В. И. Довженок*. Раскопки у с. Волынцева. Археологічні пам'ятки УРСР, т. III, Київ, 1952, стр. 251.

[4]Археологія, т. I, Київ, 1947, стр. 124. На Петровском городище склоны имеют искусственную обработку — они подрезаны и на половине их высоты проходит горизонтальная терраса. Обследование *Л. Н. Третьякова* показало, что эта подрезка склона относится к XI—XII вв.

[5]Шестовицкое городище см.: Я. Станкевич. Шестовицкая археологическая экспедиция. Археологічні пам'ятки УРСР, т. I, Київ, 1949, стр. 56—57 (на этом городище все находки относятся ко времени не древнее X в.); Горкинское городище с*м. М. В*. Воеводский. Отчет о полевых исследованиях в 1946 г. Архив ИИМК, Археолог. комитет, д. 72, стр. 20—22; план этого городища см. в отчете С. Гатцука (Архив ИИМК, ф. 1, д. 41 за 1907 г., л. 124); городище у с. Сары см.: *В. Г. Ляскоронский*. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы по течению рр. Псла и Ворсклы. Тр. XIII АС, т. I, М., 1907, стр. 165; *И. И. Ляпушкин*. Отчет об экспедиции 1948 г., стр. 79; остальные городища на Псле см.: *И. И. Ляпушкин*. Отчет об экспедиции 1948 г., стр. 64, 67, 69, 75 и 76; Никольская горка в Путивле см.: И. Ляпушкин. Поселения зольничной культуры, стр. 50; Редичевские городища (Мещанское, Хотинское и Московское городища) см. отчет С. Гатцука (Архив ИИМК, ф. 1, д. 41 за 1907, лл. 147— 158); городище Макча близ Трубчевска см.: *В. А. Падин*. Роменское поселение в Трубчевском районе. КСИИМК, вып. 41, 1951, стр. 109; план городища у с. Кнышевка см.: СА, XVI, 1952, стр. 19.

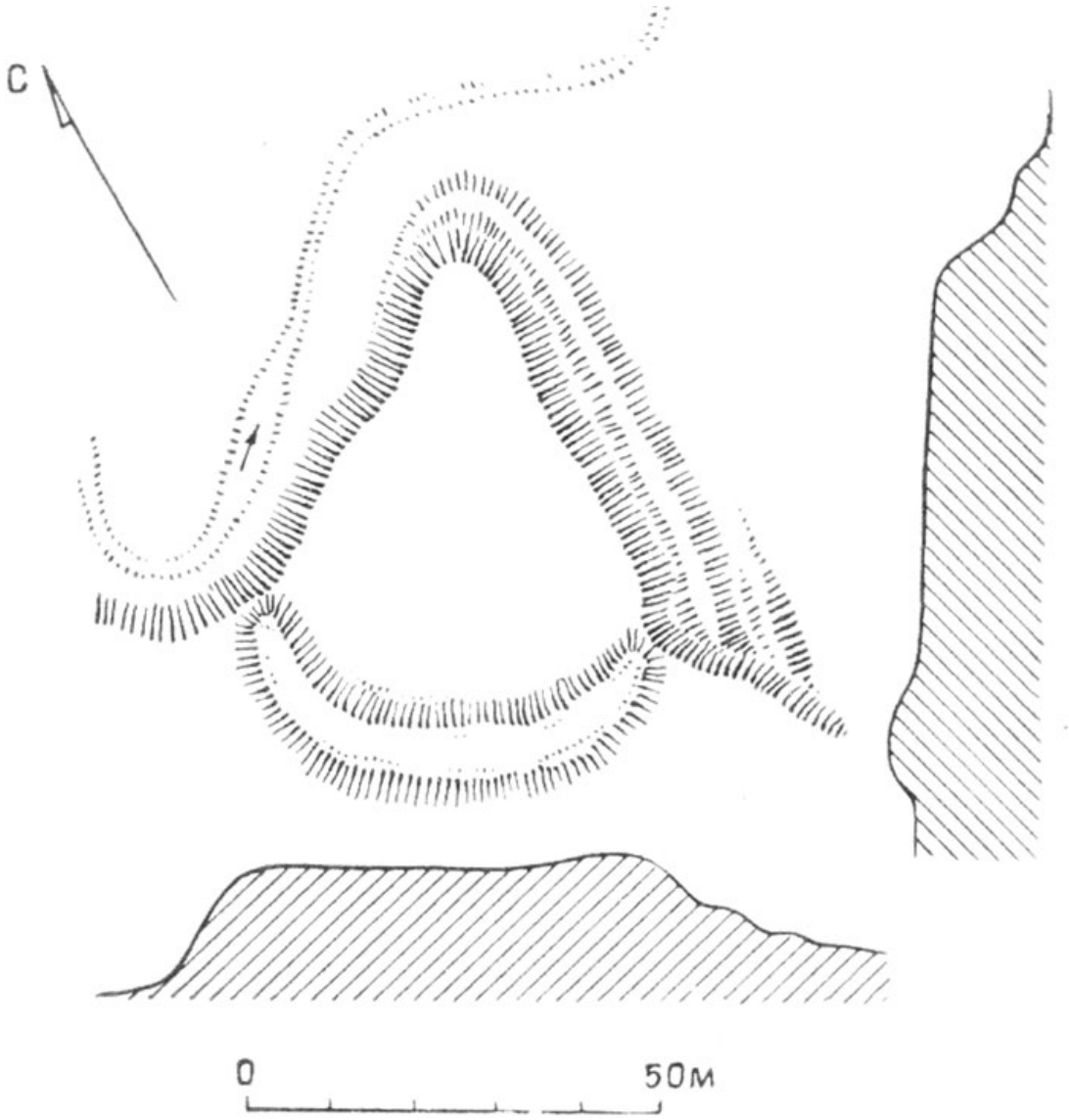

Рис. 4. Городище у дер. Ободрово. (По Лявданскому).

отделено валом; четко выраженного рва не имеется. [1] На городище у дер. Высокое в районе Могилева в отличие от Ободровского городища, кроме вала, имеется большой ров (рис. 2, *ж*). [2] Различная форма мыса вызывала появление то узких и длинных городищ (например у местечка Каспли на Смоленщине), то, наоборот, широких (как городище в г. Свислочь при слиянии рек Березины и Свислочи); принцип планировки оборонительной системы от этого не изменяется. [3]

В Рязанской земле к этому типу относится, например, Чортово городище на р. Проне, бытовавшее как поселение в XI— XII вв., но, судя по материалам нижних культурных слоев, существовавшее, по-видимому, и в более древнее время. [4]

В тех случаях, когда конец мыса имеет пологие склоны, вал, так же как и в более ранних городищах, иногда расположен не только с напольной стороны, но и на конце мыса. Примером может служить Донецкое городище, по-видимому, представляющее собой

остатки упоминаемого в летописи города Донец (рис. 2, з). Здесь, кроме рва и вала с напольной стороны, имеются еще вал и два рва на понижающемся конце мыса. [5] Культурный слой на городище относится к VIII—XIII вв.

Таким образом, тот тип простейшего мысового укрепленного поселения, который являлся наиболее характерным для VIII— X вв., продолжал существовать и позднее. При этом, замечательно, что есть городища подобного типа, целиком относящиеся к XI—XIII вв. и не имеющие более древних культурных напластований. Следовательно, простейший мысовой тип укрепления с валом и рвом с напольной стороны продолжал оставаться характерным для всего рассматриваемого периода русской истории, вплоть до XIII в.

Городище у с. Заречье на Стугне, по-видимому, является остатком одной из тех крепостей, о постройке которых князем Владимиром Святославичем летопись сообщает под 988 г. Более древних слоев на этом городище не обнаружено, между тем, по плану оно относится к тому же простейшему мысовому типу и имеет вал только с напольной стороны (рис. 5). [6] Среди городищ XI— XIII вв., относящихся к этому же типу, можно указать городища у с. Брусилово и у с. Блистово на Черниговщине, городище у с. Городенск на Сейме, у с. Свиридовка на Суле и др. [7]

В Рязанской земле характерным представителем этого типа является городище у Климентовского погоста при слиянии рек Прони

---

[1] *А. Н. Лявданский*. Смоленские городища, стр. 201, 202. Верхняя прослойка культурного слоя на этом городище характеризуется гончарной керамикой с волнистым орнаментом, ниже идет лепная керамика.

[2] Працы, т. III, стр. 238.

[3] Городище у м. Каспли см.: Працы, т. II, стр. 330; городище в г. Свислочь см.: Працы, т. II, стр. 112.

[4] *А. А. Мансуров*. Археологическая карта р. Прони. СА, IV, 1937, стр. 214 и 226.

[5] *В. А. Городцов*. Результаты исследований, произведенных научной экскурсией. Тр. XIII АС, т. I, М., 1907, стр. 110 сл. См. также: Тр. XII АС, т. III, М., 1905, стр. 329—331; ИАК, вып. 19, СПб., 1906, стр. 117; Археолог. летопись южн. России, Киев, 1904, № 4—5; Сб. Харьковск. ист. -филолог. общ., т. 13, ч. 2, 1902, стр. 227. О датировке Донецкого городища см.: Хроніка археологи та мистецтва, ч. I, Київ, 1930, а также: *И. И. Ляпушкин*. Отчет об экспедиции 1948 г., стр. 60.

[6] П. Раппопорт. Заметки о датировке некоторых типов городищ Поднепровья. КСИИМК, вып. 48, 1952, стр. 107.

[7] *И. И. Ляпушкин*. 1) Отчет об экспедиции 1947 г., стр. 53, 55, 58; 2) Отчет об экспедиции 1948 г., стр. 29.

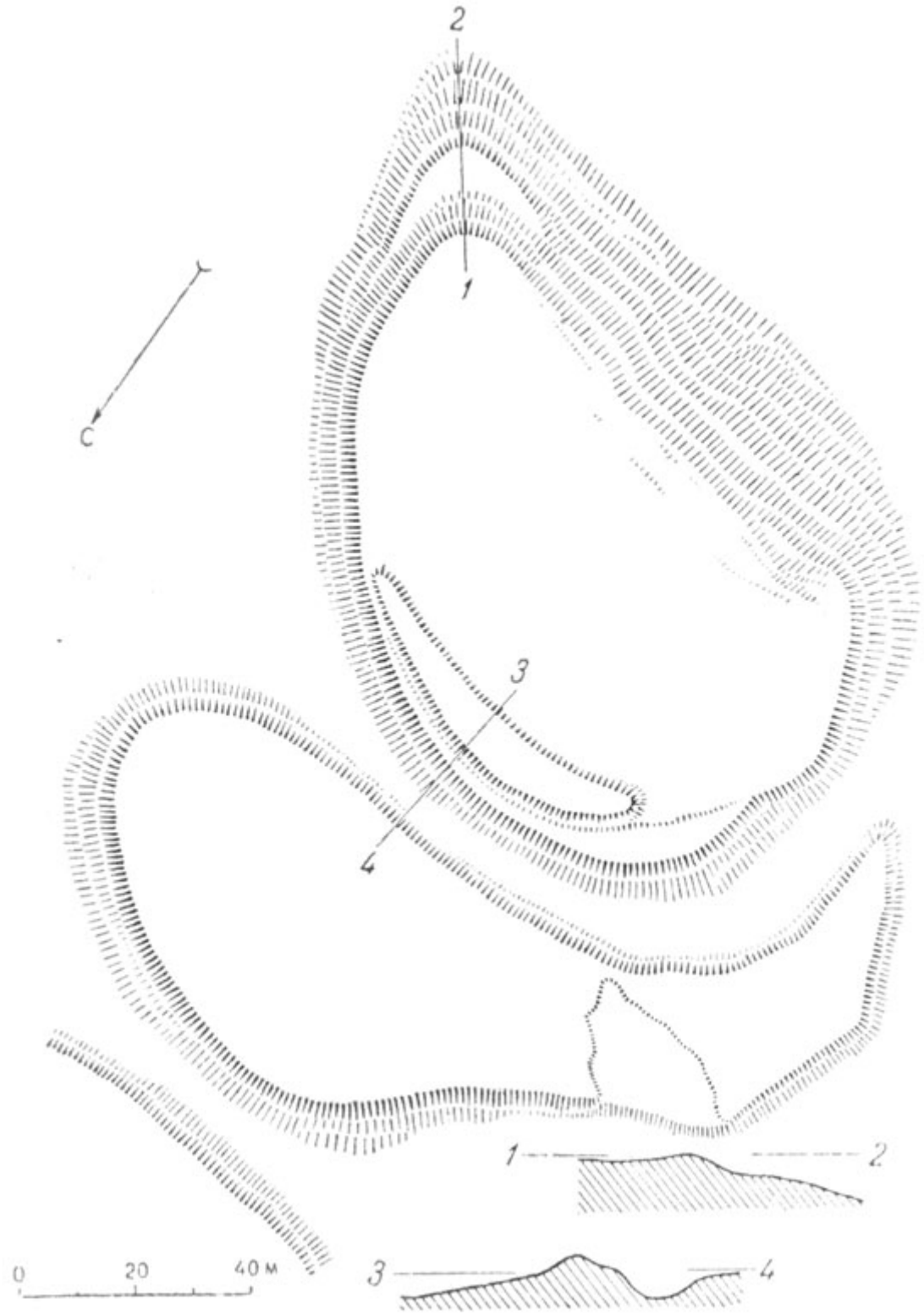

Рис. 5. Городище у с. Заречье.

и Оки, возможно остатки города Нового Ольгова (рис. 2, и). [1] Аналогично по типу и городище у с. Кулешова на Оке, подъемный материал на котором относится к XII— XIII

вв. [2] Встречаются укрепленные поселения подобного типа и в более западных районах Руси, в бассейне Днестра. [3]

Характерным примером городища, где кроме вала и рва с напольной стороны имеются еще укрепления на конце мыса, может служить Гримовское городище на Припяти. Здесь на конце мыса расположены три вала, между которыми проходят два рва. [4] Отличие этого городища от однотипных поселений VIII—X вв. (например от городища Стрелица) заключается в том, что здесь вместо одного вала и рва имеется три параллельных вала, при сохранении той же схемы планировки укреплений (рис. 2, *к*). Следует отметить, что на городищах VIII—X вв. всегда присутствуют лишь один вал и один ров, тогда как на городищах XI—XIII вв. встречаются валы и рвы, расположенные в несколько линий. Так, например, Лихаревское городище и городище у дер. Рубцово в Рязанской земле имеют с напольной стороны по два вала и два рва (рис. 2, *л*). [5]

Особенно характерно наличие нескольких параллельных линий валов и рвов для укрепленных поселений, возникших не ранее XII в. Очень хорошим примером может служить городище в с. Большие Деревичн Житомирской области — остатки древнерусского города Деревич (рис. 6). [6] Относясь к тому же простейшему мысовому типу городищ, защищенных валами и рвами только с напольной стороны, городище это отличается тем, что здесь эти валы даже не сдвоены, а строены.

Другое отличие мысовых городищ XI— XIII вв. от более древних состоит в том, что среди них встречаются городища, имеющие довольно значительные размеры. Длина площадки в 100, 150 и более метров не является исключением для памятников этого времени. Правда, большой размер имеют обычно те городища, которые представляют собой остатки более или менее значительных древнерусских городов, зачастую известных нам

---

[1] А. Селиванов. О раскопках в Старой Рязани. Труды Рязанск. учен. архивн. комиссии на 1890 г., Рязань, 1891, стр. 34. См. также: *В. А. Городцов*. Материалы для археологической карты долины и берегов роки Оки. Тр. XII АС, т. I, М., 1905, стр. 629.

[2] Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 г*г. М.* — Л., 1941, стр. 44.

[3] Например, городище у с. Василева Черновицкой области (*Б. А. Тимощук*. Археологические памятники с. Василева. Археолог. пам'ятки УРСР, т. III. Київ, 1952, стр. 397).

[4] *С. П. Вельмин*. Экскурсия по Днепру и Припяти. Военно-историч. вестн., Киев, 1913, кн. 4, стр. 95. Вельмин датирует это городище IX—X вв., но описываемый им материал несомненно свидетельствует о несколько более позднем времени — не ранее X—XI вв.

[5] Тр. XII АС, т. I, М., 1905, стр. 595. Лихаревское городище см.: *Н. П. Милонов*. Материалы к археологической карте Скопинского уезда Рязанской губернии. Рязань, 1928, стр. 3.

[6] Судя по материалу разведочных раскопок 1953 г., городище это было основано в XII или даже в начало XIII в., что полностью совпадает с упоминаниями города Деревич в Ипатьевской летописи (П. Раппопорт. Города Болоховской земли. КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 54).

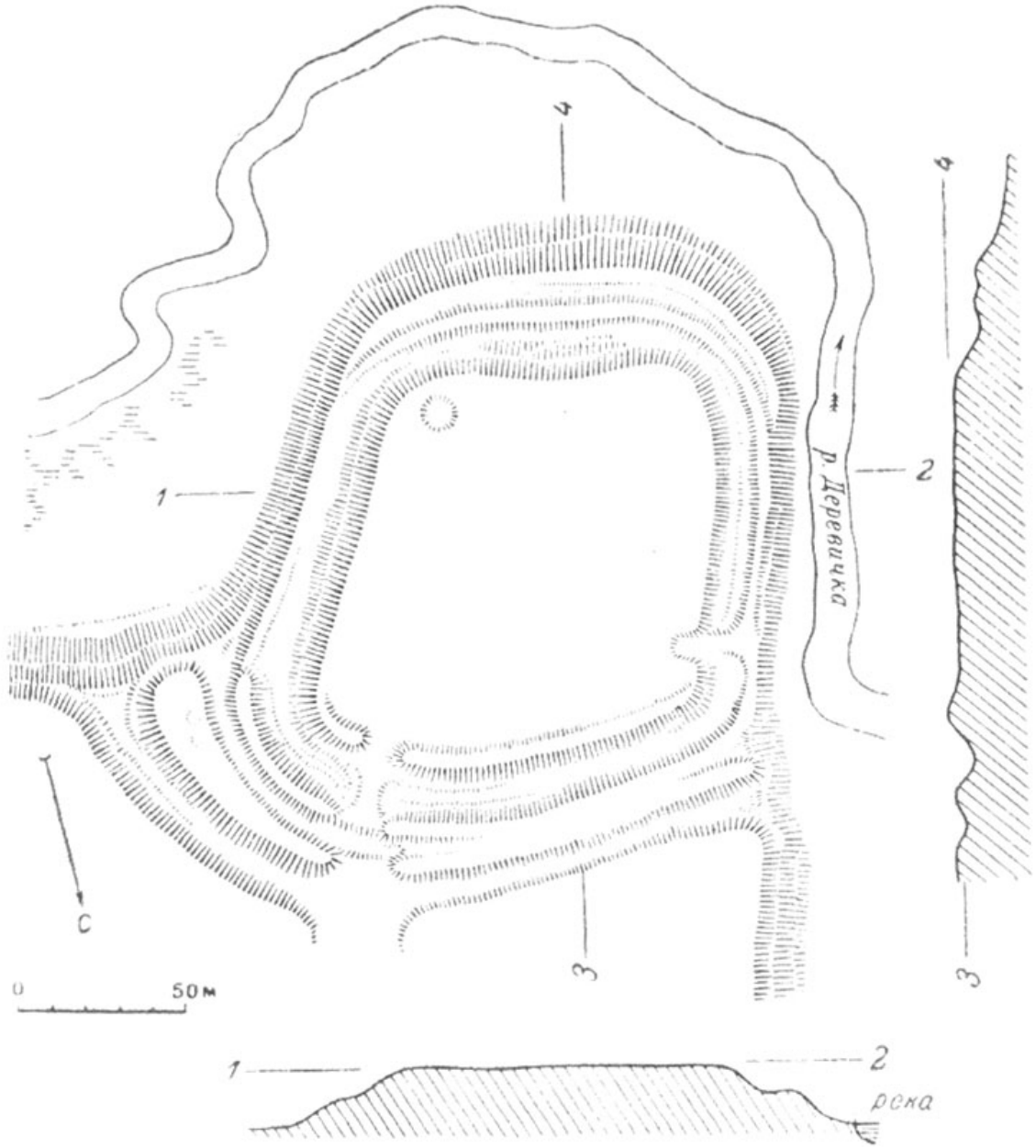

Рис. 6. «Замчиско» в с. Большие Деревичи.

даже по названию. Так, например, городище Городок у дер. Новоселки на Оке (по-видимому, остатки города Ольгова Рязанского княжества) имеет длину площадки почти 0. 5 км при ширине около 150 м. С напольной стороны городище это было защищено высоким валом и глубоким рвом, уничтоженными в XIX в. [1]

Следует, впрочем, отметить, что более или менее крупные древнерусские города все же крайне редко имели такую простейшую схему планировки оборонительной системы; обычно же при мысовом расположении вал проходил не только с напольной стороны, но и вокруг всей защищенной части города.

2

Мысовые городища с замкнутым валом представляют собой второй вариант простого мысового типа городищ. Они также находятся на мысах, примыкают с одной стороны к плато и со всех остальных сторон окружены оврагами, речной поймой или болотистой низиной. От плато городища отрезаны рвом. Отличие от более простого варианта мысового типа заключается лишь в том, что вал на этих городищах имеется не только с напольной стороны, но проходит вокруг всей площадки городища, *т. е. является* замкнутым валом.

Городища этого типа далеко не всегда легко отличить от городищ, имеющих вал только с напольной стороны. Прежде всего замкнутый вал обычно не на всем своем протяжении сохраняет одинаковую высоту: со стороны рва он чаще всего значительно выше. Естественно поэтому, что более низкие валы от времени зачастую почти совершенно оплыли и не всегда даже могут быть замечены, тогда как более высокий вал с напольной стороны в большинстве случаев еще достаточно хорошо выделяется над поверхностью земли. И иногда только прорезка краев городища позволяет выявить наличие валов там, где снаружи их вовсе не было видно. Поэтому, отнесение некоторых простых мысовых городищ к тому или иному варианту иногда может оказаться ошибочным, так как часть городищ, сохранивших вал только с напольной стороны, могла в древности иметь земляные укрепления по всему периметру, *т. е. быть* городищами, относящимися не к первому, а ко второму варианту простого мысового типа.

Однако деление простых мысовых городищ на два варианта в зависимости от наличия или отсутствия сплошного замкнутого вида является очень существенным, так как отражает хронологические изменения в системе планировки оборонительных сооружений.

Среди остатков славянских поселений, прекративших существование к концу X в., нет ни одного городища с замкнутым валом. [2] Сохранившиеся городища VIII—X вв., на которых имеются замкнутые валы, всегда имеют также и более поздний культурный слой — XI—XIII вв. Это явление, которое прослеживается на большом количестве памятников, не может быть случайным. В нескольких единичных примерах, когда городища, имеющие слои VIII—X и XI—XIII вв., подвергались исследованию, обычно удавалось выяснить, что валы, проходящие кругом всей площадки, насыпаны именно во второй, более поздний период жизни поселения.

---

[1] Тр. XII АС, т. 1, М., 1905, стр. 593.

[2] Встречаются и более древние городища с замкнутыми валами, относящиеся к дославянскому времени. Это обстоятельство в ряде случаев (особенно на многослойных городищах) очень затрудняет определение времени возникновения валов и зачастую мешает четкой классификации городищ

Так, на Райковецком городище слой с лепной керамикой оказался заходящим под деревянную конструкцию валов; следовательно, валы городища были сооружены здесь в более позднее время — не ранее XI— XII вв. [1] Во Вщиже, где имеется роменский культурный слой, устройство окружавшего города вала, сооруженного из деревянных срубов, датируется XI в. [2] Раскопки Ковшаровского городища в районе Смоленска также

показали, что каменная кладка, лежавшая в основании вала, окружающего городище, относится к верхнему культурному слою, *т. е. к* XII—XIII вв. [3]

Есть все основания предполагать, что и в остальных случаях, когда на городищах с замкнутым валом имеются культурные слои VIII—X вв., сооружение этого замкнутого вала относится к более позднему времени, не раньше конца X—XI в. Обычно же городища VIII—X вв., имевшие вал и ров только с напольной стороны, даже при существовании в более позднее время, как правило, не меняли своего типа*. т. е.* укрепленные поселения XI—XIII вв. в таких случаях большей частью сохраняли планировку оборонительной системы более раннего времени.

Именно поэтому городищ с замкнутым валом, существовавших не только с X— XI вв., но и раньше, имеется сравнительно небольшое количество. К таким городищам относится, в частности, Липинское городище на Сейме, расположенное на невысоком мысу и окруженное болотом. [4] Бал на этом городище хорошо сохранился лишь с напольной стороны, однако и по всему периметру площадки имеются следы замкнутого вала (рис. 2, *м*). Культурный слой на городище имеет прослойки, относящиеся к юхновской и роменской культурам и к XI—XIII вв. [5] К тому же типу относится и городище в с. Глинск на Ворскле, представляющее собой три смежных мыса, из которых каждый был укреплен валами и рвами. [6]Датируется оно временем роменской культуры и XI—XIII вв.

По-видимому, подобная картина характерна для всей древнерусской территории. В южной части Руси, особенно же в Среднем Поднепровье, где славянская культура VIII—X вв. известна достаточно определенно, такое изменение схемы планировки оборонительной системы вряд ли может вызывать сомнения. В более северных районах Руси это менее ясно, так как и сама славянская культура древнее X в. там хуже изучена. Однако на всей русской территории замкнутые валы, как правило, характеризуют те городища, где четко выявляется культурный слой XI—XIII вв. (или еще более поздний), и совершенно не свойственны славянским городищам предшествующего периода, в тех случаях, когда этот предшествующий период вообще удается выявить.

Так, например, на городище у дер. Цяцерын в Белоруссии основной подъемный материал датируется XI—XIII вв. (гончарная керамика «великокняжеского времени»), хотя здесь же была найдена (особенно на селище) более древняя, лепная керамика (рис. 2, н). [7] Такую же картину мы наблюдаем и в других районах Руси. Например, в южной части Галицкой земли, в Карпатах, имеется очень типичное городище с замкнутым валом — Струтынское городище. [8] Хотя основной его культурный слой относится к IX—X вв., поселение существовало здесь и позже — в XI в. (рис. 2, о).

Городища с замкнут мм валом являются наиболее характерным типом для тех памятников, которые целиком относятся к периоду

---

[1]*В. К. Гончаров*. Посад и сельские поселения близ Райковецкого городища. Археологічні пам'ятки УРСР, т. I, Київ, 1949, стр. 34.

[2]Доклад *Б. А. Рыбакова* на пленуме ИИМК. См.: КСИИМК, вып. 41, 1951, стр. 57.

[3]*А. Н. Лявданский*. Смоленские городища, стр. 237.

[4]*М. В. Воеводский*. Городища Верхней Десны. КСИИМК, вып. 24, 1949, стр. 77. — *И. И. Ляпушкин*. Отчет об экспедиции 1947 г., стр. 43, См. также: Труды Курской губ. учен. архивн. комиссии, вып. 1, Курск, 1911, стр. 117 и 128.

[5]Сведения любезно сообщены *О. Н. Мельниковской*.

[6]*И. И. Ляпушкин*. Археологические памятники эпохи железа в бассейне среднего течения р. Ворсклы. КСИИМК, вып. 17, 1947, стр. 129.

[7]А. Каваленя. Археологическая разведка в верховьях рр. Друти, Усяж-Бук и Лукомки. Працы, т. III, стр. 192. Быть может, это остатки города Тетерин, известного по «Списку русских городов». То же можно отметить и на городище у дер. Даниловки в районе Смоленска (Працы, т. II, стр. 132).
[8]*Я.* Пастернак. Струтинське городище. Бойківщина, ч. 10, Самбор, 1938.

Рис. 33

XI—XIII вв. и не имеют более ранних слоев, *т. е. для* тех укрепленных поселений, которые заново возникли на данном месте не ранее конца X в.

Очень характерным примером такого городища может служить городище в с. Старые Безрадичи на Стугне, возможно, являющееся остатками древнего города Тумащь. [1] Это городище находится на высоком мысу, господствующем над поймой р. Стугны, и имеет довольно значительные размеры — длина площадки 230 м и наибольшая ширина до 140 м (рис. 2. *п*). От плато городище отделено широким рвом. По всему периметру площадки городища сохранились остатки вала, имеющего в настоящее время очень небольшую высоту — всего около 1 м. С напольной стороны вал поднимается на значительно большую высоту — до 5 м. Замечательно, что этот вал, очень точно следуя конфигурации холма, окружает всю возвышенность и даже сильно понижающуюся и очень узкую площадку на самом конце мыса. Городище целиком относится к XI—XIII вв. Не менее характерно городище у с. Витачёв на Днепре, представляющее собой остатки города Святополч, основанного в последние годы XI в. [2] Один из склонов городища сильно ополз, однако по остальным сторонам сохранились (правда, на очень малую высоту) остатки вала, некогда окружавшего всю защищенную площадку. С напольной стороны, кроме того, имеются остатки еще двух валов со рвами между ними (рис. 2, *р*).

Чрезвычайно типичный образец маленького мысового городища с замкнутым валом — Райковецкое городище. [3] Хотя на этом городище имеется и ранний культурный слой VIII—X вв., оно все же может быть целиком отнесено к более позднему времени, к XI—XIII вв., так как не только оборонительная система этого городища, но и все жилые сооружения были целиком построены

---

[1]П. Раппопорт. Оборонительные сооружения на городище в с. Старые Безрадичи. КСИИМК, вып. 41, 1951.
[2]П. Раппопорт. Обследование городищ в районе Киева в 1950 г., стр. 147.
[3]*В. К. Гончаров*. Райковецкое городище. Киев, 1950.

Стр. 34

в это, более позднее время. К тому же типу мысовых городищ с замкнутым валом относится и городище Колодяжин на Случи. [1]

На Днепровском левобережье хороший пример небольшого мысового городища с замкнутым валом — Большое Ницахское городище на р. Ворсклице. [2] Кроме вала по периметру, сохранившегося лишь частично, на самом конце мыса имеется еще дополнительный отрезок второго вала. Любопытно, что почти вплотную к этому

городищу примыкает второе, Малое Ницахское городище, имеющее вал только с напольной стороны (рис. 2, с).

В более северных землях Руси маленькое Черкасовское городище, расположенное в районе Орши, также представляет собой хороший образец городища с замкнутым валом. [3] Городище это расположено на мысу, над болотистой низиной. Вокруг всего городища проходит вал, имеющий в настоящее время высоту от площадки городища около 2 м. С напольной стороны, кроме того, заметны остатки еще одного, дополнительного вала (рис. 7, *а*).

К тому же типу относятся городища у с. Городище и у с. Красная Горка на Смоленщине. [4]

Своеобразный вариант представляет Германовское городище близ Орши на берегу Днепра. [5] Здесь городище расположено на длинном понижающемся мысу между двумя оврагами. Оно имеет обычную неправильно овальную форму и окружено замкнутым валом; с напольной стороны сохранились остатки рва (рис. 7, б). Отличие этого городища от большинства мысовых городищ в том, что здесь площадка городища расположена не на самом конце мыса, а отступя от него, так как сам мыс резко понижается и его конец поэтому не мог служить достаточно защищенным местом для расположения здесь укрепленного поселения.

По существу к тому же типу мысовых городищ относится и Логойский «замок» на р. Гайне в районе Минска — остатки города Логожска Полоцкого княжества, основанного, по-видимому, в XI—XII вв. [6] (рис. 8). С первого взгляда это большое городище кажется относящимся к какому-то другому, не мысовому типу. Площадка здесь располагается не на оконечности мыса, а на холме-останце, отделенном от плато с трех сторон оврагами, в то время как четвертая его сторона возвышается над пойменной низиной. В действительности овраги, отделяющие это городище от примыкающего плато, не являются целиком естественными, а в значительной части, по-видимому, представляют собой оплывшие рвы. Но если даже рвы представляют не искусственные, а естествен-

---

[1] *В. К. Гончаров*. Древній Колодяжин. Вісн. Акад. наук УРСР, Київ, 1950, № 6.

[2] *В. А. Городцов*. Результаты исследований, произведенных научной экскурсией, стр. 121.

[3] *С. А. Дубинский*. Черкасовское городище под Оршей. Працы, т. II, стр. 71. На городище имеется и более древний слой с лепной керамикой, однако, судя по тому, что гончарная керамика встречается в насыпи вала, ясно, что валы сооружены не ранее X в.

[4] *В. Р. Тарасенко*. Археологические исследования городищ на Смоленщине. Працы, т. II, стр. 130 и 139.

[5] *С. А. Дубинский*. Городище у дер. Германов. Працы, т. II, стр. 83.

[6] *А. Н. Лявданский*. Смоленские городища, стр. 193, прим. 3.

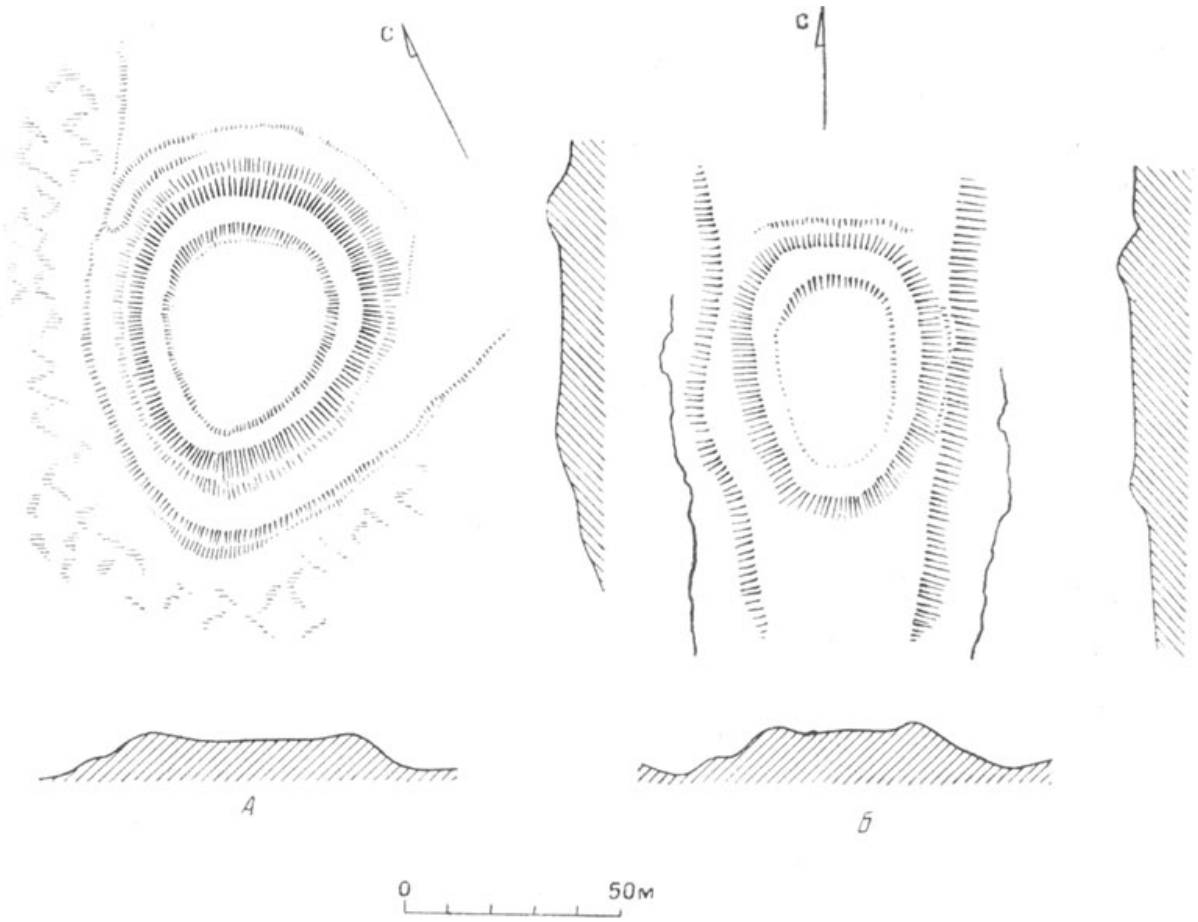

Рис. 7. Городища с замкнутым валом. (По Дубинскому). а — Черкасовское, б — Германовское.

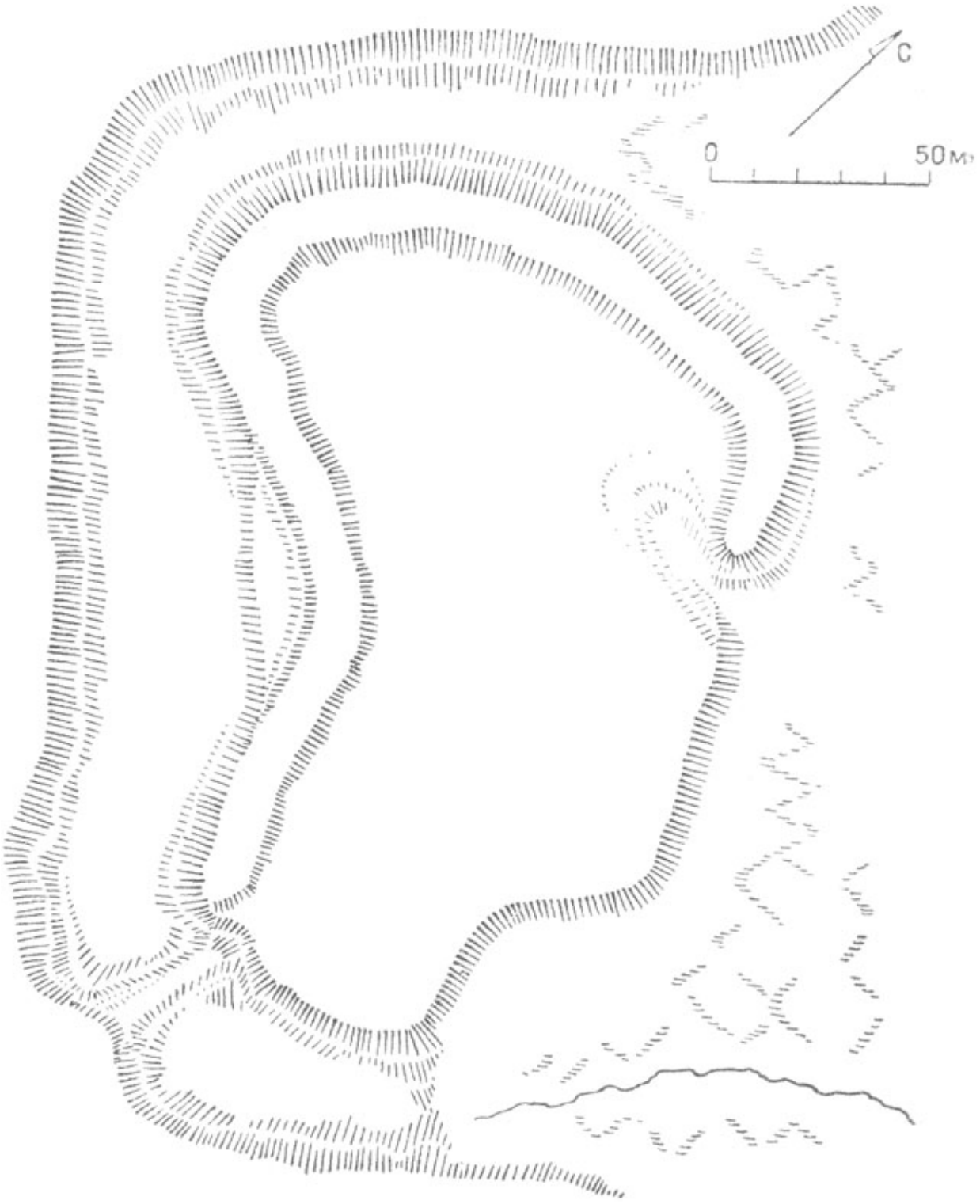

Рис. 8. Логойский «замок». (По Лявданскому).

ные овраги, все же общее плановое решение этого городища принципиально не отличается от обычного мысового типа, несмотря на все внешнее несходство.

Подобно мысовым городищам островные городища также относятся не только к VIII—X вв., но и к более позднему времени, причем среди этих более поздних городищ встречаются и не имеющие искусственных укреплений.

Таково, например, городище в урочище Стуга в районе Житомира. [1] Оно расположено на острове посреди русла пересохшей реки Стуги (рис. 9). Северная часть острова, размером приблизительно 40 х 60 м, была отрезана от остальной части рвом (в настоящее время превратившимся в седловину) и представляет собой остатки укрепленного поселения. Собственно говоря, о том, что это было укрепленное поселение, можно судить только по его защищенному местоположению, так как никаких земляных укреплений здесь не имеется.

Значительно севернее, в районе г. Рославля, к такому же типу относится городище у дер. Деребуж на р. Остре при впадении в нее р. Стомяти. [2] Это городище имеет довольно большие размеры и находится на островке среди болотистой низины. На городище также нет даже следов земляных укреплений.

В большинстве случаев, однако, островные городища X—XIII вв., так же как и мысовые городища этого времени, имеют по периметру вал. Хорошим примером островного городища с замкнутым валом по периметру может служить городище Городец на р. Жиздре, в бассейне верхнего течения Оки. [3] Городец расположен среди топкого болота на берегу реки, имеет овальную площадку по форме островка и окружен довольно мощным земляным валом. Ту же схему имеет и городище в бывшем имении Вонлярово на Смоленщине, однако здесь оно занимает не весь островок среди болота, а лишь его наиболее возвышенную, холмообразную часть, окруженную по периметру валом, в настоящее время сильно оплывшим

---

[1] С. Гамченко. Древний поселок и могильник в урочище Стуга. Чтения в Историч. общ. Нестора летописца, кн. 13, Киев, 1899. О датировке городища см. рецензию Б. [Беляшевского] в «Археологической летописи южной России» (Киев, 1900, стр. 127).

[2] *А. Н. Лявданский*. Городище, курганы и стоянка у дер. Деребуж. Труды секции археологии РАНИОН, т. IV, М., 1929, стр. 300.

[3] *Н. И. Булычев*. Раскопки по части водораздела верхних притоков Днепра и Волги. М., 1903, стр. 70.

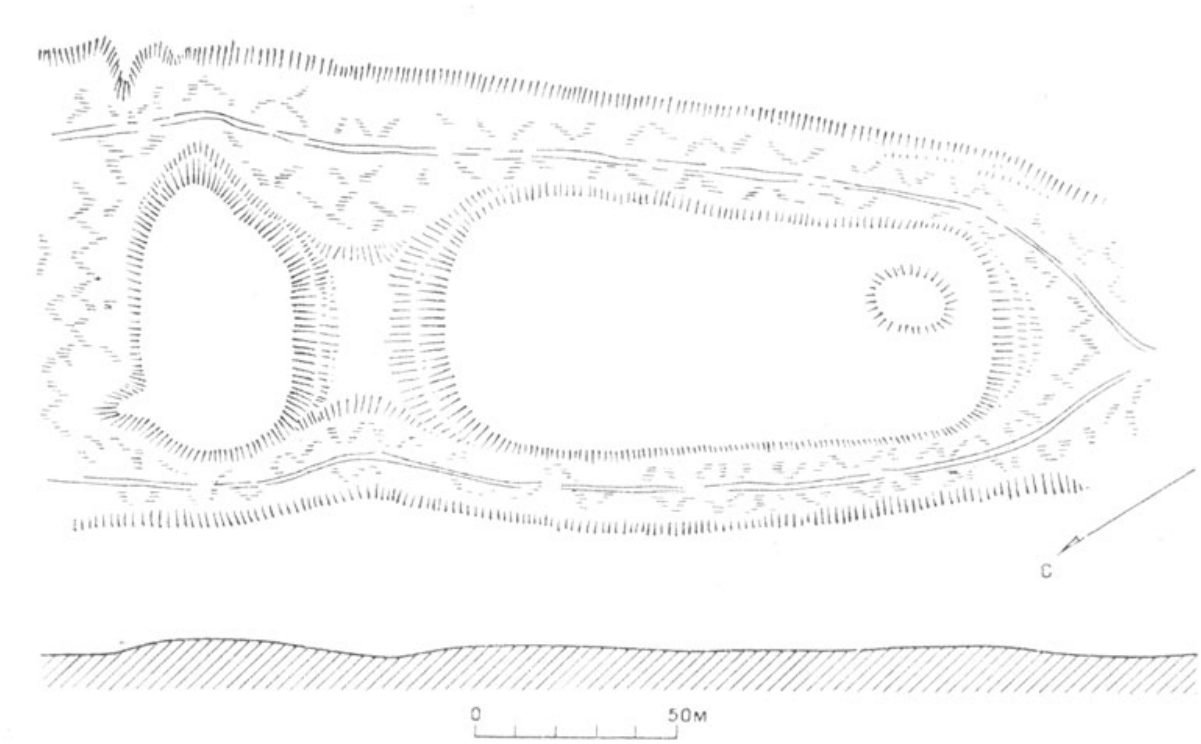

Рис. 9. Городище в урочище Стуга. (По Гамченко).

Стр. 36

(рис. 10). [1] Как Городец на Жиздре, так и Вонляровское городище, кроме культурного слоя X—XIII вв., имеют и более древний культурный слой, но по аналогия с мысовыми городищами можно предполагать, что оборонительная система этих городищ, их земляные валы были сооружены уже после X в. Среди городищ X—XIII вв.. не имеющих более древнего культурного слоя, к островному типу относится, например, городище близ местечка Семков Городок в районе Минска. [2] Оно расположено на острове среди болота и занимает лишь самую высокую часть его, не более ¼ всей площади острова. Кроме стороны, непосредственно примыкающей к болоту, городище было окружено валом и рвом, в настоящее время почти совершенно распаханными.

К тому же чисто островному типу принадлежит и детинец г. Борисова, теперь городище в г. Борисове на Березине, находящееся на острове среди реки. [3] Городище это сильно разрушено позднейшими постройками, и тип его древних укреплений поэтому не известен.

Если городища Полоцкой и Смоленской земель в силу естественно-географических условий нередко занимали болотные островки, то в верховьях Волги и Западной Двины для расположения укрепленных поселений были очень удобны отдельные округлые холмы. Типичным примером является городище Кривит в Торопце — древний Торопецкий детинец. Это городище занимает овальный в плане бугор довольно значительной величины и окружено по периметру мощным валом. [4]

Рассмотренные мысовые и островные городища X—XIII вв. могут быть объединены с городищами VIII—X вв. в одну группу городищ, форма которых полностью подчинена рельефу местности.

Городища этой группы, в особенности возникшие еще до X в., обычно невелики; площадки, не превышающие 40 или 50 м в длину, не являются исключительными примерами; ряд городищ имеет даже еще меньшие размеры. Городища X—XIII вв. занимают часто несколько большую площадь. Некоторые же из них, представляющие остатки более или менее значительных древних городов, имеют площадки длиной в 150—200 м, а иногда и еще больше. Приблизительно с конца X—XI вв. часть городищ этой группы снабжается уже довольно мощными укреплениями — высокими валами, обходящими по всему периметру, а позже иногда даже сдвоенными и строенными валами с напольной стороны.

Характерной чертой этих городищ остается их теснейшая связь с рельефом и полная зависимость плана их оборонительной системы от плана того мыса, холма или островка, на котором они расположены (рис. 11; 12). Конечно, наиболее неудобные части площадки, выбранной для укрепления, могли исключаться. Так, например, довольно часто

---

[1] *А. Н. Лявданский*. Смоленские городища, стр. 255. Многоугольная форма контура островка — следствие земляных работ сравнительно недавнего времени.

[2] *А. Н. Лявданский*. Археологические раскопки в г. Заславле. Працы, т. I, стр. 85.

[3] *А. Н. Лявданский*. Археологические исследования в Борисове. Працы, т. II, стр. 253. См. также: З. Давгяло. Борисовский замок. Працы, т. II, стр. 263.

[4] Культурный слой X—XIII вв. имеется также на Огубском городище в бассейне Верхней Оки. Городище это представляет собой островок в болотистой низине (*Т. Н. Никольская*. Огубское городище. КСИИМК, вып. 38, 1951, стр. 105). Хорошим примером укрепленного поселения, расположенного на отдельном холме, может служить также городище Герцике — северо-западный форпост Полоцкого княжества (Senatne un Māksla, IV, Rigā, 1939, стр. 77).

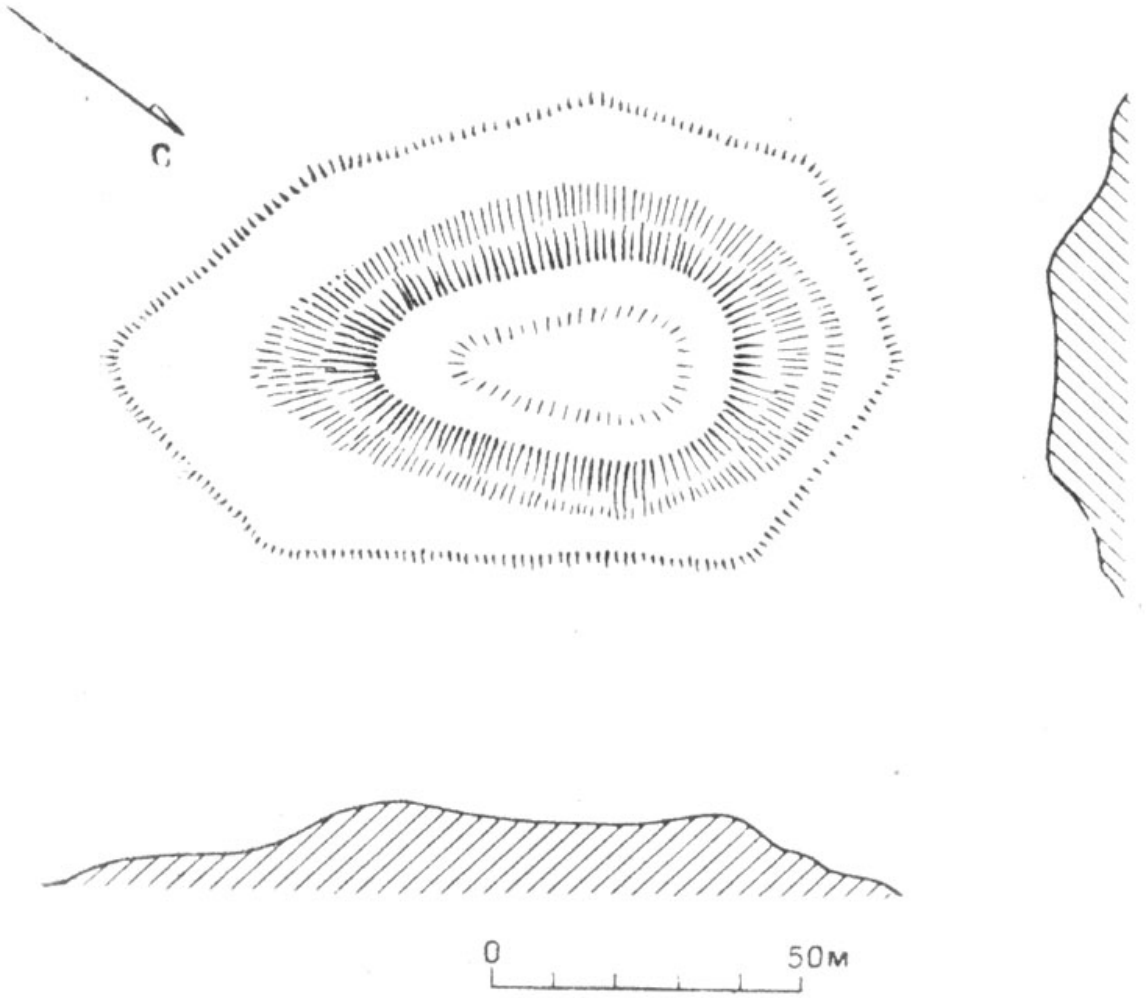

Рис. 10. Городище Вонлярово. (По Лявданскому).

Рис. 11. Городище у с. Заречье. Общий вид с востока.

Рис. 12. Городище в с. Старые Безрадичи.

от площадки городища отрезался конец мыса в том случае, если он был очень узким (например Гримовское городище) или сильно понижающимся (например Германовское городище). Однако всем памятникам данной группы свойственна полная зависимость от конфигурации холма и даже узкие и понижающиеся концы мыса, если их все же можно было включить в систему обороны, как правило, укреплялись совместно с площадкой (например городище в с. Старые Безрадичи).

Наличие городищ, полностью подчиненных рельефу местности и возникших не ранее XI—XII вв., показывает, что данная система планировки укреплений характерна не только для ранних, но и для более поздних поселений вплоть до XIII в.

Если хронологические рамки городищ, подчиненных рельефу местности, определяются достаточно ясно, то значительно труднее выяснить вопрос о назначении этих городищ. Датировка почти всех рассмотренных городищ может быть основана на минимальных разведочных раскопках или даже на изучении одного только подъемного материала. Для выяснения же содержания поселения необходимы крупные и систематические раскопки, которые пока проведены лишь на немногих памятниках. Однако совершенно необходимо все же попытаться выяснить, хотя бы на первых порах и ориентировочно, содержание данных городищ, так как иначе невозможна никакая их классификация.

Городища VIII-X вв., относящиеся как к мысовому, так и к островному типам, являются, очевидно, в основном остатками укрепленных поселений крестьян-общинников, а во

вторую половину этого периода (и особенно в X в.) в значительной части уже представляют собой остатки феодальных замков. По-видимому, и позднее, в XI в. и даже и еще позже, простейший мысовой или островной тип городищ, не имеющих замкнутого окружающего вала, связывается по-прежнему с укрепленными сельскими поселени-

ями. Однако в это время он приобретает уже иное содержание. В связи с развитием феодальных отношений укрепленные сельские поселения типа свободной общины постепенно исчезают. К XII—XIII вв. существование таких укреплений, вероятно, вообще становится невозможным, так как трудно предположить, чтобы в эпоху развитого феодализма сельское население, феодально-зависимые крестьяне имели собственные укрепления, которые они могли использовать в первую очередь для защиты от феодалов. Поэтому укрепленные сельские поселения XI—XIII вв. в основном, видимо. представляют собой уже феодальные усадьбы. Таким образом, если островные и мысовые городища, не имеющие замкнутого вала, в VIII, IX, а отчасти еще и в X вв., являются укрепленными общинными поселениями, то такие же городища X и особенно XI-XIII вв. — это уже остатки укрепленных сельских поселений типа владельческого двора, причем очень вероятно, что эти типы укрепленных поселений часто непосредственно перерастали один в другой.

К феодальным замкам, хотя и несколько особого типа, следует относить также пограничные крепости, которые князья строили для защиты от вторжений кочевников. По-видимому, именно к такому типу *городов* относились укрепления по Стугне, Суле и другим рекам, построенные в конце X в. князем Владимиром Святославичем. Остатками одного из таких укреплений, видимо, является городище у с. Заречье.

Городища с замкнутым валом в большинстве своем также представляют собой остатки укрепленных сельских поселений, однако даже сама датировка этих городищ временем не ранее конца X в. говорит о том, что это были уже не общинные поселения, а феодальные замки. [1] Кроме того, некоторая

---

[1]Так, *М. И. Артамонов* считает укрепленными владельческими дворами большинство городищ подобного типа в Подолии (Археологічні пам'ятки УРСР, т. I, Київ, 1949, стр. 261).

часть таких городищ является остатками укрепленных городских центров — детинцев. Об этом свидетельствует как наличие среди городищ подобного типа очень крупных, связанных с обширным селищем и большим могильником, так и то, что некоторые из них были в древности довольно значительными городами, известными по летописям.

Можно привести лишь единичные примеры, когда достаточно большие города относятся к простейшему типу и не имеют оборонительного вала по периметру, например город Ольгов, теперь городище у дер. Новоселки. Однако такое редкое исключение может быть объяснено архаичностью типа планировки данного города, не говоря о том, что в этом случае по периметру ранее мог существовать вал, позднее осыпавшийся или уничтоженный.

Таким образом, тип городищ с замкнутым валом по сравнению с городищами, имеющими вал только с напольной стороны, является не только хронологически последующим этапом в развитии русских оборонительных сооружений, но также и типом планировки оборонительной системы, отвечающим более разнообразным социальным функциям.

IV. ГОРОДИЩА ПРАВИЛЬНОЙ ГЕОМЕТРИЧЕСКОЙ ФОРМЫ

1

Ко второй группе городищ относятся городища с укреплениями, имеющими в плане правильную геометрическую форму, не зависящую от конфигурации местности.

Конечно, и среди городищ мысового и островного типов также встречаются отдельные памятники, имеющие в плане более или менее правильную форму, но там эта форма во всех случаях все же продиктована рельефом местности, *т. е. формой* того холма, на котором городище расположено. Так, например, городище у с. Спас на Оке имеет площадку, близкую к прямоугольнику, но форма эта вызвана своеобразной конфигурацией мыса, а не искусственно создана при постройке укрепления.

Больше оснований говорить о правильной геометрической форме городища на ручье Корчеватом в районе Житомира. [1] Это городище, относящееся к XI—XIII вв., имеет в плане форму четырехугольника со скругленными углами, приближающегося к овалу (рис. 13). Однако и в этом случае форма укрепления, по-видимому, больше зависит от формы холма, чем является следствием сознательного замысла строителей. Поэтому больше оснований относить это городище к типу мысовых с замкнутым валом, чем к городищам правильной геометрической формы, хотя не исключена возможность, что в данном случае при постройке вала сама конфигурация холма была существенно подправлена. Существуют, однако, городища, план которых явно не зависит от конфигурации и рельефа местности, на которой они расположены. План оборонительной системы этих городищ искусственно создан в виде правильной геометрической формы, по совершенно определенному замыслу. При этом замечательно, что единственной формой плана в таких русских городищах является круг. Других правильных геометрических форм, в частности четырехугольной или многоугольной, на древнерусских городищах этого времени совершенно не встречается. Круглые же городища наблюдаются нередко, но при

---

[1] С. Гамченко. Городище и могильники р. Корчеватый. Тр. IX АС, т. II. М., 1897, стр. 94. Автор датирует это городище VII-IX вв., но весь набор инвентаря позволяет безошибочно датировать городище XI—XIII вв. На городище найдены стеклянные браслеты, шиферные пряслица, керамика, сделанная исключительно на круге, и пр.

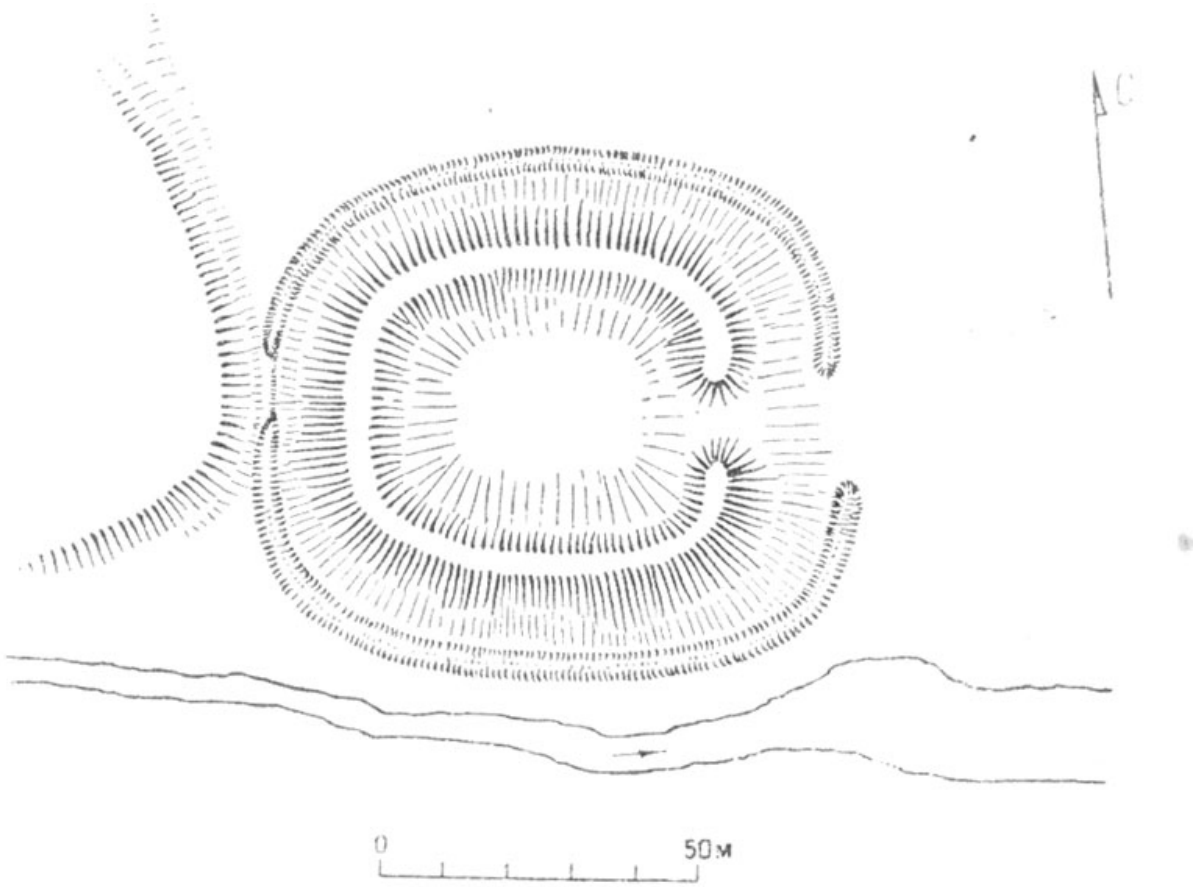

Рис. 13. Городище на ручье Корчеватом. (По Гамченко).

этом все они относятся ко времени не ранее XI в. [1] Кроме того, круглые городища, как правило, построены на новых местах, где до этого никаких поселений не было. Таким образом, очевидно, что круглые укрепленные поселения возникают не ранее XI в. как совершенно новое явление. [2]

Некоторые исследователи (В. Антонович, В. Ляскоронский и др.) считали, что именно круглые городища являются наиболее древним типом славянских городищ, *т. е. как* раз обратно тому, что имеет место в действительности. По-видимому, кроме малой изученности материала, здесь сыграло роль и смешение собственно круглых городищ с майданами, которые иногда действительно очень трудно отличить от маленьких круглых городищ. При этом, если для южной Руси, особенно для Среднего Поднепровья, этот вопрос решается достаточно определенно, то для других районов Руси вопрос о маленьких круглых городищах еще вообще не решен. Так, например, значительное количество круглых или овальных в плане городищ, расположенных среди болот, имеется на Смоленщине. Площадки этих городищ очень малы — порой даже менее 20 м в диаметре. Все попытки датировать эти городища пока оказались безуспешными, так как в культурном слое этих городищ совершенно отсутствуют какие-либо находки, кроме мелких угольков. [3] Попытки датировать городища на основании материалов расположенных поблизости селищ также не привели к определенным выводам, так как, несмотря на явную однотипность этих городищ, около некоторых из них были обнаружены очень ранние селища (первой половины I тысячелетия н. э.), а около других

— селища XI— XIII вв. [4] Были высказаны предположения о том, что данные городища являются не остатками укрепленных поселений, а культовыми или обрядовыми местами. [5] Более вероятно, однако, что круглые городища этого типа представляют собой вовсе не городища, а своеобразные майданы, *т. е. разрытые* для каких-то целей курганы.

Не совсем ясен характер городища у дер. Хильчицы близ Турова. [6] Размеры его несколько больше, чем у смоленских круглых городищ, кроме того, в его культурном слое были найдены единичные фрагменты керамики. Однако расположение вала не по периметру холма, а ниже, у его основания, и наличие в культурном слое большого количества угля при полном отсутствии каких-либо вещей (кроме, как отмечено выше, единичных фрагментов лепной керамики) заставляют сблизить этот памятник со смоленскими круглыми городищами и также усомниться в том, является ли вообще это городище оборонительным сооружением.

Подлинные городища, имеющие правильную круглую форму, хорошо известны, например, на Днепровском Левобережье. Большое количество таких городищ исследовано здесь *И. И. Ляпушкиным*, впервые определившим их правильную датировку — временем не ранее конца XI в. [7] К ним относятся, например, меленькие круглые городища в бассейне р. Сулы — у с. Кизивер, у с. Чутовка, у с. Сенча и др. [8] Городище у с. Чутовка, расположенное напротив Го-

---

[1]Возможно, что в юго-западных районах Руси — в Поднестровье и Побужье — городища, имеющие округлую (вернее, овальную) форму, появляются раньше, быть может, даже с IX в. (*Г. Б. Федоров*. Славяне Поднестровья. Вестн. АН СССР, 1952, № 2, стр. 94; *Д. Т. Березовец*. Разведка в верховьях р. Южного Буга. Археологічні пам'ятки УРСР, т. III, Київ, 1952, стр. 215). Локальные особенности развития планировки укрепленных поселений Поднестровья и Побужья могут быть выяснены лишь в специальной работе. Наиболее правдоподобно, однако, что и здесь круглая форма плана появляется только в XI в.

[2]На материалах городищ Днепровского Левобережья это было убедительно доказано *И. И. Ляпушкиным*.

[3]См., например: Працы, т. II, стр. 273; Працы, т. III, стр. 190, и особенно: *А. Н. Лявданский*. Смоленские городища, стр. 264—272.

[4]Так, например, селища XI—XIII вв. были обнаружены рядом с круглыми городищами у дер. Кушлянщина и у дер. Петрово (*А. Н. Лявданский*. Смоленские городища, стр. 189 и 259).

[5]*А. Н. Лявданский*. Смоленские городища, стр. 190.

[6]А. Каваленя и С. Шутов. Материалы к доистории Туровщины. Працы, т. II, стр. 363. По-видимому, это же городище упоминается в обзоре С. Дубинского (Працы, т. II, стр. 511).

[7]*И. И. Ляпушкин*. Исследования Днепровской левобережной экспедиции 1947—1948 гг. Археологічні пам'ятки УРСР, т. III, Київ, 1952, стр. 297.

[8]См., например: *И. И. Ляпушкин*. Отчет об экспедиции 1948 г.; Ф. Копылов. Посульская экспедиция 1945—1946 гг. Археологічні пам'ятки УРСР, т. I, Київ, 1949. См. также описание городищ, сделанное В. Ляскоронским: Тр. XI АС, т. I, М., 1901, стр. 405 сл.

рошина, на высоком берегу, у края надпойменной террасы, окружено кольцевым валом и снаружи рвом. [1] Диаметр площадки этого городища около 50 м (рис. 14, а).

Городище такого же типа и такого же размера у с. Сенча расположено на острове, образуемом р. Сулой и со старицей. [2] Оно также окружено кольцевым валом и

---

[1] *И. И. Ляпушкин*. Отчет об экспедиции 1948 г., стр. 83. План и описание городища имеются у В. Ляскоронского (Тр. XI АС, т. I, М., 1901, стр. 416).
[2] *И. И. Ляпушкин*. Отчет об экспедиции 1948 г., стр. 87. См. также: Тр. XI АС, т. I, М., 1901, стр. 411.

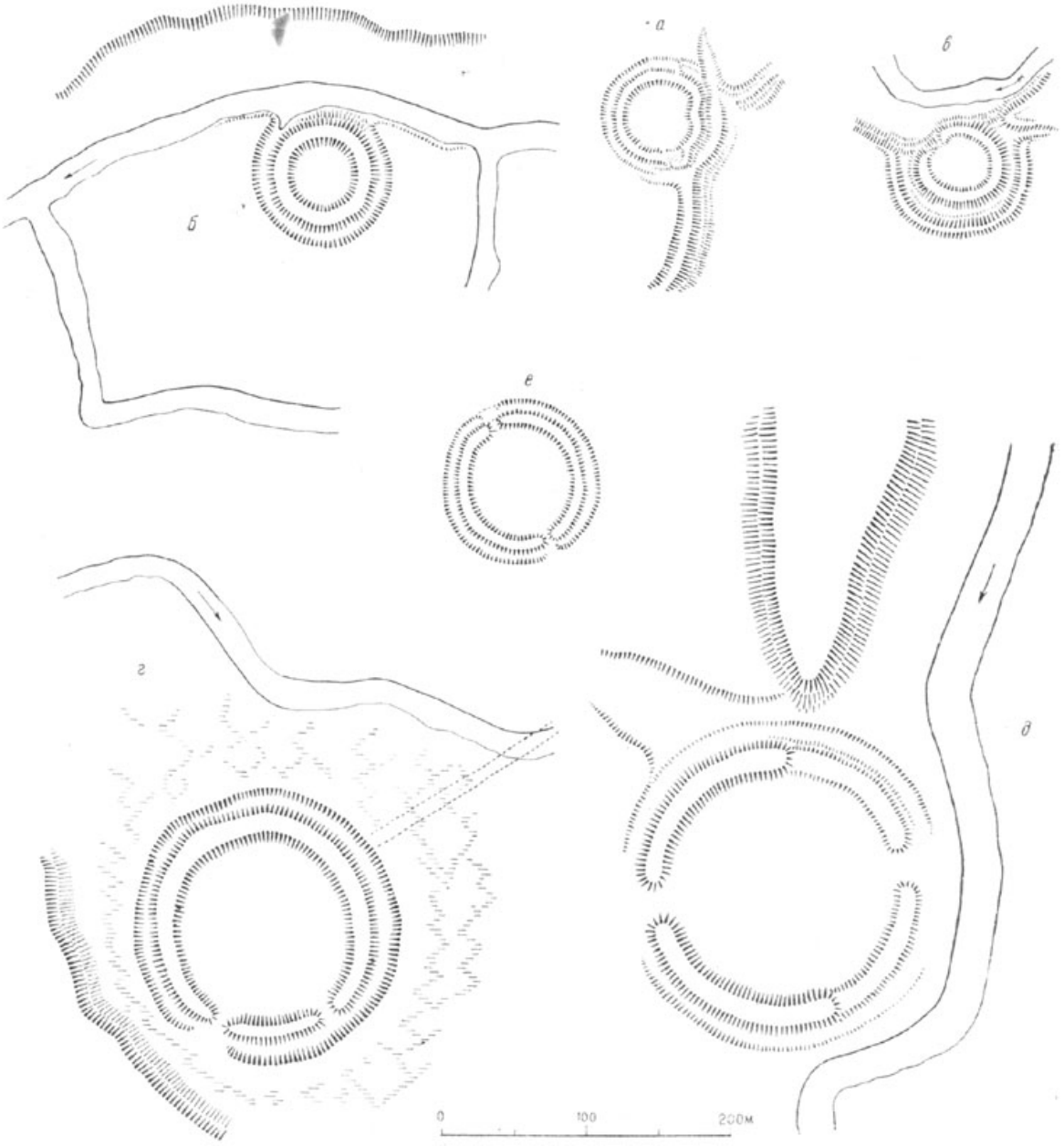

Рис. 14. Круглые городища. а — у с. Чутовка (по Ляскоронскому); б — у с. Сенча (по Ляскоронскому); в — у с. Феськовка (по Виноградскому); г — у с. Липовое (по Ляскоронскому); д — Снетинское (по Ляскоронскому); е — Заславль (по Лявданскому).

рвом (рис. 14, *б*). Городище у с. Феськовка на берегу р. Мены (на Черниговщине) находится, так же как и городище у с. Чутовка, на надпойменной террасе. [1] В отличие от двух предыдущих городищ, кроме кольцевого вала и рва, здесь имеется еще второй вал перед рвом (рис. 14, в). Размеры городища около 50 м в диаметре.

Городище у с. Мацковцы, также на берегу р. Сулы, расположено на стрелке мыса, но в отличие от мысового типа городищ земляные укрепления охватывают не всю территорию мыса, а округлую площадку, несколько меньшую, чем самый мыс. Городище окружено валом, а с тех сторон, где оно не примыкает к обрыву, также и рвом (рис. 15). По размеру оно больше, чем предыдущие, — около 108 X 85 м.

Несколько неправильная, не круглая, а скорее грушевидная форма городища объясняется, очевидно, тем, что здесь необходимо было включить в защищаемую валами площадку колодец, расположенный на краю мыса и существовавший здесь до постройки данного укрепления. Мацковское городище построено не ранее конца XI—XII вв., хотя поселение здесь существовало и несколько раньше. [2]

Большинство городищ круглой формы имеет сравнительно небольшие размеры — с площадкой диаметром от 50 до 100 м, причем иногда встречаются даже и еще меньшие круглые городища. Таково, например, городище у с. Городище в Переяслав-Хмельницком районе, расположенное у устья старого русла Трубежа и имеющее в плане совершенно правильную круглую форму. [3] Диаметр его всего около 30 м. Однако существуют круглые городища и значительно большего размера. Так, площадка городища у с. Липового на р. Ромен (на Полтавщине) имеет диаметр около 140 м [4] (рис. 14, *г*). Находится это городище на болотистом лугу, на берегу реки. По-видимому, оно является остатком какого-то значительного поселения; помимо довольно больших размеров, об этом говорит и огромный курганный могильник, расположенный рядом.

Еще большие размеры имеет городище в местечке Снетине при слиянии р. Сулы с р. Удаем. [5] Диаметр его площадки равен почти 170 м (рис. 14, *д*). Несмотря на то, что рядом имеется узкий мыс, удобный для размещения поселения, городище находится в низине — на самом берегу реки, на мысу же

---

[1] *И. И. Ляпушкин*. Отчет об экспедиции 1947 г., стр. 56. План и описание городища см.: Ю. Виноградський. Археологічні розшуки на Сосниччині. Хроніка археології та мистецтва, ч. 3. Київ, 1931, стр. 38.

[2] *П. А. Раппопорт*. Археологические заметки о двух русских оборонительных сооружениях XII в. КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 184. План этого городища, опубликованный В. Ляскоронским, не точен (Тр. XI АС, т. I, М., 1901, стр. 415).

[3] По-видимому, это городище представляет собой остатки древнего города Устье. Городище обследовано в 1953 г. Переяслав-Хмельницкой археологической экспедицией под руководством М. К. Каргера.

[4] Н. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губ., в 1906г., стр. 72. О раскопке курганов, примыкавших к этому городищу, см.: там же, стр. 38. План и описание городища см.: Тр. XI АС, т. I, М., 1901, стр. 409.

[5] В. Ляскоронский. Остатки древнего городища в м. Снетине. Киевск. старина, 1896, декабрь, стр. 327; см. также: Тр. XI АС, т. I, М., 1901, стр. 438; Археолог. изв. и заметки, т. I, М., 1893, стр. 39. Об археологическом исследовании этого городища см.: *Н. Е.*

Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. ИАК, вып. 43, СПб., 1911, стр. 108.

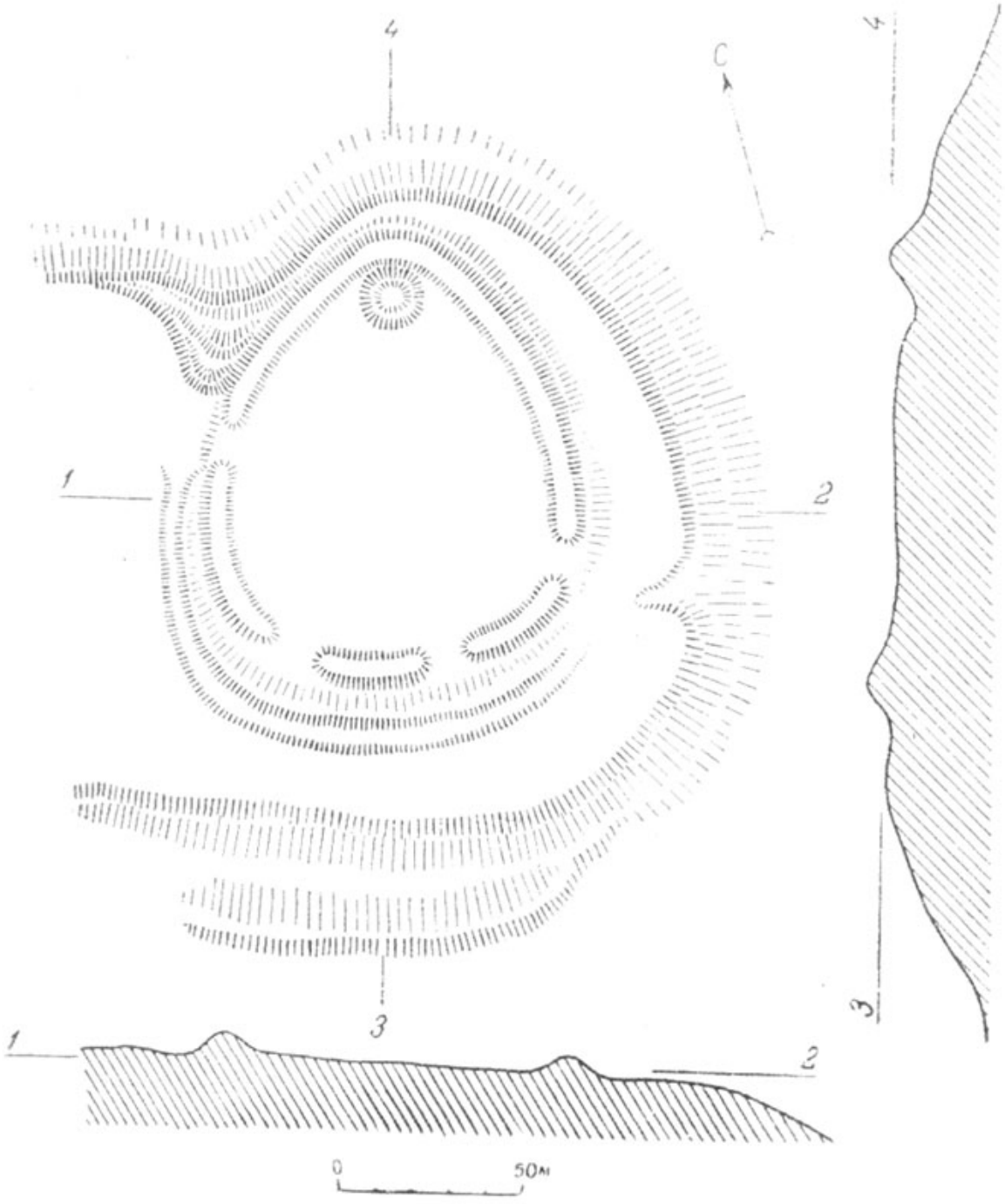

Рис. 15. Городище у с. Мацковцы.

расположен курганный могильник. [1] Городище окружено кольцевым валом и рвом. Несомненно, это городище является остатками укреплений города Кснятин, упоминаемого в русских летописях. Возможно, что, кроме круглого укрепления, в Кснятине имелась и вторая линия обороны, так как на схематическом чертеже Ляскоронского к западу от городища указаны еще два отрезка вала.

В районе Чернигова к тому же типу круглых городищ, по-видимому, относилось городище у с. Салтыкова Девица на Десне. [2] На Днепровском Правобережье очень хорошим примером круглого городища является Грубское городище в Житомирской области. [3] Оно имеет совершенно правильную круглую форму; вал его. в настоящее время достигающий высоты около 2. 5 м, очень хорошо сохранился (рис. 16). Снаружи перед валом заметны следы рва. С восточной стороны расположен въезд. Диаметр городища 105 м.

Городища подобного типа встречаются не только в южных районах Руси, они известны, правда в небольшом количестве, и севернее. Так, например, в районе Минска хорошим примером такого городища может служить «Замочек» в г. Заславле. [4] Это городище расположено на надпойменной террасе и окружено кольцевым валом и рвом (рис. 14, е). Диаметр площадки около 70 м. Сравнительно небольшие размеры городища, отсутствие четко выраженного культурного слоя и особенно отсутствие селища, непосредственно примыкающего к нему, не позволяют считать «Замочек» в Заславле остатками детинца древнего города Изяславля, который, по-видимому, находился где то в другом месте. [5]

По-видимому, к этому же типу принадлежат и некоторые городища на западных окраинах Киевской земли. Так, вероятно, сюда следует отнести городище у с. Мирополь, расположенное на высоком берегу р. Случь. Площадка городища, правильной округлой формы, была обведена кольцевым валом, сравнительно в недавнее время уничтоженным распашкой. Кроме этого вала, на склонах городища, несколько ниже площадки имеется еще линия вала и рва. [6]

---

[1] В. Ляскоронский, отметивший наличие на мысу массы небольших холмиков, считал их системой искусственных препятствий, которые «исполняли назначение маскировать силы защитников и не давать возможности врагам нападать сплошной конной массой» (Киевск. старина, 1896, декабрь, стр. 332). Произведший здесь раскопки Н. Макаренко отметил, что «эти заманчивые холмики оказались обыкновенными курганами» (ИАК, вып. 43, СПб., 1911, стр. 115).

[2] *Н. А. Константинович*. О городище близ м. Салтыкова Девица. Тр. IV АС, т. I, Казань, 1884, стр. 48.

[3] *П. А. Раппопорт*. Заметки о датировке некоторых типов городищ Поднепровья, стр. 112. Вероятно, к тому же типу относится и городище Очаков у дер. Набутово на р. Рось (*В. Е. Гезе*. Раскопки на городище Очаков. Археолог. летопись южн. России, Киев, 1904, № 3).

[4] *А. Н. Лявданский*. Археологические раскопки в г. Заславле, стр. 5.

[5] Правда, А. Лявданский указывал, что других городищ в этом районе нет, кроме большого городища Валы, построенного, по его мнению, не ранее XV в. (Працы, т. I, стр. 83; исторический очерк Заславля см.: там же, стр. 111). Однако *А. Г. Митрофанов* сообщил мне, что и на городище Валы в подъемном материале имеется домонгольская керамика.

[6] С. Гамченко. Раскопки в бассейне р. Случи. Тр. XI АС, т. I, М., 1901, стр. 357. Остается не совсем ясным, к какому типу относится это городище, так как, несмотря на его правильную круглую форму, оно занимает всю оконечность мыса. Поэтому возможно, что эта правильная круглая форма вызвана здесь формой мыса. В таком случае это городище будет относиться к простому мысовому типу городи*щ. С. Гамченко* на основании материала раскопки курганов датирует городище V—VIII вв., но в действительности основная масса материала относится к XI—XIII вв., хотя встречаются отдельные лепные фрагменты керамики VIII—IX вв. См., например, фотографии керамики: Архив ИИМК, ф. 1, д. 66 за 1896 г. Наличие валов и рвов на склонах городища заставляет предполагать не было ли оно использовано в качестве крепости в XVI—XVII вв.

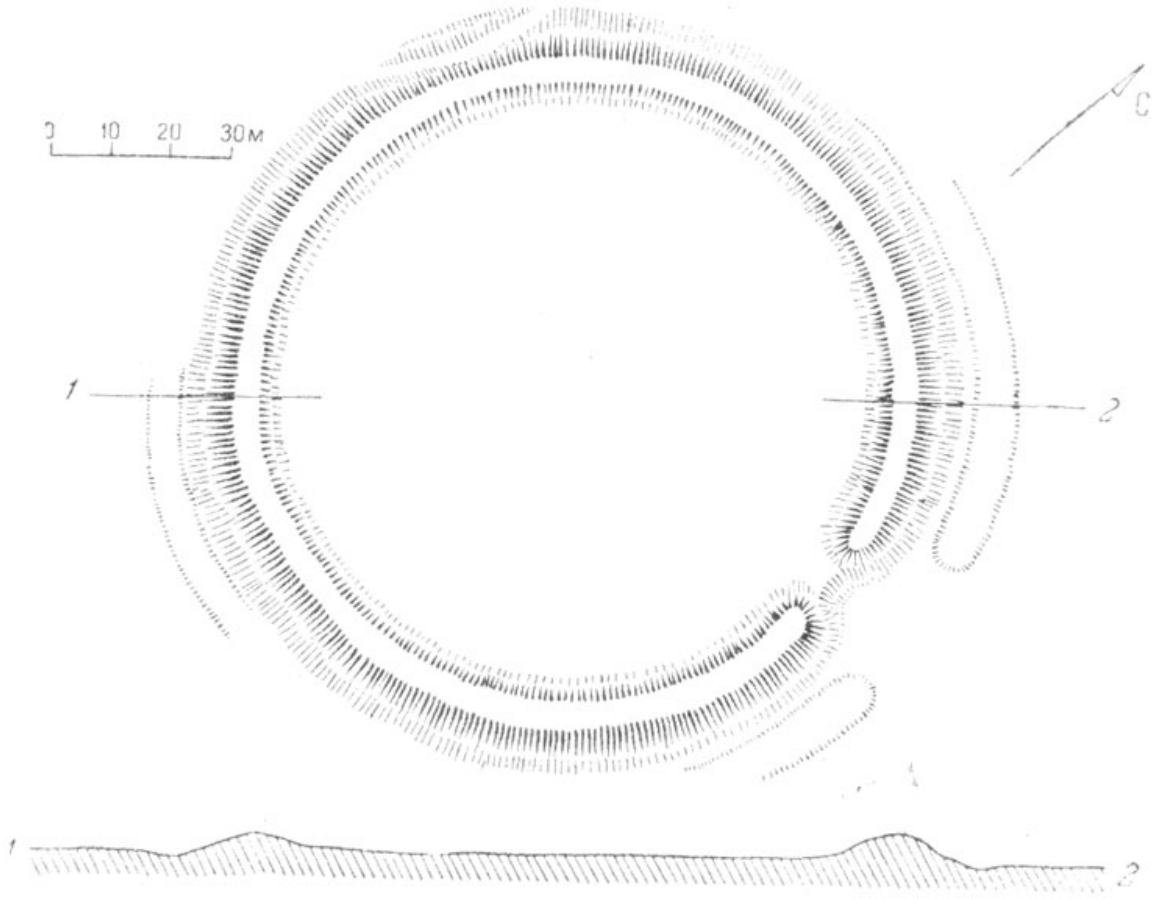

Рис. 16. Малое Грубское городище.

По всей вероятности к этому типу относится и ряд городищ в бассейнах Днестра, Прута и Серета. [1]

2

Другим типом городищ, план которых имеет правильную геометрическую форму, являются полукруглые городища. Несомненно, что они представляют собой один из вариантов городищ круглого типа, но вместо искусственных земляных укреплений по всей их окружности они с одной стороны имеют естественное укрепление — овраг или береговой обрыв.

Примером такого городища может служить городище в с. Вигуровщина на левом берегу Днепра, напротив Киева. [2] Вал его представляет собой почти правильную полуокружность, упирающуюся концами в склон долинки, по которой протекала р. Гнилуша,

---

[1]См., например: *П. И. Засурцев*. Славянские поселения в Молдавии. КСИИМК, вып. 27, 1947.

[2]П. Раппопорт. Обследование городищ в районе Киева в 1950 г., стр. 145.

теперь превратившаяся в озерко. С наружной стороны вала кое-где заметны следы оплывшего рва (рис. 17, *а*).

Почти идентично по форме и размерам городище Попова Гора на берегу Днепра, в районе Рогачева. [1] По-видимому, некогда это городище также представляло собой в плане почти правильный полукруг, но в настоящее время некоторая его часть обвалилась, подмытая Днепром (рис. 17, *б*). Очень близко по типу и городище у с. Григоровка (на правом берегу Днепра, несколько выше Канева), примыкающее, однако, не к берегу реки, а к оврагу. [2] Городище это имеет диаметр около 60 м и первоначально было окружено валом и рвом, по-видимому очень небольшой мощности. Небольшой вал проходил, возможно, и по краю этого городища, примыкавшему к оврагу (рис. 18).

Иногда полукруглые городища имеют большие размеры и защищены несколькими линиями валов и рвов. Таково, например, Романово-Борисоглебское городище на Оке, в районе Зарайска, возможно, представляющее собой остатки детинца города Борисова-Глебова, известного по летописи. [3] Это городище имеет три параллельных вала, из которых наружный уже почти полностью уничтожен (рис. 17, *в*). Диаметр этого городища почти 200 м. Прекрасным примером полукруглого городища, защищенного тремя линиями валов и рвов, является также городище в с. Кудинка, расположенное в верховьях Южного Буга (рис. 19). Площадка его сравнительно невелика — приблизительно 90 X 60 м. Городище является остатками болоховского города Кудина, раз-

---

[1] *А. З. Кавaленя*. Археологические разведки в Могилевском, Бобруйском и Минском округах. Працы, т. II, стр. 149. Быть может, это остатки города Попова Гора, известного по «Списку русских городов».

[2] П. Раппопорт. Заметки о датировке некоторых типов городищ Поднепровья, стр. 113.

[3] *В. А. Городцов*. Материалы для археологической карты долины и берегов Оки, стр. 552. *М. А. Ильин* вслед за *М. П. Погодиным* считает, что город Борисов-Глебов находился в другом место — в нынешней Рязани (КСИИМК, вып. 40, 1951, стр. 75; *А. Н. Насонов*, ук. соч., стр. 206). О месте древнего Борисова-Глебова см. также: Н. Любомудров. Местногеографические древности в Рязанской губернии. Рязанск. епарх. вед., год 9-й, 1873—1874, прибавл. к № 21, стр. 483.

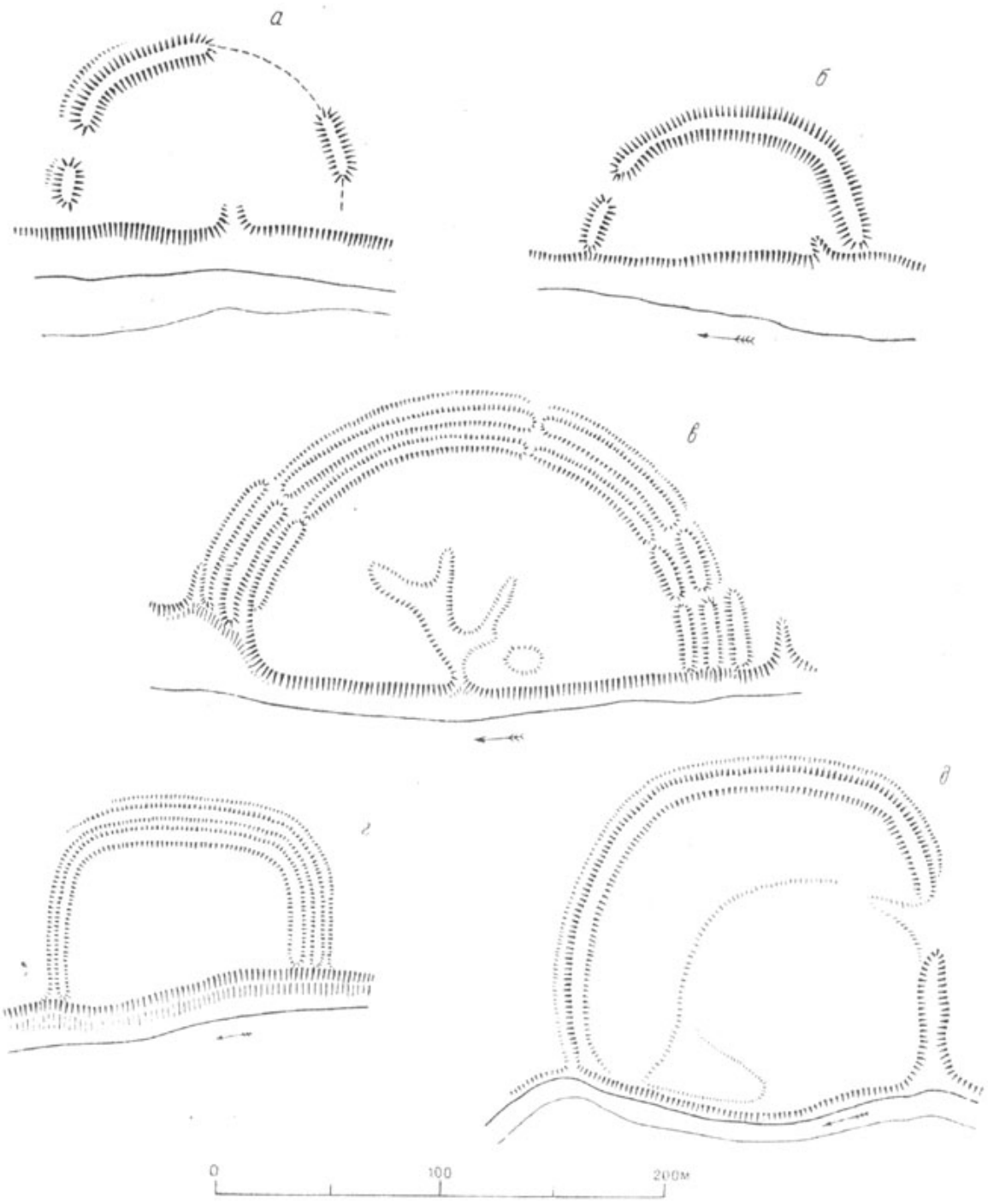

Рис. 17. Полукруглые городища. а — Вигуровщина; б — Попова Гора (по Кавалене); в — Романово-Борисоглебское (по Городцову); г — у дер. Углаты (по Шутову и Улашчыку); д — Круча (по Ляскоронскому).

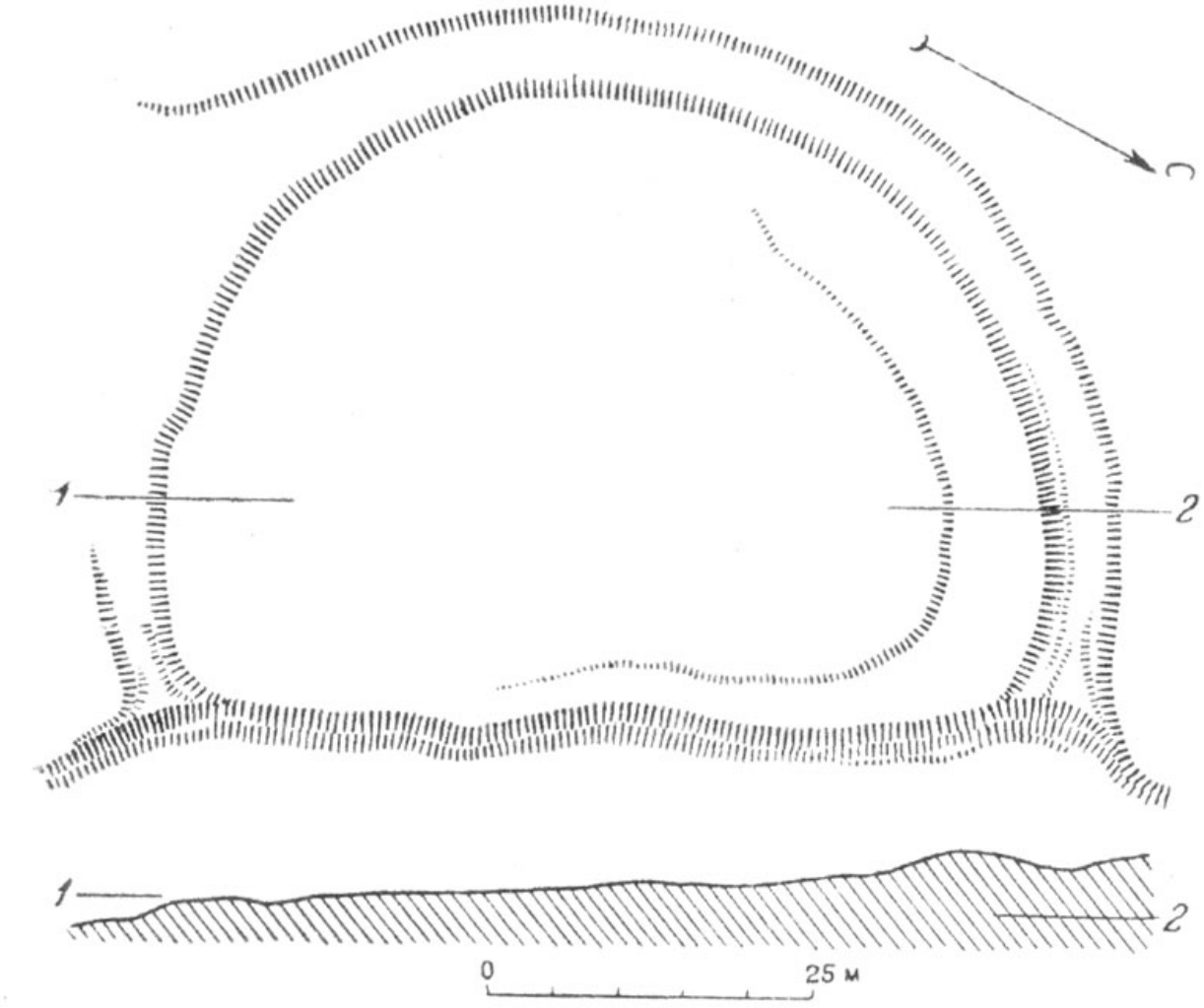

Рис. 18. Городище у с. Григоровка.

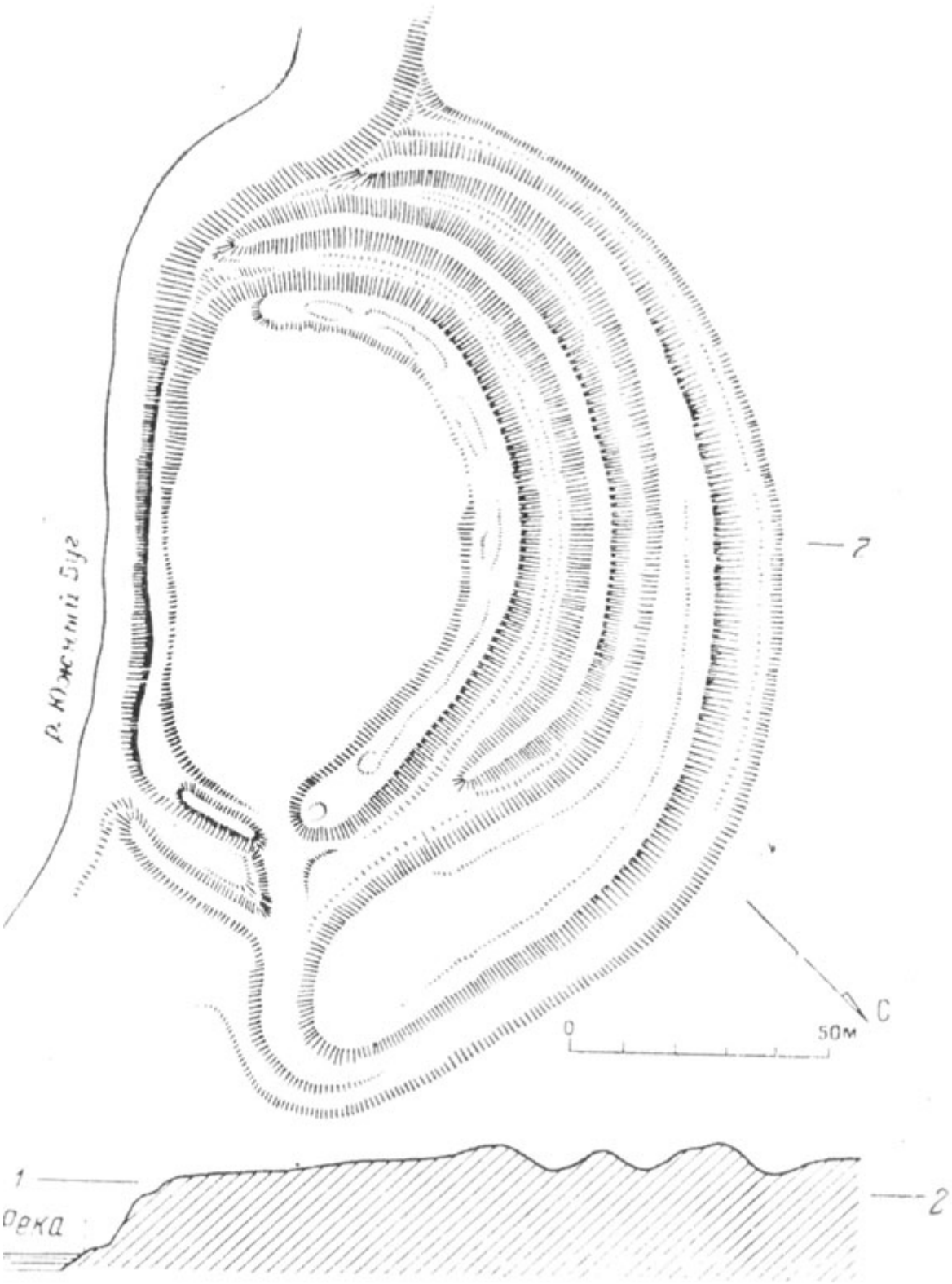

Рис. 19. Городище в г. Кудинка.

громленного войсками Даниила Галицкого в 1241. [1]

Существуют полукруглые городища, план которых имеет не совсем правильную геометрическую форму. Так, городище, у дер. Углаты на р. Свислочь приближается в плане к прямоугольнику со скругленными краями (рис. 17, г). [2] Единичность формы этого городища заставляет думать, что валы его получили прямоугольные очертания не по сознательному замыслу строителей, а лишь в результате приспособления к условиям местности. Таким образом, данное укрепление можно отнести к обычному полукруглому типу городищ. Это тем более вероятно, что и круглые городища также далеко не всегда точно выдерживают свою правильную форму. Большое городище Круча у с. Тарасовка на Полтавщине в общем также относится к тому же типу полукруглых городищ. [3] Однако оно имеет существенные отклонения от чистого варианта этого типа. Основное отличие заключается не в том, что форма городища не совсем правильная (такие отклонения часты и в круглых городищах), а в том, что, кроме берегового обрыва, здесь использовано еще одно естественное укрепление — крутые склоны оврага. Таким образом, не одна, а две стороны городища опираются на естественные укрепления (рис. 17, *д*). Здесь зависимость плана оборонительной системы от рельефа местности значительно больше, чем в обычных полукруглых городищах.

Существуют городища, в которых эта зависимость от местности сказывается еще больше. Так, например, городище Богатырское Дворище на берегу р. Старицы, в районе Рязани, расположено на углу, образуемом береговой террасой и большим оврагом. [4] В этом случае городище по своему типу приближается уже к обычным мысовым городищам, так как не менее половины его периметра имеет естественные оборонительные укрепления.

Городища с правильным геометрическим планом не являются, таким образом, совершенно оторванными от первой группы городищ, связанных формой своего плана С условиями местности.

3

Хронологическое соотношение этих групп укреплений (имеющих правильную геометрическую форму и подчиненных рельефу местности) вырисовывается достаточно ясно. Укрепленные поселения с правильной геометрической формой плана несомненно появляются позднее, чем мысовые или островные поселения. Неизвестно ни одного городища правильной формы, относящегося ко времени ранее XI в. [5] Однако, появившись в XI в., эти укрепленные поселения получили широкое распространение, по-видимому, только в XII—XIII вв.

К сожалению, датировка археологического материала XI—XIII вв. еще не настолько хорошо разработана, чтобы можно было всегда с достаточной уверенностью по незначительным, большей частью подъемным материалам отделить памятники XI в. от памятников XII—XIII вв. Все же в большинстве случаев, когда это удается сделать, оказывается, что круглые и полукруглые городища относятся именно к XII— XIII вв. В отношении круглых городищ Днепровского Левобережья, таких, как городища у сел Феськовка, Ленинское, Н. Слобода и другие, к таким выводам пришел *И. И. Ляпушкин,* датировавший все эти городища XII—XIII вв. в отличие от мысовых городищ того же района, начало жизни

---

[1]Разведка 1953 г. показала, что укрепленное поселение здесь было основано не ранее XII в., а может быть, даже в начале XIII в. (П. Раппопорт. Города Болоховской земли, стр. 57),

[2]С. Шутов и М. Улашчык. Археологические разведки на Нижней Свислочи. Працы, т. II, стр. 114.

[3]*И. И. Ляпушкин*. Отчет об экспедиции 1948 г., стр. 84. План и описание городища см.: Тр. XI, АС, т. I, М., 1901, стр. 426.
[4]*В.* А. Городцов. Материалы для археологической карты долины и берегов реки Оки, стр. 592.
[5]Городище Городок у с. Старые Сенжары на Ворскле, изображенное на плане Ляскоронского как круглое, в действительности, судя по описанию *И. И. Ляпушкина*, является типично мысовым. План этого городища см.: Тр. XIII АС, т. I, М., 1907, стр. 188; датировку см. в статье *И. И. Ляпушкина*: «Из истории Левобережной Украины в эпоху железа». СА, XI, 1949, стр. 387. То же самое можно отметить и в отношении городища «Городок» у с. Долгий Колодезь на р. Псел. План см.: Труды Курск. губ. учен. архивн. комиссии, вып. I, Курск, 1911, стр. 308, табл. II. Описание и датировку см.: *И. И. Ляпушкин*. Отчет об экспедиции 1948 г., стр. 63.

на которых отнесено им к более раннему времени. [1] Керамика Снетинского городища также в основном относится к XII—XIII вв., да и сам город Кснятин впервые упоминается в летописи в «Поучении» Мономаха, *т. е. в* начале XII в. [2] К XII—XIII вв. относятся и правобережные круглые и полукруглые городища — Грубское, городище в Григоровке, в с. Кудинка.

Таким образом, подавляющее большинство круглых и полукруглых городищ, по-видимому, относится именно к XII и XIII вв. Правда, на некоторых таких городищах достаточно определенно прослеживается слой XI в. (например Вигуровщина, Заславль), но более древние слои на таких городищах совершенно неизвестны. Отдельные случаи находки на подобных городищах более древней, лепной керамики — единичны, да и относятся они, по-видимому, не к этим городищам, а к каким-то небольшим селищам, существовавшим здесь до постройки укреплений. Именно к такому выводу пришли, например, исследователи, изучавшие городище у дер. Углаты, где были найдены фрагменты лепной керамики. [3]

Следует, однако, отметить, что круглые и полукруглые укрепления даже в XII— XIII вв. не сменили полностью укреплений мысового и островного типов. Тип укрепленных поселений с планом, отвечающим конфигурации местности, продолжал устойчиво удерживаться в XII—XIII вв., сосуществуя с укрепленными поселениями, имеющими в плане правильную геометрическую форму.

Судить о социальном лице круглых и полукруглых городищ очень трудно, так как ни одно из них не было подвергнуто систематическим раскопкам. По-видимому, некоторые из них как, например, городище в Снетине и Романово-Борисоглебское, судя по довольно большой величине, наличию рядом большого селища и могильника, являются остатками укрепленных городских центров — детинцев. Однако большинство городищ, имеющих правильную геометрическую форму, по-видимому, представляет собой остатки феодальных замков, княжеских и боярских усадеб — хором. [4] О том, что это были действительно укрепленные владельческие дворы, а не города, кроме незначительных размеров, говорит также сравнительно небольшая мощность культурного слоя, а часто и очень небольшие размеры примыкающего к ним селища. Возможно, что некоторые круглые городища с мощными укреплениями, расположенные по Суле, Пслу и другим рекам южной России, являлись вместе с тем пограничными крепостями.

Таким образом, основная часть круглых и полукруглых городищ, очевидно, представляет собой остатки феодальных замков и лишь очень немногие были городскими детинцами, причем, возможно, что сама форма в этих случаях указывает на какое-либо особое назначение этих детинцев. Так, очень вероятно, что круглые детинцы в Кснятине и Борисове-Глебове указывают на то, что это были в сущности не столько городские центры, сколько крупные княжеские замки, построенные для защиты наиболее ответственных речных переправ или с какими-либо другими чисто военными целями.

К сожалению, эти выводы о значении круглых и полукруглых городищ пока не могут быть твердо обоснованы ввиду крайне незначительного раскопочного материала.

V. ГОРОДИЩА СО СЛОЖНЫМ ПЛАНОМ

1

Городища со сложным планом, *т. е. состоящие* из нескольких самостоятельных площадок и соответственно этому нескольких линий укреплений, могут быть разделены на два типа — городища сложно-мысового типа и городища сложного типа.

Среди сложно-мысовых существуют некоторые городища, жизнь на которых протекала как в VIII—X вв., так и позднее —

---

[1]*И. И. Ляпушкин*. Отчет об экспедиции 1947 г., стр. 62.

[2]Производивший раскопки на Снетинском городище П. Макаренко пытался утверждать, что датировку найденной им керамики «придется отодвинуть вглубь веков» (ИАК, вып. 43, СПб., 1911, стр. 112). Однако, судя по его описанию, вся керамика относилась к XII—XIII вв.

[3]Працы, т. II, стр. 115.

[4]Возможно, что термин *хоромы* в древних письменных источниках обозначал, как правило, укрепленные владельческие дворы — своеобразные феодальные замки. См. об этом: *Б. Д. Греков*. Борьба Руси за создание своего государств*а. М.* — Л., 1942, стр. 35—36. О наличии в XII—XIII вв. собственных замков не только у князей, но и у бояр, см., например: *В. Т. Пашуто*. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950, стр. 143.

в XI—XIII вв. Однако не исключена возможность, что эти городища в более ранний период имели простую схему планировки и, следовательно, относились к простому мысовому типу, а позднее были усложнены сооружением второй и третьей линий укреплений.

В отношении плана одним из наиболее характерных городищ сложно-мысового типа

является городище у с. Осовик на Смоленщине. [1] Городище это состоит из двух площадок, каждая из которых с напольной стороны защищена валом и рвом (рис. 20, *а*). Так же просто и типично по планировке городище Кветунь в районе Трубчевска на Десне, где имеются культурные слои XI—XIII вв., роменской культуры и еще более древние. [2] Конец мыса здесь не использован и отделен от самого городища рвом (рис. 20, б). На первой площадке сохранились следы замкнутого вала по периметру, а на второй площадке имеются валы и рвы с двух сторон — со стороны первой площадки и с напольной.

Судя по тому, что известные нам простые мысовые городища IX—X вв. не имеют замкнутых валов, можно по аналогии предполагать, что замкнутый вал на площадке Кветуньского городища был сооружен не ранее XI в., *т. е. принадлежит* к последнему, наиболее позднему периоду существования здесь поселения, хотя, конечно, количество известных сложно-мысовых городищ слишком мало для полного обоснования такого вывода. По-видимому, такая же картина имеет место и на городище в с. Медвежьем на р. Ромен, где обе площадки городища обведены замкнутыми валами, а конец мыса, кроме того, укреплен еще гремя параллельными отрезками валов. [3] Материалы с этого городища относятся как к роменской культуре, так и к культуре XI—XIII вв. [4]

На городищах, относящихся целиком к XI—XIII вв. и не имеющих более раннего слоя, замкнутые валы встречаются чаще. Так, например, на Китаевском городище под Киевом площадка, находящаяся на самом конце мыса, окружена по периметру валом. [5] Кроме этой первой площадки, на Китаевском городище имеются еще две площадки, каждая из которых ограничена с напольной стороны валом и рвом (рис. 20, *в*).

Городищенское городище на Десне проще по плану — оно состоит всего из двух площадок. Валы на нем совершенно не сохранились. [6]

Прекрасным примером сложно-мысового городища, относящегося к XII—XIII вв., является городище в с. Губин на р. Случи, представляющее собой остатки болоховского города Губина (рис. 21). Городище расположено на мысу, причем со стороны Случи берег крутой и труднодоступный, а со стороны притока Случи — р. Ладыжки — берег более пологий. В соответствии с этим первая площадка городища имеет в плане форму полукруга с основанием, опирающимся на берег Случи. С другой, полукруглой стороны площадка защищена 4 линиями валов. Вторая площадка городища с напольной стороны и со стороны Ладыжки защищена 2 линиями валов и рвов. Размер первой площадки — приблизительно 50 X 80 м, размеры второй площадки — около 100 X 70 м. [7]

Городища сложно-мысового типа в XI— XIII вв. встречаются, по-видимому, во всех районах Руси. В Белоруссии примером подобных городищ может служить городище у дер. Новоселки на р. Березине (рис. 20, г). Здесь на узком и длинном мысу среди болотистой долины находятся три отдельные площадки, разделенные рвами. Никаких валов на городище не сохранилось, но средняя площадка, возможно, была первоначально укреплена замкнутым валом, так как края ее в настоящее время приподняты над серединой и, по-видимому, представляют собой остатки оплывших валов. [8] От прилегаю-

---

[1] А. Н. Лявданский. Археологические исследования на Смоленщине. Працы, т. III, стр. 7. По мнению Лявданского, первая площадка городища (*т. е. мысовая*) была укреплена в X в., а вторая - в XI—XII вв.

[2] *В. А. Падин*. Поселения домонгольского времени в районе Трубчевска. КСИИМК, вып. 23, 1948, стр. 86. — *М. В. Воеводский*. Городища Верхней Десны, стр. 74.

[3] Тр. XI АС, т. I, М., 1901, стр. 421.

[4]М. Макаренко. Городище «Монастырище», стр. 8 и 23. См. также отчет Макаренко: ИАК, вып. 22, СПб., 1907, стр. 73.

[5]ИАК, прибавл. к вып. 44, СПб., 1912, стр. 104. — Военно-историч. вестн., 1912, кн. 1, стр. 180. — Описание губерний А. Спицына см.: Зап. Русск. Археолог. общ., т. XI. вып. 1—2, СПб., 1899, стр. 207. В Киевском историческом музее хранится материал из раскопок 1914 г., относящийся в основном к X—XIII вв. и частично, по-видимому, и эпохе бронзы. См. также: *Н. В. Линка*. Работы экспедиции «Большой Киев» за 1947 г. Археологічні пам'ятки УРСР, т. III, Київ, 1952, стр. 49.

[6]Отчет С. Гатцука (Архив ИИМК, ф. 1, д. 41 за 1907 г., л. 169). По-видимому, на этом городище имеется также и роменский слой (судя по отчету Гатцука).

[7]См.: П. Раппопорт. Города Болоховской земли, стр. 56.

[8]С. Шутов и М. Улашчык. ук. соч., 115.

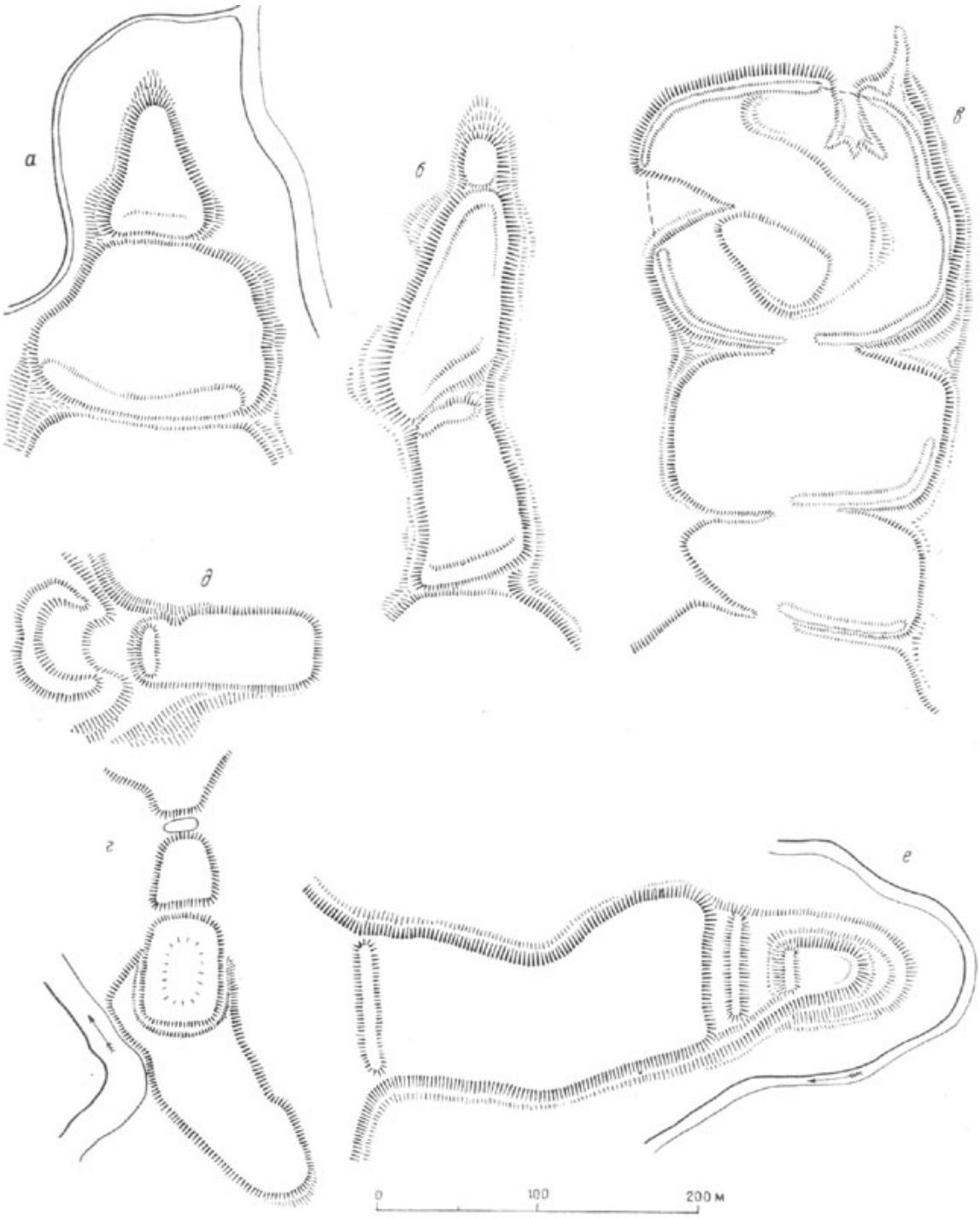

Рис. 20. Сложно-мысовые городища. а — у с. Осовик (по Лявданскому); б — Кветунь (по Воеводскому и Падину); в — Китаевское; г — у дер. Новоселки (по Шутову и Улашчыку); д — у с. Спас на Угре (по Третьякову); е — у с. Зверовичи (по Тарасенко).

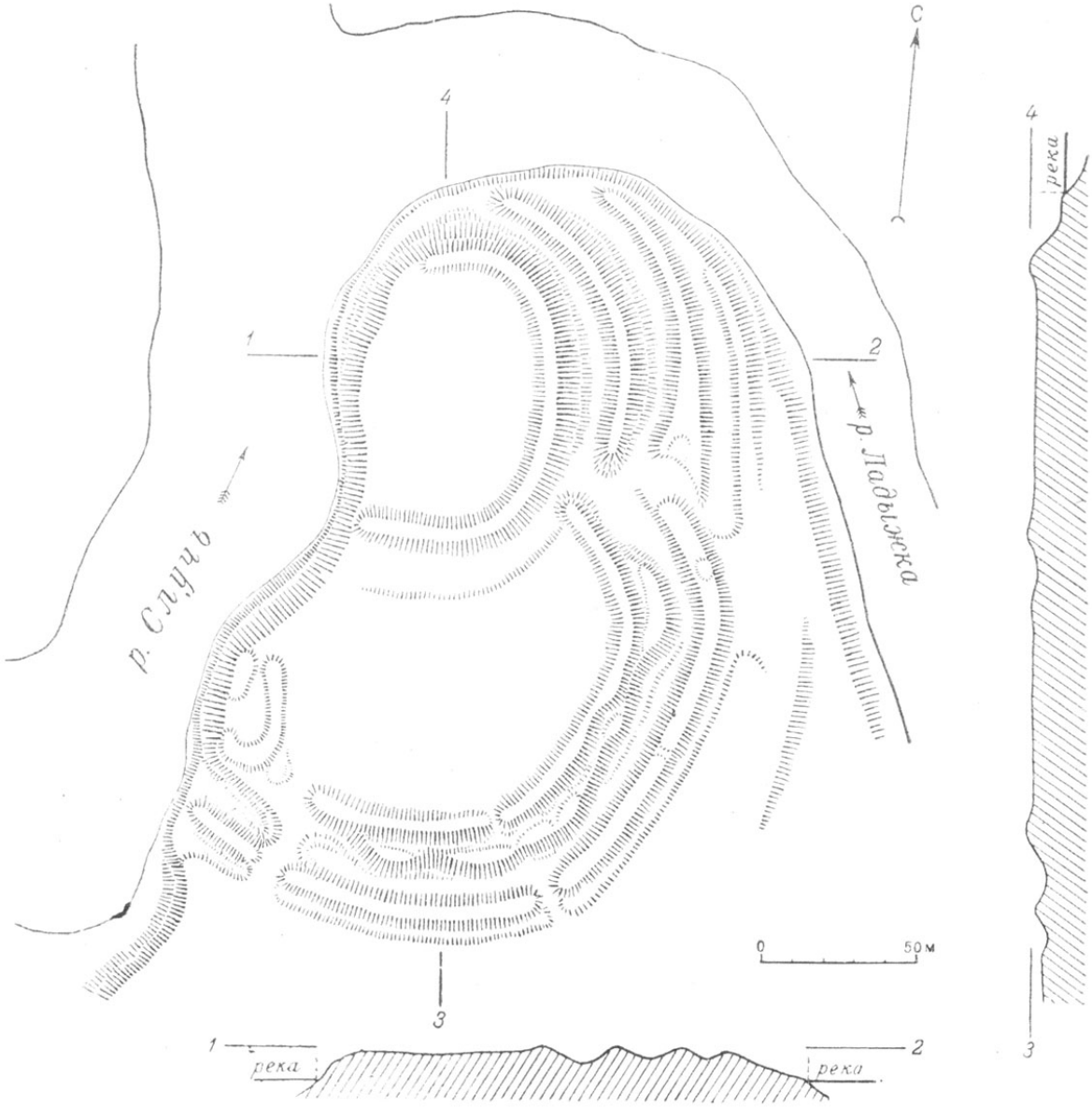

Рис. 21. Городище в с. Губин.

щего плато городище отделено широким рвом, превратившимся в небольшой пруд. Городище у поселка Цихановщина на Смоленщине расположено на мысу, имеющем своеобразную, расширяющуюся к концу форму. [1]

Центральная часть городища, находящаяся на самой возвышенной части мыса, окружена замкнутым валом, сильно повышающимся с напольной стороны. Кроме того, вся площадка мыса также отделена от плато отрезком вала и рвом, и, таким образом, кроме основной площадки, укрепленной замкнутым валом, на городище имеется еще вторая, дополнительная площадка.

По-видимому, так же как и на простых мысовых городищах, укрепление площадки замкнутым валом не является совершенно неотъемлемой особенностью городищ XI—XIII в., в некоторых случаях они укреплены простыми валами с одной только напольной стороны. Примером этого может служить городище у с. Спас на Оке, близ устья р. Уг-

---

[1]А. Лявданский. Археологические исследования в бассейнах рек Сожа, Днепра и Каспли, стр. 306. На городище, кроме древнерусской гончарной керамики, была обнаружена и лепная керамика, к сожалению, не определенная хронологически.

ры. [1] Оно состоит из двух площадок, каждая из которых ограждена с напольной стороны валом (рис. 20, *д*). Правда, на этом городище, кроме культурного слоя XI—XIV вв., имеется и более древний культурный слой. Однако, по-видимому, этот более древний слой доходит до VII в. и отделен от верхнего слоя стерильной прослойкой. Данное городище поэтому можно считать целиком относящимся ко времени не древнее XI в.

К сложно-мысовому типу, по-видимому (насколько можно судить при очень плохой сохранности), относилось и городище в центре города Орши на Верхнем Днепре. [2]

Возможно, что на некоторых городищах вторые, наружные валы, имевшие, как правило, меньшую мощность и расположенные на более удобном для распашки участке (на более широкой части мыса или даже на самом плато) были спаханы и не сохранились до наших дней. Поэтому часть городищ, рассматриваемых нами как простые мысовые, в действительности представляет собой сложно-мысовые городища. Так, например, городище в с. Старые Безрадичи в начале XX в. при обследовании его В. Хвойкой имело две дополнительных площадки, ограниченных валами, в настоящее время уже не существующими. [3]

В ряде случаев первая площадка городища, находящаяся на конце мыса, имеет очень небольшие размеры, а вторая, примыкающая к ней площадка, наоборот, занимает значительную территорию. Такой план имеет, например, городище у с. Зверовичи на Смоленщине. [4] По-видимому, в этом городище малая площадка, имеющая всего около 40 м длины и защищенная двумя валами и рвами, представляет собой укрепленный центр — детинец, а примыкающая к нему большая площадка длиной более 200 м является окольным городом (рис. 20, е). Приблизительно такую же схему планировки имеет и Ростиславльское городище на Оке (Коломенский район Московской области). [5] Здесь первый вал отделяет маленькую площадку на самом конце мыса, а второй вал ограничивает площадь 200 X 100 м. За вторым валом расположено селище.

Некоторые сложно-мысовые городища представляют собой как бы переходные образцы к другому типу городищ, так как многими своими особенностями, в частности наличием укрепленного центра — детинца — и второй линии укреплений — большого окольного города, — они примыкают уже к городищам сложного типа. В особенности это относится к городищам в с. Зверовичи и Ростиславль, где усложнение системы обороны, по-видимому, объясняется главным образом ростом и функциональным членением территории древнего поселения. Поэтому данные городища правильнее при классификации относить к промежуточному варианту между сложно-мысовыми городищами и городищами сложного типа.

Решение вопроса о назначении городищ сложно-мысового типа не всегда возможно. Некоторые из них, видимо, связаны с городами. По отношению к нескольким городищам подобного типа (например Орша, Ростиславль) это выясняется достаточно определенно. Другие же городища, очевидно, отражают процесс роста и расширения общинного поселения или феодального замка, не приведший однако, по каким-либо причинам, к сложению города. [6] По-видимому, большинство сложно-мысовых городищ и отражает, таким образом, какие-то этапы возникновения и раннего развития древнерусских городов.

2

Сложный тип городищ является как бы дальнейшим развитием сложно-мысового типа. Сложные городища состоят из укрепленной центральной части — детинца — и второй

---

[1]Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 г*г. М.* — Л., 1941, стр. 47. Это городище, по-видимому, представляет собой остатки какого-то большого города (*П. Н. Третьяков*. Калужская экспедиция ГАИМК 1936 г. СА, IV, 1937, стр. 329).

[2]*А. Н. Лявданский*. Археологические исследования в районе Орши. Працы, т. II, стр. 36. — З. Давгяло. Оршанский замок. Працы, т. II, стр. 47.

[3]Отчет В. Хвойки см.: Архив ИИМК, ф. 1, д. 194 за 1902 г., л. 8.

[4]*В. Р. Тарасенко*. Археологическое исследование городищ на Смоленщине, стр. 137. См. также: *А. Н. Лявданский*. Смоленские городища, стр. 194.

[5]Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 г*г. М.* — Л., 1941, стр. 61. План см. в отчете *Н. П. Милонова* (Архив ИИМК, ф. 2, № 219 за 1937 г., д. 60).

[6]Именно такими поселениями, которые в силу ряда конкретных причин не переросли в настоящие города, *Н. Н. Воронин* считает, например, Сарское городище и городище Кветунь (КСИИМК, вып. 41, 1951, стр. 13).

линии укреплений, окружающих значительно большую, чем центр, площадь окольного города. Эта линия укреплений окольного города уже не полностью подчинена рельефу местности, *т. е. окольный* город уже не расположен целиком на хорошо защищенной естественными условиями площади. В сложно-мысовых городищах даже и наружные линии обороны все же полностью подчинены условиям рельефа, так как наружная площадка этих городищ, примыкая с одной стороны к центральному укреплению, с двух других сторон была защищена естественными условиями рельефа. Таким образом, в сложно-мысовых городищах наружные площадки необходимо было укреплять искусственными заграждениями лишь с одной, напольной стороны. В городищах сложного типа размеры и в значительной степени форма плана окольного города зависят, по-видимому, в первую очередь от расположения поселения, которое позднее укреплялось оборонительной линией. Поэтому укрепленная линия окольного города не могла быть полностью подчинена рельефу, хотя, конечно, при проведении этой линии по возможности учитывались все условия рельефа местности. Ни в одном из городищ сложного типа вал окольного города не примыкает вплотную к валам детинца, поскольку с внешней стороны валов детинца всегда расположен ров. Точно так же ни на одном из

сложных городищ территория окольного города не защищена валом с той стороны, где окольный город примыкает к детинцу.

Городище в Старой Рязани, хороший пример городища сложного типа, имеет в качестве основного ядра маленькое мысовое городище размером приблизительно 80 X 40 м. [1] От прилегающей площадки берега это городище отрезано рвом и валом, в настоящее время почти совершенно уничтоженным (рис. 22). К мысовому городищу примыкает вторая площадка, значительно большая, также

---

[1] В. А. Городцов. Материалы для археологической карты долины и берегов реки Оки, стр. 631.

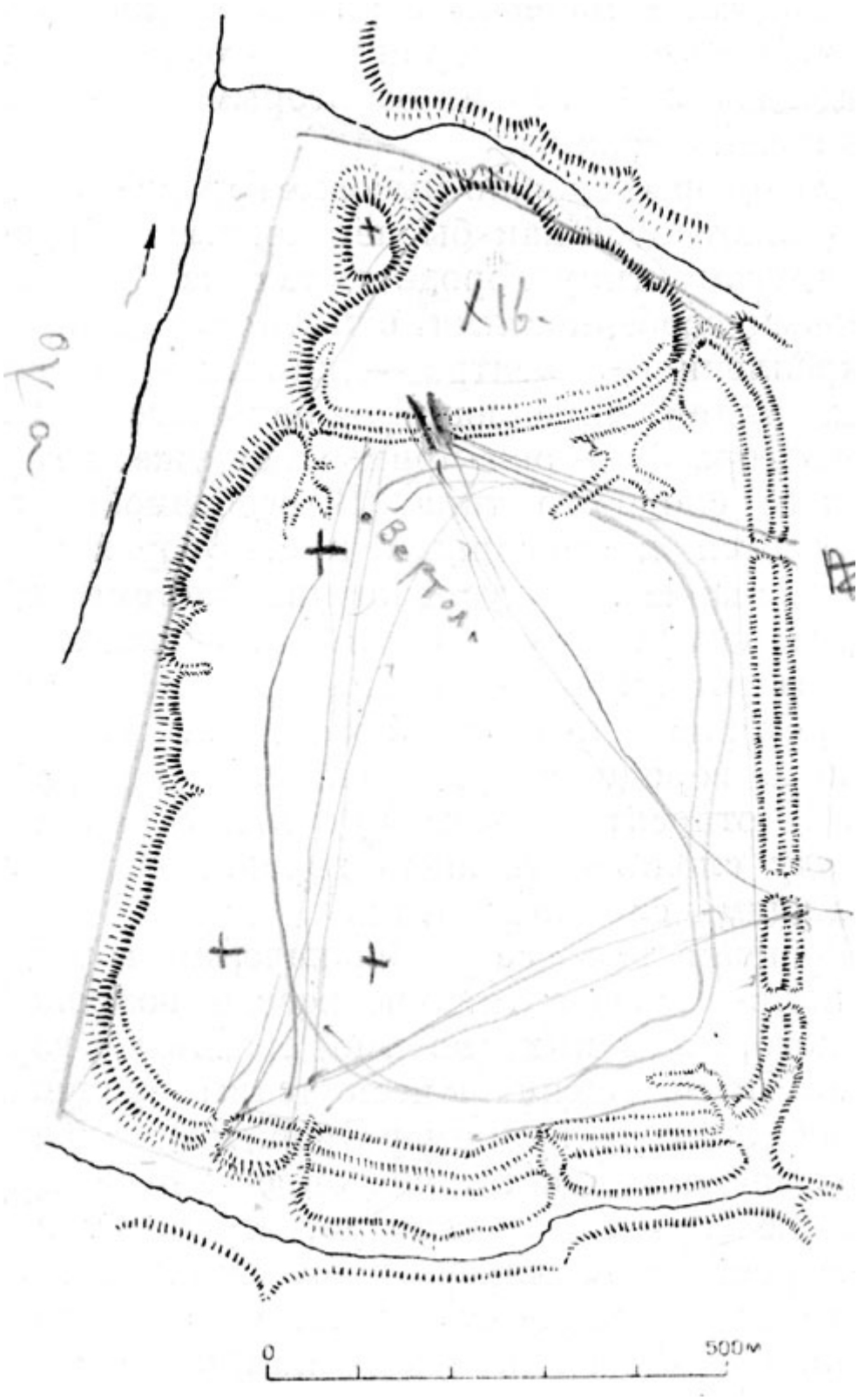

Рис. 22. Городище в Старой Рязани. (По Городцову).

защищенная с напольной стороны валом и рвом. И наконец, еще южнее расположена третья площадка, более чем в четыре раза превосходящая по площади первую и вторую площадки вместе взятые. Эта территория со всех сторон, кроме обрыва к р. Оке, окружена рвом и валом. Таким образом, городище в Старой Рязани имеет три самостоятельные укрепленные площадки, первая из которых представляет собой простое мысовое

городище, а остальные две расположены уже на сравнительно ровной площади берегового плато. [1]

Благодаря тому, что центральной укрепленной частью сложных городищ чаще всего служит простое мысовое городище, сами городища сложного типа часто трудно отделимы от сложно-мысовых городищ. Близость этих двух типов городищ особенно ясно видна на примере городища в с. Почтовая Вета близ Киева. [2] Это городище сложного типа чрезвычайно близко по принципу планировки к сложно-мысовым городищам, несмотря на то, что с первого взгляда оно даже непохоже на мысовое городище (рис. 23; 24). Условия местности в данном случае продиктовали очень своеобразное решение схемы оборонительных сооружений. Небольшой холм-останец, господствующий над поймой р. Веты, был укреплен как детинец, а к нему с северо-востока примыкал окольный город. Так как здесь не было плато, вплотную подходившего к детинцу, то этот окольный город был расположен частью на возвышенности, а частью на более низком месте. Вал, обходящий вокруг окольного города, не является целиком искусственным сооружением, а в значительной степени представляет собой подправленную естественную гряду холмов. Вся схема планировки укреплений в городище Почтовая Бета показывает явное стремление приблизится к привычной схеме мысового укрепления — в данном случае сложно-мысового типа. Холм-останец здесь играет роль мыса, естественная ложбина — рва, отделяющего мыс от плато, а слегка повышающаяся и

---

[1] *А. Л. Монгайт*. Топография Старой Рязани. КСИИМК, вып. 44, 1952, стр. 104. Общая площадь старорязанского городища 48 га.

[2] П. Раппопорт. Обследование городищ в районе Киева в 1950 г., стр. 142.

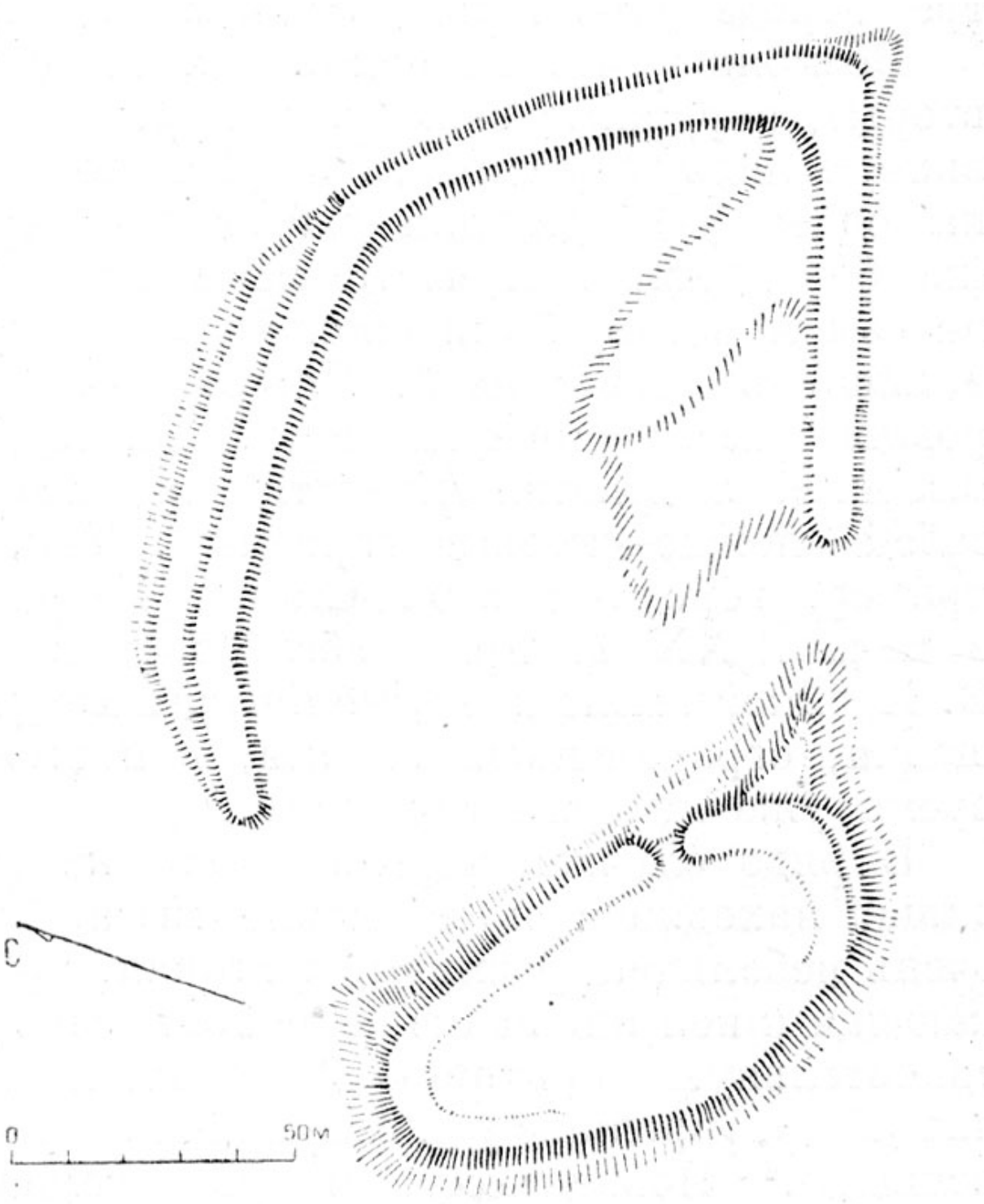

Рис. 23. Городище в с. Почтовая Вета.

Рис. 24. Детинец городища в с. Почтовая Вета. Вид с юго-запада.

всхолмленная площадка — роль площадки плато, примыкающей к мысу.

Имеются примеры, позволяющие думать, что существуют городища сложного типа, основным ядром — детинцем — которых служит не мысовое, а островное городище. По-видимому, к такому типу принадлежит Коршовское городище на Волыни в районе Луцка. [1] Здесь детинец, представляющий собой небольшое, почти круглое городище, расположен на острове среди реки (рис. 25).

С севера к нему примыкает значительный по площади окольный город, защищенный валом. Более, вероятно, однако, что рукав реки, отделяющий детинец от остальной части городища, является искусственным рвом. Наконец существуют примеры сложных городищ, детинец которых имеет очень значительные размеры и по принципу своей планировки напоминает не простое городище, а скорее окольный город сложного городища. Так, например, детинец древнего Белгорода (городище в с. Белгородка) занимает площадь около 470 X 235 м (рис. 26). [2] Линия его вала упирается своими концами в обрывистый край надпойменной террасы р. Ирпеня. Там, где существовали естественные овраги (например в северной части детинца), эта линия вала шла по краю оврагов, а в остальной части вал проходил по сравнительно ровной территории. Таким образом, план белгородского детинца близок по принципу расположения не планам детинцев других городов, а плану окольного города, несмотря на то, что к этому детинцу примыкает свой, еще больший окольный город.

Такая же картина имеет место и на Вышгородском городище, где детинец имеет размеры около 350 X 250 м (рис. 27). С юж-

[1]Z. Leski. Wczesnohistoryczne grodzisko w Korszowie. Przeglad archeologiczny, t. VI, z. 1, Poznań, 1937, стр. 107.

[2]Б. Стеллецкий. Белгородка. Киев, 1909. Огромная площадь городища древнего Белгорода не раз с удивлением отмечалась исследователями. См., например: М. Бережков. Святой Владимир — строитель городов. Чтения в Историч. общ. Нестора летописца, кн. 2, Киев, 1888, стр. 78.

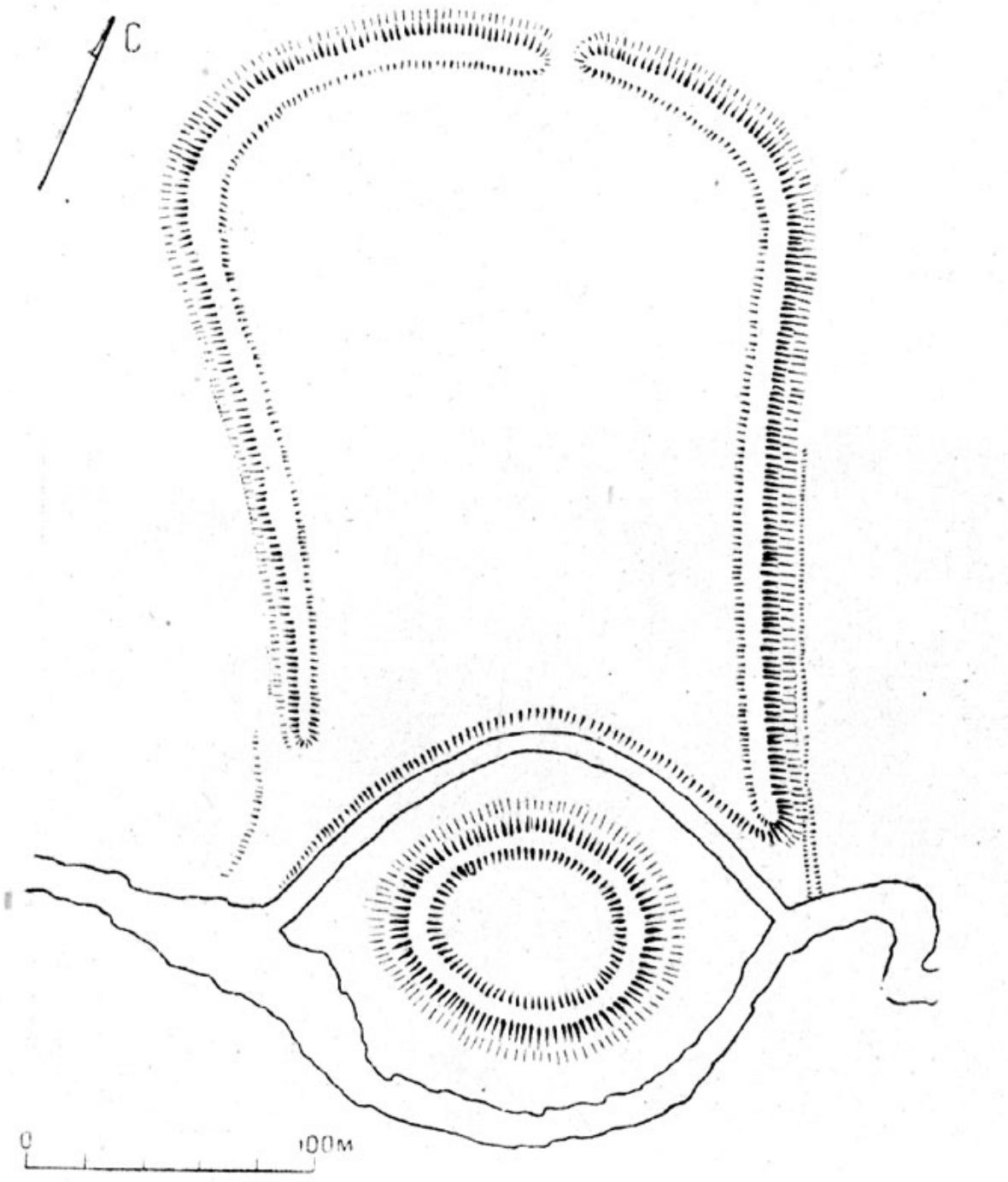

Рис. 25. Коршовское городище. (По Z. Leski).

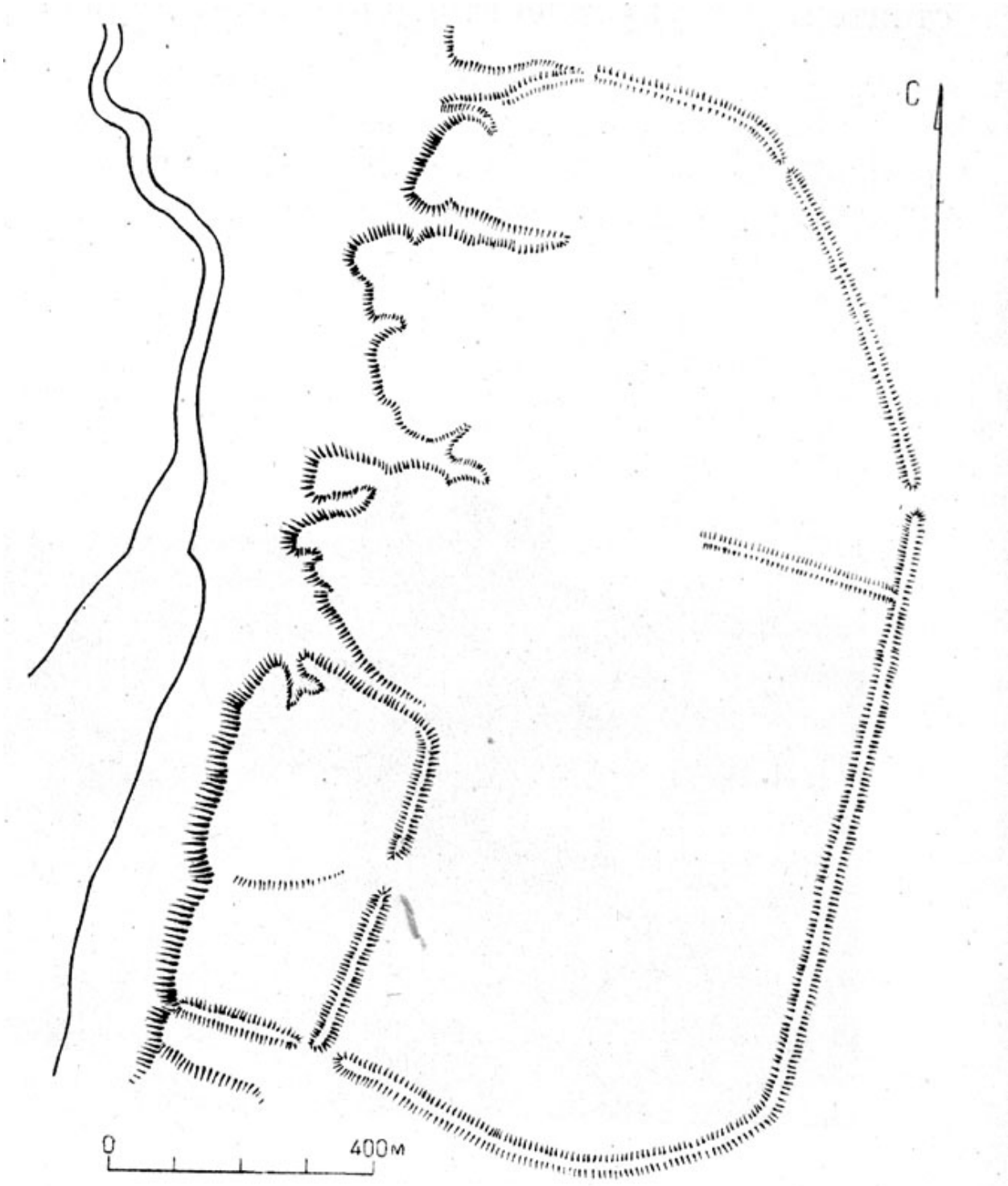

Рис. 26. Городище в с. Белгородка. (По Стеллецкому).

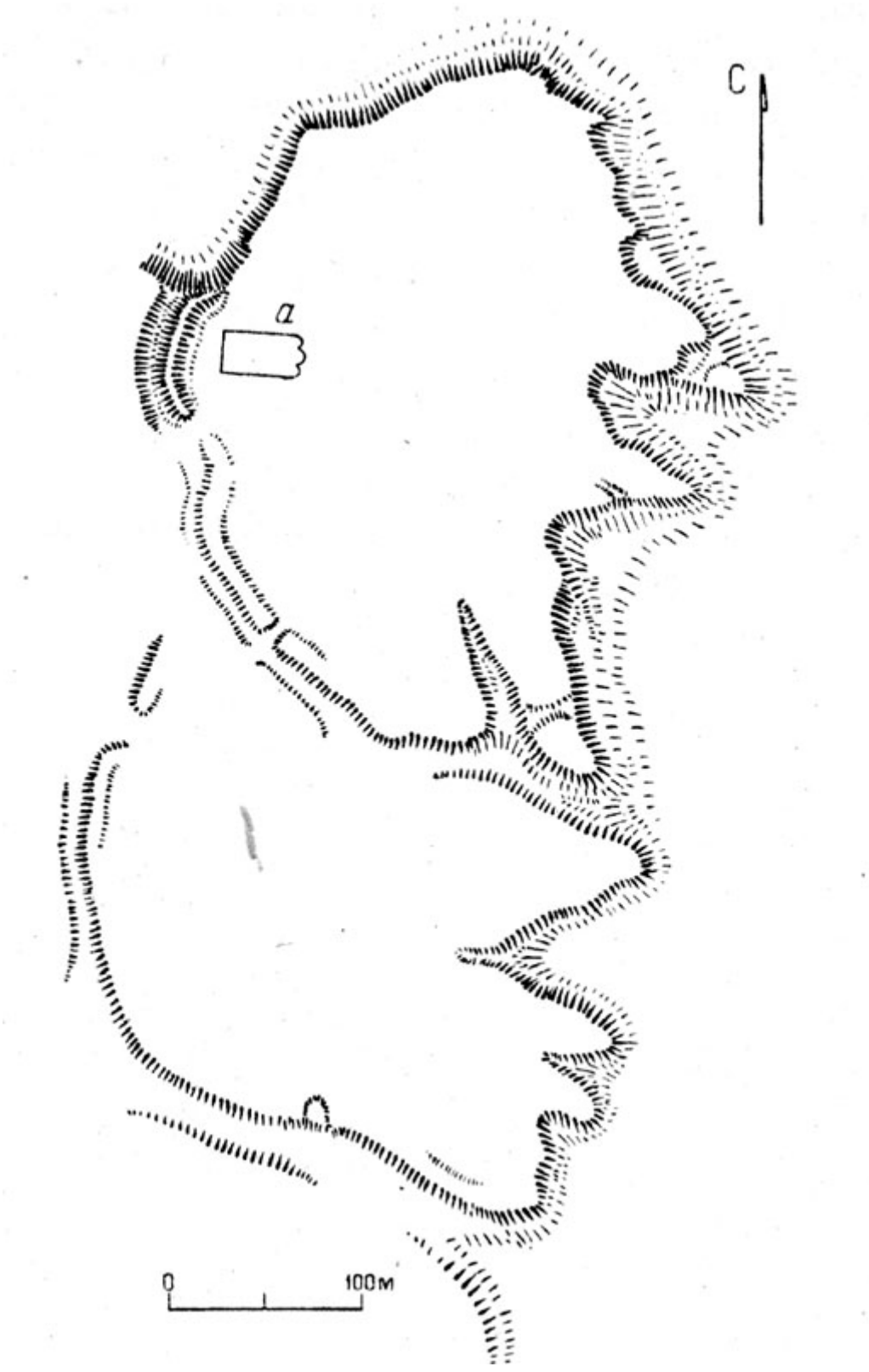

Рис. 27. Городище в с. Вышгород. а — храм Бориса и Глеба.

ной стороны к этому детинцу также примыкает окольный город. [1]

По типу планировки своей оборонительной системы Вышгородское и Белгородское городища очень близки древнему Киевскому городищу (рис. 28). Здесь также ядром служит «город Владимира», к которому примыкает окольный город — «город Ярослава». Однако «город Владимира» не является первоначальным детинцем. Как показали раскопки в районе Десятинной церкви, первоначальным ядром Киева было маленькое мысовое городище, отделенное от плато рвом и, вероятно, валом. [2] При постройке Десятинной церкви в конце X в. ров этого городища был засыпан, после чего линия укреплений «города Владимира» из окольного города, каким она была по существу, превратилась в своеобразный детинец.

Очень возможно, что подобное явление имело место и в Вышгороде, и в Белгороде, и что именно этим, *т. е. уничтожением* укреплений первоначального ядра, и объясняется своеобразная форма их детинцев.

Следует отметить, что подавляющее большинство древнерусских городищ имеет лишь одну защищенную площадку. Городища сложного типа, имеющие, кроме детинца, еще одну, наружную линию укреплений, опоясывающих большую площадь, встречаются

---

[1] В литературе есть указания на наличие в Вышгороде шести концентрических линий валов (*В. Б. Антонович*. Археологическая карта Киевской губ. М., 1895, стр. 17). В действительности все эти «оборонительные линии» являются естественными оврагами, образовавшимися к тому же, по-видимому, в более позднее время. При обследовании городища в 1951 и 1952 гг. автору удалось выявить лишь две линии обороны (детинец и окольный город), хотя, быть может, кроме них, существовала еще и третья линия вала, теперь уже полностью разрушившаяся из-за размывания оврагов. См.: П. Раппопорт. Археологические заметки..., стр. 180.

[2] *М. К. Каргер*. К вопросу о Киеве в VIII—IX вв. КСИИМК, вып. 6, 1940, стр. 61. См. также: *М. К. Каргер*. Основные итоги и проблемы археологического исследования древнего Киева. КСИИМК, вып. 41, 1951, стр. 45; *Н. Н. Воронин*. К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города, стр. 10. План древнего Киева см.: *О. М. Тихонович* и *М. М. Ткаченко*. Древний Киев-град. Архітектурні пам'ятники, Київ, 1950. Согласно газетным информациям, при открытии древнего рва в районе Десятинной церкви были обнаружены также «остатки древнего вала» (ИАК, прибавл. к вып. 48, СПб., 1913, стр. 118).

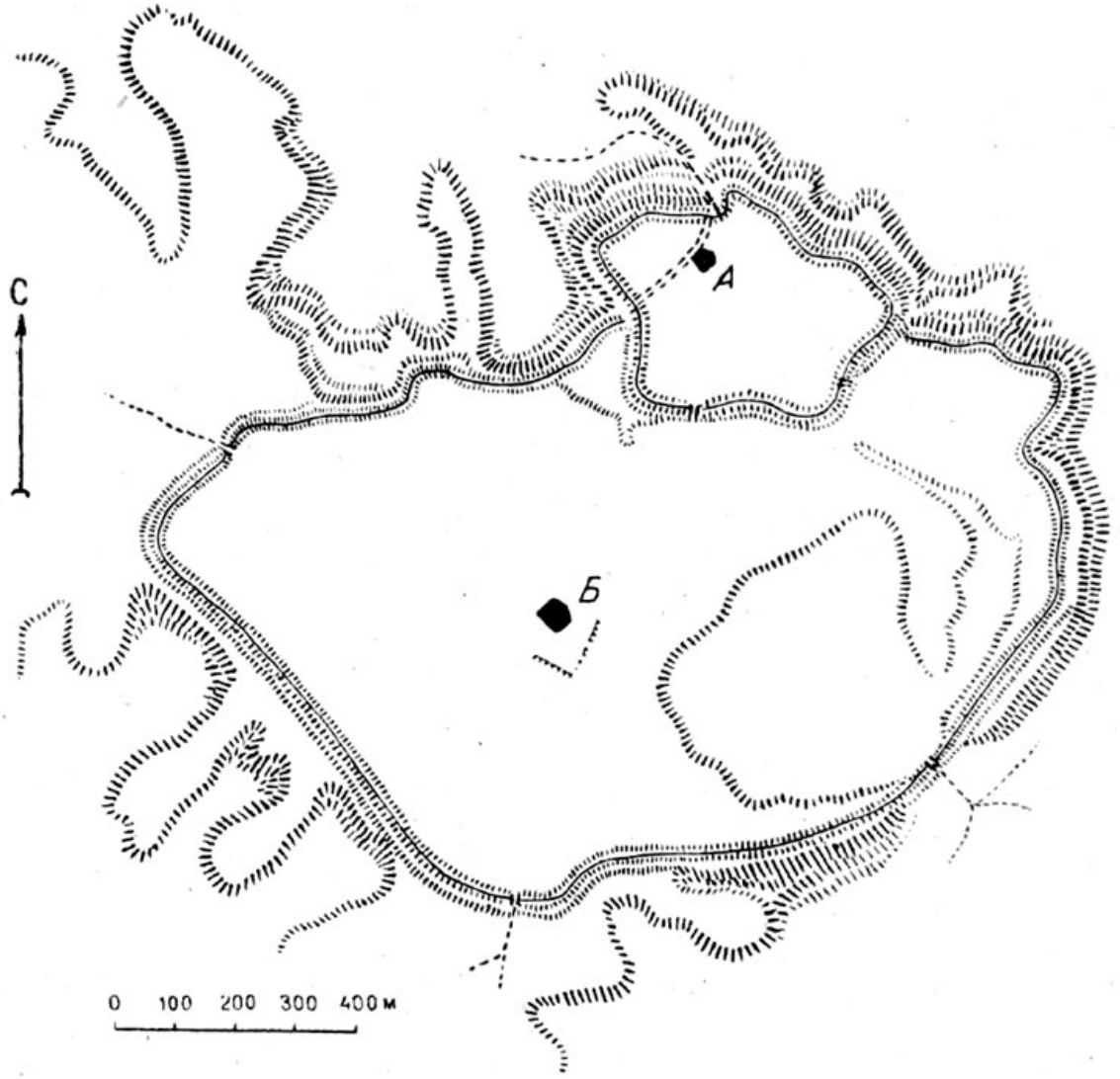

Рис. 28. Древний Киев. (По схеме Тихонович и Ткаченко с уточнениями автора). А — Десятинная церковь; Б — Софийский собор.

довольно редко и большей частью связаны с остатками крупных городов древней Руси, обычно известных нам даже по названию. К такому типу относятся, например, остатки укреплений Переяславля Русского (рис. 29), Галича, Турова и некоторых других крупных городов. [1] Из городов меньшего масштаба наличие детинца и окольного города можно отметить, например, во Вщиже. [2]

Таким образом, наличие развитой, сложной системы обороны, состоящей из детинца и окольного города, можно констатировать лишь на больших городищах, представляющих собой остатки более или менее крупных древнерусских городов.

Существует, однако, ряд городищ, имеющих почти такую же схему планировки укреплений и в то же время никак не связанных с упомянутыми в летописи городами и даже относящихся к гораздо более раннему времени — к VIII—X вв. Типичным примером является городище близ с. Басовка Сумской области. [3] Это городище имеет два расположенных рядом мыса, каждый из которых укреплен самостоятельной системой

валов и рвов. На плато к этим мысам примыкает довольно большая площадка, ограниченная полукруглым валом. Таким образом, на этом городище имеются как бы два отдельных детинца и, кроме того, окольный город. Несколько проще система обороны на городище Наволочки у с. Долгий Колодезь Курской области. [4] Здесь имеется один детинец на мысу, а также окольный город, защищенный валом длиной около 300 м. Наоборот, несколько более сложную схему того же типа можно видеть на городище у с. Голышевка Воронежской области, где имеются два детинца на мысах, а окольный город в свою очередь разделен на две части. [5] Все три указанных городища — у с. Басовка. Наволочки и у с. Голышевка — имеют культурный слой VIII—X вв.

Из этого некоторые исследователи сделали вывод, что уже в такой ранний период, как VIII—X вв. у восточных славян существовали большие города со сложной системой планировки оборонительных сооружений, состоящей из детинца (или даже двух детинцев) и окольного города. Именно такое предположение и высказали по отношению к городищу у с. Голышевка *П. П. Ефименко* и *П. Н. Третьяков*. По их мнению, это раннеславянское поселение было сперва защищено малым валом, а затем по мере его роста обнесено вторым, внешним валом. [6]

Встречаются городища подобного типа, где культурный слой относится и к роменской культуре, и к более позднему времени — к XI—XIII вв. Таково, например, Хорошев-

---

[1] О системе валов Переяславля см.: История культуры древней Руси, т. I. М. — Л., 1948, стр. 444; Б. Рыбаков. Раскопки в Переяславе-Хмельницком в 1945 г., Археологічні пам'ятки УРСР, т. I, Київ, 1949, стр. 22; план Галича см.: Я. Пастернак. Старий Галич. Краків—Львів, 1944, стр. 46; план городища в Турове см.: А. Каваленя и С. Шутов, ук. соч., стр. 373.

[2] См. статью *Б. А. Рыбакова* в сборнике «По следам древних культур. Древняя Русь» (М., 1953, стр. 102 и 115).

[3] Н. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губ. в 1906 г., стр. 77. О датировке городища см.: *И. И. Ляпушкин*. Отчет об экспедиции 1948 г., стр. 30 и 81.

[4] Труды Курск. губ. учен. архивн. комиссии, вып. I, Курск, 1911, стр. 308 и табл. III. См. также: *И. И. Ляпушкин*. Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного Левобережья, стр. 17.

[5] План городища см.: Н. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг., стр. 76.

[6] *П. П. Ефименко* и *П. Н. Третьяков*, ук. соч., стр. 7 и 9.

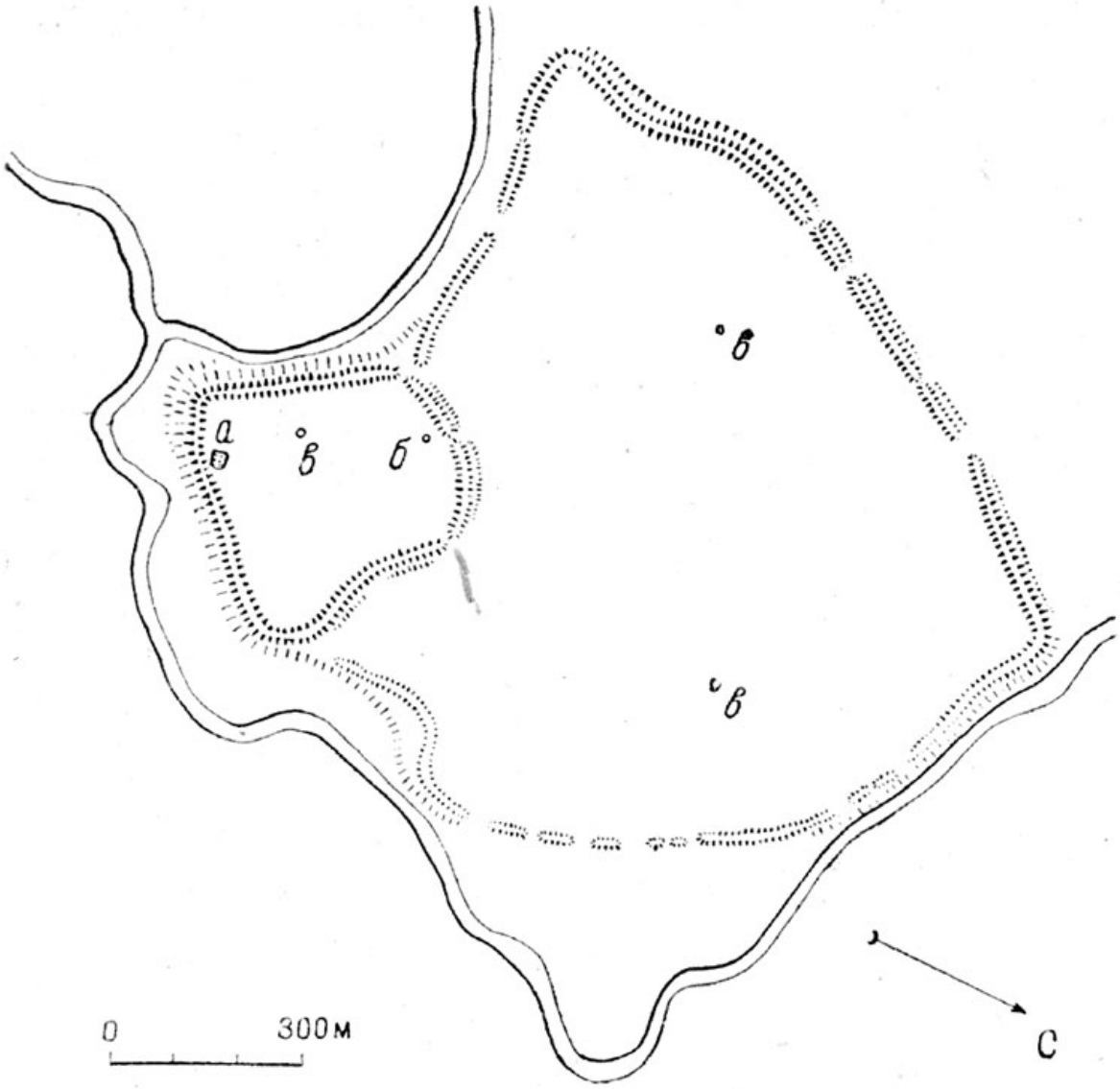

Рис. 29. Городище в г. Переяслав-Хмельницкий. а — Михайловский собор; б — маленький храм, раскопанный в XIX в.; в — храмы, раскопанные в 1952—1953 гг.

ское городище в районе Харькова, где детинец, расположенный на мысу, отрезан от плато оврагом, по-видимому, некогда бывшим рвом. [1] К этому детинцу примыкает большая площадка окольного города, огражденная с напольной стороны валом и рвом, имеющим длину более 600 м.

Близко по схеме и городище у с. Гочево Курской области. [2] Здесь имеется несколько мысов, вдающихся в пойму р. Псел в укрепленных самостоятельными линиями валов и рвов (рис. 30). На плато большой наружный вал окольного города защищает все городище с напольной стороны. Культурный слой Гочевского городища относится к VIII—XIII в*в. Б. А*. Рыбаков высказал предположение, что в конце X или начале XI в. «старое городище превратилось в один из бастионов большой крепости, обрывы и овраги были связаны в

одну оборонительную систему двойным валом и новыми, только что построенными городищами — бастионами. По соседству с новой крепостью возникло обширное кладбище». [3] Таким образом, по мнению *Б. А. Рыбакова*, Гочевское городище представляет собой пример развитой системы обороны древнерусского города.

Есть, однако, серьезные основания, для того чтобы сомневаться в том, что сложные городища раннего времени представляют собой такие же примеры развитой системы обороны, как и крупные древнерусские города. Наиболее показательно в этом отношении как раз Гочевское городище. Здесь большой наружный вал находится на территории, занятой курганным могильником, и даже частично разрушен этим могильником. *И. И.* Ляпушкнн отметил, что этот наружный вал городища в славянское время «оказался в полосе, занятой курганным могильником, и как оборонительное сооружение не имел значения». [4] Следовательно, время сооружения этого вала должно относиться к дославянскому периоду.

Действительно, под славянским слоем на Гочевском городище имеется зольничный культурный слой, *т. е. слой* скифского времени. По предположению *И. И. Ляпушкина*, Гочевское городище представляет собой большое скифское городище, отдельные мысы которого были позднее превращены в славянские укрепленные поселения. Итак, данное укрепление, несмотря на то, что оно внешне имеет характер сложного городища, в действительности является группой обычных мысовых городищ, расположенных на площади более древнего большого скифского городища.

Очень вероятно, что такая же картина имела место и на других городищах подобного типа, ибо зольничный культурный слой имеется на всех этих сложных городищах — на Хорошевском, на городище у с. Басовка, Наволочки и у с. Голышевка. [5] Единственным примером большого сложного городища,

---

[1] *И. И. Ляпушкин*. Отчет об экспедиции 1948 г., стр. 10. См. также: Труды Харьковск. предварит. комитета по устройству XII археолог. съезда, т. I, Харьков, 1902, стр. 91; т. II, ч. 2, Харьков, 1902, стр. 228.

[2] К. Сосновский, ук. соч., стр. 310 и табл. IV. См. также: Атлас Гочевских древностей. М., 1915, табл. I.

[3] *Б. А. Рыбаков*. Древнерусский город по археологическим данным. Изв. АН СССР, сер. ист. и философ., т. VII, № 3, М., 1950, стр. 241.

[4] *И. И. Ляпушкин*. Отчет об экспедиции 1948 г., стр. 20—21. См. также: СА, XVI, 1952, стр. 15.

[5] Именно к такому выводу — о принадлежности больших наружных валов этих городищ скифскому времени — пришел *И. И. Ляпушкин* (*И. И. Ляпушкин*. Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного Левобережья, стр. 15). По отношению к Голышевскому городищу это подтверждается также *А. Н. Москаленко* [Архангельское (Голышевское) городище. КСИИМК, вып. 48, 1952, стр. 103—106], а по отношению к городищу у с. Басовка работой *В. А. Ильинской* «Верхнесульская экспедиция 1947 г. » (Археологічні пам'ятки УРСР, т. IV, Київ, 1952, стр. 42).

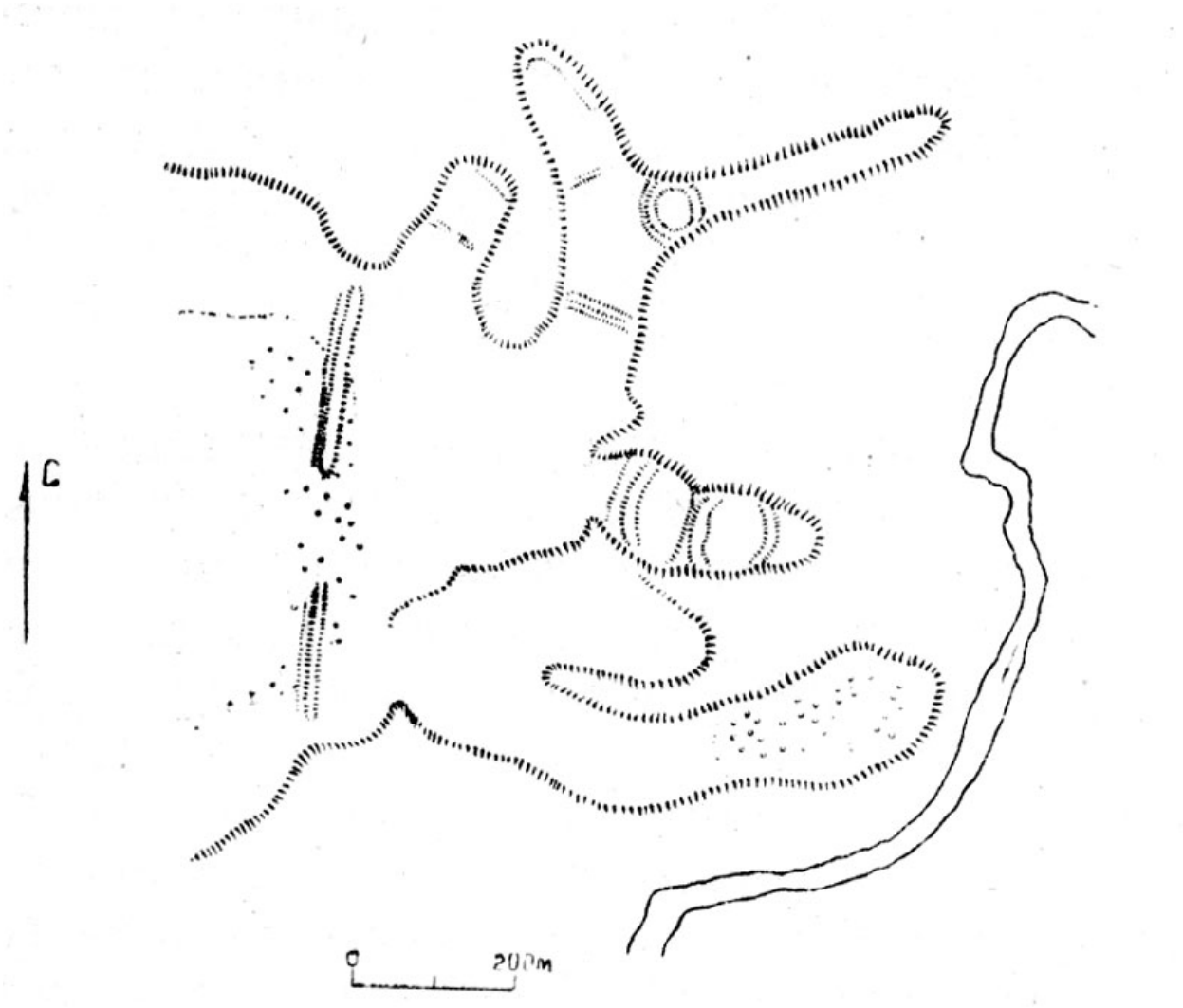

Рис. 30. Гочевское городище. (По Самоквасову и Сосновскому).

где под славянским культурным слоем не обнаружен более древний слой, является городище у Михайловского кордона на р. Воронеже. [1] Однако и здесь небольшой размер произведенных раскопок не создает уверенности в том, что городище целиком относится к VIII—X вв. и что его валы не сохранились от скифского времени, для которого как раз и характерны большие размеры городищ и большая протяженность их валов.

По-видимому, подобная картина имеет место не только на Днепровском Левобережье, но и гораздо шире, на значительной части территории древней Руси. Так, в районе Житомира хорошим примером этого может служить Грубское городище. Обследовавший это городище в конце XIX *в. В. Б.* Антонович без всяких колебаний назвал Грубское городище остатками большого древнерусского города. [2] Между тем, по типу своей планировки это городище совершенно непохоже на древнерусские городища — оно имеет протяженность около 1 км и включает в защищаемую валами территорию болото и речку. Больше всего это городище напоминает такие скифские городища, как Немировское или Пастерское. Очевидно, Грубское городище и является скифским городищем. [3] Позднее, в XII в., на территории этого давно уже заброшенного городища был построен замок правильной

круглой формы, а вокруг него расположилось сельское поселение, занявшее значительную часть скифского городища, что и дало основание В. Антоновичу говорить о наличии на Грубском городище культурного слоя эпохи древней Руси.

Уверенно говорить о наличии развитой системы планировки оборонительных сооружений, включающей детинец и окольный город, можно только по отношению к сравнительно крупным русским городам и лишь для времени не ранее конца X — начала XI в. Менее развитая система планировки оборонительных сооружений, представленная городищами сложно-мысового типа, появляется несколько раньше, хотя также, по-видимому, не ранее IX—X вв.

Вопрос о том, какому социальному содержанию отвечает сложный тип городищ, решается достаточно определенно; городища сложного типа — это остатки древнерусских городов, городов в собственном смысле этого слова, как центров ремесла и торговли. Об этом свидетельствуют и большие размеры этих городищ и мощность культурного слоя, и находки предметов ремесленного производства, а иногда и самих ремесленных мастерских, и в особенности связь значительной части таких городищ с известными по летописям крупными городами.

3

Элементарное требование, заключающееся в том, чтобы при изучении оборонительной системы городищ учитывались только древние валы, не нарушенные позднейшими переделками, далеко не всегда легко может быть соблюдено. В тех случаях, когда древнерусские оборонительные сооружения были переделаны согласно требованиям военного искусства более позднего времени, на городищах поверх культурного слоя древнерусского времени можно обнаружить более поздний слой. Бывают, однако, случаи, когда на городище совершенно не имеется поздних находок, а между тем оборонительная система все же вызывает сомнения и может оказаться значительно переделанной.

Характерный пример этого — городище в селе Лящивцы. [4] Это небольшое городище (всего 45 X 50 м), судя по подъемному материалу, относится ко времени до XIII в. Оборонительная система городища чрезвычайно сложна — это три концентрических вала, соединенных между собой перемычками и дополняемых еще несколькими небольшими отдельными отрезками валов, расположенными в различном направлении.

Обследовавший это городище Ф. Копылов высказал предположение, что эта система валов с перемычками должна была обеспечивать фланговые контрудары по противнику в случае прорыва одной из оборонительных линий. В заключение Ф. Копылов отмечает: «Такая сложная система оборонитель-

---

[1] П. Ефименко и П. Третьяков, ук. соч., стр. 107.

[2] *В. В. Антонович*. Раскопки в стране древлян. Матер. по археолог. России. № 11, СПб., 1893, стр. 38.

[3] П. Раппопорт. Заметки о датировке некоторых типов городищ Поднепровья, стр. 111.

[4] План городища был опубликован дважды: *В. Г. Ляскоронский*. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы, находящиеся в бассейне р. Сулы, стр. 428; Ф. Копылов, ук. соч., стр. 251.

ных сооружений на небольшом городище показывает, что оно имело важное стратегическое значение». [1]

Если бы система валов городища в с. Лящивцы была несомненно подлинной, относящейся к XI—XIII вв., то это городище действительно представляло бы собой совершенно уникальный памятник, какую-то исключительно мощную крепость, не имеющую аналогий в других городищах этого времени. Однако система обороны данного городища вызывает серьезные сомнения.

На той же реке Суле имеется городище Круча, представляющее собой еще более сложную систему валов, чем городище в с. Лящивцы, однако здесь валы несколько более бессистемны в плане и представляют большое количество отдельных отрезков валов. [2] Это совершенно определенно заставляет предполагать, что в данном случае валы были с какой-то целью разрыты. Очень похожую картину, хотя и не столь усложненную, можно наблюдать и на некоторых других городищах, например на Западном Бельском городище, где внутри основного вала имеется значительное количество отдельных небольших отрезков валов. [3] Обследовавший это городище В. Ляскоронский отмечал, что эти отрезки валов образуют сооружения, очень сходные с так называемыми курганами-майданами, от которых они отличаются только тем, что вместо круглой центральной ямы они имеют яму несколько удлиненного вида, растянутую по длине вала. [4] В. Городцов, производивший на Западном Бельском городище раскопки, совершенно определенно указал, что валы этого городища были разрыты, как майданы, и даже привел убедительное доказательство того, что это было произведено в сравнительно недавнее время в XVII—XVIII вв. [5] Таким образом, наряду с типичными майданами, образовавшимися благодаря разрытию древних курганов, существуют майданы и несколько иного типа — получившиеся путем разрытия валов древних городищ. [6]

Окончательное решение вопроса о валах городища в с. Лящивцы может быть получено только путем тщательного исследования самого городища. Однако предварительно можно высказать предположение, что эти сложные валы представляют собой разрытые наподобие майданов остатки древнего городища, а никак не сложную оборонительную систему древнего города.

4

Письменные источники, дополняя археологические данные, не только подтверждают, что древнерусские городские укрепления иногда состояли не из одной, а из двух линий обороны (внутренней и внешней), но дают возможность определить, как назывались в древности эти различные части оборонительной системы. Центральная часть городских укреплений в более позднее время (с XIV в.) обычно называлась кремлем. В XI—XIII вв. эта центральная укрепленная часть города называлась *детинецъ* или же очень часто просто *город.* [7] По аналогии

---

[1]Археологічні пам'ятки УРСР, т. I, Київ, 1949, стр. 252.

[2]Тр. XI АС, т. I, М., 1901, стр. 427.

[3]В. Ляскоронский. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы по течению рр. Псла и Ворсклы. Тр. XIII АС, т. I, М., 1907, стр. 177.

[4]Там же, стр. 178. Тот же Ляскоронский приводит один еще более характерный пример городища-майдана у С. Яненковы Пологи в районе Переяславля: *В. Г. Ляскоронский*. Городища, курганы, майданы и длинные (змиевые) валы в области Днепровского Левобережья, стр. 12.

[5]*В. А. Городцов*. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губернии. Тр. XIV АС, т. III, М., 1911, стр. 98.

[6]О том, что для вываривания селитры использовались не только курганы, но и валы городищ, имеются письменные свидетельства XVII—XVIII и даже XIX вв. С*м. О. Федоровський*. Майдани Харьківщини та майданові теорії. Зап. Всеукраїнськ. археологічн. комітету, т. I, Київ, 1931, стр. 79—81. См. также дело 1812 г. «Об отдаче действительному советнику Кочубею для селитроварения казенных валов в Переяславской крепости» (ЦГИАЛ, ф. 1160, оп. 2, № 10, л. 101).

[7]Наиболее ясно упоминается детинец в смысле укрепленного центра города в 1152 г. в Чернигове (Лаврентьевская лет., 6600), в 1274 г. в Новгородке Литовском (Ипатьевская лет., 6782), в 1097 г. в Новгороде (Новгородская 1 лет., 6605) и *т. д. Упоминание города* как укрепленного центра см., например: Лаврентьевская лет., 6694 (1186); Ипатьевская лет., 6654 (1146), 6668 (1160), 6683 (1175); Новгородская I лет., 6681 (1173) и др. Замечание *Ф. П. Филина* о том, что термин *детинец* чаще употреблялся в Новгороде, а на юге центральное укрепление обычно называлось просто *городом,* не подтверждается данными летописей (*Ф. П. Филин*. Лексика русского литературного языка древнерусской эпохи. Л., 1949, стр. 242). Термины *детинец* и *город* в смысле центрального укрепления упоминаются одинаково часто и в северной, и в южной Руси. Позднее, когда в Москве начинает употребляться слово *кремль,* в Новгороде продолжает постоянно применяться термин *детинец.*

в русских летописях и замки западноевропейского типа называли детинцами. [1] Всего один раз в русских летописях встречается еще другое обозначение центрального городского укрепления — *дънешний город.* [2] Наконец, изредка в этом же смысле употреблялся термин *вышгород.* [3]

Наружная линия городских укреплений большей частью называлась *острогом.* Значение этого слова долгое время было неясно. Так, Ф. Ласковский определенно считал, что острогом назывался особый конструктивный тип ограды. [4] В работе М. Фриде было, однако, достаточно убедительно показано, что до середины XVI в. под острогом понимали внешнюю линию стен города, совершенно независимо от конструктивного типа этих стен. [5] Письменные источники полностью подтверждают эту точку зрения. *Острог* в XI—XIII вв. упоминается в летописях именно как внешняя городская ограда и обычно противопоставляется в этом смысле *детищу* или собственно *городу.* [6] Однако, как это справедливо отметила М. Фриде, с середины XVI в. параллельно с этим основным значением слова «устанавливается и новое понимание острога, как крепости, но всегда независимо от технического способа построения стен ограды». [7] Можно думать, что это второе значение данного термина, существовавшее рядом с основным, появилось не в XVI в., а значительно раньше, так как в летописях, правда в очень редких случаях,

проскальзывает это значение *острога,* как небольшого укрепления или легкого полевого заграждения. [8]

Другим термином, обозначавшим внешнюю линию городских стен, был *окольный город.* [9] Позже, в XV в., появляется также термин *охабень.*

Наконец, изредка встречается еще термин *город кромный.* [10]

М. Фриде считала, что это слово обозначает внешнюю линию городской обороны. [11] Упоминание *кромного города* в ранних источниках не дает достаточных оснований для решения вопроса о значении этого слова; однако частое употребление этого термина к Пскове в более позднее время и всегда в значении не окольного города, а детинца дает право считать *город кромный* или просто *кром* обозначением укрепленного центра города, а не внешнего пояса городских стен. [12]

К оборонительным сооружениям древнерусских городов прямое отношение имеет также термин *болонье.* Ф. Ласковский [13]объяснял болонье, как загородье, или передгородье, *т. е. часть* города, не окруженную стенами. [13]

Тексты летописей говорят, однако, об ином значении этого слова. По-видимому, болонье было низким открытым пространством возле реки, которое могло составлять часть населенной территории, но могло и не быть заселенным. [14]

VI. ВЫВОДЫ

В результате классификации древнерусских городищ по их типам удается выяснить следующую картину развития и изменения принципов планировки оборонительной системы русских укрепленных поселений.

---

[1]Новгородская I лет., 6819 (1311).

[2]Лаврентьевская лет., 6586 (1078).

[3]См., например: И. Срезневский. Материалы для словаря, т. I, стлб. 457.

[4]Ф. Ласковский. Материалы для истории инженерного искусства в России, ч. I, стр. 16.

[5]*М. А. Фриде*. Русские деревянные укрепления по древним литературным источникам. Изв. РАИМК, т. 3, Л., 1924, стр. 125.

[6]Лаврентьевская лет., 6660 (1152), 6694 (1186)., Ипатьевская лет. 6668 (1160), 6669 (1161), 6680 (1172). 6683 (1175) и т. д.

[7]*М. А. Фриде*. ук. соч., стр. 125.

[8]Так, например, татары при осаде Рязани оградили этот город острогом [Летопись по Академическому списку, 6745 (ПСРЛ, т. I, вып. 3, Л., 1928, стлб. 515)]. При походе на ятвягов в 1251 г. ляхи «острожились» и затем оборонялись в этом *остроге* (Ипатьевская лет., 6759).

[9]См., например: Лаврентьевская лет., 6586 (1078); Ипатьевская лет., 6782 (1274).

[10]Новгородская I лет., 6621 (1113).

[11]*М. А. Фриде*, ук. соч., стр. 119.

[12]См., например: И. Срезневский. Материалы для словаря, т. I, стлб. 556. В рукописи конца XV в. записано: «в крону — ин арсе или в вышегородце» (там же, стлб. 1327). По-видимому, термин *кром* происходит от слова *кромьство* — «внутренность» (там же, стлб. 1328).

[13]Ф. Ласковский. Материалы для истории инженерного искусства в России, ч. I, стр. 10.

[14]См., например: Ипатьевская лет., 6657 (1149), 6659 (1151), 6672 (1164), 6682 (1174), и *др. Ф. Филин* (ук. соч., стр. 249) приводит параллели этому слову в различных славянских языках. Низменная часть берега в Киеве и сейчас называется *оболонь.*

В VIII—X вв. укрепленные поселения стремились расположить в таком месте, чтобы естественные препятствия ограждали эти поселения со всех сторон. Идеальным примером такого решения служит островное расположение, когда поселение со всех сторон защищено крутыми склонами, оврагами, рекой или труднопроходимым болотом. Земляных укреплений в таких случаях вообще не возводили, ограничиваясь, по-видимому, лишь какими-то деревянными оборонительными сооружениями, да в отдельных случаях подрезкой склонов.

Однако в частом виде островное расположение укрепленных поселений редко удавалось осуществить, так как для этого далеко не всегда можно было подобрать подходящие условия местности. Особенно редко такие укрепления строились в южной Руси, где отдельно стоящие вершины или островки среди болота не характерны для рельефа местности. В более северных районах Руси островное расположение применялось чаще, так как здесь были для этого более удобные условия рельефа. Островное расположение имело, кроме того, еще и то неудобство, что затрудняло сообщение с укрепленным пунктом и не давало возможности размещать непосредственно рядом с ним открытое поселение.

Поэтому наиболее употребительным для периода VIII—X вв. было не островное, а полуостровное расположение, при котором укреплённые поселения основывались на мысах. В этом случае естественные препятствия уже не сплошь окружали все поселение, а оставляли одну сторону свободной для доступа и не защищенной естественными оборонительными рубежами. С этой напольной стороны строились искусственные земляные укрепления — вал и ров. Если самый конец мыса был очень пологим и даже путем подрезки не мог быть сделан достаточно неприступным, здесь возводился дополнительный вал.

В конце X—XI вв. появляется новый прием планировки оборонительных сооружений, приобретающий чрезвычайно широкое

распространение в XI, XII и XIII вв., — постройка замкнутого земляного вала вокруг всего укрепленного поселения. Наиболее распространенным типом укрепленного поселения для этого времени становится мысовое поселение с замкнутым валом, проходящим по периметру холма, на котором это поселение расположено. С напольной стороны вал обычно имеет большую высоту, чем в других местах, здесь же расположен ров, отрезающий укрепленную часть поселения от прилегающего плато (рис. 31).

Параллельно с этим новым типом планировки укреплений в XI—XIII вв. продолжает достаточно широко применяться и старый способ защиты мысового поселения одним валом и рвом только с напольной стороны. Можно заметить, что этот старый тип особенно часто применяется там, где поселение существовало и в более ранний период. По-видимому, при наличии укреплений старого типа их редко переделывали, а в том случае, когда укрепленные поселения возникали заново не ранее XI в., обычно применяли уже новый тип планировки оборонительных сооружений.

То же явление можно отметить и в отношении островного типа расположения укрепленных поселений. В XI—XIII вв. наряду со старым типом островных поселений, не имеющих земляных укреплений, появляется и новый тип — островные поселения с замкнутым валом по периметру островка или холма, на котором они расположены.

Необходимо отметить еще несколько новых черт, появляющихся в планировке оборонительной системы русских поселений не ранее конца X — начала XI в., — это наличие укрепленных поселений, имеющих значительные размеры, а также сооружение земляных укреплений, состоящих из нескольких параллельных линий валов и рвов (рис. 32).

В XII и XIII вв. получает распространение еще один новый тип планировки оборонительной системы, впервые появляющийся на Руси не ранее второй половины XI в., —

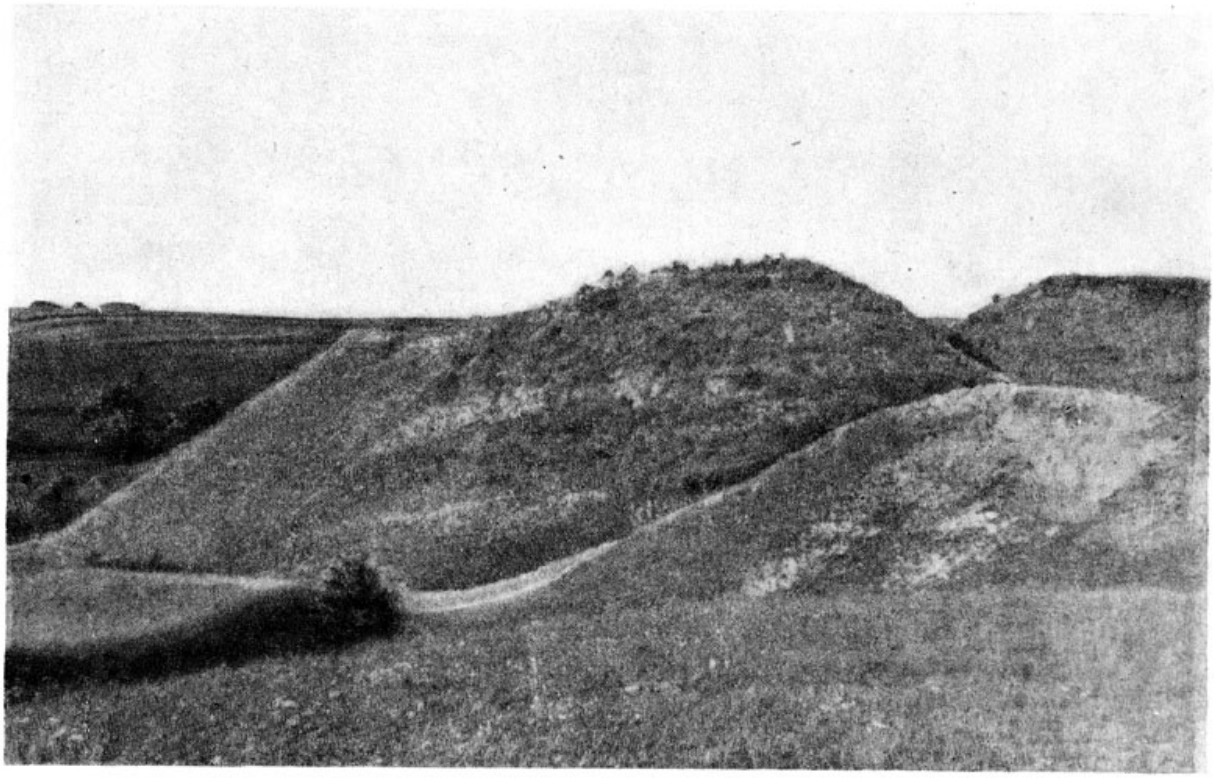

Рис. 31. Городище в с. Старые Безрадичи. Вид со стороны въезда.

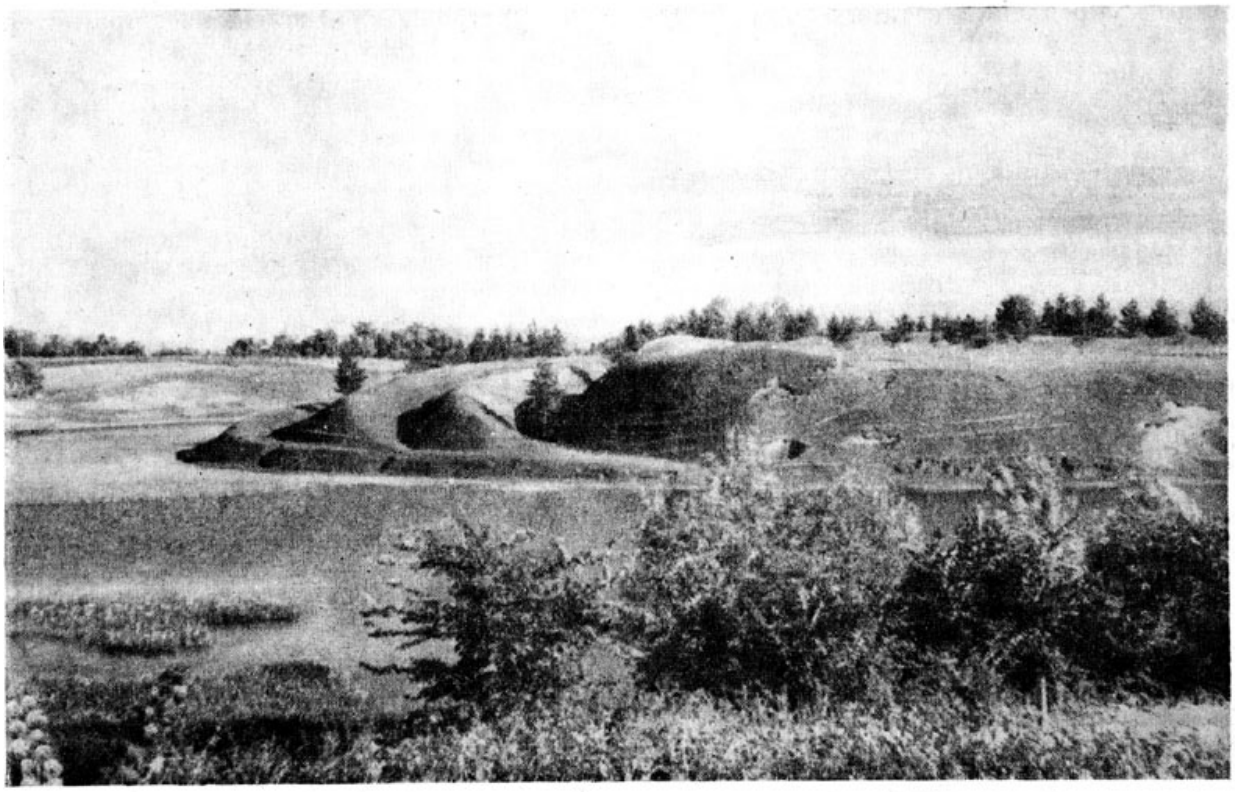

Рис. 32. Городище в с. Губин. Вид с северо-запада.

это расположение поселений на сравнительно ровной площадке, окруженной валом и рвом, имеющими в плане более или менее правильную круглую форму (рис. 33).

Вариантом этого типа являются поселения, защищенные не круглым, а полукруглым в плане валом и рвом. В таких поселениях одна из сторон защищена не земляными искусственными укреплениями, а примыкает к какому-либо естественному препятствию, большей частью к склону речной надпойменной террасы.

Следует отметить, что появление и этого нового типа не вытеснило полностью тех типов, которые развивались и существовали до этого. Даже в XII в.. кроме укрепленных поселений круглой или полукруглой формы, продолжали также строить укрепления, полностью подчиненные рельефу местности.

Таким образом, в XII и XIII вв. на Руси параллельно сосуществовали три различных типа планировки оборонительной системы поселений: 1) островные поселения, не имеющие земляных укреплений, и мысовые поселения с земляными укреплениями только с напольной стороны; 2) островные и мысовые поселения, окруженные замкнутым валом по периметру того островка или мыса, на котором они расположены; 3) поселения, окруженные замкнутым валом, не связанные с условиями рельефа местности, а имеющие в плане правильную круглую или полукруглую форму.

В большинстве случаев древнерусские поселения не ограничивались территорией укрепленной части, а выходили за ее пределы. Поэтому рядом с укрепленными поселениями почти всегда существовали и открытые, незащищенные поселки. Уже в IX—X вв. появляются первые случаи укрепления оборонительными сооружениями не только центральной части поселения, его детинца, но и второй, внешней части. Однако обе эти укрепленные площадки в раннее время имели почти одинаковые размеры и строились одинаково на мысах. С конца X—XI вв. появляется уже более развитая система планировки оборонительных сооружений, состоящая из четко выделенного неболь-

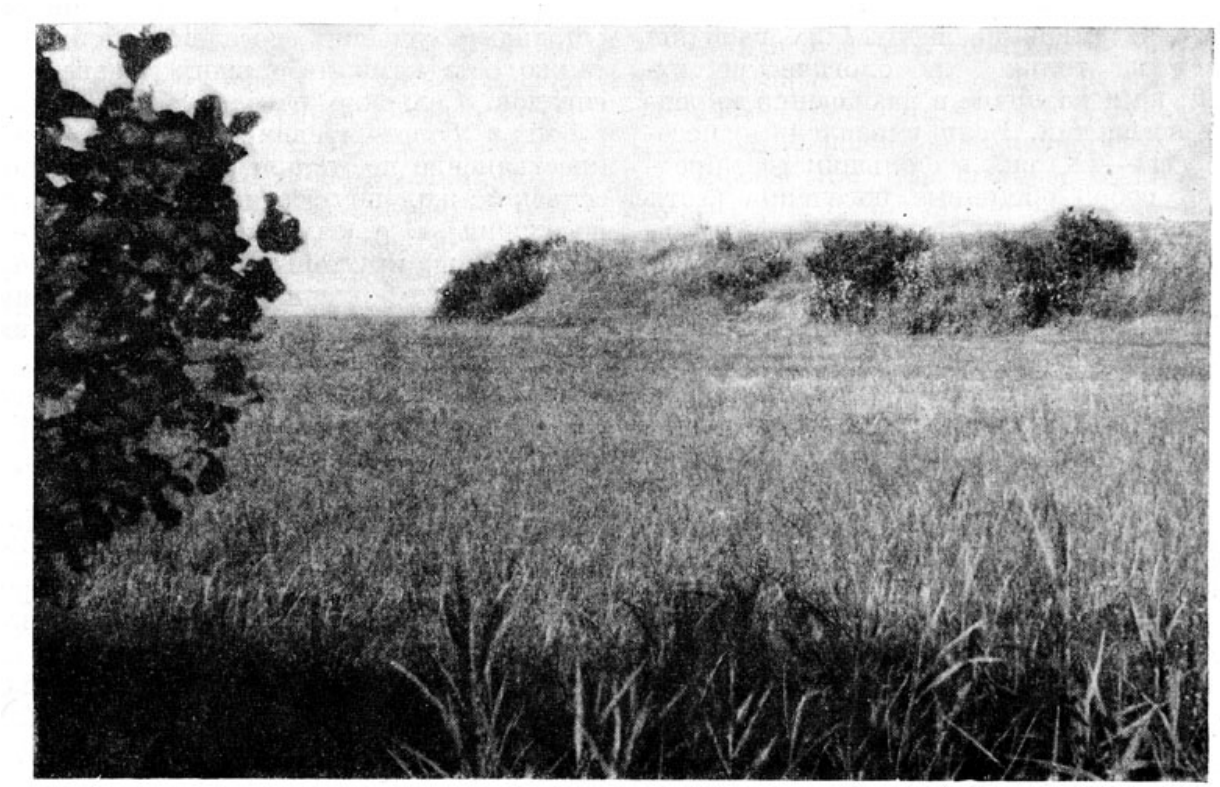

Рис. 33. Малое Грубское городище.

шого укрепленного центра — детинца — и большой территории окольного города. Детинец при такой схеме планировки обычно сооружался как мысовое укрепление. Валы и рвы окольного города, имевшие большую протяженность, располагались уже не на мысу, а на ровной площади, согласуясь все же по возможности с рельефом местности.

Различие типов древнерусских городищ отражает не только хронологические изменения, но и различие в назначении укрепленных поселений. Если укрепленные поселения VIII—IX вв. в большинстве представляют собой общинные поселения (хотя возможно, что и связи с развитием феодальных отношений к концу этого периода некоторые укрепленные поселения превращаются уже в замки), то укрепленные поселения X—XIII вв. представляют собой феодальные замки и города в собственном смысле этого слова. При этом, хотя феодальные замки могли быть представлены различными вариантами (слабо укрепленные боярские дворы или сильные княжеские замки), социальная сущность их от этого мало менялась. Могли, наконец, существовать и чисто военные, пограничные замки, не имеющие специфических черт феодальной усадьбы. Никаких других типов укрепленных поселений, кроме городов и замков, в эпоху феодализма существовать не могло.

Возможно, что для каждого определенного типа укреплений (в зависимости от их назначения) одна из форм планировки является более типичной, чем другие. Так, например, сложные городища связываются с одним определенным содержанием — городом. Простые же городища X—XШ вв. большей частью представляют остатки феодальных замков. Однако это деление не всегда является безусловно правильным, так как иногда простые мысовые городища также оказываются остатками городских

укреплений. Сложная система обороны, состоящая из детинца и окольного города, была характерной лишь для крупных древнерусских городов; значительная часть меньших городов состояла из одной линии укреплений -детинца, окруженного открытым поселением. Остатки многих городов следует поэтому видеть и в простых городищах, главным образом мысовых городищах с замкнутым валом по периметру. Кроме этого, следует иметь в виду, что менее мощная линия обороны окольного города могла быстрее разрушиться и просто не сохраниться до нашего времени. Поэтому если сложные городища всегда связываются с древнерусскими городами, а сложно-мысовые городища, по-видимому, в большинстве случаев отражают в какой-то мере возникновение и развитие городов, то простые городища являются остатками сельских поселений или иногда также остатками небольших древнерусских городов. Сельские поселения представляли собой в более древний период общинные крестьянские поселения, в более поздний -сельские же. но феодальные укрепленные поселения, *т. е. замки*. [1]

Городища круглой и полукруглой формы, по-видимому, в большинстве случаев являются остатками владельческих усадьб. Княжеские, пограничные замки-крепости даже в XII—XIII вв. большей частью имеют не круглую форму, а подчинены форме мыса, на котором они расположены. По-видимому, это объясняется тем. что владельческие усадьбы располагались, как правило, на плоской местности, в то время как пограничные крепости, связанные с обороной определенного рубежа, были почти всегда размещены на высоких крутых холмах. Естественно, что такие удобные для обороны природные условия диктовали в известной степени планировочный тип укрепления, вызывая строительство укрепленных поселений, связанных с рельефом, а не геометрически правильных.

Следует обратить внимание и на то, что мощные валы, имеющие специальные внутренние конструкции, не встречаются на городищах правильной геометрической формы. По-видимому, даже в XII—XIII вв. при постройке наиболее сильных и наиболее ответственных укреплений с мощными валами не решались целиком отказываться от защитных свойств рельефа местности.

Однако стремление к геометрически правильной, круглой форме укреплений сказы-

---

[1]Не исключена возможность, что некоторые укрепленные поселения свободных крестьян позже продолжали существовать как деревни феодально-зависимых крестьян. Несомненно, однако, что в эту пору они уже не могли иметь укреплений, хотя сами земляные валы вокруг таких деревень могли еще сохраняться, утеряв свое военное значение и не имея уже боевых конструкций наверху.

валось в XII—XIII вв. даже и в поселениях, расположенных на холмах, благодаря чему значительная часть из них имеет, хотя в не совсем правильную, но все же округлую форму.

Таким образом, постепенное развитие типов планировки укрепленных поселений отражает не столько изменение социальной их сущности, сколько хронологические изменения, связанные с эволюцией военно-инженерного искусства. Конечно, это нисколько не исключает того, что само развитие военно-инженерного искусства, в свою

очередь, зависит от развития социально-экономических отношений. Одновременное сосуществование различных типом укрепленных поселений, по-видимому, объясняется, кроме различия в назначении поселений, многими другими причинами — традициями, большей или меньшей населенностью и экономической мощностью поселения, военным значением данного укрепленного пункта и пр.

Рассматривая развитие системы планировки оборонительных сооружений древнерусских поселений, можно отметить, что в наиболее ранних памятниках основным принципом является максимальное использование для обороны естественных условий местности. Этим самым достигалась наибольшая экономия средств, так как искусственные земляные сооружения сводились здесь К минимуму, занимая лишь тот участок, где не было естественных препятствий. В дальнейшем искусственные земляные сооружения приобретают все большее значение, а роль естественного рельефа местности уменьшается. Если с появлением замкнутых валов естественные препятствия усиливаются путем постройки на краях площадки искусственных земляных сооружений, то в полукруглых, а особенно в круглых укрепленных поселениях вся система обороны строится на искусственных сооружениях, а роль рельефа местности сводится почти к нулю.

От островного расположения укрепленного поселения, окруженного только естественными оборонительными рубежами, полностью подчиненного рельефу местности и не имеющего никаких искусственных земляных сооружений, до геометрически правильного круглого укрепления, часто расположенного даже на плоской местности и защищенного исключительно искусственными оборонительными сооружениями, — таков путь, по которому развивались русские оборонительные сооружения от VIII к XIII в. Одновременно шло и усложнение схемы планировки оборонительной системы — от простейшего укрепления, окруженного одним рядом заграждений, до сложного комплекса, включающего детинец с примыкающими к нему одним, а иногда даже двумя рядами заграждений окольного города.

КОНСТРУКЦИИ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ

I. КОНСТРУКЦИИ VIII—X вв.

Изучение оборонительных конструкций древнерусских укрепленных поселений чрезвычайно затруднено недостаточной исследованностью самих памятников. Если вопросы планировки оборонительной системы могут быть решены хотя бы в самых общих чертах на материале обследования городищ, то для изучения оборонительных конструкций необходимы материалы раскопок. Между тем даже в тех случаях, когда на древнерусских городищах производились систематические раскопки, конструкции оборонительной системы изучались крайне редко, так как эта сторона не всегда обращала на себя внимание исследователей, к тому же такие исследования обычно связаны с очень трудоемкими работами по прорезке валов.

Специальные раскопки с целью изучения оборонительных конструкций проводились до сих пор лишь в единичных случаях. Поэтому более или менее полная картина устройства оборонительной системы древнерусского укрепленного поселения до сих пор была

выявлена всего лишь в нескольких пунктах. Раскопки, помимо этого, могут осветить вопрос лишь о тех конструкциях, которые находятся под землей. Деревянные оборонительные конструкции, некогда находившиеся на поверхности земли, исчезли полностью, большей частью не оставив в земле никаких следов. Поэтому источником для изучения наземных деревянных конструкций могут служить лишь косвенные данные, получаемые при археологических раскопках в сопоставлении с письменными источниками и древними изображениями.

Несмотря на то, что в русских летописях устройство городских укреплений нигде специально не описывается, все же различные известия о сражениях, а иногда и отдельные замечания, касающиеся обороны или штурма городов, позволяют в ряде случаев получить некоторое представление о древних оборонительных конструкциях. В сочетании же с результатами археологических исследований эти источники в целом могут дать материалы, достаточные для выяснения хотя бы основных вопросов развития типов и форм древнерусских оборонительных конструкций.

Но если исследование оборонительных конструкций укрепленных поселений XI— XIII вв. представляет серьезные трудности вследствие малой изученности материала, то еще хуже обстоит дело с оборонительными конструкциями VIII—X вв. Прежде всего, укрепленных поселений этого времени, не имеющих более поздних наслоений, известно очень мало. В тех же случаях, когда поселения этого времени продолжали существовать и после X в., никогда нельзя быть уверенным (без достаточно серьезных раскопок), что оборонительные конструкции относятся только к первому периоду жизни поселения, а не являются результатом более поздних переделок. Между тем, раскопки валов на городищах этого времени почти совершенно не производились. Затруднения усугубляются тем обстоятельством, что никаких письменных источников, относящихся к городищам этой поры, также не имеется. Поэтому изучение оборонительных конструкций VIII, IX и почти всего X в. возможно в настоящее время лишь в самых общих

чертах, в порядке первой, предварительной постановки этого вопроса.

На городищах VIII—X вв. основным приемом укрепления местности было использование естественных склонов или обрывов в качестве оборонительной линии. Искусственные земляные сооружения — валы и рвы — устраивались исключительно в тех местах, где не было естественных препятствий, *т. е. главным* образом с напольной стороны мысовых городищ.

При этом основное внимание, по-видимому, уделялось устройству рва, а не вала. Валы на городищах VIII—X вв., как правило, имеют незначительную величину и мощность, рвы, же, наоборот, обычно широкие и глубокие. [1]

К сожалению, точный профиль и размеры рвов VIII—X вв. не изучены пока ни на одном памятнике. Ров древнейшего Киевского городища на одном из участков имел глубину до 3 м, а на другом почти вдвое большую — около 6 м. Стенки этого рва имели значительную крутизну — от 45 до 50° к горизонту. [2] Устройством таких мощных рвов достигалась почти полная изоляция защищаемой площадки от окружающей местности. Можно думать, что при постройке укрепления здесь основной задачей было создание рва, а валы

возводились уже только для совершенствования этой обороны, с использованием земли, выброшенной при отрывке рва.

В тех случаях, когда поселение располагалось почти непосредственно на каменной скале и слой земли имел очень малую толщину, ров отрывался, вернее вырубался, в этой скале, а вал насыпался из полученного при этом щебня. Так, например, вал Большого Боршевского городища насыпан из меловой щебенки, поскольку само городище устроено на меловом отроге. [3]

В низких, болотных городищах, где ров не мог иметь большой глубины, земли, полученной при отрывке этого рва, было недостаточно для насыпки вала, тем более что малые размеры рва, очевидно, диктовали необходимость создания более мощного вала. В этих случаях, кроме земли, добытой изо рва, приходилось брать землю для вала и в других местах главным образом, по-видимому, с самой площадки городища. Так. на городище Монастырище основу вала составляет насыпь из чистой глины, отрытой изо рва, а поверх этой глины лежит слой земли с культурными остатками. Эта земля была, вероятно, насыпана на вал прямо с площадки городища. [4]

Насколько можно судить при крайне малой исследованности памятников, внутри земляных валов на городищах VIII—X вв. никаких специальных конструкций не применяли. [5] Естественно, что земляные валы, не имеющие специальных внутренних конструкций и не обладающие большой мощностью, со временем сильно разрушались и оплывали под действием атмосферных условий. Поэтому в тех случаях, когда жизнь на укрепленном поселении продолжалась в течение продолжительного времени, эти валы приходилось чинить путем подсыпки их землей. На некоторых городищах в разрезе валов удается проследить несколько слоев подсыпки. Например, на Любенском городище в районе Гомеля вал подсыпался четыре раза. [6]

Когда склоны холма, на котором располагалось городище, были недостаточно круты, их иногда подрезали, придавая им тем самым большую крутизну. Такая подрезка склонов отмечена, например, на городище

---

[1] *И. И. Ляпушкин*. Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного Левобережья, стр. 12. *И. И. Ляпушкин* отмечает на городищах VIII—X вв. глубину рвов до 5—6 м.

[2] *М. К. Каргер*. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950, стр. 93—94. По-видимому, форма этого рва была позднее искажена, и судить по этому единичному примеру о первоначальном профиле рвов VIII—X вв. мало оснований.

[3] *П. П. Ефименко* и *П. Н. Третьяков*, ук. соч., стр. 15.

[4] Н. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губ. в 1906 г., стр. 57. Следует, однако, отметить, что городище Монастырище имеет как более древние (скифские), так и более поздние слои, поэтому нет полной уверенности в том, что вал этого городища относится именно к VIII—X вв.

[5] *А. Л. Монгайт* отмечает наличие следов обгорелого дерева в валу городища Монастырище (КСИИМК, вып. 17, 1947, стр. 29). Однако несомненно, что угли, обнаруженные под основанием вала, являются не следами конструкции вала, а просто культурными остатками, поверх которых позднее был насыпан вал (ИАК, вып. 22, СПб., 1907, стр. 57).

[6]З. Даугяла. Новые раскопки около Гомеля. Гістарычна-археолёгічны зборнік, № 1, Минск, 1927, стр. 363. О датировке городища см.: И. Юшчанка. Археологические исследования в Гомельской округе. Працы, т. II, стр. 515.

у с. Новотроицкое и на Городище Городок у с. Долгий Колодезь (оба на р. Псел). [1] На островном городище Таукач у дер. Гаравыя в районе Полоцка один из склонов городища, имевший недостаточную крутизну (при высоте около 7 м), был подрезан и сделан таким образом более крутым. [2]

Специальные въезды на городищах VIII -X вв. имеются не всегда. Можно отметить, однако, что в целом ряде случаев вал с напольной стороны городища не доходит одним из твоих концов до края обрыва, оставляя тем самым узкую дорожку для прохода на площадку. Очень возможно, что такие дорожки-проходы рядом с валом и являются следами древних въездов. На некоторых же городищах (например Малое Боршевское, Монастырище, городище у дер. Куземино и др.) в средней части вала имеется въезд-прорезка, проходящий насквозь через весь вал. [3]

Следов верхних оборонительных конструкций, расположенных на валах, в городищах VIII—X вв. не обнаружено почти нигде, что, вероятно, объясняется слабой изученностью самих городищ этой поры. Отсутствие письменных источников не дает возможности восполнить данный пробел. Как редкое исключение следы частокола были обнаружены археологическими раскопками на городище у дер. Волоковая на Смоленщине, относящемся к VIII—IX вв. [4] Столбы этого частокола имели в диаметре от 15 до 20 см. На один метр длины частокола в среднем приходилось по пять столбов. Учитывая, что столбы первоначально были несколько больше в диаметре, чем сохранившиеся остатки, можно сделать вывод, что частокол этот представлял собой стенку из бревен диаметром около 20 см, плотно подогнанных одно к другому. Сохранность остатков деревянных сооружений на данном городище объясняется тем, что в древности этот частокол сгорел и поэтому его нижние части, находившиеся в земле, обуглились. Это и предохранило их от гниения. Городище у дер. Волоковая было устроено по принципу островного и не имело валов по периметру. Обнаруженный здесь частокол проходил непосредственно по краю площадки городища. Можно предполагать, что и там, где имелись искусственные валы, по их гребню должна была проходить какая-то защитная конструкция, вероятнее всего, также деревянный частокол. [5]

Таковы те крайне скудные и отрывочные сведения, которые имеются о конструкциях оборонительных сооружений VIII—X вв.

II. ЗЕМЛЯНЫЕ ВАЛЫ X-XIII вв., НЕ ИМЕЮЩИЕ ДЕРЕВЯННЫХ КОНСТРУКЦИЙ

В отличие от городищ VIII—X вв. на более поздних городищах, начиная со второй половины X в., заметно увеличивается роль оборонительных валов. Рвы на этих более поздних городищах продолжают иметь большое значение и зачастую (особенно на городищах мысового типа) достаточно велики по размеру. Однако сравнение величины валов и рвов показывает, что посте X в. роль валов заметно возрастает.

На ряде городищ, сооруженных после X в., высота валов превышает глубину рвов, чего почти никогда не бывало на более древних городищах. Так, например, на Гримовском городище на р. Припяти глубина рвов не превышает 2. 5 м, а валы достигают высоты 4 м. [6] В тех случаях, когда городища расположены не на высоких мысах, а на плоскости, и особенно на городищах, имеющих правильную геометрическую форму, это увеличение роли валов особенно заметно. На Грубском городище, например, рвы в древности имели очень небольшую глубину, около 1 м;

---

[1] *И. И. Ляпушкин*. Отчет об экспедиции 1948 г., стр. 74, 63. О почти отвесной зачистке склонов на высоту 7—10 м на городищах VIII— X в*в. И. И*. Ляпушкин говорит и в другой своей работе — «Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного Левобережья» (СА, XVI, 1952, стр. 13).

[2] *А. Н. Лявданский*. Археологические исследования в районе Полоцка. Працы, т. II, стр. 176.

[3] *П. П. Ефименко* и П. Третьяков, ук. соч., стр. 72. — Н. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губ. в 1906 г., стр. 55. — *П. Н. Третьяк*ов. Стародавні слов'янські городища у верхній течії Ворскла, стр. 129.

[4] *А. Н. Лявданский*. Археологические исследования в бассейне рек Сожа, Днепра и Каспли, стр. 322.

[5] При открытии древнего рва в Киеве в районе Десятинной церкви были, по-видимому, также найдены «остатки древнего вала», а «на внешнем гребне рва видны следы кольев, забитых в землю на расстоянии 15 см один от другого» (ИАК, прибавл. к вып. 48, СПб., 1913, стр. 118).

[6] *С. П*. Вельмин, ук. соч., стр. 95.

высота валов этого городища даже в настоящее время превышает 2 м. [1]

Вообще, валы высотой 4—5 м не являются исключениями для городищ XI— XIII вв. Сравнительно небольшой вал XII в. в древнем Вышгороде имел первоначальную высоту более 4. 5 м. [2] И даже в небольших княжеских замках, таких, как, например, *города* Болоховской земли Кудин и Деревич, валы достигали высоты 4 м. [3]

В особенности велики валы на тех городищах, которые представляют собой остатки крупных древнерусских городов. Валы Старой Рязани имеют высоту около 10 м, первоначальная высота валов «города Ярослава» в Киеве была более 12 м, а с напольной стороны эти валы достигали 16 м.

Характерным для времени после X в. является, однако, не только увеличение размеров валов, но и то, что валы начинают устраивать иногда в виде нескольких рядом расположенных параллельных линий. Так, например, на городище у села Витачёв (древний город Святополч) площадка городища отделена от плато тремя параллельными валами. [4] В настоящее время эти валы настолько распаханы, что едва различимы на поверхности земли и могут быть выявлены лишь нивелировкой. Однако прорезка одного из этих валов (ближайшего к площадке городища) показала, что это были настоящие валы, насыпанные из материкового лёссовидного суглинка (рис. 34).

В бассейне Роси городище Очаков было окружено тремя концентрическими валами. [5] На Гримовском городище площадка самого городища была отрезана от конца мыса тремя параллельными валами. [6] По три и даже четыре линии параллельных валов имели *города* Болоховской земли — Деревич, Кудин и Губин. [7] В Рязанской земле Романово-Борисоглебское городище защищено тремя параллельными валами, а городище у дер. Рубцовой — двумя валами. [8]

Можно отметить, что повсюду, где были обнаружены сдвоенные или строенные линии валов, внутренний вал всегда самый высокий и мощный, а наружный — более низкий и слабый. Между параллельными валами всегда заметны следы рвов.

По своему устройству значительная часть валов городищ XI—XIII вв., подобно валам более ранних городищ, представляет собой простые земляные насыпи без каких-либо специальных деревянных или камен-

---

[1] П. Раппопорт. Заметки о датировке некоторых типов городищ Поднепровья, стр. 112.

[2] П. Раппопорт. Археологические заметки..., стр. 183.

[3] П. Раппопорт. Города Болоховской земли.

[4] П. Раппопорт. Обследование городищ в районе Киева в 1950, стр. 147.

[5] В. Е. Гезе, ук. соч., стр. 83.

[6] *С. П. Вельмин*, ук. соч., стр. 96.

[7] П. Раппопорт. Города Болоховской земли.

[8] *В. А. Городцов*. Материалы для археологической карты долины и берегов реки Оки, стр. 552, 595.

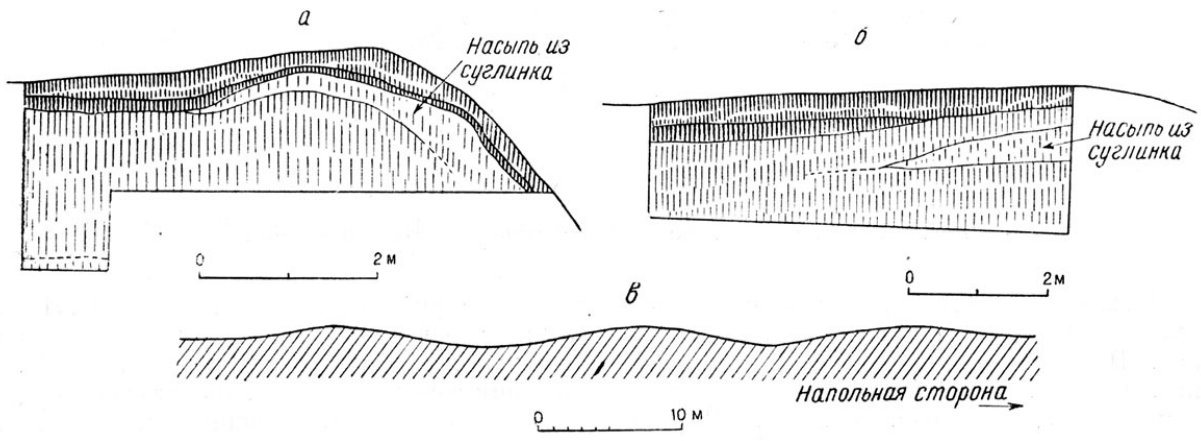

Рис. 34. Валы на городище у с. Витачёв. а — прорезка вала с северо-западной стороны городища; б — прорезка внутреннего вала с напольной стороны; в — профиль валов с напольной стороны.

ных конструкций. В ряде случаев чисто земляные валы отмечены на городищах, которые были сооружены еще до X в., но затем существовали и значительно позже. Однако простые земляные валы очень часто встречаются и на таких городищах, которые были сооружены уже не ранее XI в. Притом такая простая конструкция валов, по-видимому, характерна для всех областей Руси.

Примерами этого на Киевщине могут служить городища Гримовское, Витачёвское, Почтовая Вета, Грубское, Ягнятинское, Очаков, на Девичь-Горе в Сахновке и многие другие (рис. 35). [1] На Волыни к этому же типу относится Коршовское городище, [2] в Смоленской и Полоцкой землях — городища Черкасовское и Германовское, городище в Заславле и «Замчище» в Минске. [3] Такова же конструкция валов многих городищ Рязанской земли (Переяславль-Рязанский, Ижеславец и др.), [4] валов древнейшего Пскова [5] и многих других древнерусских городищ.

Поскольку среди городищ с подобными чисто земляными валами встречаются городища, основанные даже не в XI, а не ранее XII в., можно утверждать, что валы, не имеющие специальных каменных или деревянных конструкций, продолжали достаточно широко применяться вплоть до XIII в. Очень характерным примером этого может служить городище у с. Мацковцы на Суле (древний город Снепород). Вал этого укрепления был сооружен, по-видимому, в XII в. без всяких деревянных конструкций, из одной только земли, включающей в значительном количестве культурные остатки (рис.

---

[1]Городища Витачёвское и в Почтовой Вете см.: П. Раппопорт. Обследование городищ в районе Киева в 1950 г., стр. 142; Грубское городище см.: П. Раппопорт. Заметки о датировке..., стр. 112; Гримовское городище см.: С. Вельмин, ук. соч., стр. 96; городище в с. Ягнятин см.: В. Гончаров. Археологическая разведка по р. Роставице. Археологічні пам'ятки УРСР, т. I, Київ, 1949, стр. 242; городище «Очаков» см.: *В. Е. Гезе,* ук. соч., стр. 83; городище на Девичь-Горе в с. Сахновка см.: отчет о раскопках *В. Е. Гезе* в 1901 г. Архив ИИМК, ф. 1, д. 65 за 1901 г.

[2]Коршовское городище см.: Przegląd archeologiczny, Poznań, 1937, t. VI, z. 1, стр. 107—110.

[3]Черкасовское и Германское городища под Оршей см. публикации С. Дубинского: Працы т. II, стр. 72 и 83; городище «Замочек» в Заславле см.: А. Лявданский. Археологические раскопки в г. Заславле, стр. 9; о раскопках в Минске см.: *В. Р. Тарасенко*. Раскопки Минского замчища. КСИИМК, вып. 35, 1950, стр. 124.

[4]О валах Переяславля-Рязанского см.: *В. А. Городцов*. Материалы для археологической карты долины и берегов реки Оки, стр. 590; Н. Милонов. Разведки 1929—1930 гг. в Переяславле Рязанском. ПИДО, 1935, № 5—6, стр. 135; городище Ижеславец см.: *А. А. Мансуров*, ук. соч., стр. 221. Сведения о земляной конструкции вала внутреннего города в Старой Рязани сообщены *А. Л. Монгайтом*.

[5]*С. А. Тараканова*. О происхождении и времени возникновения Пскова. КСИИМК, вып. 25, 1949, стр. 28.

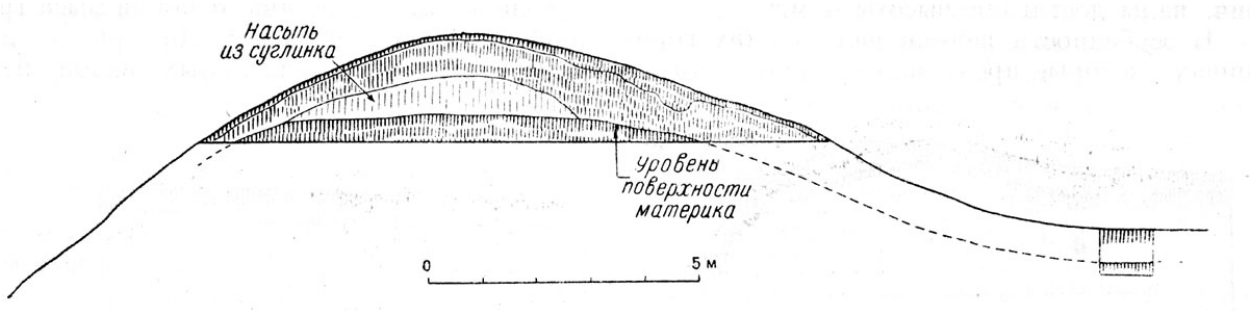

Рис. 35. Разрез вала детинца на городище в с. Почтовая Вета.

36). [1] Точно так же чисто земляные валы без специальных конструкций имели *города* Болоховской земли, хотя эти укрепленные поселения были сооружены не ранее XII в., а быть может, даже в начале XIII в. (рис. 37). [2] Земля для насыпи валов бралась различная, в зависимости от местных условий: валы насыпались из глины, из черной земли, из мелких камней и пр. Иногда валы сооружались даже из песка (например «Замчище» в Минске, Донецкое городище). В тех случаях, когда рвы имели незначительную глубину, землю для валов иногда приходилось брать по обе стороны вала, как из рва, так и с площадки городища (Снетинское городище). [3] Иногда землю брали просто на стороне (Донецкое городище). [4] Отмечены случаи насыпки валов из чередующихся прослоек земли и глины. [5]

Очень возможно, что на городищах, площадки которых расположены на высоких холмах, валы иногда целиком насыпались из земли, взятой здесь же, на площадке городища. Этим самым избегалась трудоемкая работа по поднятию на городище земли снизу. В таком случае площадка городища должна была приобретать характер котловины, поскольку со средней ее части брали землю для насыпки валов, в то время как края ее оставались нетронутыми и на них насыпались валы. Действительно, на некоторых древнерусских городищах материковый грунт, находящийся под валами, заметно повышается над уровнем материка в средней части площадки городища. Такое явление хорошо прослеживается, например, на детинце городища Почтовая Вета близ Киева (рис. 35).

Стремление использовать по возможности рельеф местности и тем самым уменьшить объем искусственных земляных сооружений приводило к тому, что иногда в качестве валов использовались естественные складки местности, которым путем подрезки или подсыпки придавали необходимый профиль и размер. Например, вал окольного города на городище у с. Почтовая Вета близ Киева лишь в среднем отрезке имеет характер искусственного вала, большая же его часть представляет собой два естественных бугра, подрезанных и превращенных таким образом в валы. [6]

Большая мощность и крутизна передних склонов с трудом могли быть достигнуты в простых земляных валах, так как эти валы легко поддавались действию атмосферных условий и требовали частых починок. Валы, насыпанные из более плотных материалов, находились в несколько лучшем положении. [7] Однако еще лучше противостояли действию воды, ветра и снега те земляные

---

[1] П. Раппопорт. Археологические заметки..., стр. 184.

[2]П. Раппопорт. Города Болоховской земли.

[3]*Н. Е. Макаренко*. Археологические исследования 1907—1909 гг., стр. 111.

[4]*В. А. Городцов*. Результаты исследований, произведенных научными экспедициями XII археологического съезда. Тр. XII АС, т. I, М., 1905, стр. 117.

[5]*В. К. Гончаров*. Райковецкое городище, стр. 27.

[6]П. Раппопорт. Обследование городищ в районе Киева в 1950 г., стр. 142.

[7]Например, вал городища Ижеславец в Рязанской земле был насыпан из железняка (А. Мансуров. Археологическая карта р. Прони. СА, IV, 1937, стр. 221). В основании валов древнего Минска в большом количестве были уложены камни (*В. Р. Тарасенко*. Раскопки Минского замчища, стр. 124).

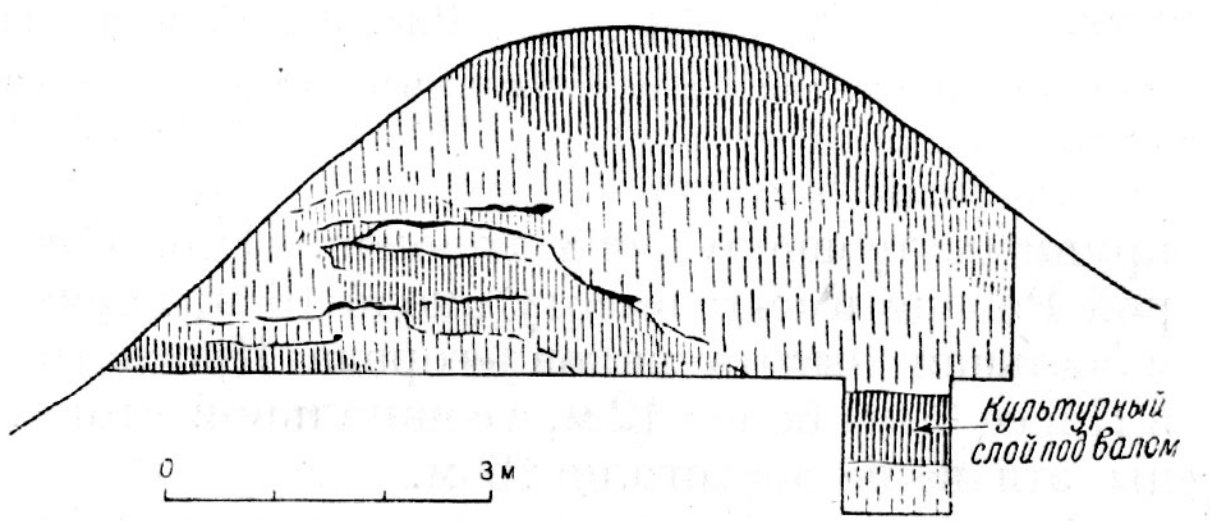

Рис. 36. Разрез вала на городище у с. Мацковцы.

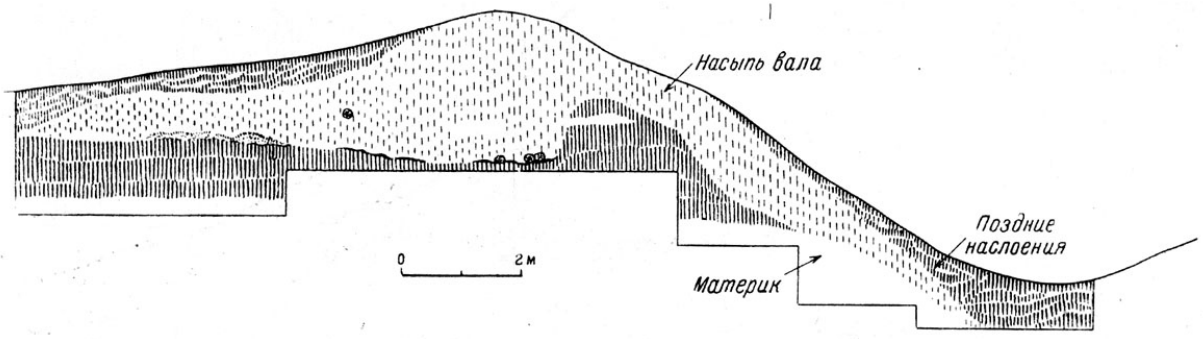

Рис. 37. Разрез вала на городище в с. Кудинка.

валы, которые имели внутри специальную деревянную конструкцию.

Наличие деревянных бревен внутри земляных валов отмечено на многих русских городищах X—XIII вв. [1] Так, в валу окольного города в древнем Переяславле (ныне Переяслав-Хмельницкий) в основании лицевой части вала имеется деревянная конструкция, по-видимому, представляющая собой невысокий, всего в три венца, дубовый сруб (рис. 38). В этом же валу отдельные бревна были встречены и выше на различном уровне, хотя в целом массив этого вала чисто земляной, не имеющий специальной деревянной конструкции. К сожалению, датировка этого вала не ясна; он может относиться как к концу X или к XI в., так и к XII в. [2]

Истлевшее дерево было найдено в основании валов на городище Очаков на р. Рось. [3]

Дубовые бревна обнаружены на Горкинском городище на Десне и на городище у с. Яроповичи в верховьях Ирпеня. [4] Обгорелые бревна были вскрыты также при раскопках на городищах Белоруссии. [5] Дерево, как в виде отдельных бревен, так и в виде сплошных настилов, встречается иногда и на более северных городищах.

Но дерево для укрепления валов в древнерусских оборонительных сооружениях применялось и в виде гораздо более сложных, срубных конструкций. В ряде памятников эти срубные конструкции в валах были изучены достаточно детально, что позволяет говорить о различных типах этих конструкции и об их развитии в X—XIII вв., поскольку эти срубные конструкции отличаются друг от

---

[1] См., например, сводку сведений о деревянных конструкциях в статье *А. Л. Монгайта* «Древнерусские деревянные укрепления по раскопкам в Старой Рязани» (КСИИМК, вып. 17, 1947).

[2] П. Раппопорт. Отчет о раскопках 1953 г. Архив ИИМК, ф. 35, оп. 1, 1953, № 6. В том же отчете см. сведения о том, что дубовые бревна, не соединенные, однако, в связанную конструкцию, были обнаружены в валах древних городов Кудин и Губин, относящихся к XII или началу XIII в.

[3] *В. Е. Гезе*, ук. соч., стр. 83.

[4] *М. В. Воеводский*. Отчет о полевых исследованиях 1946 г. Архив комитета полевых исследований. Архив ИИМК, Археолог. комитет, д. 72, стр. 20—22. В отношении городища у с. Яроповичи не исключена возможность, что найденный на краю площадки деревянный настил является просто упавшим частоколом. О городище у с. Яроповичи см.: П. Раппопорт. Заметки о датировке..., стр. 108.

[5] Працы, т. II, стр. 83. — *А. Н. Лявданский*. Смоленские городища, стр. 193, прим. 3. О городище близ дер. Понизовье на р. Гайне см.: А. Лявданский. Раскопки и археологические разведки в Борисовском районе. Науковый зборнік Інст. беларускае культуры, Менск, 1925, стр. 94 и табл. II.

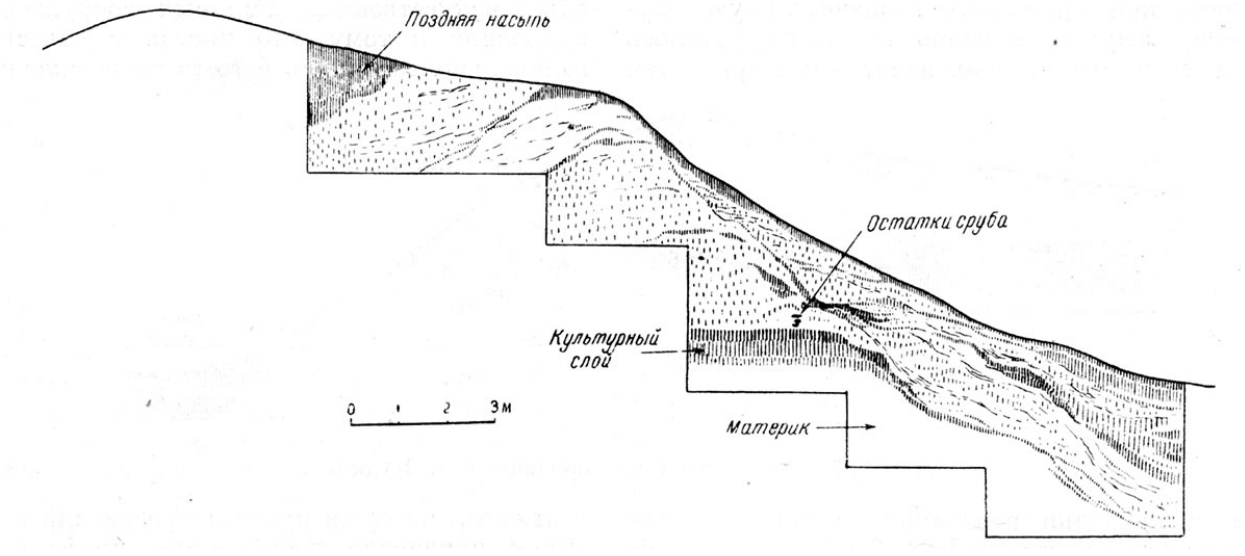

Рис. 38. Разрез вала окольного города в Переяславе-Хмельницком.

друга не только особенностями своего устройства, но и временем распространения этих различных вариантов конструкций.

III. ЗЕМЛЯНЫЕ ВАЛЫ КОНЦА X — XIII вв. С ВНУТРЕННЕЙ ДЕРЕВЯННОЙ КОНСТРУКЦИЕЙ

1

По-видимому, наиболее ранним по времени типом внутривальных деревянных конструкций являются срубные конструкции с прислоненной к ним спереди стенкой из сырцовых кирпичей. Такая конструкция, обнаруженная впервые в валах древнего Белгорода, долго была совершенно уникальным примером, исключительным явлением, не имеющим аналогий в других памятниках древнерусского военного зодчества. В настоящее время, однако, уже становится ясно, что подобная конструкция является характерной для определенного периода развития русского оборонительного строительства.

Нет, вероятно, ни одной работы, посвященной древнейшему периоду русского военно-инженерного искусства, где не упоминалось бы городище в с. Белгородка — древний город Белгород. Это и не удивительно! Хорошо сохранившиеся валы городища, в сочетании с многочисленными свидетельствами русских летописей, казалось, давали возможность лучше понять систему обороны древнерусского города на примере Белгородки, чем в каком-либо другом месте (рис. 39). Особенно интересовались Белгородкой военно-инженерные специалисты, привлеченные, по-видимому, прекрасной сохранностью валов этого городища, на вершине которых можно было проследить даже остатки деревянных конструкций. Одним из первых внимательно обследовал Белгородку А. Савельев, давший в «Инженерном журнале» довольно подробное описание системы валов. [1] На гребне валов А. Савельев отметил следы сгнивших дубовых срубов или частокола.

[1]Ал. Савельев. Следы древней крепости в м. Белгородке. Инженерн. журн., 1890, № 12, СПб., «Смесь», стр. 219.

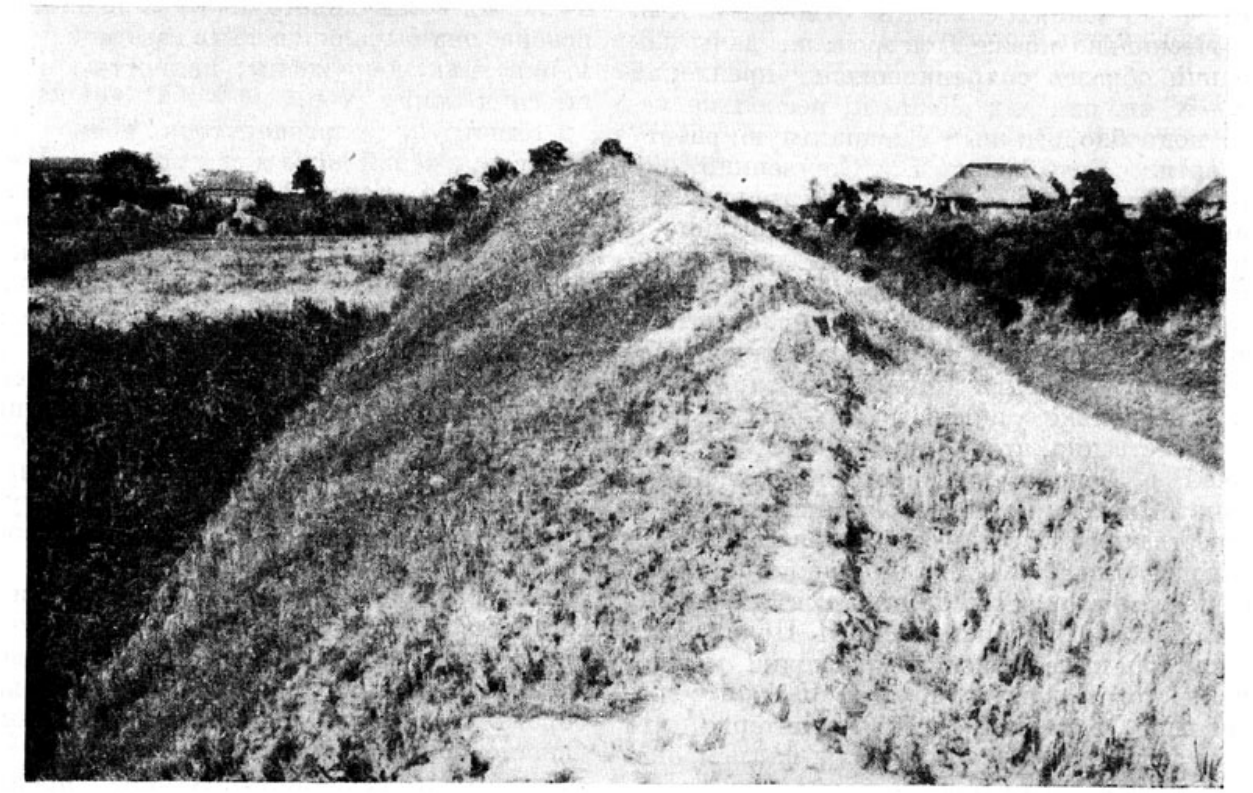

Рис. 39. Вал детинца в с. Белгородка.

В отношении времени постройки этих валов он высказал осторожное предположение, что наружный вал городища, быть может, «более поздний». Укрепления же детинца А. Савельев без всяких сомнений относил к X в.

Несколько позже белгородские валы как редкий образец сохранившихся укреплений IX—X вв. описали Лёкин и, несколько менее подробно, Зимин. [1] Специальную работу посвятил Белгородке Б. Стеллецкий, собравший письменные сведения об этом городе, давший довольно подробное ею описание и опубликовавший схематический план городища. [2] Вопроса о датировке белгородских укреплений Б. Стеллецкий даже не поднимал, полностью относя их ко времени князя Владимира и допуская лишь, что они могли быть несколько усилены в XI—XII вв.

Естественно, что когда В. Хвойка в 1909 Г. начал в Белгородке археологические раскопки, Киевский отдел Военно-исторического общества принял в них самое горячее участие. Как известно, В. Хвойка не опубликовал подробного отчета о своих раскопках в Белгородке и за него это было исполнено Н. Полонской. [3] О том, как и где велись эти раскопки, можно, кроме того, судить по информациям, попадавшим в газеты. Очень характерно, что даже до

начала раскопки вала на нем оказалось возможным «проследить остатки частокола и сруба, укреплявшего насыпь». [4] Присутствовавший на раскопках Б. Стеллецкий также еще до прорезки вала обнаружил «основания башенок, выступающих вперед. С внешней стороны вала на расстоянии 5 четвертей друг от друга лежали горизонтально брусья, свешивавшиеся над откосом вала... все эти брусья и ряжи, хотя и сильно сгнившие, сохранились до сих пор». [5]

Раскопки в Белгородке обнаружили в культурном слое этого городища обилие вещей «литовско-польского периода». [6] Однако исследование вала, по-видимому, привело В. Хвойку к убеждению, что это сооружение эпохи Киевской Руси. Так, уже после того как конструкция вала была выяснена, она была описана (в газетной информации) как сооружение, полностью относящееся к концу X в. [7]

Конструкции древнерусских оборонительных сооружений даже и сейчас еще изучены очень слабо. Естественно, что в 1910 г. открытие и довольно детальное исследование такой замечательной конструкции валов, как белгородские, сделало этот памятник одним из важнейших для изучения истории русского военно-инженерного искусства. Хотя конструкции валов, подобных белгородским, не были в то время обнаружены больше ни на одном памятнике, эти конструкции стали приводить даже в сводных и популярных работах по истории русской культуры. [8]Между тем, результаты раскопок В. Хвойки, несмотря на довольно широкий размах проведенных работ, не дают возможности достаточно точно представить конструкцию этого укрепления. [9] Кроме того, В. Хвойка отмечает, что конструкция валов окольного города и детинца совершенно одинакова. Однако вся имеющаяся документация говорит о том, что раскопки В. Хвойка проводил только в валу окольного города, а о конструкции вала детинца он, по-видимому, судил лишь по зачисткам обрезов и случайным ямам. Поэтому в 1951 г. для проверки и уточнения данных В. Хвойки было вновь произведено исследование белгородских валов. Вал окольного города был зачищен невдалеке от места раскопок Хвойки, там, где восточная часть этого вала перерезана

---

[1]Лёкин. Опыт военно-исторического исследования древнерусских укрепленных пунктов. Военно-историч. вестн., Киев, 1909, № 3—4. — Зимин. Поездка в Белгородку. Там же, 1909, № 5—6.

[2]Б. Стеллецкий, ук. соч.

[3]*Н. Д. Полонская*. Археологические раскопки *В. В. Хвойко* 1909—1910 гг. в м. Белгородке. Труды Московск. Предварит. комитета по устройству XV археолог. съезда, М., 1911. Позднее В. Хвойка дал краткое описание белгородских раскопок (без всяких чертежей) в своей работе «Древние обитатели Среднего Приднепровья» (Киев, 1913).

[4]ИАК, прибавл. к вып. 34, СПб., 1910, стр. 181.

[5]Там же, стр. 182. См. также: ИАК, прибавл. *к вып*. 39, СПб., 1911, стр. 180.

[6]ИАК, прибавл. к вып. 39, СПб., 1911, стр. 179 и 183.

[7]ИАК, прибавл. к вып. 57, СПб., 1915, стр. 40.

[8]Например, в «Истории культуры древней Руси», т. I (М., 1948, стр. 444), а также в книге *В. И. Довженка* «Військова справа в Київській Руси» (Київ, 1950).

[9]Так, прежде всего существует разница (правда, в деталях) между описанием залов у Полонской и у самого Хвойки. Кроме того, в некоторых деталях чертежи, исполненные, по-видимому.

военными специалистами из Военно-исторического общества, разнятся от чертежей, выполненных самим В. Хвойкой, ср., например, чертежи №№ 38 и 39 в указанной работе Полонской и чертежи Хвойки в Архиве ИИМК (арх. № 177, инв. № 1496). Совершенно невозможно судить на основании материалов Хвойки о технике сырцовой кладки.

дорогой. Бал в этом районе сохранился на очень небольшую высоту, и поэтому зачистка дала возможность проверить точность чертежей Хвойки лишь в отношении нижней части вала (рис. 40; 41; 42).

Сопоставление данных В. Хвойки и разведки 1951 г. позволяют следующим образом представить конструкцию валов окольного города в Белгородке. Для выравнивания почвы на культурном слое был уложен пласт глины толщиной около 40 см. [1] На этой глиняной подушке были расположены срубы из дубовых бревен, имеющих толщину от 15 до 25 см. Первоначальная высота срубов не известна, так как верхние части валов оплыли и общая высота валов от времени снизилась. Однако и в настоящее время кое-где срубы сохранились на высоту до 24 венцов, *т. е. приблизительно* на 4 м. Срубы трехстенные, *т. е. имеющие* две поперечных стенки и только одну продольную стенку с лицевой стороны вала. С внутренней стороны вала срубы не имеют стены. Ширина срубов около 3. 65 м. Длина их различная — 3. 35, 4. 05 и даже 4. 95 м. Срубы почти вплотную примыкают один к другому, но так как врубки их сделаны «в обло», с длинными остатками, то расстояние между поперечными стенками двух соседних срубов составляет от 0. 95 до 1. 42 м. После установки срубов они были плотно забиты желтой глиной, сильно перемешанной с землей. Глиняная забивка заполняет, однако, не только сами срубы, но и значительно распространяется также в тыльную сторону от них. Никаких культурных остатков в этой забивке срубов не имеется.

С лицевой стороны к срубам примыкает конструкция, состоящая из деревянного каркаса, заполненного сырцовой кладкой. Эта конструкция расположена не непосредственно на культурном слое, а, так же как и срубы, на глиняной прокладке, причем вертикальные стойки каркаса были зарыты в глину почти до уровня культурного слоя. Деревянный каркас этой конструкции состоит из вертикальных стоек и горизонтальных связей — лежней, соединяющих стойки как между собой, так и со срубами. Передняя линия лежней проходит параллельно продольной стенке срубов, на расстоянии около 2. 5 м от этой стенки. [2] Судя по чертежам В. Хвойки, на стойках первого яруса, имевших высоту около 1 м, лежали горизонтальные связи, а выше были расположены еще стойки второго яруса, на которых в свои) очередь также находились горизонтальные связи. Таким образом, получались два яруса пустых клеток — нижние клетки, имеющие ширину около 2. 5 м, и верхние, меньшие клетки, шириной всего около 1. 25 м. [3] Кроме

---

[1] В. Хвойка указывал, что толщина глиняного слоя 20 см, а Н. Полонская отмечала, что толщина этого слоя 40—50 см. В месте зачистки 1951 г. средняя толщина слоя была около 40 см, причем под срубом лежала кучей желтая глина, а в передней части вала глина была смешана с темной землей.

[2] На чертежах В. Хвойки эти лежни показаны как два квадратных бруса, лежащих один на другом. Разводка 1951 г. обнаружила здесь лишь одну доску 5 X 10 см в сечении.

[3]В описании В. Хвойки указан еще третий ярус клеток, которого, однако, не имеется ни в описании Полонской, ни в чертежах самого Хвойки.

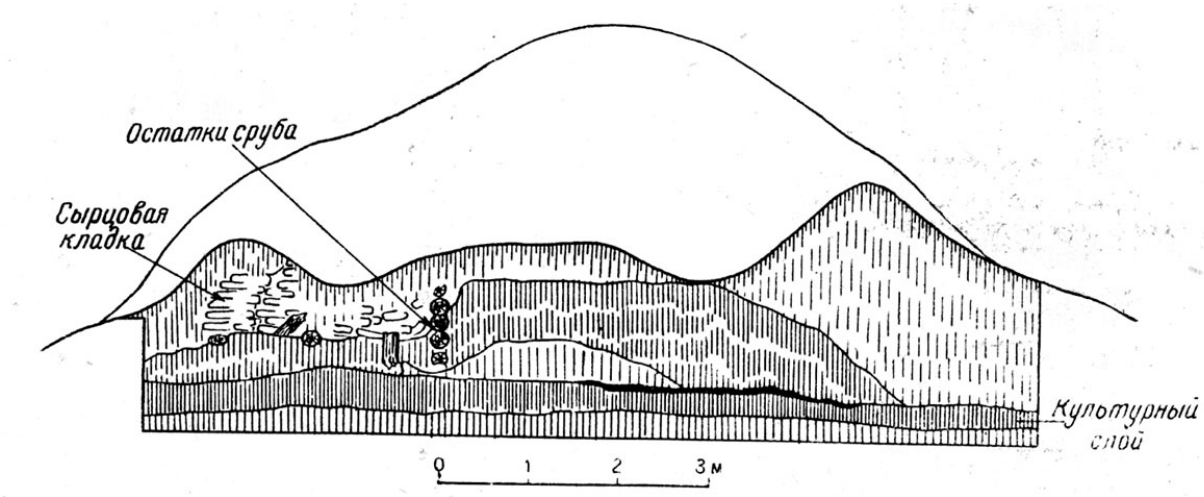

Рис. 40. Разрез вала окольного города в с. Белгородка. Раскопки 1951 г.

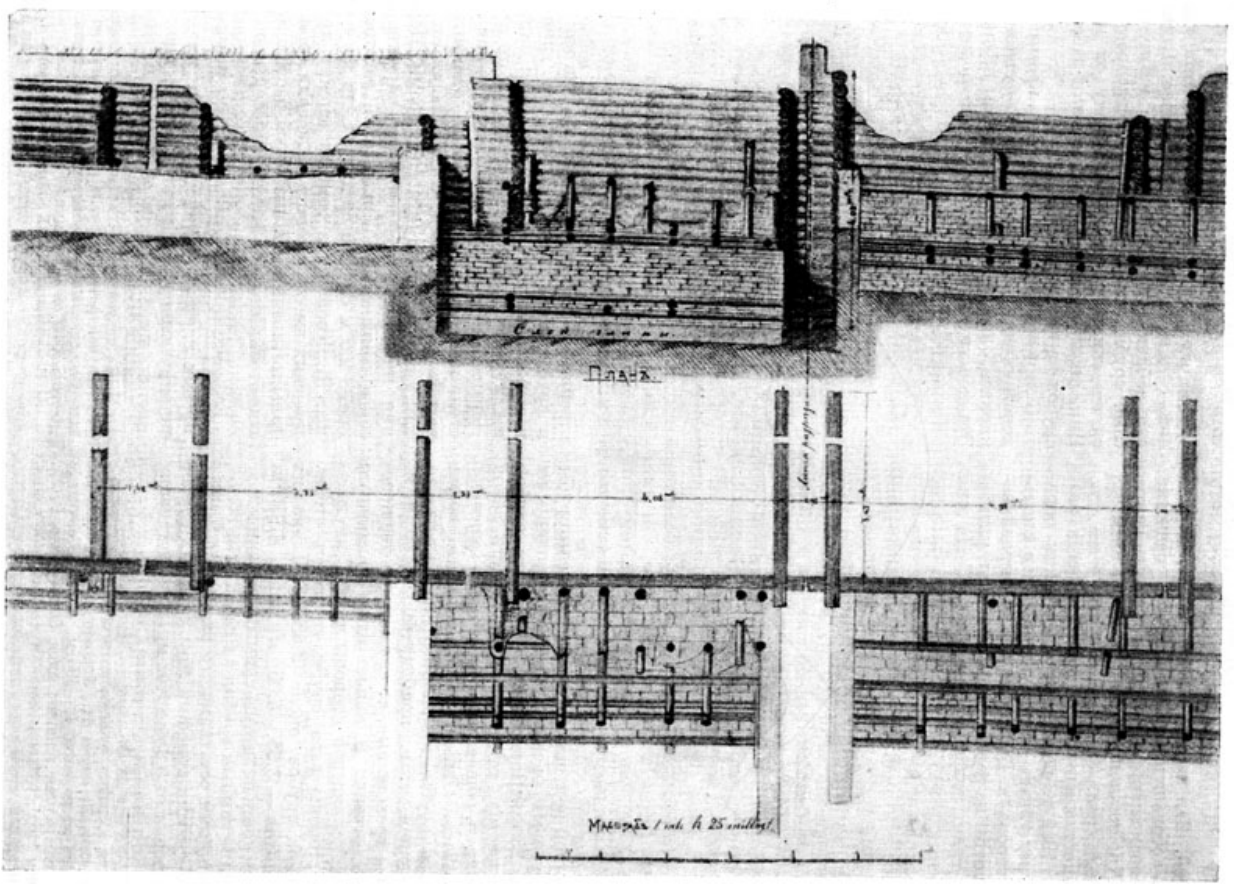

Рис. 41. Конструкция вала окольного города в с. Белгородка. (По Хвойке).

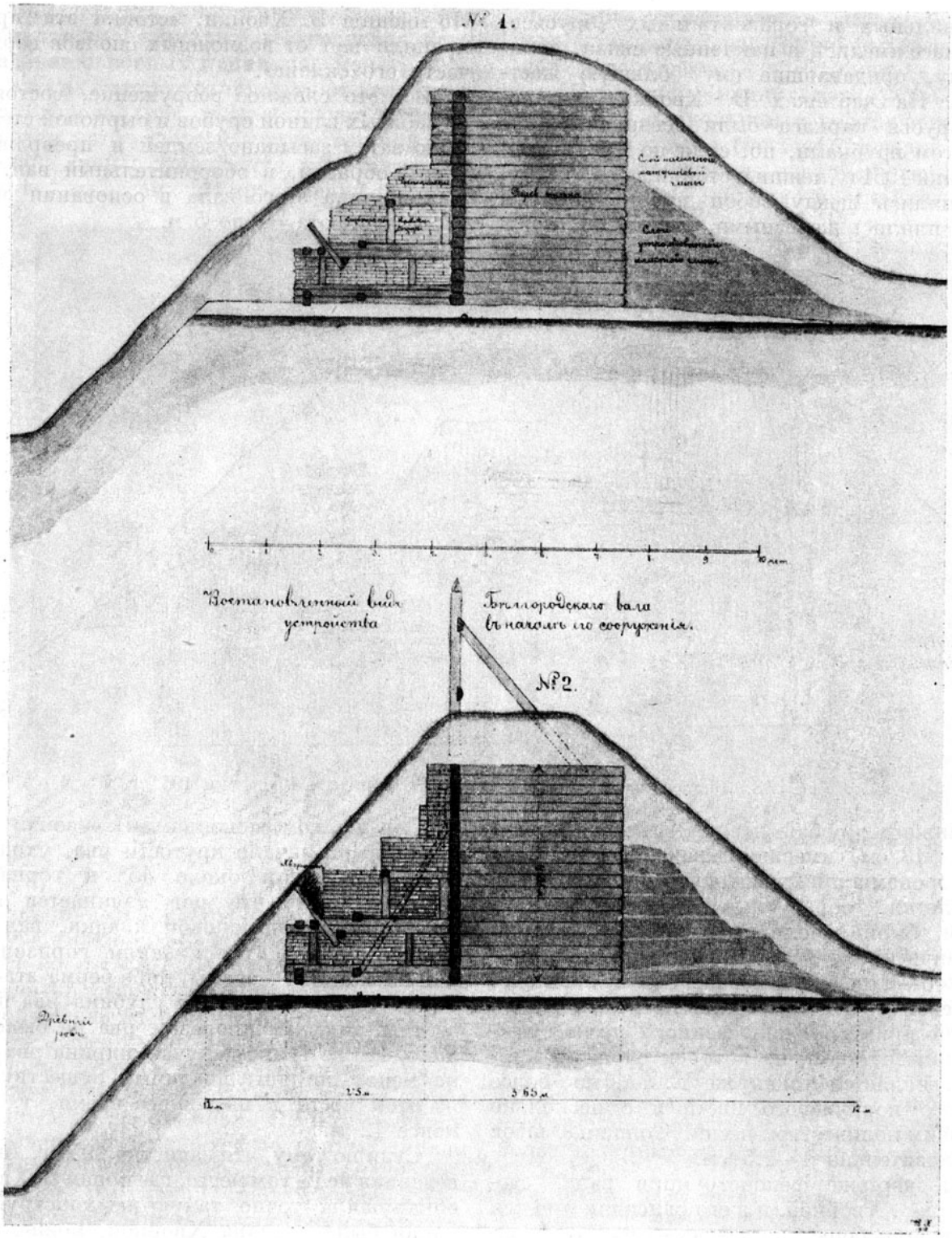

Рис. 42. Разрез вала окольного города в с. Белгородка. (По Хвойке).

вертикальных и горизонтальных брусьев, в каркасе имелись и наклонные связи, по-видимому, придававшие ему большую жесткость. На чертежах В. Хвойки указано, что брусья каркаса были соединены друг с другом врубками, но, судя по материалам разведки

1951 г., лежни и стойки, по-видимому, соединялись между собой просто впритык и укреплялись железными костылями, представлявшими собой кованые гвозди длиной около 13 см, имевшие квадратное сечение со сторонами приблизительно 1 X 1 см.

Клетки, образуемые деревянным каркасом, были заполнены сырцовой кладкой. Кирпичи имеют размер приблизительно 40 X X 25 X 5—6 см. [1] Сформованы они из светлокоричневой тощей лёссовидной глины, содержащей примесь очень мелкого песка. Связующим составом, на котором сложены кирпичи, является такая же глина, но более темного коричневого цвета и с несколько большим количеством песка. Толщина швов приблизительно 1—1. 5 см.

На чертеже реконструкции вала, сделанном В. Хвойкой, и в его описании имеется еще одна любопытная деталь — ряд наклонных стоек, выступающих наружу из сырцовой кладки и заплетенных хворостом.

По мнению В. Хвойки, «стойки эти предохраняли вал от возможных сползов верхней части его склона». [2]

Все это сложное сооружение, состоящее из забитых глиной срубов и сырцовой стенки, было затем засыпано землей и превращено, таким образом, в оборонительный вал. Общая ширина этого вала в основании около 12 м, а высота около 5 м.

Перед валом раскопками В. Хвойки было обнаружено начало крутости рва, уходящей вниз под углом около 45° к горизонту. Судя по тому, что ров начинается очень близко от края сырцовой кладки, вал либо вообще не имел у основания горизонтальной площадки — бермы, либо берма эта была очень узкой. Ширина и глубина рва не известны, так как прорезки рва не было сделано. Но во всяком случае ширина рва была не менее ширины впадины, существующей на этом месте в настоящее время, *т. е. не* менее 12 м.

Судя по тому, что зачистка 1951 г., произведенная не на том месте, где копал В. Хвойка, обнаружила точно такую же конструкцию, какая была описана Хвойкой, можно предполагать, что весь вал окольного города имеет более или менее одинаковое устройство.

---

[1] Судя по данным разведки 1951 г., толщина кирпичей часто приближается даже к 7 см.

[2] В. Хвойка. Древние обитатели Среднего Приднепровья, стр. 78.

Вал детинца в Белгородке, согласно материалам разведки 1951 г., несмотря на совпадение основных принципов конструкции, во многих деталях отличается от вала окольного города (рис. 43). Следует отметить, впрочем, что прорезка вала детинца была сделана лишь в одном месте, и поэтому нельзя судить, на всем ли протяжении вала эта конструкция одинакова или же на разных участках она имеет различные варианты. В юго-восточной части детинца, где была сделана прорезка, дубовые срубы оказались расположенными не непосредственно на культурном слое и не на тонкой глиняной прослойке, как в валу окольного города, а значительно выше. Нижний венец сруба находится на высоте около 1. 2 м от культурного слоя, на мощном слое глины, сильно

перемешанной с землей. Срубы плотно забиты такой же глиной, причем хорошо прослеживаемая граница между слоями засыпки проходит не у основания сруба, а выше — на уровне 4-го венца. [1] Сам сруб в месте прорезки сохранился на высоту 9 венцов, *т. е. до* высоты 2, 8 м от уровня древней дневной поверхности.

С лицевой стороны перед срубом, так же как и в окольном городе, расположена сырцовая кладка (рис. 44). Кладка эта находится значительно ниже сруба: под ней имеется лишь тонкая прослойка желтой глины и поверх нее тонкая полоса черной земли. Толщина всей этой прослойки под сырцовой кладкой немногим более 20 см. Сырцовая кладка имеет значительно меньшие размеры, чем в валу окольного города. В разрезе вала детинца ее ширина около 1. 8 м при высоте 50 см, *т. е. шесть* рядов кирпичной кладки. Деревянная каркасная конструкция здесь также была, по-видимому. более простой, чем в валу окольного города.

---

[1]Эта граница видна благодаря тому, что слои засыпки, вверху состоящие из почти чистой желтой глины, книзу становятся более темными от примеси земли; ниже видна резкая граница слоя и далее снова начинается желтая глина, опять становящаяся книзу более темной. Такие границы совершенно естественно получаются при насыпке валов в том случае, когда приходится менять участок, предназначенный для выемки земли и начинать отрывку нового участка. Землю здесь, по-видимому, брали не в специальном котловане, а просто при отрывке рва.

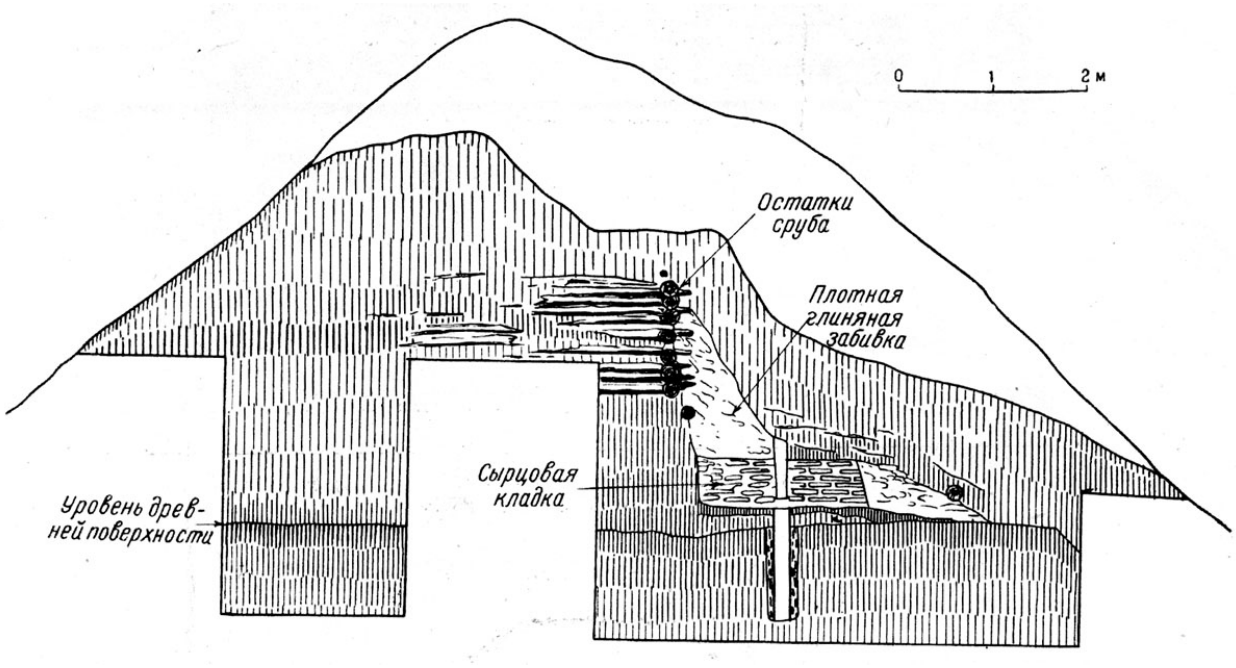

Рис. 43. Разрез вала детинца в с. Белгородка. Раскопки 1951 г.

Рис. 44. Сырцовая кладка в валу детинца в Белгородке.

Приблизительно в средней части сырцовой кладки, на расстоянии около 1. 4 м друг от друга вдоль оси вала расположены деревянные стойки, соединенные между собой лежнями. Стойки имели прямоугольное сечение (16 X 47 см) и высоту 60 см. Нижняя часть стоек находилась на уровне низа сырцовой кладки. Под стойками имелась тонкая прослойка глины, а еще ниже были расположены деревянные столбы, закопанные в материковый грунт. Длина столбов 133 см, диаметр 29 см. В сечении они представляли собой не круглое, а многоугольное, *т. е. отесанное* на много кантов бревно. Возможно, что стойки и столбы в данной конструкции были сделаны не из дуба, а из какой-то другой породы дерева, так как, находясь в сходных условиях с бревнами сруба (где дубовые бревна сохранились довольно хорошо), они в отличие от этих бревен полностью сгнили. В настоящее время на месте этих стоек и столбов в глине сохранились лишь пустоты, заполненные сползшей туда глиной, однако очень хорошо передающие форму исчезнувших деревянных частей конструкции (рис. 45). [1] Стойки и лежни каркаса были соединены между собой с помощью железных костылей. На дне одной из ям, образовавшейся от сгнившего столба, был найден такой костыль, а в основании сырцовой кладки — второй. Они представляют собой железные кованые гвозди длиной 11—13 см, квадратные в сечении, со сторонами 9—10 мм.

Кирпичи сырцовой кладки имеют размер 41—42 X 23—24 X 6—6. 5 см и сформованы из тощей светло-коричневой глины. Сложены они на такой же, но более темной глине. Толщина швов 1—2 см. Наряду с целыми кирпичами в кладке употреблены в

значительном количестве И куски сырцовых кирпичей, что придает кладке чрезвычайно небрежный вид, несмотря на то. что горизонтальные ряды кирпичей хорошо выдержаны.

Над сырцовой кладкой и перед ней находится плотная глиняная забивка с большим количеством мелких кусков сырцовых кирпичей. Эта забивка как бы сравнивает уступ сырцовой кладки и создаст заполнение передней стенки вала. Над глиняной забивкой в засыпи вала прослеживаются горизонтальные или наклонные прослойки, имеющие волокнистую структуру; при этом волокна расположены вдоль оси вала. Возможно, что это остатки хвороста, служившего для укрепления передней стенки вала.

Почти сразу же перед валом прослеживается начало рва. Выемка его с восточной стороны детинца хорошо сохранилась, и по дну этого рва проходит современная грунтовая дорога. С южной стороны детинца на поверхности никаких следов рва не заметно, что дало основание Н. Полонской отрицать существование рва в этом месте. Между тем, небольшая прорезка основания вала в юж-

---

[1]По-видимому, именно эти следы от столбов были приняты *Д. И. Блифельдом* за глиняные «зубцы», служившие якобы для укрепления основания вала (*Д. И. Блифельд*. Исследование древнего Белгорода. Археологічні пам'ятки УРСР, т. III, Київ, 1952, стр. 35).

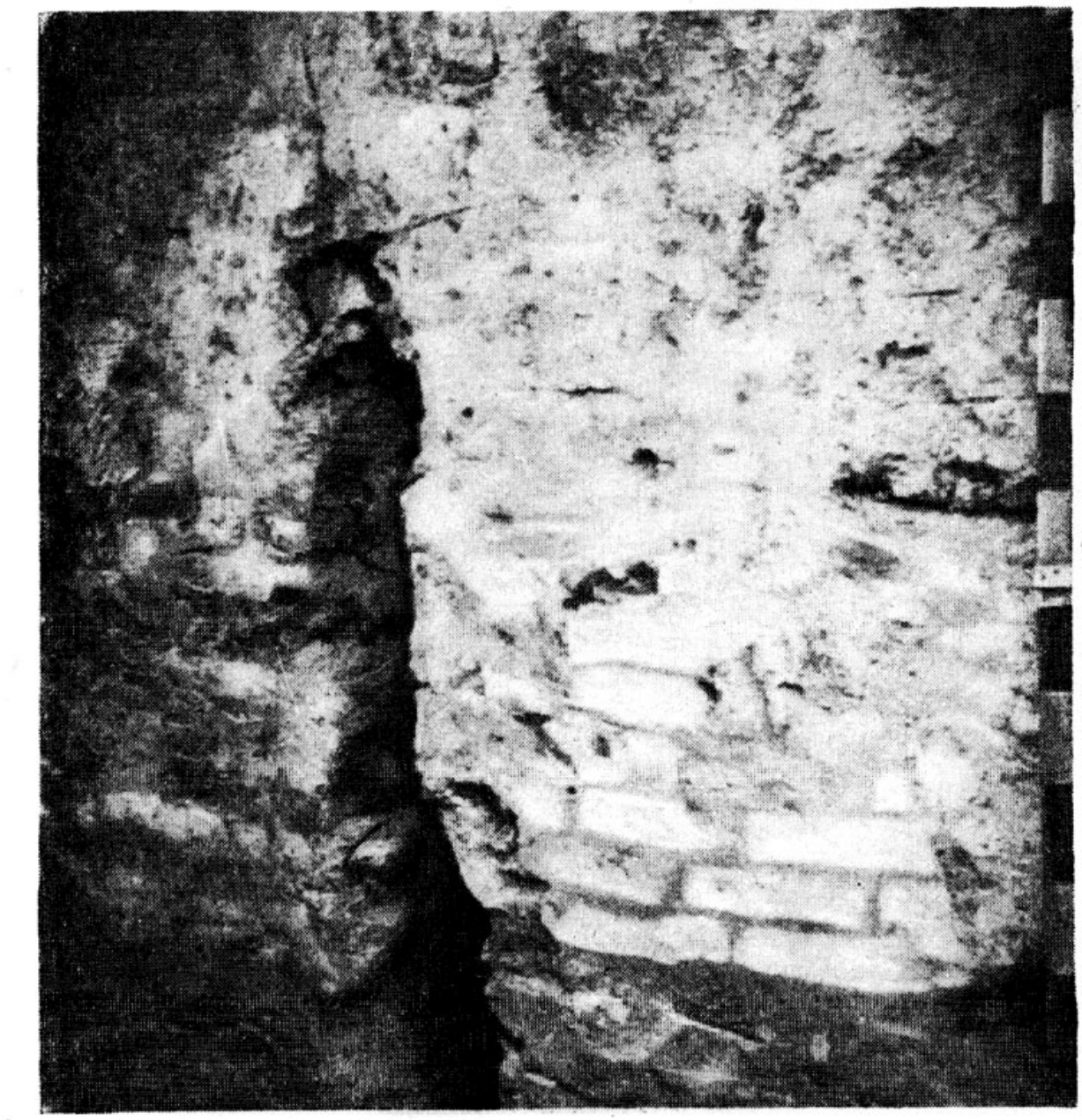

Рис. 45. Пустоты от сгнивших столбов в валу детинца в Белгородке.

ной части детинца, выполненная в 1951 г., показала и здесь наличие резкого спуска материковой почвы — под углом около 50° к горизонту. Таким образом, перед валом детинца со всех сторон (кроме стороны, обращенной к реке) был расположен ров.

Размеры вала детинца несколько большие, чем вала окольного города. Однако основной принцип их конструкции совершенно одинаков. Разница заключается лишь в том, что в валу детинца срубы были установлены не на уровне основания вала, а значительно выше; сырцовая кладка здесь имеет меньшие размеры и более упрощенную конструкцию каркаса. Являются ли эти отличия характерными различиями между валом детинца и окольного города или же на разных участках городища (как в детинце, так и в окольном

городе) конструкция валов имеет разную степень сложности — вопрос, который может быть решен лишь дальнейшими раскопками.

Очень сложным является вопрос о датировке белгородских валов. Здесь прежде всего необходимо отделить конструкции, обнаруженные внутри валов, от тех остатков дерева, которые еще до раскопок были отмечены на гребне вала. Если деревянные срубы, плотно забитые землей и глиной и оказавшиеся поэтому изолированными от доступа воздуха, могли достаточно хорошо сохраниться даже за истекшие 1000 лет, то деревянные конструкции, расположенные на поверхности земли, за это время несомненно исчезли бы совершенно бесследно. Поэтому остатки дерева, находимые на гребне белгородских валов, безусловно не могли относиться к X в. Это косвенно подтверждают и письменные источники, описывающие Белгородку в XVII в. как «укрепленный городок». [1] В описи 1686 г. в Белгородке прямо отмечено недавнее существование деревянного острога: «но земляному валу острог, и тот острог сгорел». [2] Таким образом, остатки деревянных укреплений на гребне белгородских валов относятся, по-видимому, не к X, а к XVI—XVII вв. Однако наличие поздних деревянных укреплений на валах Белгородского городища еще нисколько не опровергает древность самих валов, и вопрос о времени их возведения должен решаться самостоятельно и независимо от датировки этих более поздних сооружений.

Несмотря на то, что В. Хвойка уже во время раскопок уверенно относил обнаруженную им конструкцию к X в., *Н. Д. Полонская*, публикуя материалы Хвойки, не была убеждена в правильности этой датировки. Давая в публикации принятую Хвойкой датировку временем князя Владимира Святославича, она отмечает: «На мой взгляд, вопрос о точной датировке укреплений в Белгородке не может считаться решенным до тех пор, пока не будет произведено более детальное исследование как этих укреплений, так и сохранившихся валов в Вышгороде и Василькове, относящихся к той же эпохе». [3]

Сам В. Хвойка, между тем. продолжал считать белгородские валы относящимися ко времени князя Владимира. В своей работе он приводит ряд доказательств, подтверждающих эту точку зрения. [4] Доказательства В. Хвойки в основном сводятся к следующему: 1) сырцовые кирпичи имеют характерные для X в. форму и размер; 2) отсутствие в Белгородке других укреплений, кроме изучаемых, в то время как летопись прямо указывает на наличие укреплений в древнем Белгороде:

---

[1] Например, в описании 1659 г., сделанном А. Целларием (Сборник материалов для исторической топографии Киева. Киев, 1874, отд. 2, стр. 99).

[2] Архив юго-западной России, ч. 7, т. I. Киев, 1886, стр. 522. — Описание документов и бумаг Московского архива Министерства юстиции, кн. 4. М., 1884, стр. 468. О том, что Белгородка была укрепленным пунктом в XVII в. (а вероятно и в XVI в.), известно из ряда других письменных свидетельств. Так, в 1649 г. брацлавский воевода Кисель, возвращаясь в Польшу из Переяславля, не смог остановиться в Киеве из-за враждебного отношения украинского населения. Тогда он остановился в Белгородке, считая ее, по-видимому, наиболее безопасным местом в окрестностях Киева (Сборник материалов для исторической топографии Киева. Киев, 1874, отд. 2, стр. 40). На карте Киевского палатината, составленной Бопланом в середине XVII в., Белгородка изображена в виде крепости с земляным ретраншементом, почти в точности соответствующим (за исключением несуществующих сейчас бастионных выступов) современным валам Белгородки (*В. Г. Ляскоронский*. Гильом Левассер де Боплан. Киев, 1901).

[3]*Н. Д. Полонская*, ук. соч., стр. 57. См. также информацию о докладе Полонской (ПАК, прибавл. к вып. 42, СПб., 1911, стр. 15).

[4]*В. В. Хвойка*. Древние обитатели Среднего Приднепровья, стр. 79.

3) полное сходство в устройстве внутреннего и наружного валов Белгородского городища; 4) расположение изученного вала на древнем уровне земли и отсутствие под ним находок предметов, относящихся ко времени позже X в.

Доказательства, приводимые В. Хвойкой, не являются бесспорными (в особенности относительно типичности размера кирпича), и поэтому особую важность приобретает датировка тех фрагментов керамики, которые были найдены в культурном слое под валом при разведке 1951 г. [1] Все фрагменты керамики почти совершенно однотипны — это куски кухонных горшков из хорошо промешанной и обожженной глины, изготовленных на ручном гончарном круге. Венчики имеют профилировку, характерную для X— XI вв. [2] Замечательно, что в культурном слое под валами не было найдено не только керамики XVI—XVII вв., но и ни одного черепка с профилировкой венчика, типичной для XII в. Учитывая, что в с. Белгородка почти повсеместно имеется культурный слой XVI—XVII вв., а также довольно мощные напластования XII—XIII вв., можно считать, что отсутствие таких более поздних находок под валами говорит в пользу их ранней датировки — X—XI вв.

Таким образом, действительно есть все основания связывать белгородские валы (как детинца, так и окольного города) с указанием летописи на сооружение укреплений Белгорода в 991 г. «Володимер заложи град Белгород, и наруби в нь от инех городов, и много людий сведе во нь; бе бо любя град сь». [3]

2

В 1945 г. во время раскопок в г. Переяславе-Хмельницком *Б. А. Рыбаков* обнаружил сырцовую кладку в основании вала в юго-западной части переяславского детинца. [4] Кладка была расчищена на очень незначительном участке, не дававшем возможности судить о конструкции вала в целом. В связи с этим в 1951 г. была вновь произведена зачистка, а в 1952 и 1953 гг. — раскопки этого вала, что позволило уже значительно определеннее выяснить конструкцию валов детинца древнего Переяславля.

На стрелке у слияния рек Трубежа и Альты удалось выяснить, что древний вал имел в основе плотно забитые землей дубовые срубы (рис. 46). Срубы имели длину вдоль оси вала около 3-7 м и располагались один рядом с другим так, что торцы их бревен не доходили друг до друга на 10—15 см. Поперек вала срубы имели значительно большие размеры и состояли из нескольких клетей (в раскопе их было найдено три, но могла быть еще и четвертая клеть). Трудно сказать, имел ли весь вал переяславского детинца такую мощную конструкцию (не менее трех клетей поперек вала), или же усиление ее в данном месте связано с тем, что здесь расположен поворот вала по краю стрелки мыса.

---

[1]Несмотря на то, что площадь вскрытых участков культурного слоя под основанием вала была очень невелика (всего около 25 кв. м), фрагменты керамики были обнаружены как под валом

детинца, так и под валом окольного города, причем в последнем случае большинство фрагментов было обнаружено в слое угля.

[2]Керамика из-под валов Белгородки чрезвычайно близка керамике из нижнего слоя городища в с. Почтовая Вета (см.: П. Раппопорт. Обследование городищ в районе Киева в 1950 г., стр. 144).

[3]Лаврентьевская лет., 6499 (991).

[4]*Б. А. Рыбаков*. Раскопки в Переяславе-Хмельницком в 1945 г. Археологічні пам'ятки УРСР, т. I, стр. 23.

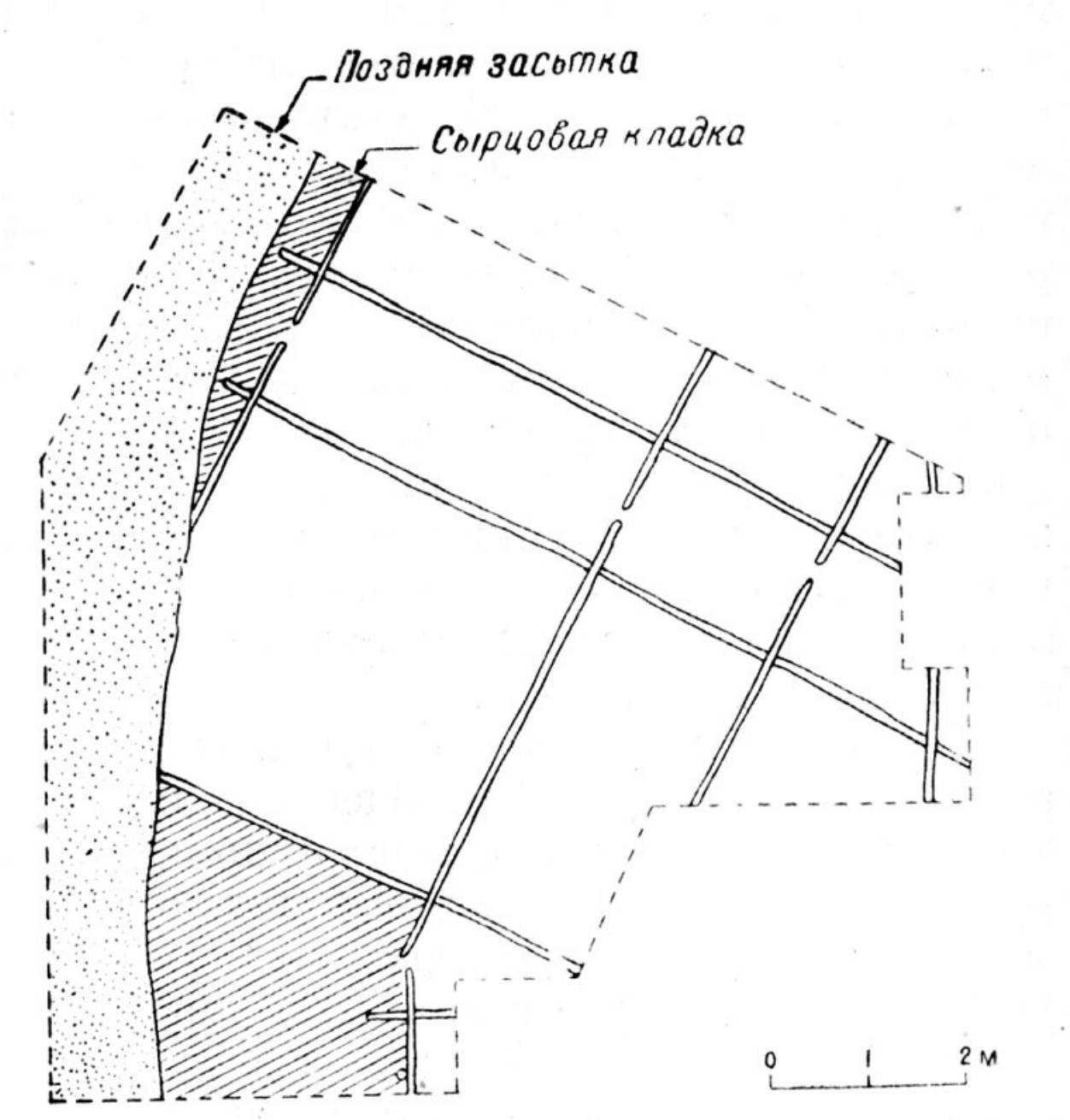

Рис. 46. Переяслав-Хмельницкий. План деревянных конструкций вала детинца.

Срубы располагались на 60-сантиметровой толще засыпки, состоящей из земли, перемешанной с комками глины. Под этом засыпкой залегал культурный слой толщиной около 0. 7 м. Забивка срубов состоит из земли, перемешанной с глиной, причем в зависимости от количества земли и глины различные слои забивки имеют то более темный, то более светлый цвет.

Спереди к срубам вала примыкает конструкция из сырцовых кирпичей. Кирпичи имеют различный цвет, в зависимости от сорта глины — белые, голубовато-серые, красно-коричневые. Глина тощая, с примесью очень мелкого песка, а в некоторых случаях — мелких раковин. Связующее, на котором велась кладка, — коричневая глина с включением небольших кусочков каолина. Кирпичи в большинстве случаев имеют не вполне правильную форму, кладка небрежная, почти без перевязи швов. Однако горизонтальные ряды кирпичей в кладке большей частью выдержаны. Размер кирпичей — 39—44 X 23—29 X 5—8 см. Швы между кирпичами тонкие: горизонтальные 1—1. 5 см, вертикальные до 3 см (рис. 47; 48).

На участке, выходящем к р. Альте, была подробно исследована конструкция передней части вала (рис. 49; 50). Выяснилось, что вал был расположен в этом месте на краю

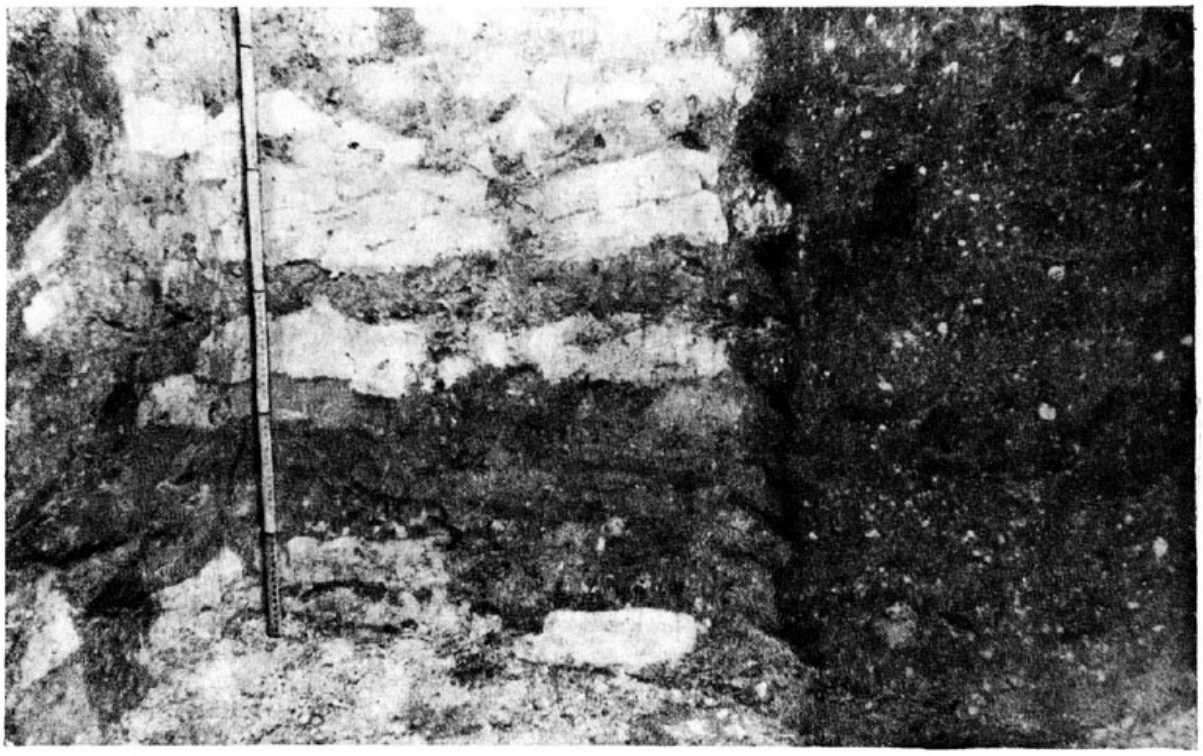

Рис. 47. Сырцовая кладка в валу детинца в Переяславе-Хмельницком (слева - сырцовая кладка, справа — земляная забивка, между ними — остатки сруба).

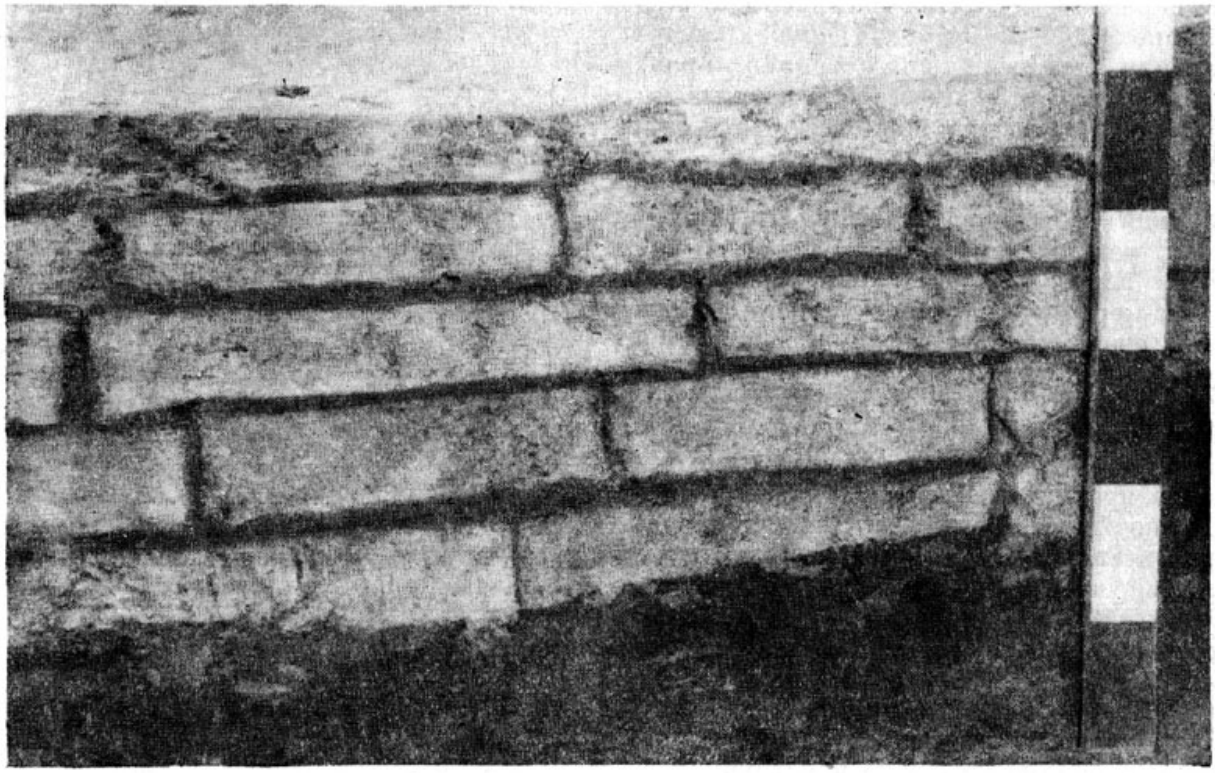

Рис. 48. Деталь сырцовой кладки в валу детинца в Переяславе-Хмельницком.

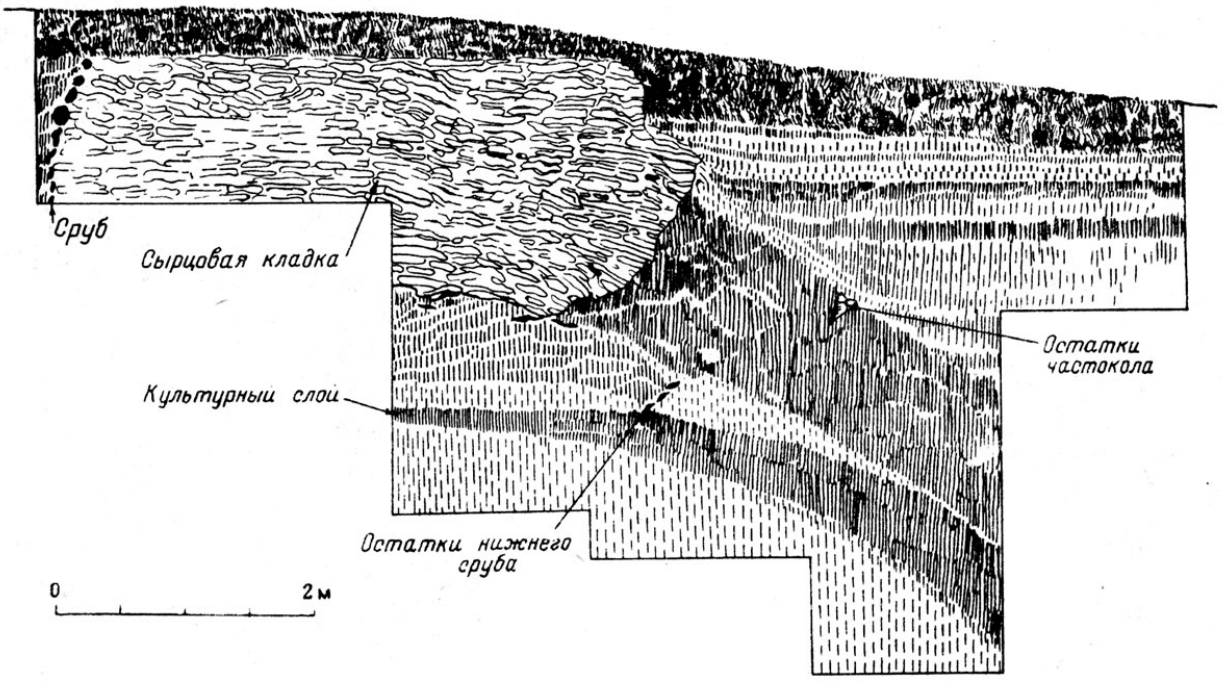

Рис. 49. Разрез лицевой части вала детинца в Переяславе-Хмельницком.

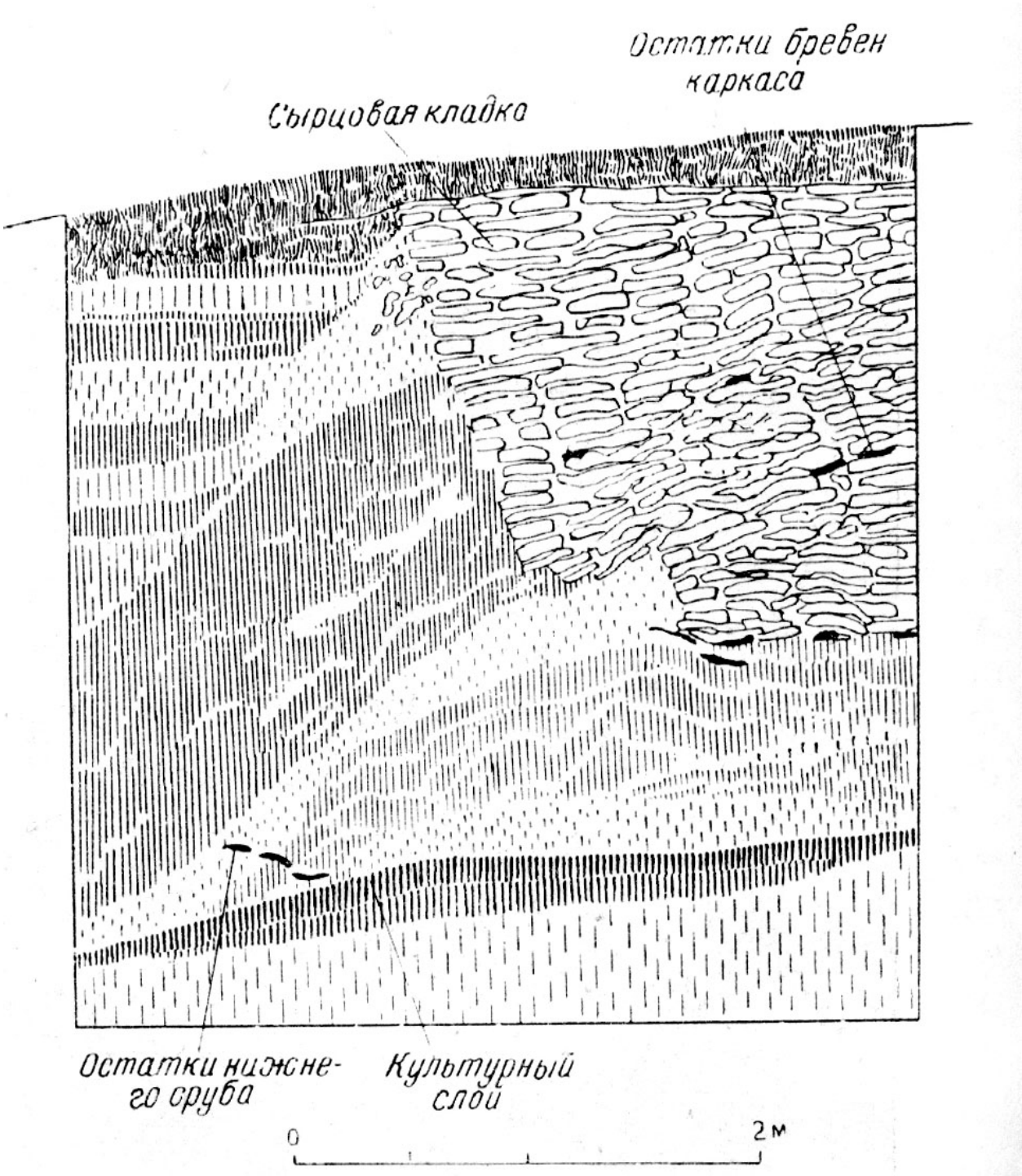

Рис. 50. Разрез сырцовой кладки в лицевой части вала детинца в Переяславе-Хмельницком.

крутого спуска к роке. На материковом суглинке здесь лежит слой черной земли с пятнами того же суглинка и единичными фрагментами керамики. Этот культурный слой имеет толщину около 20 см, а книзу он постепенно переходит в материковый грунт. На культурном слое, выравненном почти горизонтально, были расположены срубы, имевшие в высоту всего 3 венца. Внутреннее пространство срубов было забито землей и глиной. На слое глино-земляной забивки расположен каркас, состоявший из широких плах, сбитых

железными гвоздями. [1] Над каркасом начиналась сырцовая кладка. В настоящее время на исследованном участке кладка сохранилась на высоту 1. 9 м, но на соседних, не спланированных участках бугор вала поднимается вверх еще приблизительно на 3 м. В сырцовой кладке расположено несколько ярусов деревянных каркасов, состоявших из брусьев, кое-где сбитых в перекрестьях такими же гвоздями, как нижний каркас (рис. 51; 52). Вертикальных стоек, соединяющих ярусы каркаса, нигде не обнаружено.

Эта конструкция, состоящая из сырцовой стенки с деревянным каркасом, расположена перед лицевой стенкой дубовых срубов, забитых глиной и, по-видимому, совершенно аналогичных тем срубам, которые были изучены на стрелке у слияния Трубежа и Альты.

С лицевой стороны перед сырцовой кладкой была сделана подсыпка, создававшая склон передней крутости вала. Эта подсыпка состоит из чистой черной земли с включениями отдельных пятен глины, мела и множества обломков речных раковин. Поверх этой засыпки переднего склона кое-где сохранился слой желтой глины с кусками сырцовых кирпичей — по-видимому, следы древней обмазки переднего склона. Под давлением тяжести вала подсыпка начала постепенно съезжать по склону к р. Альте, что вызвало сильную деформацию всей сырцовой кладки.

К лицевой поверхности древнего вала вплотную примыкает земляная насыпь, состоящая из горизонтальных слоен земли и глины, относящаяся, судя по находкам.

---

[1]Железные гвозди имеют длину 10—12 см, ширину каждой из четырех граней 0. 8—0. 9 см, шляпку диаметром до 2. 5 см.

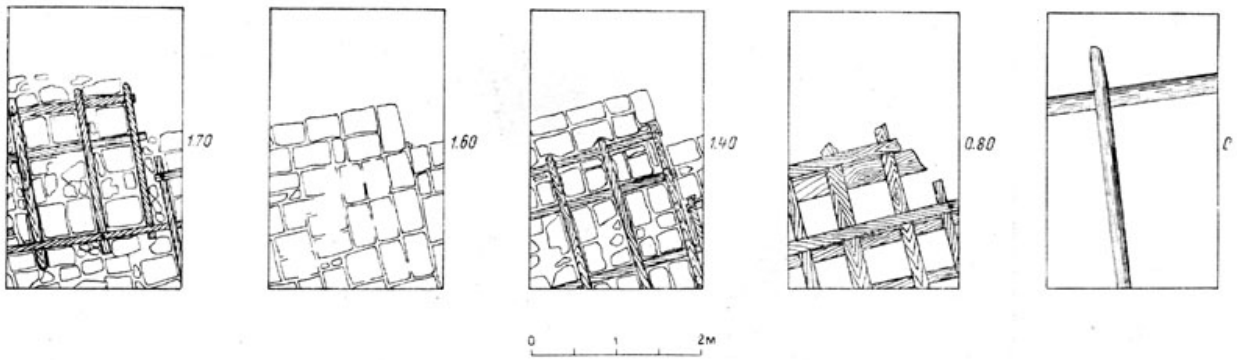

Рис. 51. Переяслав-Хмельницкий. Планы ярусов конструкции в лицевой части вала детинца. (цифры — высота от уровня культурного слоя).

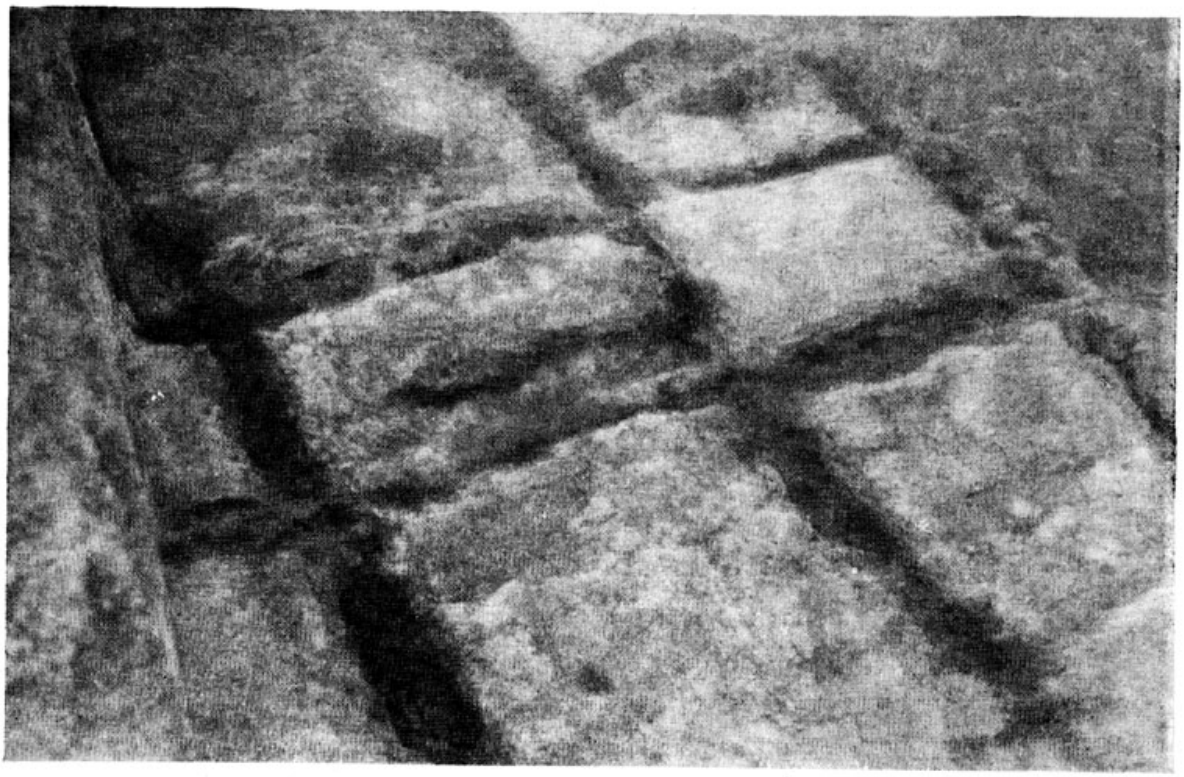

Рис. 52. Остатки деревянной конструкции в лицевой части вала детинца в Переяславе-Хмельницком.

к концу XVII в. [1] На стрелке у слияния Трубежа и Альты перед сырцовой кладкой вала имеется мощная насыпь из темной земли, образовывавшая широкий бугор, теперь уже почти целиком срытый при постройке жилых зданий. Нет сомнения, что эта насыпь — остатки «больварка», круглого бастиона, построенного здесь в 1700 г. [2] На планах XIX в. расположение этого углового «больварка» еще хорошо видно. [3]

Постройка «больварков», а также уничтожение больших участков вала при постройке домов в XIX и XX вв. настолько исказили древний вал, что его первоначальное направление удается проследить с большим трудом. Однако зачистка обрезов вала в различных хозяйственных ямах, а также прорезка этого же вала с напольной стороны детинца позволяют утверждать, что вал имел более или менее одинаковую конструкцию по всему периметру детинца.

Если в засыпке «больварков» в большом количестве встречаются различные культурные остатки от X в. вплоть до конца XVII в., то в сырцовой кладке вала и в забивке его дубовых срубов никаких предметов не было найдено. В культурном же слое под валом обнаружены фрагменты керамики, имеющие профилировку, характерную для X—XI вв. Культурный слой в г. Переяславе-Хмельницком, как правило, густо насыщен остатками XVI—XVIII вв., а ниже обычно в большом количестве находятся культурные остатки XI, XII и XIII вв. Поэтому обнаружение в культурном слое под валом керамики, целиком относящейся к X—XI вв., без всяких более поздних предметов, свидетельствует о том, что и вал был. очевидно.

[1]Под слоями этой поздней насыпи были найдены забитые в черную засыпку переднего склона вала толстые сосновые бревна. По-видимому, это следы частокола, сооруженного здесь в XVI или в XVII в.

[2]См., например, описание «Переяславской фортеции» 1718 г. в книге *А. З. Мышлаевского* «Крепости и гарнизоны южной России в 1718 г. » (СПб.. 1897, стр. 20), а также донесения о древних памятниках, составленные по губерниям в первой половине XIX в. (Архив ИИМК, ф. 6, д. 51, ч. 6, л. 63; д. 52, ч. 2, л. 449).

[3]См., например, план 1852 г. (Архив ИИМК, ф. 1, д. № 254 за 1900 г. план между лл. 10 и 11).

сооружен не позднее этого же времен*и. Б. А*. Рыбаков считал, что «кирпичную основу переяславского вала следует связать с летописным упоминанием "города каменного", построенного около 1089 г. ». [1] Это предположение мало вероятно. В летописном известии о построении каменных стен говорится о каком-то участке крепостных стен вблизи ворот, т. е., вероятно, не с речной, а с напольной стороны города; скорее всего речь здесь идет о каменной стене митрополичьей усадьбы. Кроме того, совершенно невероятно, чтобы дерево-земляная конструкция вала с применением сырцовых кирпичей могла быть названа летописцем «каменным городом». [2]

Вероятнее, что данная конструкция вала относится к первоначальной постройке оборонительной системы Переяславля в 992 г., когда князь Владимир «заложи город на броде томь и нарече и Переяславль». [3]

3

Третьим примером применения сырцовой кладки в конструкции древнерусских укреплений может служить кладка, обнаруженная во время разведки 1950 г. на городище у с. Заречье на р. Стугне. [4] Прорезка вала, сделанная в 1951 г., показала, что находящийся здесь в основании вала темный гумусный слой, отмечающий уровень древней дневной поверхности, совершенно не содержит никаких культурных остатков и свидетельствует, таким образом, об отсутствии под валом культурного слоя (рис. 53). На древней дневной поверхности насыпан слой темносерой земли, выравнивающей площадку и делающей ее почти горизонтальной. На этой площадке расположена основная конструкция вала, состоящая из дубовых срубов, забитых землей, и сырцовой стенки.

На расчищенном участке дубовый сруб оказался полностью уничтоженным огнем, но то, что первоначально сруб здесь существовал, явствует из наличия на месте сгоревшей стенки сруба щели, заполненной мелкими кусками глины, получившей от воздействия огня красный цвет. Ширина этой щели около 30 см; до настоящего времени в ней сохранилось несколько обгорелых бревен, причем нижнее из этих бревен обгорело только с верхней стороны. Судя по интенсивности красного цвета глины (результат обжига), можно заключить, что при горении сруба наиболее сильный огонь охватил верхнюю часть стенки, там, где имелся более свободный доступ воздуха. В этом месте огонь был настолько силен.

[1]Археологічні пам'ятки УРСР, т. I, Київ, 1949, стр. 23. Ср. также текст летописи под 1089 г. (Повесть временных лет. М., 1950, ч. 1, стр. 137).

[2]*М. К. Каргер*. Памятники переяславского зодчества XI—XIII вв. СА, XV, 1951, стр. 48, 51.

[3]Лаврентьевская лет., 6500 (992).

[4]П. Раппопорт. Заметки о датировке..., стр. 107.

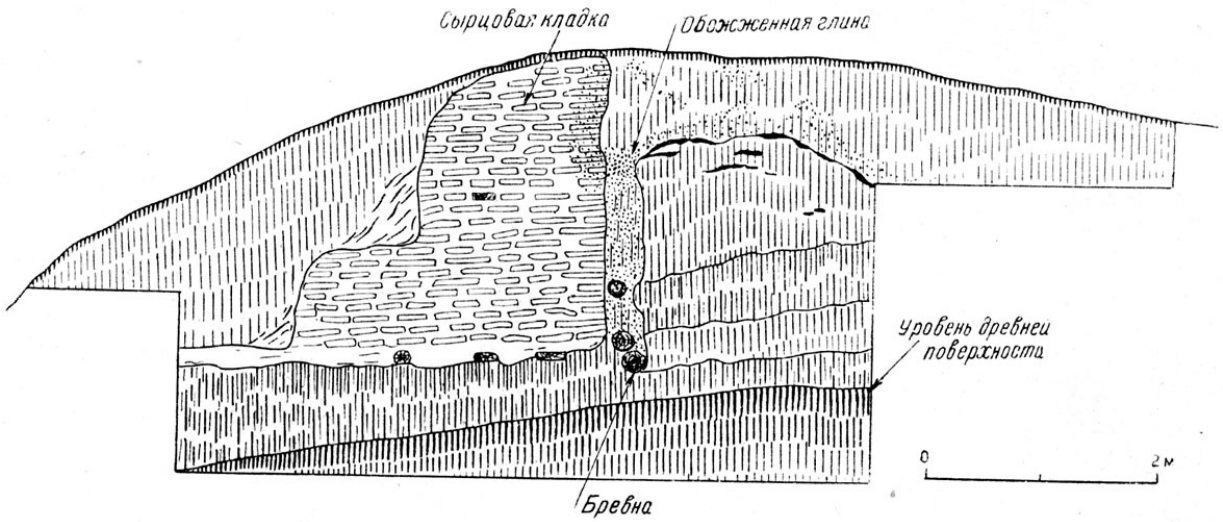

Рис. 53. Разрез вала на городище у с. Заречье.

что поверхность сырцовой кладки, обращенная в сторону сруба, оказалась прожженной на глубину до 30 см, почти до качества обожженного кирпича. Внутри срубы были забиты тремя слоями земли, отличающимися друг от друга цветом. Какие-то деревянные части, по-видимому, существовали и выше этой земляной забивки срубов, так как поверхность земляной забивки здесь покрыта слоем угля, а выше имеется значительное количество комков обожженной глины.

Ширина сырцовой кладки около 2. 8 м, общая высота до 2. 5 м (рис. 54). Наружная ее поверхность имеет уступ, заполненный глиной. Вся сырцовая кладка вполне однородна. Кирпичи сформованы из белой каолиновой глины и имеют размер 41—42 X X 23—24 X 5—5. 5 см (рис. 55; 56). Горизонтальные ряды кладки хорошо выдержаны, швы почти всюду перевязаны. Связующим в кладке служит более тощая светлокоричневая глина со значительной, но, по-видимому, естественной примесью песка. Толщина вертикальных швов в кладке, как правило, 2—3 см, а горизонтальных — около 5 см. Сырцовая кладка сочетается с дубовым каркасом, причем полная согласованность стоек и лежней этого каркаса с кладкой несомненно свидетельствует о том, что постройка каркаса и кладка кирпичей производились согласованно и одновременно (рис. 57). Стойки каркаса имеют прямоугольное сечение (20 X 11 см), а горизонтальные связи представляют собой доски толщиной 5 см. Низ стоек расположен на уровне подошвы сырцовой кладки, а под стойками находились столбы, закопанные в землю. В настоящее время столбы эти не сохранились, но в земле от них остались отпечатки, имеющие круглое сечение.

Горизонтальные связи расположены перпендикулярно друг другу и находятся в двух ярусах — первый на уровне низа сырцовой кладки и второй приблизительно на 1. 4 м выше. Вблизи мест пересечения связей каркаса были обнаружены костыли — железные кованые

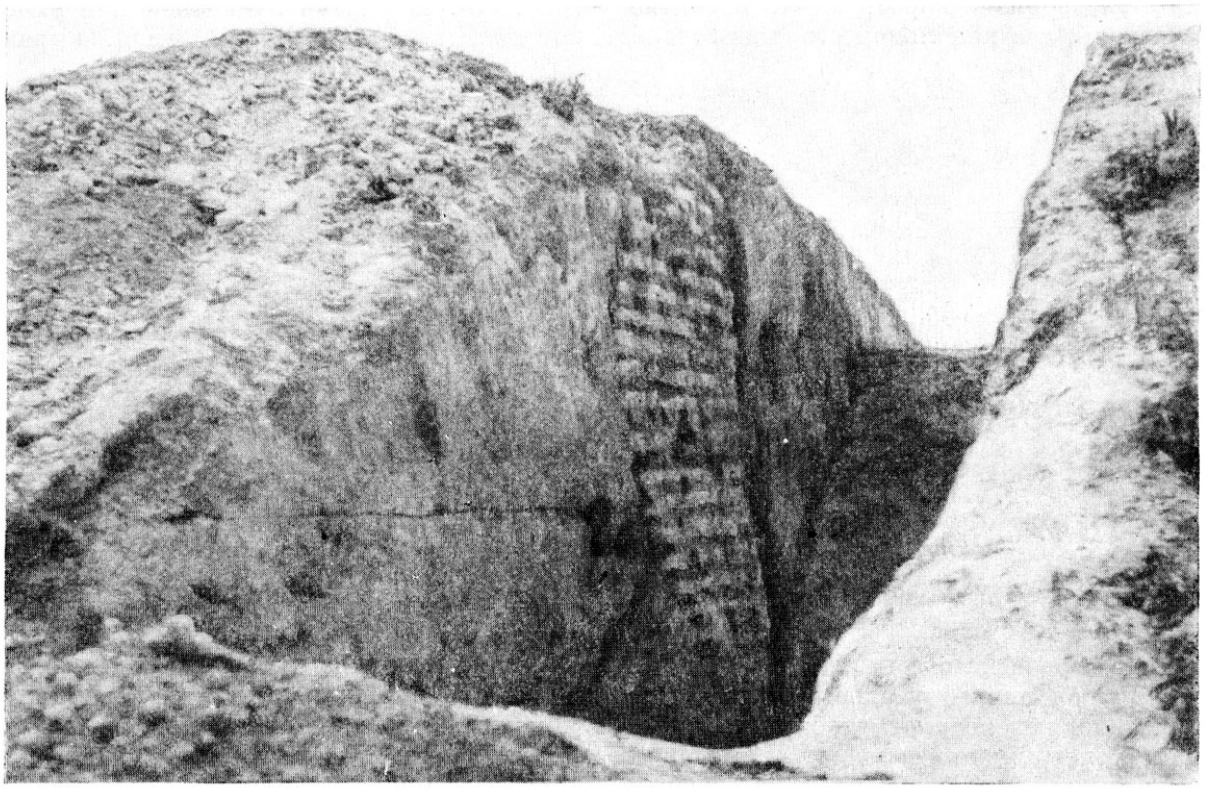

Рис. 54. Прорезка вала на городище у с. Заречье.

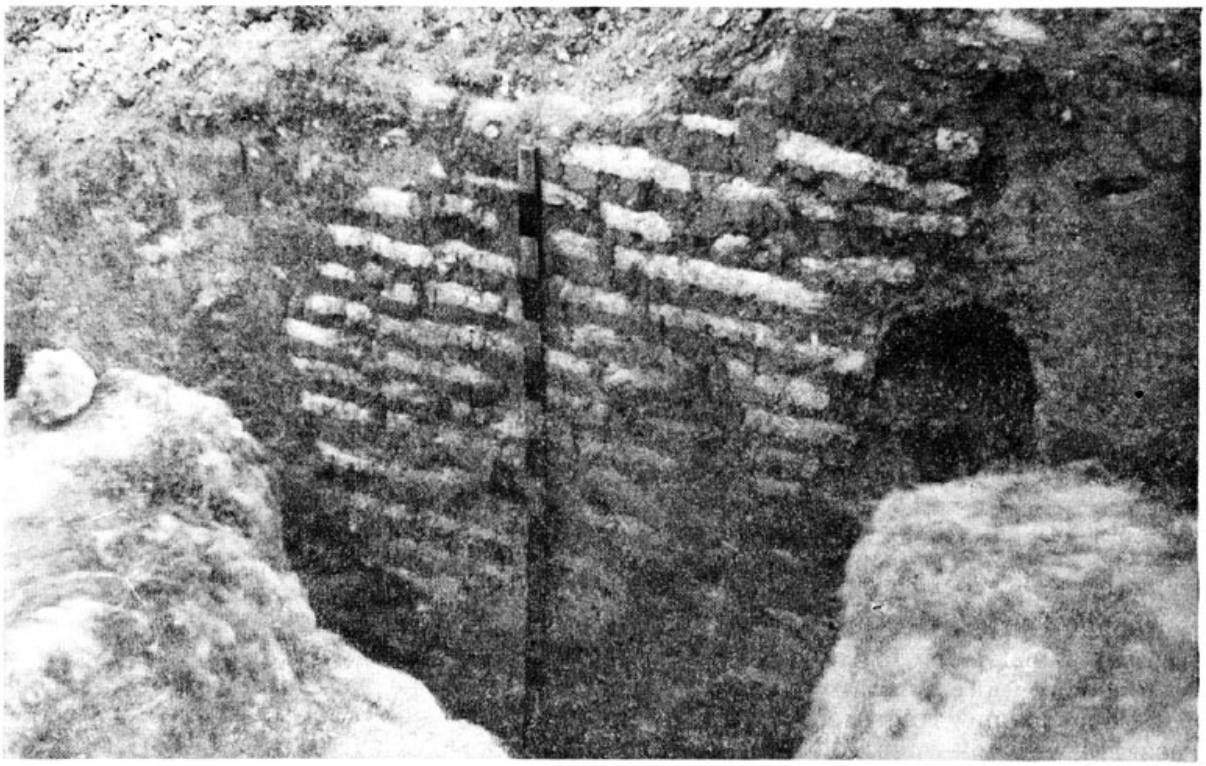

Рис. 55. Сырцовая кладка в валу городища у с. Заречье (вид в разрезе).

Рис. 56. Сырцовая кладка в валу городища у с. Заречье (вид в плане).

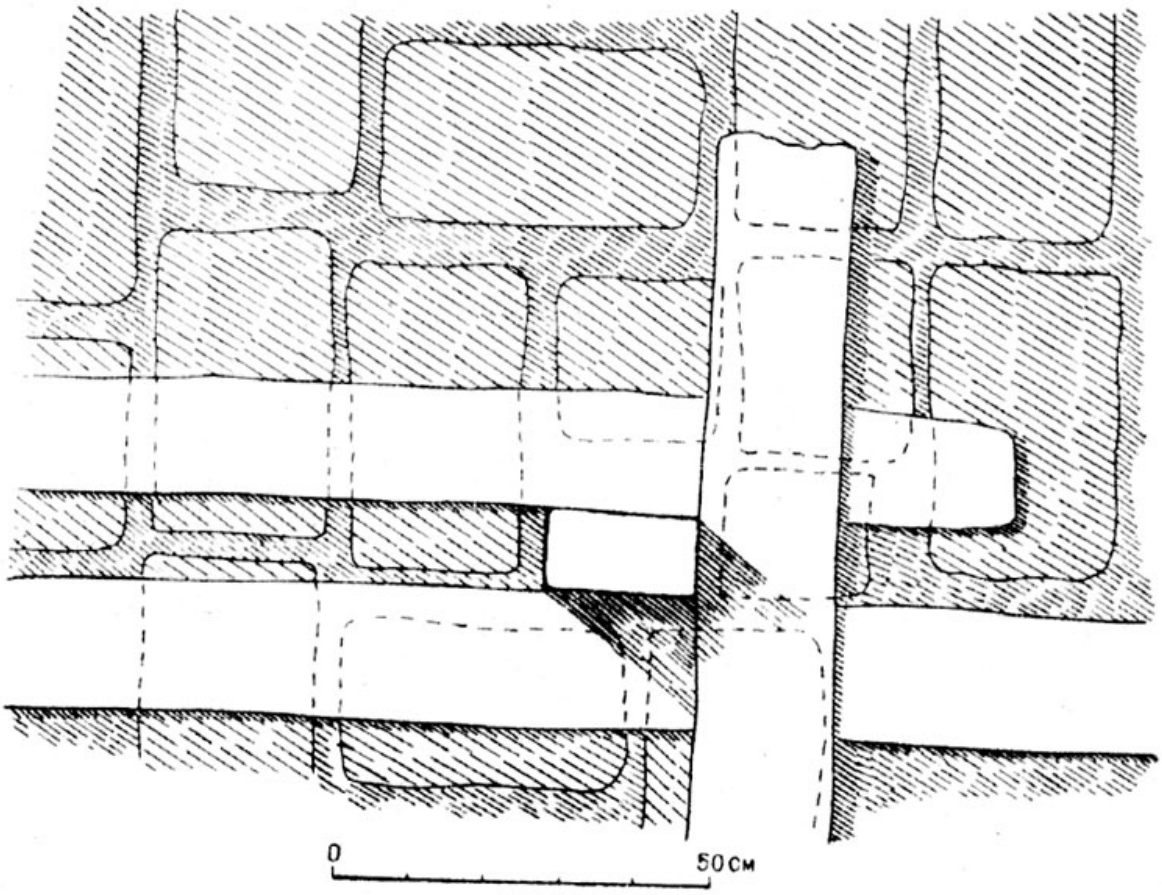

Рис. 57. Деталь плана конструкции вала на городище у с. Заречье.

гвозди, имеющие длину 16—18 см, квадратные в сечении, со сторонами около 1 см.

Таким образом, конструкция вала на городище у с. Заречье в основных чертах подобна конструкции валов в Белгородке и Переяславе-Хмельницком. Эта конструкция состоит из забитых землей и глиной дубовых срубов и расположенной перед этими срубами сырцовой стенки с деревянным каркасом.

Ни в основании вала, ни в его верхних частях совершенно не обнаружено никаких культурных остатков. На самом городище весь выявленный разведкой материал (как подъемный, так и из шурфов) относится к X—XI вв., хотя на селище, находящемся рядом, имеется также материал XII в. Находки на городище, целиком датирующиеся X—XI вв., и расположение вала не на культурном слое, а непосредственно на материке свидетельствуют о том, что до постройки укрепления здесь не существовало никакого поселения и что постройка этого укрепления относится ко времени не позднее чем X — начало XI в.

Такой вывод дает основания связывать постройку укрепления на городище у с. Заречье с постройкой князем Владимиром в 988 г. *городов* по Стугне и другим южнорусским рекам.

Предположение это тем более вероятно, что никаких других городищ, относящихся к такому раннему периоду, вдоль северного берега Стугны не имеется. [1]

4

Несмотря на некоторое различие в деталях, общий принцип устройства валов в Белгородке, Переяславе-Хмельницком и Заречье совершенно одинаков. Более того, помимо совпадения общей схемы конструкции, отдельные ее элементы в этих трех памятниках также почти идентичны. Так, например, одинаков не только принцип применения сырцовой кладки в деревянном каркасе, но и способ соединения частей каркаса с помощью железных костылей; совпадает даже такая деталь, как установка стоек каркаса на предварительно зарытые в землю столбы. Можно отметить, что сырцовая кладка в Заречье наиболее аккуратна и размер кирпичей в ней выдержан более точно. В Белгородке точность кладки гораздо меньше и наряду с целыми кирпичами в кладке широко используются куски кирпичей. В Переяславе кладка также несколько менее аккуратная и размеры кирпичей варьируют гораздо больше чем в Заречье; причем кладка здесь даже с внешней стороны производит впечатление очень небрежной благодаря наличию кирпичей разного цвета. Однако во всех этих случаях система кладки, с довольно строгим выравниванием горизонтальных рядов кирпича, одинакова, как одинаков и формат кирпича — 41—42 X 23—24 X 5—7 см. Глина для формовки кирпичей во всех памятниках разная, так как использовался местный материал, *т. е. та* глина, которую легче было добыть в окрестностях городища. Поэтому кирпичи в Заречье сделаны из пластичной каолиновой глины, а в Белгородке из очень тощей лёссовидной. Как кирпичи, так и связующее, на котором они сложены, — это просто замешанная с водой глина, без всяких искусственных добавок.

Идентичность устройства оборонительной конструкции и полное совпадение некоторых существенных деталей, очевидно, свидетельствуют, что все три рассмотренных памятника относятся к одному времени. Этим самым еще более подтверждается та датировка, которую подсказывает изучение самих памятников, *т. е. определение* всех этих валов как построек конца X в. [2]

---

[1] П. Раппопорт. К вопросу о системе обороны Киевской земли. Кратк. сообщ. Инст. археологии АН УССР, вып. 3, Киев, 1954, стр. 23.

[2] Предварительную публикацию материала о валах конца X в. см.: П. Раппопорт. Древнерусские оборонительные конструкции с применением сырцовой кладки. КСИИМК, вып. 52, 1953.

Назначение сырцовых стенок, расположенных перед срубами, достаточно ясно: сырцовые стенки, очевидно, должны были способствовать созданию и сохранению большой крутизны передних скатов оборонительных валов с тем, чтобы затруднить форсирование этих валов противником. Наличие сырцовых стенок могло, кроме того, обеспечить сохранение формы этих валов и под воздействием неблагоприятных атмосферных условий (сильные ливни и пр.). Такое назначение сырцовых стенок могло хотя бы отчасти оправдать значительную трудоемкость процесса строительства подобных валов.

К сожалению, конструкции типа Белгородки, Переяслава и Заречья известны пока всего лишь в этих трех пунктах. Поэтому вопрос об их происхождении, широте распространения и причинах исчезновения в настоящее время еще не может быть полностью разрешен ввиду недостаточности материала. Можно думать, однако, что применение этого типа конструкции как в сравнительно крупных городах (Переяславль, Белгород), так и в небольшой пограничной крепости (городище у с. Заречье) говорит в пользу достаточно широкого применения в конце X в. конструкции подобного типа. [1]

5

Совершенно естественно, что при изучении любого явления городской жизни древней Руси в первую очередь обращаются к Киеву как к крупнейшему и наиболее яркому по своей культуре городу из всех русских городов этого времени. Точно так же и при изучении оборонительных сооружений X—XIII вв. наиболее развитую систему обороны и наиболее мощные конструкции укреплений мы вправе искать именно в Киеве.

Сведения летописей говорят не только о многочисленных сражениях под Киевом и наличии здесь сильной системы обороны, но и дают прямое указание на постройку киевских укреплений при Ярославе Мудром. Замечательно, что летописец называет при этом киевские укрепления «городом великим». [2] Действительно, раскопки вала «города Ярослава», проведенные в 1952 г., выявили исключительную по мощности систему деревянных конструкций. [3] В отличие от валов Белгорода, Переяславля и городища у с. Заречье, сооруженных в конце X в., киевский вал «города Ярослава», построенный в 30-х годах XI в., относится уже к другому типу оборонительных валов, не имеющих в передней части сырцовых стенок в состоящих в своей основе только из деревянных срубов, плотно забитых землей. [4]

---

[1]Есть некоторые, не совсем ясные указания на то, что и в самом Киеве применялась такая же конструкция оборонительных валов. Так, во время раскопок 1909 г. вблизи Десятинной церкви в Киеве архитектором Д. Милеевым были обнаружены сырцовые кирпичи на склоне горы (ИАК, црибавл. к вып. 32, СПб., 1909, стр. 132). Кирпичи эти располагались вертикально, *т. е. на* ребре. Очевидно, в этом случае была обнаружена сырцовая кладка, уже сползшая по склону горы, а ранее находившаяся выше, на краю этого склона. Очень возможно, что эти куски сырцовой кладки, на которые тогда не обратили внимания, представляли собой остатки оборонительного вала Киева конца X в.

[2]Лаврентьевская лет., 6545 (1037).

[3]П. Раппопорт. Отчет об исследовании вала «города Ярослава» в Киеве (Архив ИИМК, ф. 35, оп. 2, № 1612). Предварительная публикация этого памятника (*П. П. Ефименко* и *В. А. Богусевич*. Кріпость Ярослава Мудрого в Киеві. Вісн. Акад. наук УРСР, Київ, 1952, № 12) страдает некоторыми неточностями. Исследователи, занимавшиеся оборонительными сооружениями древнего Киева до 1952 г., совершенно не учитывали сохранившихся древних киевских валов, см., например: Л. Добровольский. Київські укріплення і Золоті Ворота. Науковий збірник за рік 1926. Зап. Українськ. Наукового товариства в Київі, т. XXI, Київ, 1926.

[4]Валы «города Владимира» в Киеве в настоящее время, по-видимому, уже всюду полностью уничтожены. В 1947 г., участвуя в Киевской археологической экспедиции (нач. экспе*д. М. К*. Каргер), автор имел возможность перерезать вал, сохранившийся на самом краю горы в районе Десятинной церкви в Киеве. В основании засыпки вала были найдены предметы, относящиеся к XVII в. По-видимому, этот отрезок вала является частью земляных укреплений Киева,

сооруженных в середине XVII в. московскими воеводами. См., например, замечание Павла Алеппского о том, что киевская крепость, которая «стоит наверху горы», только что выстроена (*т. е. до* 1653 г.) царем Алексеем Михайловичем (Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию, вып. 2. М., 1897, стр. 74). В 1679 г. «верхний город Киев» вновь «глубокими рвами и высокими валами обведоша и умоцниша» (Сборник материалов для исторической топографии Киева. Киев, 1874, отд. 1, стр. 45). Замечательно, что раскопанный отрезок вала оказался насыпанным поверх культурного стоя домонгольского времени и никаких следов более древних укреплений под ним не было обнаружено. Между тем, в XI—XIII вв. по краю обрыва несомненно должны были существовать укрепления. Уже в 1018 г. Титмар Мерзебургский называл Киев «очень крепкий город Киев» (там же, отд. 2, стр. 1). Отсутствие на краю обрыва древних валов может быть объяснено только тем, что эти валы располагались еще далее от вала XVII в. в сторону обрыва и в настоящее время в связи с осыпанием склонов горы целиком обрушились. Следует отметить, что в 1908 г. во время раскопок на участке Десятинного переулка *Б. В. Хвойка* обнаружил какие-то остатки древних валов (ИАК, прибавл. к вып. 44, СПб., 1912, стр. 101; прибавл. к вып. 31, СПб., 1909, стр. 81).

Деревянная конструкция киевского вала состоит из дубовых срубов, установленных непосредственно на культурном слое, причем срубы почти вплотную примыкали один к другому, однако, не соединяясь между собой (рис. 60; 61). Между торцами бревен соседних срубов оставались промежутки от 0. 15 до 0. 30 м (рис. 58). Срубы имеют очень значительные размеры — вдоль вала 6. 7 м, а поперек вала огромную длину — около 19. 2 м. Внутри срубы разделены промежуточными стенками на отдельные клетки — вдоль вала на 2 клети, поперек вала на 6 клетей. Клети почти квадратные в плане, со сторонами от 2. 2 до 3. 2 м. В большинстве случаев срубы имели почти правильную прямоугольную форму, хотя в ряде мест встречаются и искривленные стенки.

Передние четыре клети срубов сохранились на высоту около 5 м, а лицевую стенку одного из срубов удалось проследить на высоту почти 7 м (рис. 59; 62). Пятая и шестая клети, *т. е. тыльные* клети срубов, расположены уже под задним склоном вала и имеют поэтому значительно меньшую высоту.

Дерево в лицевой части срубов сохранилось довольно хорошо, в задних же клетях от бревен большей частью остались лишь полосы коричневой трухи или же только белесоватые прослойки минеральных солей, отложившихся в земле после того, как дерево полностью сгнило. Во всех случаях, где сохранность дерева позволяла определить его породу, выяснилось, что в строительстве был применен только дуб (рис. 63; 64).

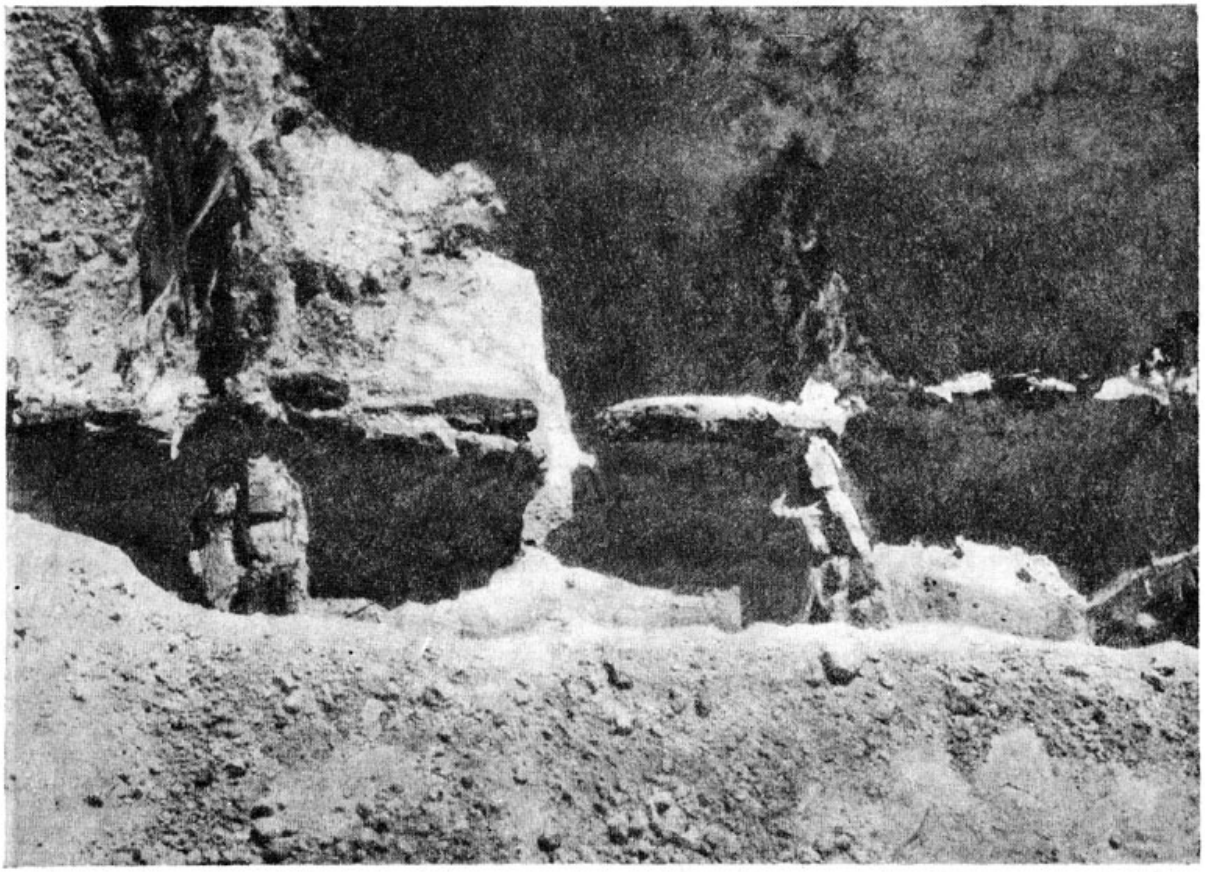

Рис. 58. Место стыка двух соседних срубов в валу «города Ярослава» в Киеве.

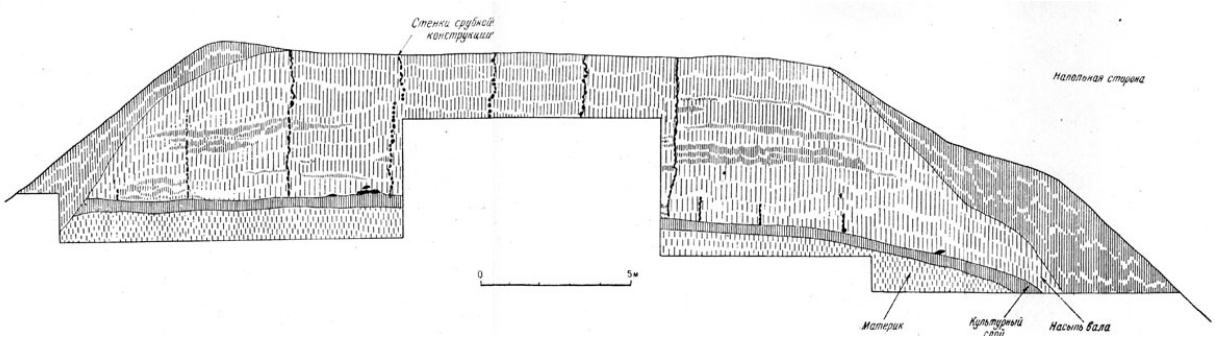

Рис. 59. Разрез вала «города Ярослава» в Киеве.

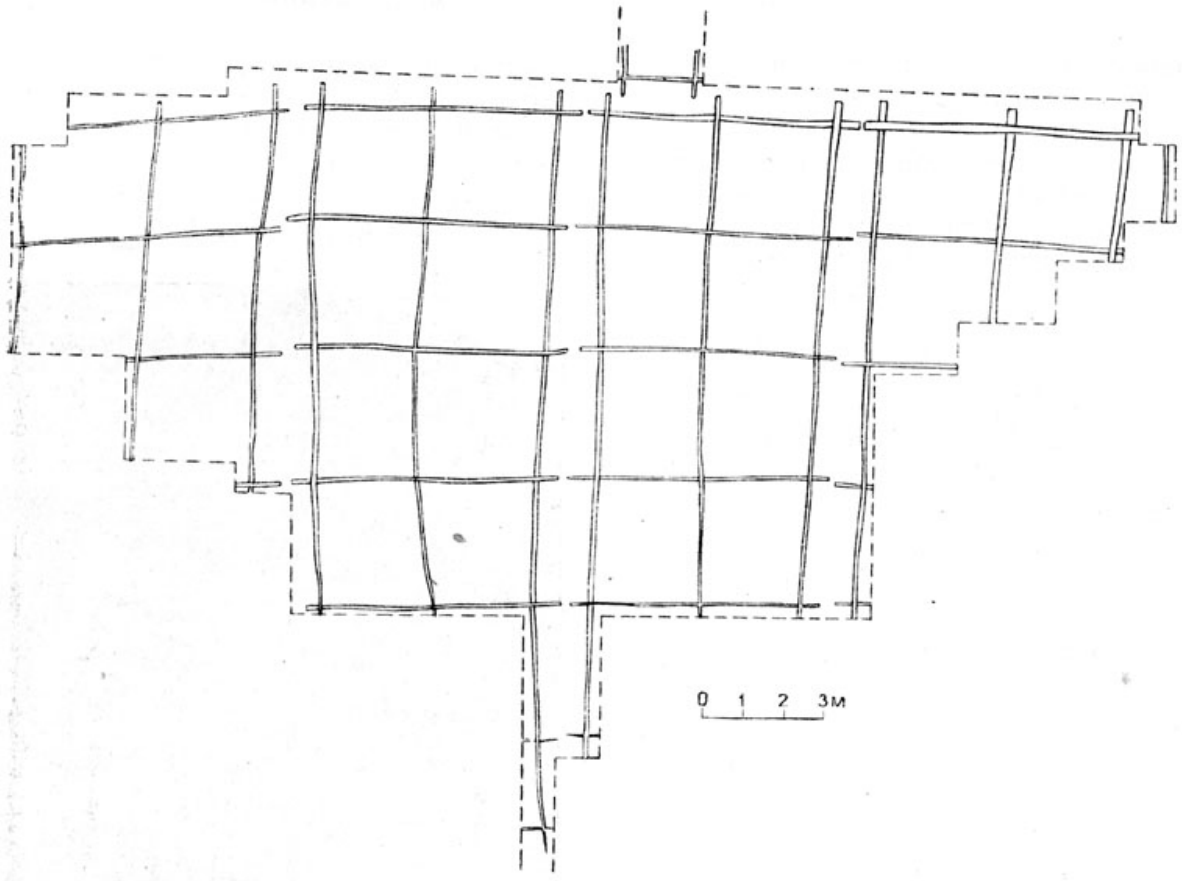

Рис. 60. План конструкции вала «города Ярослава» в Киеве.

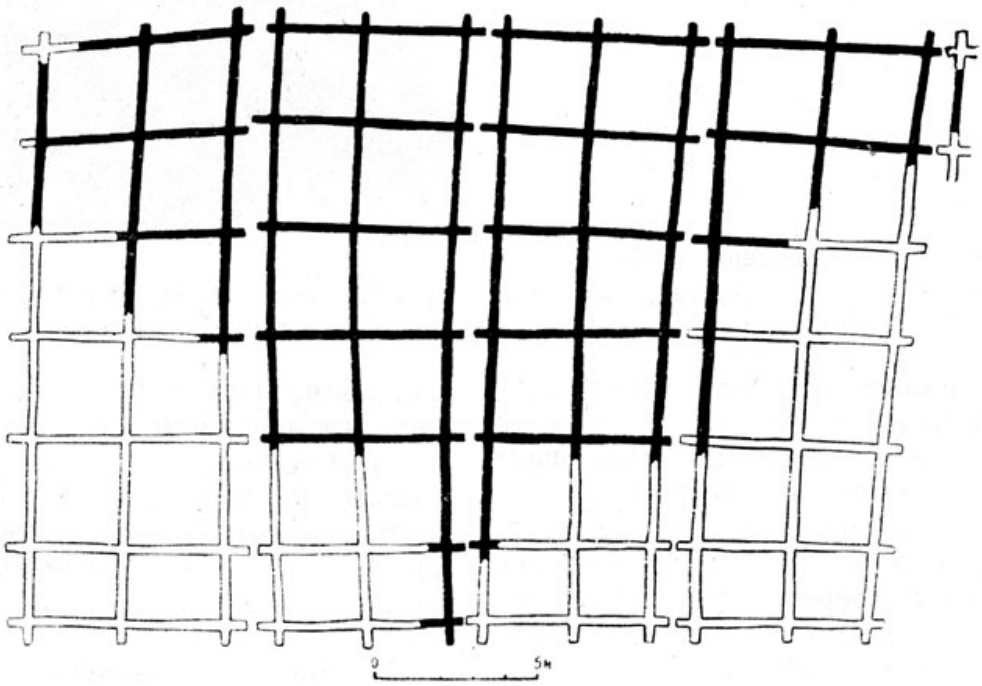

Рис. 61. План конструкции вала «города Ярослава» в Киеве. Реконструкция.

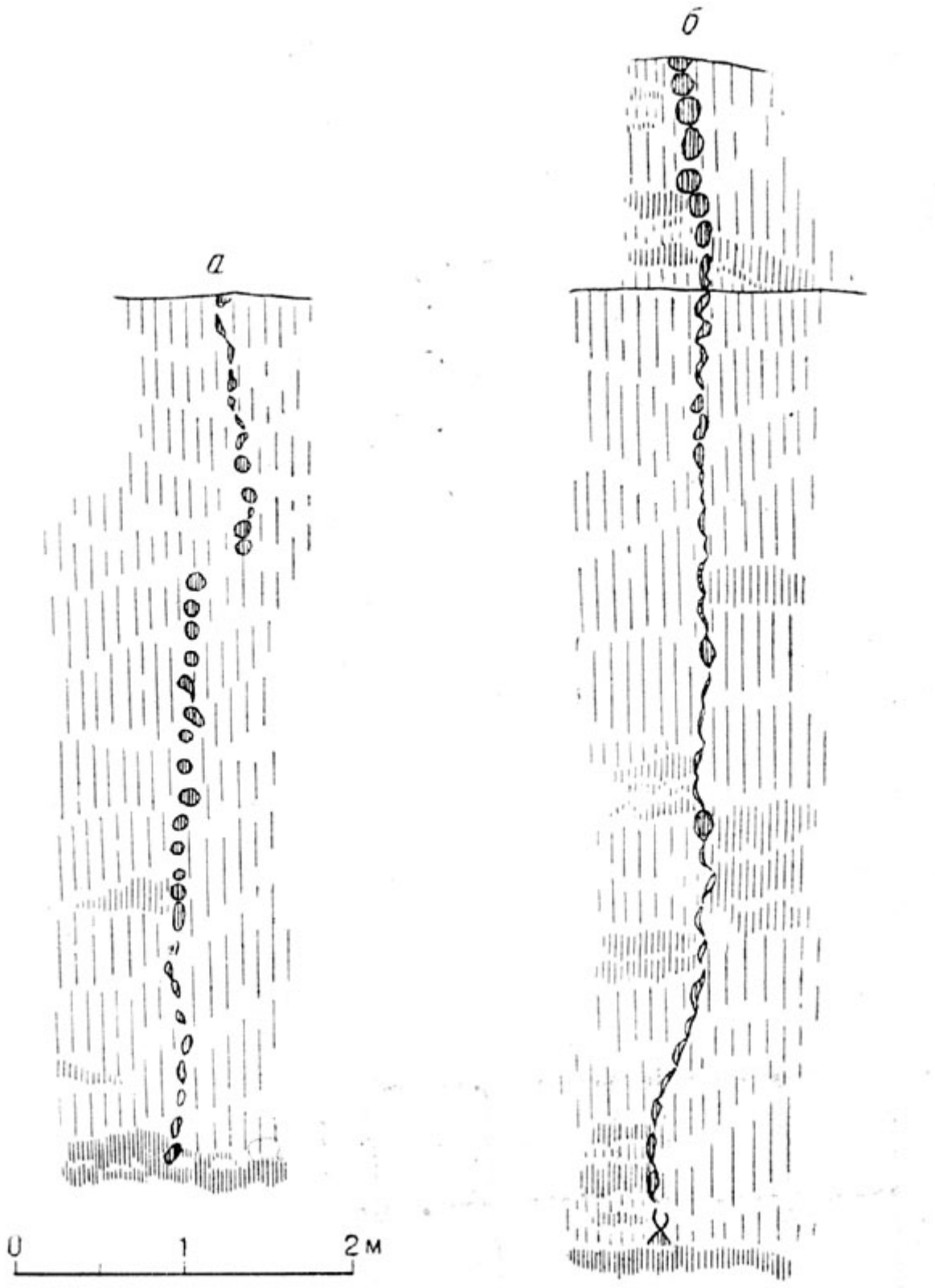

Рис. 62. Вал «города Ярослава» в Киеве. а — разрез по четвертой стенке конструкции; б — разрез по лицевой стенке.

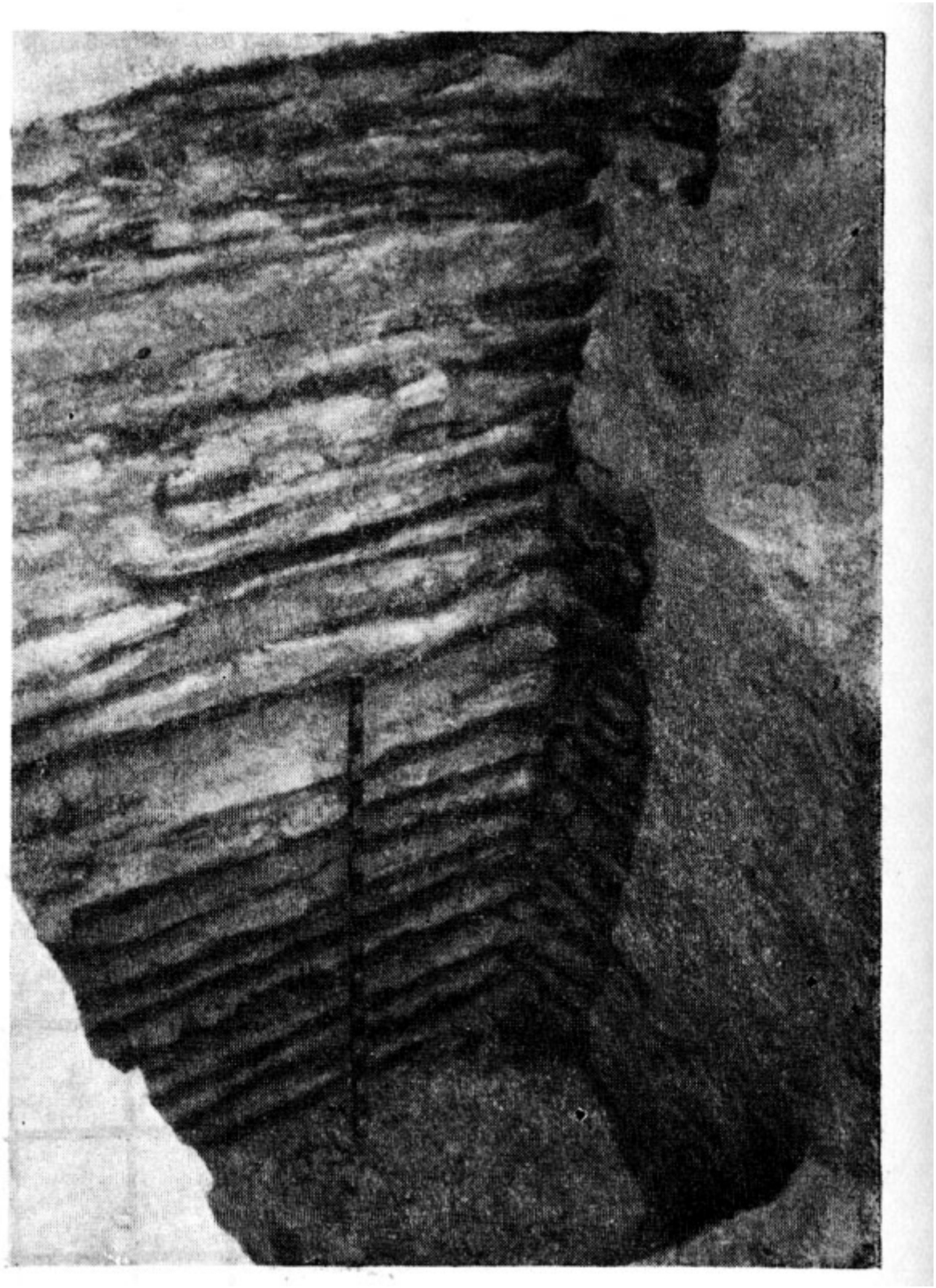

Рис. 63. Лицевая стенка сруба в конструкции вала «города Ярослава» в Киеве.

Рис. 64. Вал «города Ярослава» в Киеве. Торцы бревен лицевой стенки сруба.

Бревна срубов были уложены одно на другое без тщательной их подгонки, благодаря чему между ними сохранялись щели. Расчищенные в лёссовой забивке отпечатки бревен позволили установить, что лицевая стенка срубов была сложена из бревен диаметром от 0. 20 до 0. 25 м, кантованных на несколько, большей частью на шесть, граней (рис. 65). В других частях срубов были, однако, использованы и некантованные, круглые бревна диаметром 0. 20— 0. 22 м. Соединение бревен выполнено рубкой «в обло», причем чашка вынималась вполдерева только в верхней части каждого нижнего бревна (рис. 66).

Срубы были плотно забиты лёссом, в котором иногда встречаются прослойки темной земли. Никаких культурных остатков в забивке срубов не обнаружено. По-видимому, забивка срубов производилась постепенно, по мере наращивания по высоте самих срубов. Темные земляные прослойки в забивке соседних клетей, хотя, как правило, и не совпадают между собой по высоте, обычно близки друг другу, что свидетельствует об одновременной засыпке этих клетей. Земляная засыпка переднего склона вала производилась уже не внутри клетей, а перед лицевой стенкой срубов. Она была выполнена, по-видимому, уже после забивки самих срубов, так как прослойки, находящиеся в этой передней засыпке, совершенно не имеют соответствия в забивке передних клетей срубов.

В районе юго-западнее бывших Лядских ворот древнего Киева вал проходил по естественному всхолмлению, к югу от которого начинается крутой спуск Крещатицкой долины. Поэтому в данном месте засыпка

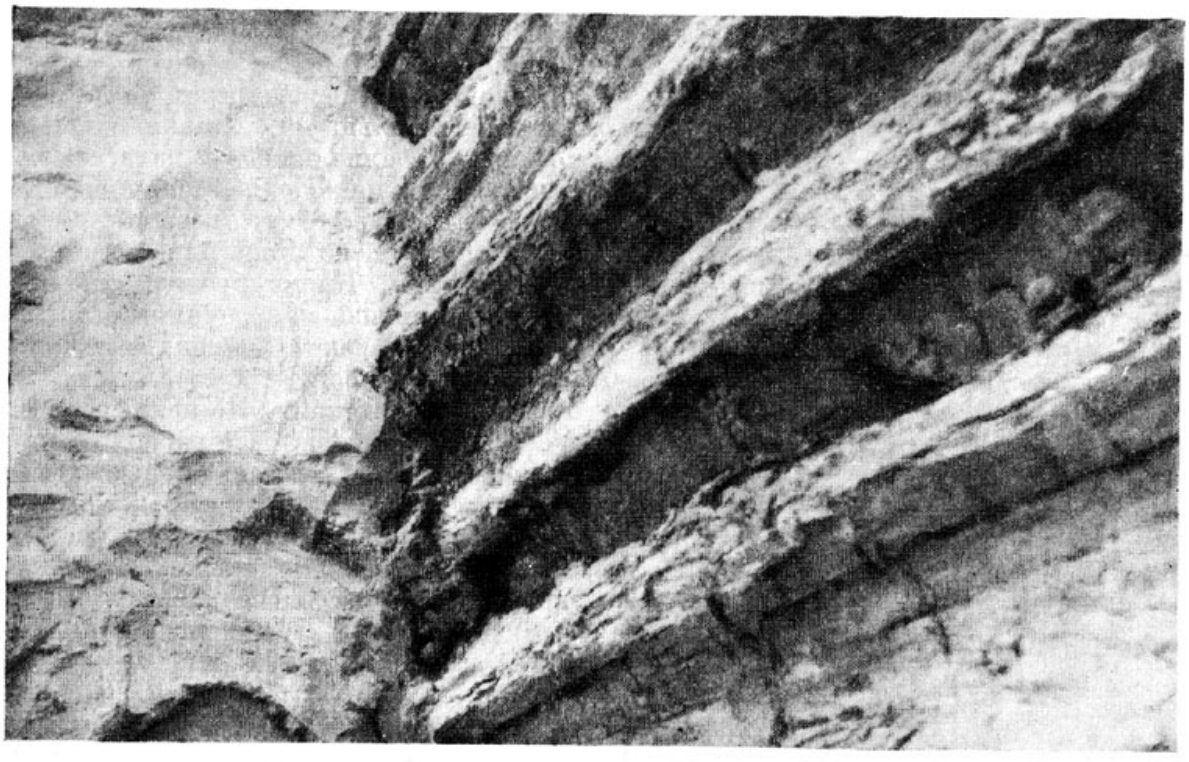

Рис. 65. Вал «города Ярослава» в Киеве. Отпечатки бревен лицевой стенки сруба.

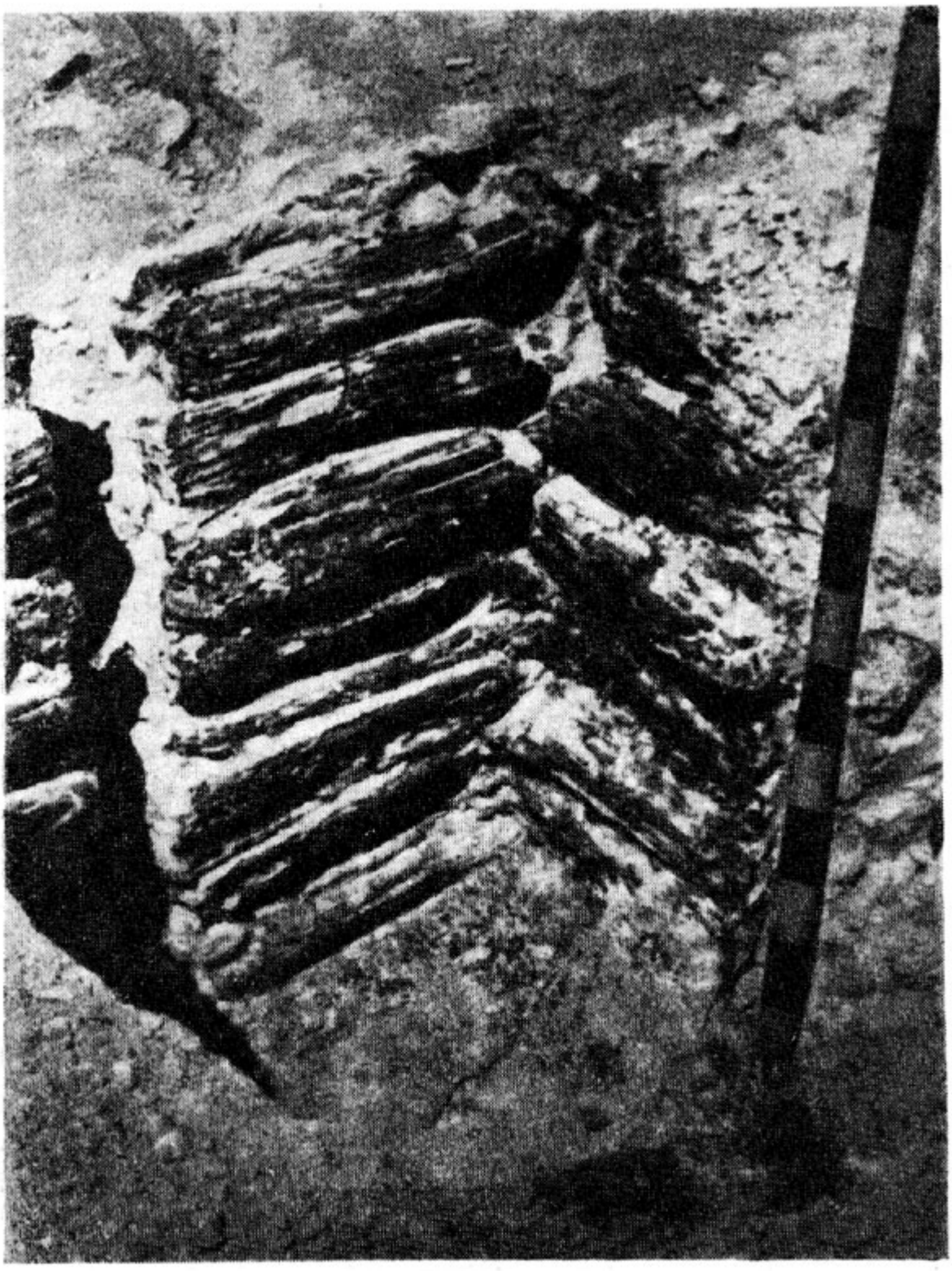

Рис. 66. Соединение бревен в конструкции вала «города Ярослава» в Киеве.

переднего склона вала имеет в основании не горизонтальную поверхность, а слегка понижается в сторону наружного края. По-видимому, это создавало угрозу оползания засыпки переднего склона вниз по откосу холма, и для предотвращения этой опасности перед лицевой стенкой срубов, внизу, на культурном слое была расположена дополнительная деревянная конструкция, игравшая роль своеобразного основания (рис. 67).

Эта передняя конструкция представляет собой дубовые клети, расположенные в три ряда вдоль линии вала и имевшие очень незначительную высоту — 4—5 венцов. В отличие от основных срубов, служивших костяком вала, клети этой нижней конструкции имели характер решетчатого каркаса. Бревна клетей не были сплочены, а находились на некотором расстоянии друг от друга, причем это явление нельзя объяснить только тем, что сгнившее дерево сильно уменьшилось в объеме. По-видимому, даже в первоначальном состоянии между бревнами этой конструкции существовали значительные щели. К тому же бревна, расположенные поперек вала, уложены так, что верхнее бревно было горизонтальным, а нижнее лежало соответственно уклону культурного слоя. Поэтому, несмотря на то, что для уменьшения расстояния между бревнами с наружной стороны вала было введено еще дополнительное бревно, щели между этими бревнами у лицевого края были еще значительно большими. Стенки конструкции, шедшие параллельно оси вала, были более плотными, однако самая наружная из этих стенок вообще отсутствовала, вместо нее было обнаружено лишь одно толстое бревно в основании. Кроме бревен, составлявших клети, в нижней конструкции было найдено несколько бревен, лежавших более или менее случайно. — посреди клетей или рядом с их основными стенками. Не исключена возможность, что неправильное расположение части сохранившихся бревен объясняется деформацией конструкции, которая могла осесть, если культурный слой под давлением массы вала утрамбовался или несколько сполз по склону. Способ соединения между собой бревен этой нижней конструкции не удалось выяснить из-за плохой сохранности дерева.

Кроме участка вала, раскопанного юго-западнее Лядских ворот, о конструкции вала «города Ярослава» можно отчасти судить и по отпечаткам срубов на наружных стенках Золотых ворот. Здесь на известковом растворе хорошо видны отпечатки как торцов бревен продольных стенок срубов, упиравшихся в стенку Золотых ворот, так и бревен поперечных стенок срубов, вплотную прилегавших к воротам (рис. 68; 69). Судя по этим отпечаткам, конструкция деревянных срубов была здесь точно такой же, как и на раскопанном участке вала. На отпечатках ясно видны пять (а возможно даже шесть) клетей размером приблизительно по 3 м и сложенных из бревен диаметром от 0. 2 до 0. 3 м, кантованных на 6 граней.

Полное совпадение конструкции раскопанного уч

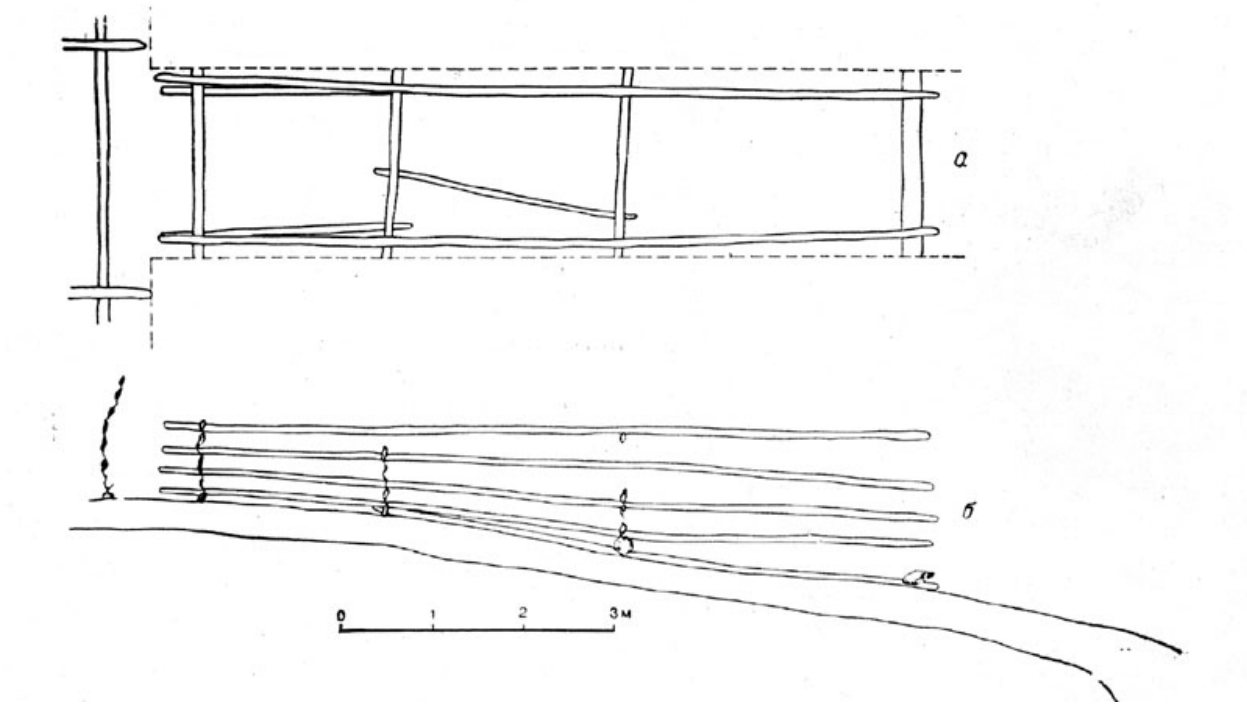

Рис. 67. Схема конструкции, находящейся в основании лицевой части вала «города Ярослава» в Киеве. а — план; б — разрез.

Рис. 68. Золотые ворота в Киеве. Отпечатки бревен конструкции вала.

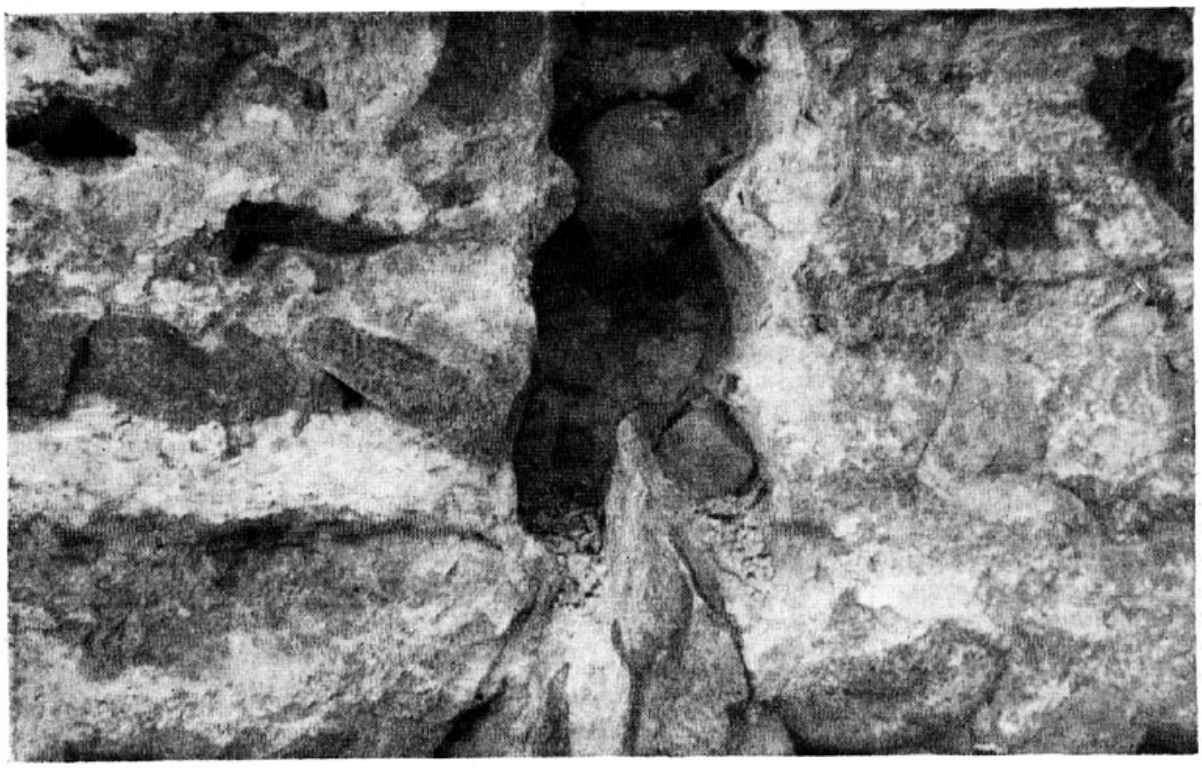

Рис. 69. Золотые ворота в Киеве. Отпечатки торцов бревен конструкции вала.

Очень возможно, что дубовые срубы, составлявшие основу вала «города Ярослава», частично были сложены из сплошных бревен, так как никаких следов надставки бревен в раскопках не обнаружено. Наличие дубовых бревен длиной более 19 м само по себе не является невероятным, однако, судя по отпечаткам на Золотых воротах, некоторые бревна были не цельными, а состояли из отдельных отрезков, приставленных друг к другу торцами.

Древний профиль киевского вала был искажен подрезкой в XIX в., однако линия переднего склона была при этом, по-видимому, изменена лишь незначительно. Вероятно, вал и в древности имел приблизительно такой же крутой передний склон (около 45° к горизонту), какой был ему придан в XIX в. Высота вала, определяемая пересечением лицевой стенки срубов с линией переднего склона (определяемой лишь приблизительно), была несколько более 12 м. С напольной стороны «города Ярослава» высота вала была еще значительно большей. [1] Невозможно судить в настоящее время о том. какова была первоначальная ширина площадки на вершине вала. Но плохая сохранность дерева в задних клетях срубов указывает, по-видимому, на то, что здесь бревна были более доступны влиянию атмосферных условий, *т. е. находились* ближе к поверхности. Вероятно, задние клети располагались уже под задним склоном вала, а до вершины вала доходило лишь

---

[1]Так, при срытии в 1872 г. участка вала в районе Золотых ворот было отмечено, что вал был «вышиною около 8 саженой», *т. е. около* 16 м. Тогда же была зарегистрирована и конструкция, по-видимому, аналогичная раскопанной в 1952 г.: «Вал этот сделан был из деревянных стен

продольных и поперечных, между которыми пространства засыпаны были землей, преимущественно желтой глиной или лёссом» (Археологическая находка при срытии Ярославова вала в г. Киеве. Киевлянин, 1872, № 75). Еще раньше, в середине XIX в., при срытии участка вала «города Ярослава» в его западной части очевидцем было сделано довольно точное описание деревянной конструкции внутри вала (*П. С. Ярославов* вал в Киеве. Русск. инвалид, 1853, *№* 162 и 164).

несколько передних клетей срубов или, быть может, даже одна лишь лицевая стенка.

Поперечное сечение киевского вала в его первоначальном виде было, по-видимому, около 180 к*в. м. При* длине вала около 3. 5 км его объем, *т. е. объем* земли, которую необходимо было насыпать при его сооружении, был равен приблизительно 630 тысячам ку*б. м. На* постройку каждого отдельного сруба этого вала шло, по самым минимальным подсчетам, около 100 куб. м бревен. На всю длину вала для постройки деревянной конструкции, включая нижнюю конструкцию, лежащую в основании передней части вала, нужно были истратить не менее 50 тысяч куб. м дубового леса.

Можно сделать попытку подсчитать хотя бы приблизительно количество рабочей силы, необходимой для возведения этого грандиозного вала. За основу нормативов наиболее целесообразно взять те нормы выработки, которые даны в «Урочном положении для строительных работ», применявшемся в России во второй половине XIX в. Нормы этого «Урочного положения» составлены в основном еще с учетом труда крепостных крестьян и рассчитаны на 12-часовой рабочий день. Поэтому в значительной степени эти нормы отражают производительность труда в феодальном обществе. Однако, учитывая рост мастерства строителей, а также гораздо большую совершенность инструмента XIX в. по сравнению с XI в., нормы выработки «Урочного положения» следует уменьшить примерно в 2 раза.

По «Урочному положению» получается, что для рубки леса и подвозки бревен, а также постройки срубов вала «города Ярослава» было необходимо около 265 000 человеко-дней. Для рытья земли, подноски этой земли и забивки ее в срубы необходимо еще около 315 000 человеко-дней. Таким образом, для постройки вала «города Ярослава», согласно «Урочному положению», требовалось в целом около 580 000 человеко-дней. Уменьшая нормы в два раза, получим примерно 1 160 000 человеко-дней, а если учитывать возможность работы в течение почти круглого год*а. т. е*. несколько менее 300 дней в году, необходимое количество рабочей силы будет равно приблизительно 4000 человеко-лет.

Следовательно, если предположить, что строительство вала «города Ярослава» производилось в течение 4 лет, то на этом строительстве должно было быть непрерывно занято около 1000 человек. Однако следует при этом иметь в виду, что, кроме вала, в состав укреплений «города Ярослава» входили еще не учтенные в данном подсчете наземные деревянные стены, а также ворота. в том числе такие большие каменные сооружения, как Золотые ворота.

Несомненно, что большая сложность и колоссальная мощность конструкции вала «города Ярослава» являются исключительным примером, отвечавшим тому совершенно особому

месту, которое занимал Киев среди всех русских городов XI в. В других укрепленных поселениях тот же тип конструкции, который был применен в Киеве, использовался в значительно более упрощенном виде.

6

Одним из наиболее характерных примеров конструкции валов XI—XII вв. являются валы городища у с. Старые Безрадичи. Конструкция валов этого городища была обследована во время разведки 1950 г. [1]

Крайне ограниченный объем работ этой разведки не позволил с достаточной полнотой выяснить все детали оборонительной конструкции, однако в общих чертах схема ее все же была определена (рис. 70).

Прорезка вала в западной части городища определила, что основу конструкции вала составляют дубовые срубы, имеющие ширину 5. 7 м. Длина срубов на этом участке не была выяснена, но зачистка стенки траншеи, проходящей вдоль вала в восточной части городища, показала, что поперечные стенки этих срубов расположены на правильно чередующихся расстояниях, на одном участке — 1. 4 и 3. 8 м, на другом — 1. 0 и 3. 1 м. Очевидно, это чередование размеров объясняется тем, что срубы, имевшие длину от 3. 1 до 3. 8 м, были вплотную приставлены один к другому. Так как соединение бревен было выполнено рубкой «в обло» с длинными остатками, то расстояния между поперечными стенками двух соседних срубов получались равными от 1. 0 до 1. 4 м. Остатки поперечных стенок выступали несколько меньше — всего на 30 см.

По-видимому, срубы являлись по существу трехстенными, так как, судя по расчищенному участку на западной стороне городища, их внутренняя стенка состояла всего из трех бревен, служивших, очевидно, для придания конструкции большей жесткости.

Срубы были сделаны из очень мелкослойного дуба, сохранившегося до наших дней в довольно хорошем состоянии (рис. 71). Диаметр бревен около 20 см. Однако возможно, что наряду с дубом применялись и другие породы дерева, так как от некоторых бревен сохранилась лишь труха.

В западной части городища сруб был расположен на метровой толще черной земли, в которой были найдены отдельные, крайне

---

[1] П. Раппопорт. Оборонительные сооружения на городище в с. Старые Безрадичи. КСИИМК, вып. 41, стр. 114. Есть основания связывать это городище с упомянутым в летописи городом Тумащь.

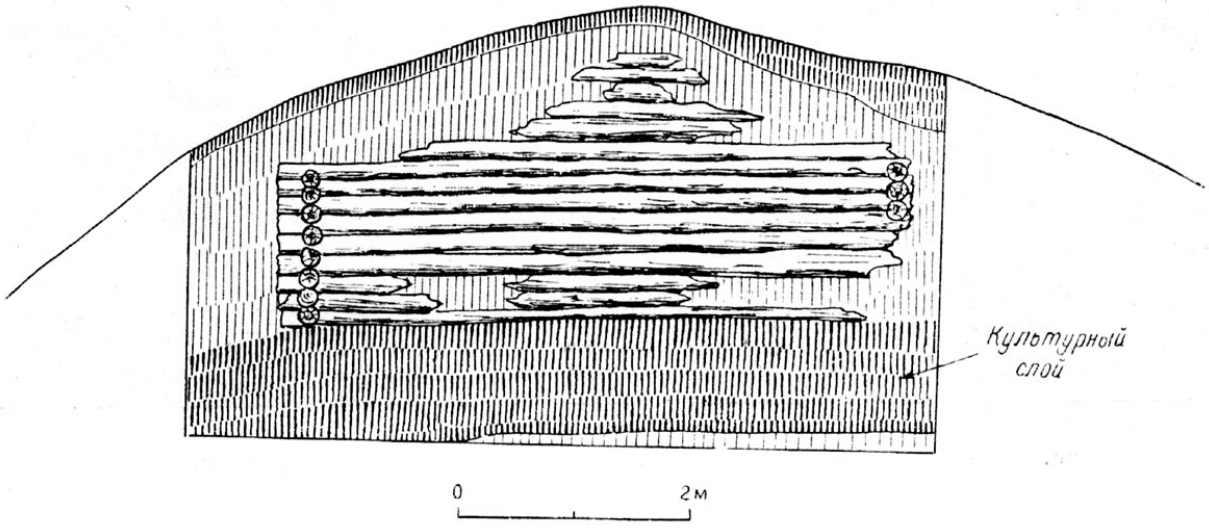

Рис. 70. Разрез вала на городище в с. Старые Безрадичи.

Рис. 71. Стенка конструкции вала на городище в с. Старые Безрадичи.

немногочисленные фрагменты керамики первой половины I тысячелетия *н. э. и*, по-видимому, X—XI вв. Сами срубы были забиты плотным серым суглинком, не

содержащим никаких культурных остатков. Первоначальная высота срубов не известна, так как валы оплыли и нигде не сохранились на полную высоту. В западной части городища в срубе было обнаружено 15 венцов, *т. е. сохранившаяся* часть сруба имела высоту около 2. 5 м.

В южной части городища, где валы около въезда поднимаются всхолмлениями, имеющими даже в настоящее время высоту до 5 м, срубы оказались расположенными значительно выше — их основание находится всего на глубине 1. 7 *м* от гребня вала. Вал на этом участке насыпан из чистого белого лёссовидного суглинка (по-видимому, взятого при отрывке рва); таким же чистым суглинком заполнены здесь и срубы.

Ввиду того, что валы, окружающие городище, имеют в плане криволинейные очертания, срубы не всюду строго прямоугольны. С восточной стороны городища наружные стенки некоторых срубов благодаря осыпанию земли в настоящее время выступают прямо на поверхность. Здесь видно, что в местах поворота вала срубы имеют трапецевидную в плане форму, так как их поперечные стенки не параллельны (рис. 72). Кроме того, соседние срубы в этих местах поворота вала расположены под углом друг к другу.

Оборонительная конструкция на городище в с. Старые Безрадичи оказалась, таким образом, состоящей из линии деревянных срубов, почти вплотную приставленных один к другому и плотно забитых землей. Снаружи вся эта конструкция была засыпана землей. Срубы в большинстве участков вала были установлены непосредственно на поверхности земли (*т. е. на* культурном слое эпохи, предшествующей постройке укрепления) и доходили до самой вершины вала.

В тех местах, где вал имел большую высоту (например, у въезда), срубы были установлены на предварительно сделанную земляную подсыпку.

Время постройки оборонительной системы на городище в Старых Безрадичах определяется достаточно точно — это, по-видимому, конец XI или XII в. На селище, расположенном рядом с городищем, встречаются материалы XI—XIII вв., однако весь археологический материал, обнаруженный разведками на самом городище, относится только к XII—XIII вв. Никаких более поздних переделок оборонительной системы на этом городище также не имеется. [1]

Оборонительная конструкция такого же типа, как в Старых Безрадичах, *т. е. состоящая* из срубов, набитых землею, была иссле-

---

[1] В XVI—XVII вв. в Старых Безрадичах существовал замок, однако он находился в центре современного села, где и сейчас сохранились его следы на месте, называемом жителями «Замковищем».

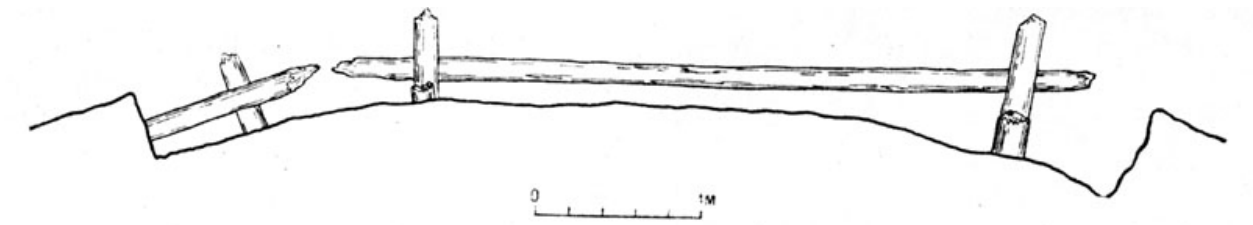

Рис. 72. План лицевых стенок срубов конструкции вала на городище в с. Старые Безрадичи.

дована *Б. А. Рыбаковым* во Вщиже. [1] Выяснилось, что здесь в XI — начале XII в. по периметру всего укрепленного поселения шли деревянные срубы размером 1 X 3 м. В середине XII в. при реконструкции вщижских укреплений были созданы новые оборонительные сооружения с дубовыми срубами, имеющими уже большие размеры -3 X 3 м — и также забитыми землей.

Раскопками 1935 и 1937 гг. в Вышгороде и конструкции вала, относящейся, по-видимому, к XI в., были вскрыты срубы, сложенные в отличие от подавляющего большинства древнерусских оборонительных конструкций не из дубовых, а из березовых бревен. [2] Срубы располагались вплотную один к другому и в некоторых местах сохранились на высоту до 2 м (13 венцов). Ширина срубов около 2 м, длина несколько менее 5 м. Срубы оказались забитыми бурой глиной без культурных остатков.

В Старой Рязани дубовые срубы были расположены лишь в верхней части вала; их основание находилось на глубине всего около 2 м от гребня вала. [3] Толщина бревен доходила до 20 см. Удалось проследить, что в верхней части каждого бревна был сделан паз для более плотной укладки верхнего бревна. Конструкция укреплений Старой Рязани относится, по-видимому, к XII в. [4]

К сожалению, конструкции валов, состоящие из деревянных срубов, плотно приставленных один к другому и забитых землей, прослежены достаточно определенно лишь в Киеве и на городищах в Старых Безрадичах, во Вщиже, в Вышгороде и в Старой Рязани. Однако этот тип конструкции несомненно имел гораздо более широкое распространение, так как и на некоторых других городищах в различное время были обнаружены следы подобной конструкции. Так, срубы, забитые песком и камнем, были обнаружены на Коростеньском городище. [5]

Очевидно, подобный способ устройства валов применялся и в северной Руси, поскольку деревянные срубы были обнаружены при раскопках валов г. Дмитрова, в валах

---

[1] *Б. А. Рыбаков*. Вщиж — удельный город XII в. КСИИМК, вып. 41, 1951, стр. 57.

[2] *В. И. Довженок*. 1) Древній Вишгород. Вісн. Акад. наук. УРСР, Київ, 1949, № 8, стр. 46; 2) Огляд археологічного вивчення др. Вишгорода за 1934-1937 рр. Археологія, т. 3, Київ, 1950, стр. 80. Необходимо отметить, что в 1935—1937 гг. раскопками была вскрыта площадь в тыльной части существующего в Вышгороде вала. Прорезка же основной части вала, произведенная в 1952 г., показала, что вал имеет иной тип конструкции и сооружен уже в XII в. Возможно, что конструкция, раскопанная в 1935—1937 гг., представляет собой остатки вала XI в., уничтоженного при сооружении нового вала в XII в.

[3] *А. Л. Монгайт*. Древнерусские деревянные укрепления по раскопкам в Старой Рязани. КСИИМК, вып. 17, 1947, стр. 28. См. также тезисы доклада *А. Л. Монгайта*: КСИИМК, вып. 41, 1951, стр. 54. О том, что срубы этого вала были расположены впритык один к другому, свидетельствует размещение на очень близком расстоянии двух поперечных стенок конструкции.

[4] *А. Л. Монгайт*. Топография Старой Рязани, стр. 108.

[5] В. К. Гончаров. Райковецкое городище, стр. 23.

Сарского городища и некоторых других. [1]Известны примеры подобной конструкции и на крайнем юго-западе Руси, в Поднестровье, где деревянные срубы были вскрыты в валах нескольких городищ. [2]

Таким образом, есть все основания полагать, что конструкция валов, состоящая из забитых землей срубов, имела достаточно широкое распространение в древнерусском военно-инженерном искусстве. Время употребления данной конструкции в памятниках военного зодчества Киевской земли выясняется достаточно определенно — это XI, XII и XIII вв. Конструкций подобного типа в памятниках ранее XI в. не обнаружено.

7

Несколько иной тип срубной конструкции внутри валов можно отметить в некоторых оборонительных валах, относящихся уже к XII в. Здесь в отличие от более ранних сооружений внутренняя конструкция вала состоит не из отдельных срубов, вплотную приставленных один к другому, а из сплошной, связанной линии деревянных срубов, лицевая стенка которых представляет собой непрерывную линию, идущую вдоль вала.

Раскопками 1952 г. такая конструкция была вскрыта в валу древнего Вышгорода. [3]Здесь в основе вала находится линия дубовых срубов, бревна лицевых стенок которых

---

[1]*Н. П. Милонов*. Дмитровское городище. СА, IV, 1937, стр. 152. — Д. Эдинг. Сарское городище. Ростов, 1928, стр. 25. В последние годы срубная конструкция была обнаружена в валах еще нескольких городищ Залесской земли — на городище у Сунгиревского оврага близ Боголюбова (раскопки *Н. Н. Воронина* в 1954 г.) и на Мстиславльском городище в районе Юрьева-Польского (раскопки автора в 1955 г.).

[2]*Г. Б. Федоров*. 1) Славяне Поднестровья. Вестн. АН СССР, 1952, № 2, стр. 94; 2) Городище Екимауцы. КСИИМК, вып. 50, 1953, стр. 144.

[3]П. Раппопорт. Археологические заметки..., стр. 181.

врублены «внахлестку» в поперечные стенки срубов (рис. 73; 74). Благодаря этому приему вся конструкция вала оказывается связанной воедино. Сами срубы вышгородского вала были, по-видимому, трехстенными, так как никаких следов внутренней продольной стенки срубов в раскопе не было обнаружено. Поперечные стенки срубов довольно короткие, длиной около 2. 8 м. Вал забит плотной глиной с различными включениями. Среди этих включений обнаружены куски древних кирпичей, мелкие куски известкового раствора с цемянкой, куски красного шифера и черепки керамики, относящейся к X, XI, а отчасти, по-видимому, даже к XII в. Наличие в забивке вала керамики, а также явных

следов развала древнего храма позволяет определить время постройки вышгородского вала XII или XIII в. [1]

Своеобразный вариант связанной срубной конструкции валов представлен теми древнерусскими укреплениями, где, кроме срубов, забитых землей и имеющих исключительно военное значение, в валу имеются срубы, предназначенные для жилья. Наиболее полно такая конструкция была изучена на Райковецком городище в районе гор. Бердичева. [2] Особенностью этого городища является то, что поселение здесь было целиком уничтожено татаро-монголами в 1241 г. и одновременное разрушение всего поселения обусловило сравнительно хорошую сохранность его остатков. Время постройки Райковецкого укрепления — по-видимому, вторая половина XI или, вероятнее, XII в.

---

[1]Обрушение верхних частей Борисоглебской церкви, следами которого несомненно являются остатки строительных материалов в забивке вала, произошло в 70—80-х годах XI в. (*М. К. Каргер*. Из истории Киевского зодчества XI в. СА, XVI, 1952, стр. 84). Раскопанная в 1935—1937 гг. в тыльной части Вышгородского вала деревянная конструкция, возможно, представляет собой остатки другого, более раннего вала Вышгорода.

[2]*В. К. Гончаров*. Райковецкое городище. См. также отчеты о раскопках: Наукові записки Інституту Історії материальної культури АН УРСР, Київ, 1935, № 5—6; 1937, № 2.

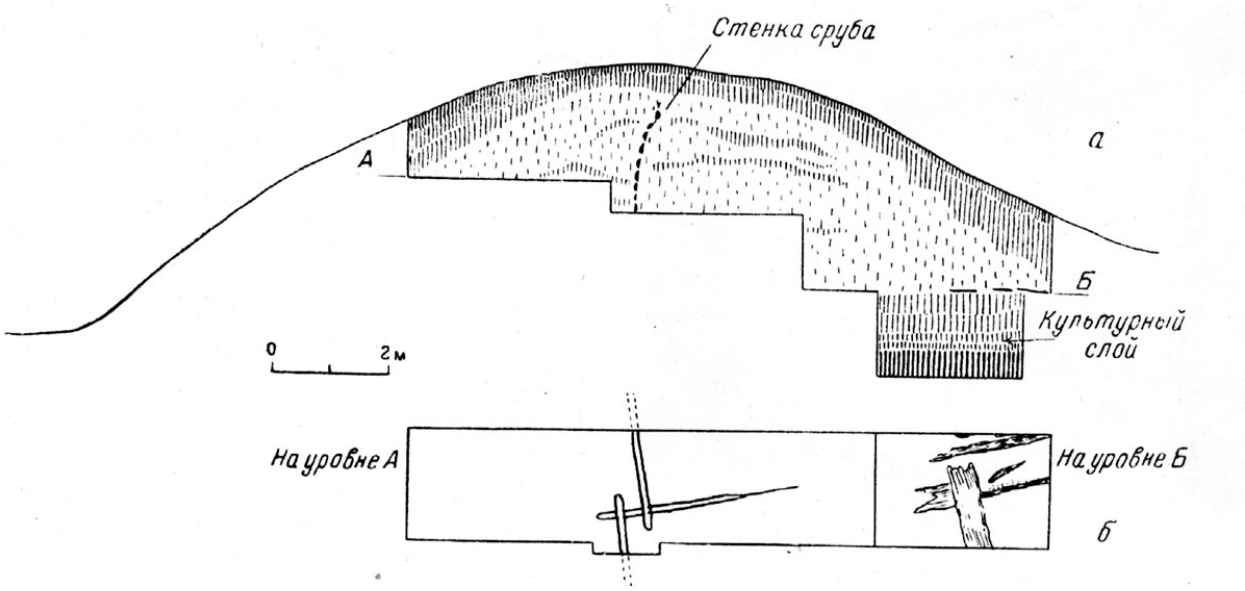

Рис. 73. Разрез вала детинца в Вышгороде. а - разрез; б — план.

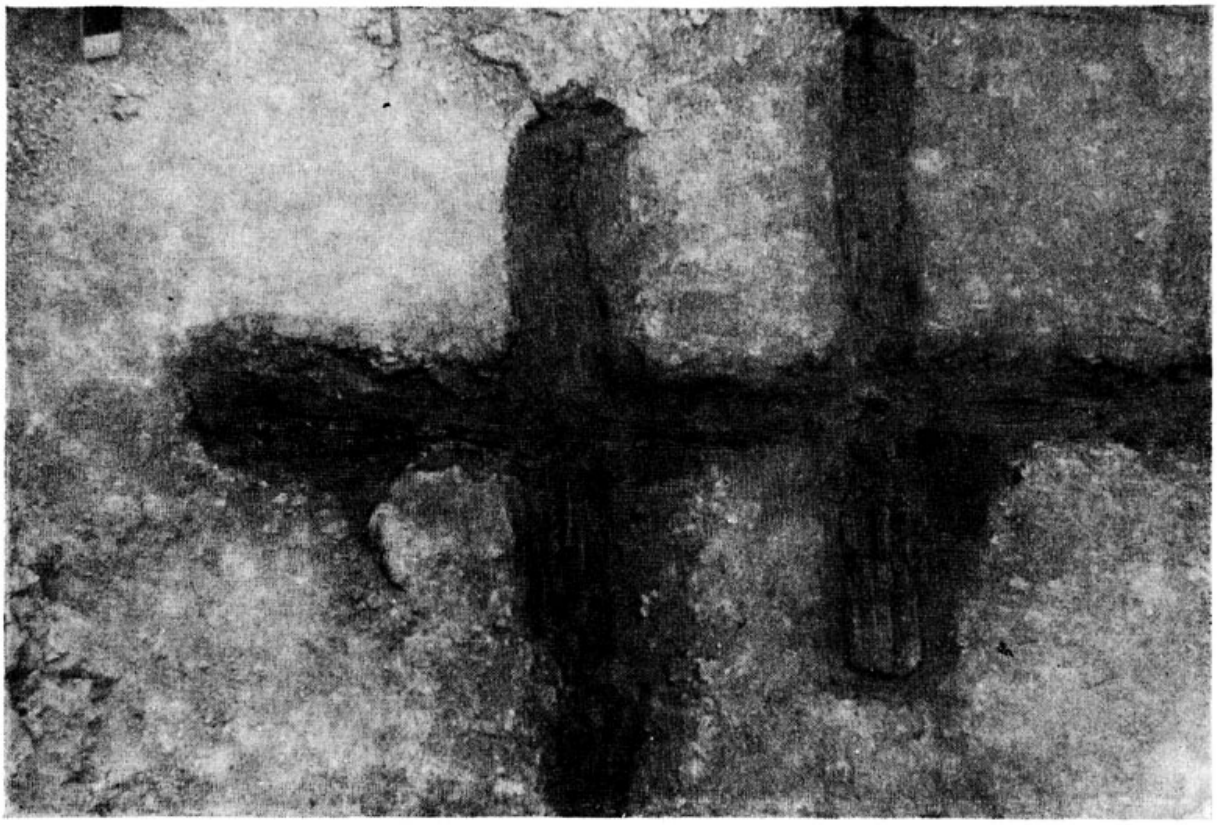

Рис. 74. Врубка конструкции вала детинца в Вышгороде.

Стр. 104

Основу конструкции вала в Райковецком городище составляла линия деревянных срубов. Однако в отличие от Белгородки, городища у Старых Безрадичей и ряда других памятников в Райковецком городище конструкция эта состояла не из отдельных срубов, вплотную приставленных один к другому, а из двух сплошных параллельных стенок, расположенных на расстоянии 2. 8 м и разделенных поперечными стенками на

Стр. 105

отдельные клети (рис. 75). Клети эти имеют длину от 4. 2 до 4. 5 м и плотно забиты глиной, причем в нижних слоях забивки находится слой чернозема, а выше идет плотно утрамбованная чистая желтая глина. Это ясно свидетельствует о том, что глина для забивки срубов бралась при рытье рва. Кроме глиняной забивки, нижние венцы срубов были укреплены специальными вальками из глины и камнями.

Срубы сохранились на высоту около 2. 5 м, но первоначально они были еще выше. Бревна срубов дубовые и отчасти березовые, диаметром до 30—35 см. Соединение бревен исполнено рубкой «в обло» с остатками длиной от 30 до 60 см. Не совсем ясно, как производилось соединение продольных бревен срубов в одну сплошную линию.

Очевидно, оно было выполнено путем врубки продольных бревен в поперечные стенки «внахлестку», *т. е. так*, как это было сделано и в валах Вышгорода. [1]

К линии забитых землей срубов примыкала вторая линия срубов, имевших наглое назначение. Эти срубы были построены одновременно с первой линией и составляли С ней единое конструктивное целое. Внутренняя бревенчатая стенка срубов первого ряда являлась одновременно наружной стенкой жилых срубов. Жилища имели ширину 2. 6—2. 7 м; длина их была различная -в большинстве случаев длинные жилища (длиной 4. 2 м) чередовались с более короткими (длиной 3. 3 м). [2]

Для постройки продольных стенок жилых срубов были использованы дубовые и березовые бревна диаметром 20—30 см. Поперечные стенки срубов, представляющие собой внутренние переборки между жилищами, сооружались из тесаных брусьев размером от 12 X 15 до 15 X 20 см, причем, кроме дуба и березы, здесь были найдены также липовые и кленовые брусья. С внутренней стороны жилищ бревна были подтесаны и обмазаны слоем глины, на котором кое-где сохранились следы побелки. В этих жилищах при раскопках обнаружены печи и значительное количество бытового инвентаря. К ряду жилых сооружений в большинстве мест примыкала еще третья линия срубов, имевших хозяйственное назначение и сохранившихся значительно хуже, чем жилища, а в особенности забитые глиной срубы первого ряда. Жилые и хозяйственные срубы были перекрыты деревянным накатом, выше которого, вероятно, имелся еще слой глины.

Сложная система конструкции вала, состоящая из трех рядов срубов - оборонительных, жилых и хозяйственных, в Райковецком городище проходила не по всему периметру городища, а лишь с западной, напольной стороны и с восточной — со стороны мыса. По боковым сторонам площадки городища проходят лишь двойные ряды срубов — жилых и хозяйственных. Таким образом, на северной и южной сторонах Райковецкого городища вал не имел в своей основе забитых землей срубов. По-видимому, роль укрепляющей вал конструкции здесь играла линия жилых срубов. Наружная стенка этих срубов была в этом случае сложена из более толстых бревен и укреплена в нижней части камнями и врытыми в землю столбами.

Конструкция валов Райковецкого городища, где продольные стенки, будучи внутренними стенками срубов одного ряда, вместе с тем являлись наружными стенками срубов другого ряда, не оставляет никаких сомнений в том, что вся эта сложная комбинация жилых, хозяйственных и военно-инженерных сооружений была построена одновременно, как единый комплекс, по заранее намеченному плану.

Вполне аналогичная конструкция была вскрыта на городище у с. Колодежного на р. Случь. [3] Это городище представляет собой

---

[1]К сожалению, почти полное отсутствие графической документации раскопок Райковецкого городища сильно затрудняет изучение деталей его оборонительной конструкции. Однако даже на очень мелкомасштабных чертежах городища в нескольких местах можно ясно проследить такое соединение продольных бревен «внахлестку». Сращивание продольных бревен, по-видимому, не применялось, как ч вообще оно почти не применялось в старинном русском деревянном зодчестве.

[2]По-видимому, на различных участках городища срубы имели несколько отличающиеся размеры, так как по данным предварительной публикации размер жилищ был 2. 2 X 4. 1 и 2. 2 X 3. 0 м.

[3] *В. К. Гончаров*. 1) Древний Колодяжин. Вісн. АН УРСР, Київ, 1950, № 6, стр. 58; 2) Тезисы доклада на пленуме ИИМК в январе 1951 г. КСИИМК, вып. 41, 1951, стр. 49. *Р. А. Юра*. Исследования Колодяжинского городища. Кратк. сообщ. Инст. археологии АН УССР, вып. 4, 1955, стр. 14.

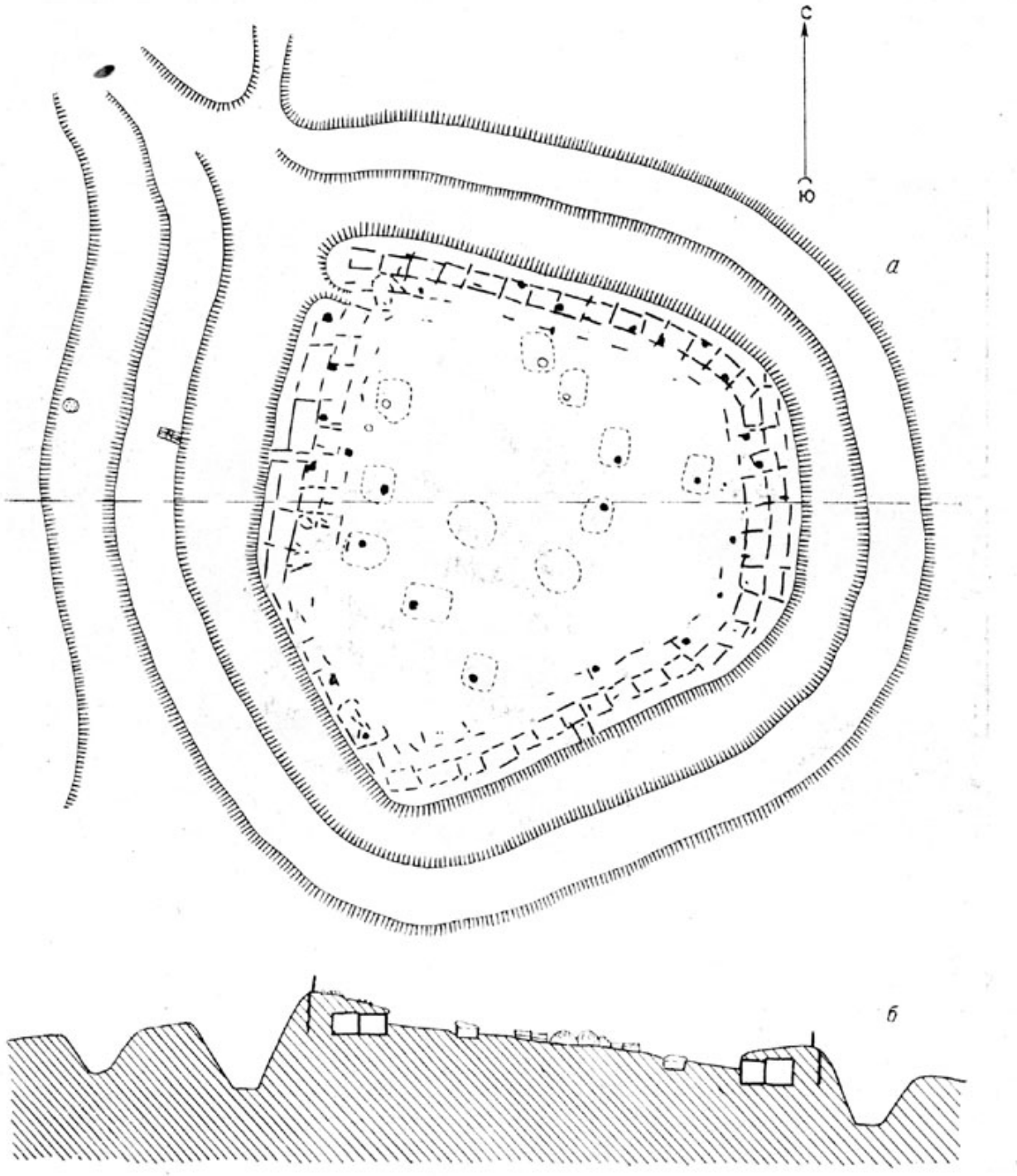

Рис. 75. Райковецкое городище. (По Гончарову). а - план, б — разрез.

остатки древнерусского города Колодяжина, также подвергшегося разгрому во время монгольского нашествия в 1241 г. Военно-инженерные и жилые сооружения Колодяжина были построены, как и в Райковецком городище, также одновременно, как единая система. [1] Однако в отличие от Райковецкого городища в Колодяжине даже с напольной стороны внутри вала не было клетей, забитых землей. Основу конструкции вала вокруг всего городища здесь составлял ряд клетей, имеющих жилое назначение. Всего по периметру укрепленной площадки было расположено около 70 таких клетей, имеющих ширину 3. 2 м. Длина жилых клетей была обычно 3. 5—3. 6 м, хотя были обнаружены как более короткие клети (около 2 м), так и более длинные (до 5 м). К этому ряду жилых клетей, перекрытых насыпью вала, примыкали со стороны площадки городища отдельные клети, имевшие хозяйственное назначение. Эти хозяйственные постройки не были перекрыты сверху насыпью вала и располагались вокруг укрепленной площадки не сплошной линией, а с перерывами. В середине городища имелись, кроме того, как и в Райковецком городище, жилища обычного полуземляночного типа.

Клети наружного ряда были срублены из дубовых бревен диаметром 0. 2—0. 3 м. Бревна, составлявшие продольные стенки конструкции, были врублены «внахлестку» в поперечные стенки клетей. В местах врубок выступали торцы бревен («остатки»), имевшие в длину 0. 3—0. 4 м. Входы и окна в жилые срубы, так же как и в Райковецком городище, находились со стороны площадки городища.

Наконец, известен еще один, третий, памятник, где были обнаружены следы такой же комбинированной оборонительной конструкции, включающей как жилые, так и военно-инженерные сооружения, — это одно из городищ в районе с. Городск Житомирской области.

Раскопки на этом городище показали, что в валу имелась линия дубовых срубов, плотно забитых глиной. С внутренней стороны к этим срубам примыкала конструктивно связанная с ними линия жилищ. [2] Перекрытия этих жилищ сгорели и обрушились, поэтому во время раскопок все помещения этих жилищ оказались засыпанными лёссом.

Как Колодяжин, так и Городское городище были сооружены, по-видимому, не ранее XII в.

IV. ФОРМА И ЗНАЧЕНИЕ ВАЛОВ И РВОВ X—XIII вв.

1

За много веков своего существования земляные валы, даже имеющие внутри деревянную конструкцию, настолько оплыли, что сейчас уже очень трудно, почти невозможно определить их первоначальный размер и форму. Однако можно заметить, что на валах, наиболее сохранившихся, наружный скат, обращенный к противнику, значительно круче, чем внутренний. В тех случаях, когда вал сооружался из сыпучего материала (например песка) и поэтому не мог иметь крутых склонов, его наружную поверхность иногда, по-видимому, облицовывали камнем, чтобы таким образом создать более или менее крутые склоны. [3]

Кроме камня, для облицовки переднего склона вала иногда использовали и дерево, как в виде бревенчатого укрепления, так и в виде плетня. [4] Так, например, вал Давид-

---

[1] *Р. А. Юра*. Древний Колодяжин. Автореф. дисс., Киев, 1955.

[2]*В. К. Гончаров*. Раскопки древнего Городска. Археологічні пам'ятки УРСР, т. III, Київ, 1952, стр. 186. — А. Дмитревская. Отчет Городской экспедиции 1946 г. Археологічні пам'ятки УРСР, т. I, Київ, 1949, стр. 47.

[3]Об этом, по-видимому, свидетельствуют камни, находимые во рвах и, вероятно, осыпавшиеся с наружной поверхности валов. Облицовка переднего склона вала камнем встречается также и на западнославянских городищах. См., например, городище у Лоссова на Одере (M. Lienau. Der Burgwall an der Steilen Wand bei Lossow. «Mannus», Bd. 20, H. 1—3, Leipzig, 1928, стр. 213).

[4]Следы бревенчатого укрепления склона в валу окольного города Старой Рязани были обнаружены *А. Л. Монгайтом* (*А. Л. Монгайт*. Древнерусские деревянные укрепления по раскопкам в Старой Рязани, стр. 34). Укрепление склонов плетнем было найдено В. В, Хвойкой при раскопке Шарковского (иначе Шаргородского) городища (см. отчет Хвойки: Архив ИИМК, ф. 1, д. 99 за 1901 г., л. 37; Сборник Археологического музея высших женских курсов в Киеве, вып. I, Киев, 1914, стр. 18). При раскопках вала в Переяславле-Рязанском в 1945 г. также были обнаружены столбики, оплетенные хворостом. См. об этом в указанной статье *А. Л. Монгайта* (КСИИМК, вып. 17, 1947, стр. 30).

городка, расположенного близ Турова, насыпанный из песка, был укреплен у основания как с внутренней, так и с внешней стороны ограждением из сосновых колод. Наружный склон вала, кроме того, был укреплен ограждением из нескольких ярусов вертикально расположенных бревен. [1]

К сожалению, детали этих устройств, препятствовавших оползанию склонов вала, не выяснены, так как дерево, находившееся в качестве облицовки на поверхности валов, почти всюду исчезло и от него сохранились лишь слабые следы. Однако даже по тем немногим примерам, когда подобные деревянные устройства на поверхности валов были обнаружены, можно судить, что передним склонам валов, как правило, старались придать максимально возможную крутизну, по-видимому, около 40—45° к горизонту. [2]

Ту же цель, обеспечение большой крутизны переднего склона валов, по-видимому. преследовали и внутривальные конструкции, в частности каркасы, заполненные сырцовой кладкой. Ступенчатая передняя поверхность сырцовых стенок никогда не выходила наружу, так как ступени эти были заполнены глиной, создававшей крутой передний склон вала. Особенно хорошо это видно на прорезке лицевой части вала в Переяславле на участке с напольной стороны детинца, на краю рва (рис. 76). Глиняная обмазка, заполнявшая ступени сырцовой кладки, создавала здесь склон, имевший крутизну около 40°.

Такая крутизна — 40—45° — придавалась и тем валам, которые хотя и не имели ни внутренней конструкции, ни облицовки склонов, но зато были насыпаны из плот-

---

[1]R. Jakimowicz. Dawidgródek. Pinsk, 1939, стр. 19. План Давид-городка (чертеж начала XIX в.), где ясно видно городище полуостровного типа, см.: Центр. Гос. военно-историч. архив, Военно-ученый архив, № 21881.

[2]Высказывалось предположение, что в качестве средства укрепления поверхности валов в древней Руси практиковался специальный обжиг поверхности валов. Однако во всех случаях, когда на древнерусских городищах были найдены следы обжига валов, такие же следы обжига и пожарища бывали отмечены и на всей площадке городища. Это говорит о том, что обожженные валы на данных городищах являются следами пожаров, а не искусственным способом укрепления вала. Совершенно естественно, что при пожаре укрепленных поселений вал городища оказывался сильно обожженным, так как на нем горела завершающая его деревянная защитная конструкция. Так, например, *В. А. Городцов* высказал предположение, что обожженной глиной были укреплены валы Донецкого городища (Тр. XII АС, т. I, М., 1905, стр. 117). Однако на этом городище имеются ясные следы его насильственного уничтожения, связанного при этом с большим пожаром (Тр. XII АС, т. III, М., 1905, стр. 330).

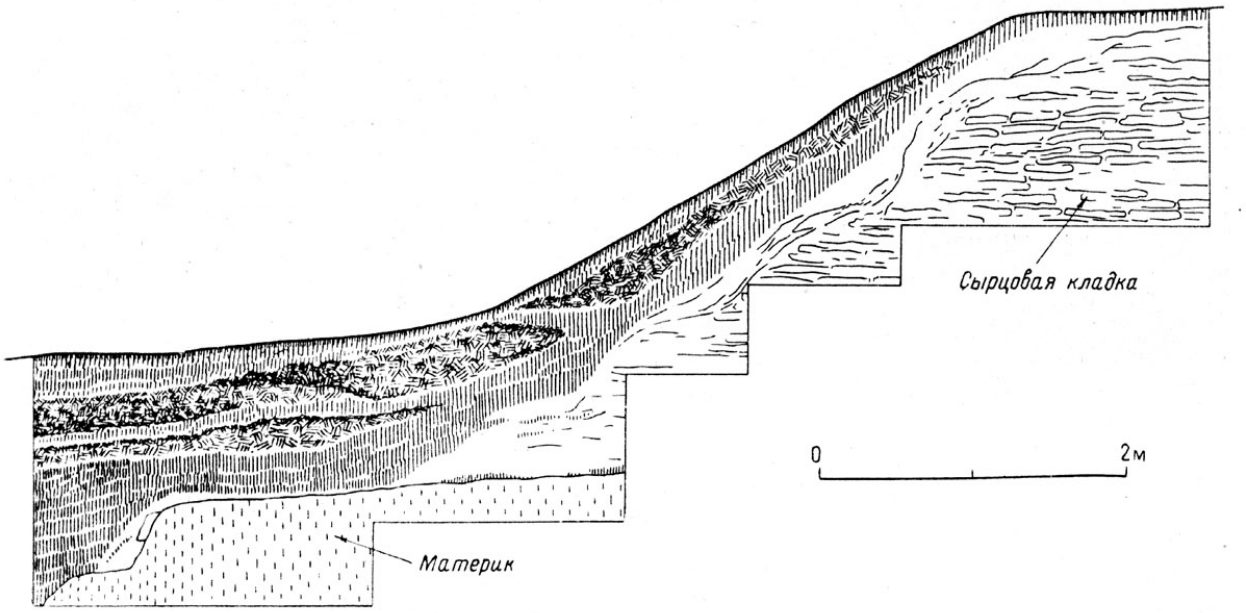

Рис. 76. Разрез лицевой части вала детинца в Переяславе-Хмельницком.

ного грунта — лёсса или глины. Так, например, валы болоховских *городов* Деревича, Губина и Кудина, сооруженные из нескольких слоев плотного суглинка, даже в настоящее время сохранили крутизну переднего склона почти 45° (рис. 77; 78).

Кроме укрепления наружной крутости вала, иногда сооружались вымостки и с внутренней стороны, у основания вала. Такие каменные вымостки с тыльной стороны вала были обнаружены в Галиче, на городище Корчеватом Житомирской области, на городище Екимауцы на Днестре и некоторых других. [1] По-видимому, такие вымостки должны были

обеспечить возможность удобного передвижения воинов вдоль вала даже во время дождя, когда земля становилась вязкой.

В некоторых случаях тыльному склону вала придавали ступенчатый профиль. Так, тыльный склон вала в Вышгороде имел ступени высотой около 0, 5 м. [2] Такие же ступени, но высотой около 0. 7—0. 8 м были обнаружены и на тыльном склоне вала окольного города в древнем Переяславле (рис. 79; 80). По-видимому, такие ступени служили как для укрепления склона вала, так и для подъема на вершину его.

На *городах* Болоховской земли (Кудин и Деревич) на середине тыльного склона вала первоначально имелась широкая горизонтальная площадка, проходившая вдоль всего вала и обеспечивавшая более легкий подъем к защитным сооружениям, расположенным на вершине вала.

Обычно древнерусские укрепления устраивались на холмах, имеющих крутые склоны (рис. 81). В отдельных случаях склоны бывают даже круче 45°. В тех же случаях, когда они были недостаточно крутыми (по-видимому, менее 20—25°), для придания им большей крутизны склоны подрезались. При этом верхняя часть склона делалась более крутой, а в основании подрезанной части сооружалась горизонтальная площадка, имеющая обычно ширину не менее 5—6 м. [3] Такая подрезка склонов (иногда в литературе ее называют террасированием) четко прослеживается, например, на городищах у с. Заречье и у с. Ярополичи — в Киевской земле (рис. 82; 83). [4]На Днепровском Левобережье подобная подрезка склонов отмечена на городищах у г. Золотоноша и у с. Бубновская Слободка, на городище у с. Шпилевка, на Горкинском городище и некоторых других. [5] Вал окольного города на городище у с. Почтовая Вета под Киевом, представляющий собой

---

[1]Я. Пастернак. Старий Галич. Краків—Львів, 1944, стр. 167. — С. Гамченко. Городище и могильники р. Корчеватый. Тр. IX АС, т. II, М., 1897, стр. 122 - *Г. Б. Федоров*. Городище Екимауцы, стр. 114.

[2]П. Раппопорт. Археологические заметки..., стр. 183. В этой публикации на чертеже прорезки вала тыльный склон по вине издательства изображен неверно, и ступени поэтому плохо заметны.

[3]Такая подрезка склонов, по современной военно-инженерной терминологии, может быть названа *эскарпом.*

[4]П. Раппопорт. Заметки о датировке некоторых типов городищ Поднепровья, стр. 108.

[5]См.: *И. И. Ляпушкин*. 1) Отчет об экспедиции 1947 г., стр. 46, 47; 2) Отчет об экспедиции 1948 г., стр. 70. Горкинское (иначе — Горковское) городище на Десне см.: Обследование С. Гатцука. Архив ИИМК, ф. 1, д. 41 за 1907 г., л. 124. На городище у с. Петровского на р. Ворскле подрезка склонов была сделана в XI—XII вв., хотя само городище имеет культурный слой начиная с IX в. (П. Третьяков. Стародавні слов, янські городища у верхній течії Ворскла, стр. 132).

Рис. 77. Вал и ров на городище в с. Кудинка.

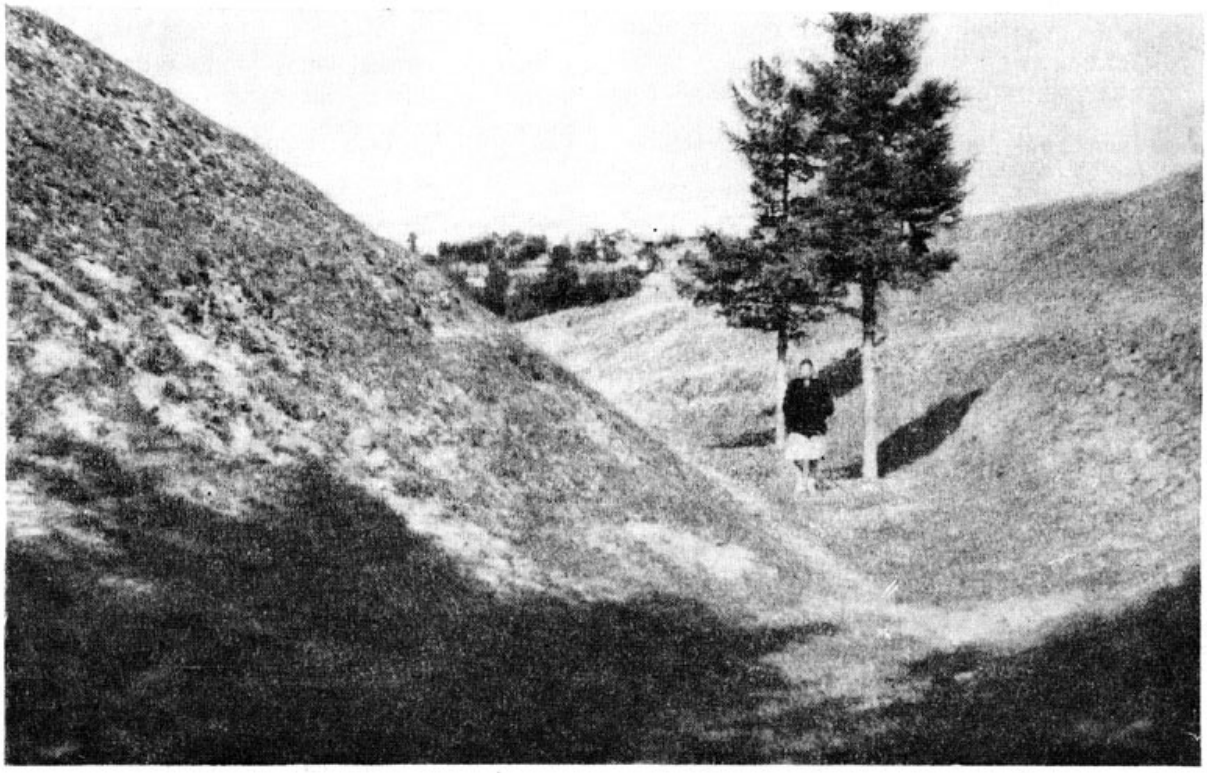

Рис. 78. Лицевой склон вала на городище в с. Губин.

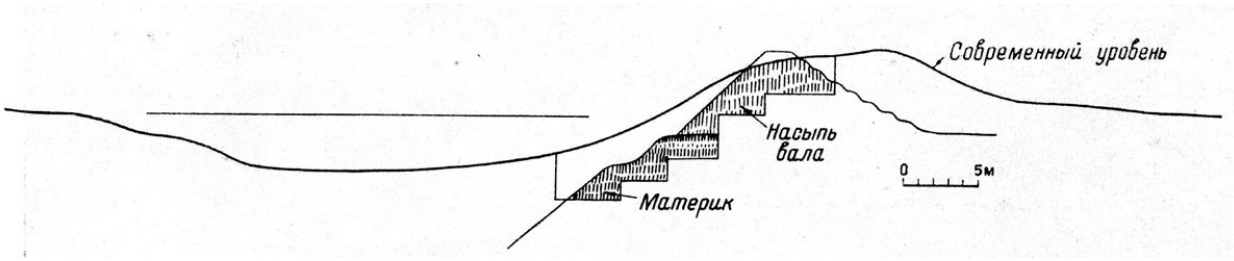

Рис. 79. Профиль древней части вала окольного города в Переяславе-Хмельницком.

Рис. 80. Ступеньки на тыльном склоне вала окольного города в Вышгороде.

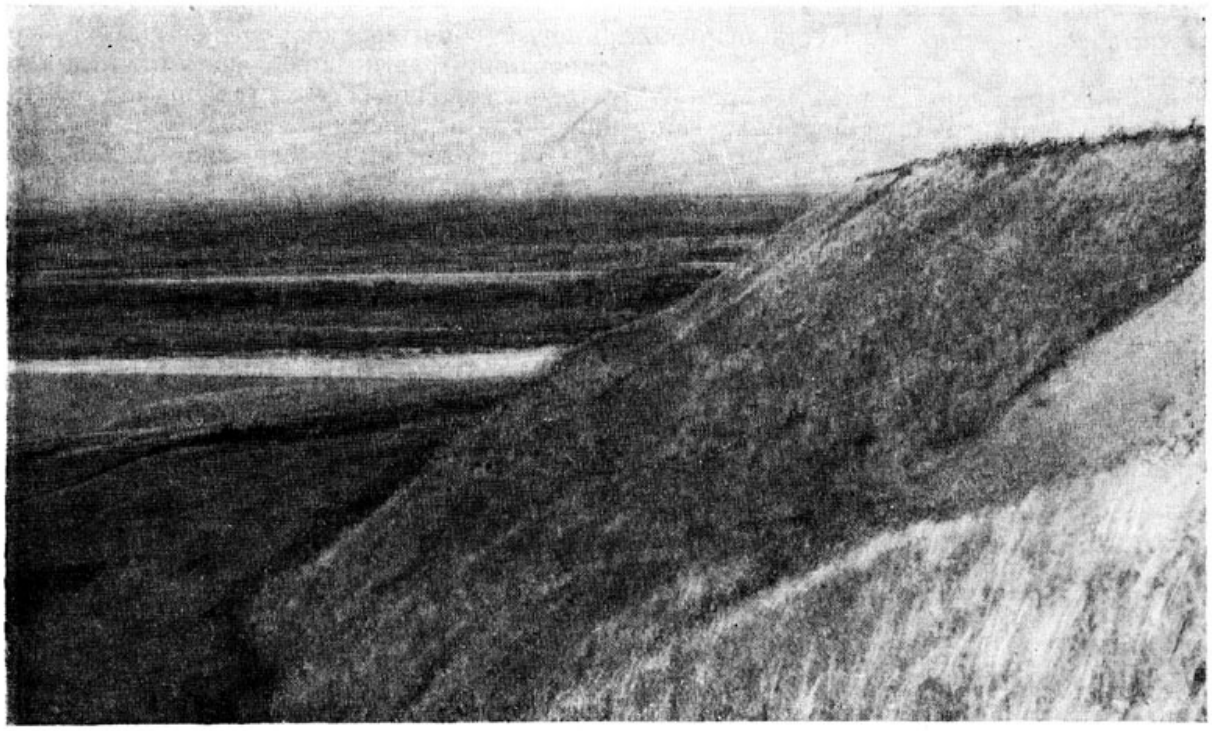

Рис. 81. Крутизна склона на городище у с. Витачёв.

Рис. 82. Городище у с. Яроповичи. Вид со стороны мыса.

Рис. 83. Терраса на склоне городища у с. Яроповичи.

приспособленное к обороне всхолмление местности, также подрезан для придания большей крутизны его наружному склону. [1]

От подрезки склонов, которая делается для придания им большей крутизны, следует отличать устройство на склонах небольших валов и рвов, *т. е. организацию* на склоне передового укрепления. Это устройство, связанное уже с применением огнестрельного оружия, иногда смешивают с подрезкой. Между тем, оплывшие от времени валы и рвы создают на склонах очень небольшую по ширине террасу, имеющую к тому же несколько приподнятый передний (*т. е. наружный* от городища) край, что и отличает ее от тех довольно широких террас, которые остаются на оплывших подрезанных склонах древнерусских городищ (рис. 84). Устройство валов и рвов на склонах можно наблюдать как на остатках польских замков XV—XVII вв. (например городище Лесники под Киевом), так и на русских форпостах XVII—XVIII вв. (например городище у с. Демидов на Ирпене). [2]

Валы в древнерусских укреплениях обычно располагались на краю площадки, *т. е. на* краю откоса холма или на краю искусственного рва. Большей частью в основании вала при этом устраивалась более или менее широкая горизонтальная площадка — берма. Так, о наличии горизонтальной площадки в основании валов городища Старой Рязани упоминает *А. Л. Монгайт*. [3] Метровая берма существовала в основании вышгородского вала (рис. 85). [4] Такая же метровая берма имелась и в валу окольного города древнего Переяславля. В валу детинца в том же Переяславле, там, где вал был расположен над

рвом, берма имела еще большую ширину — 1. 6 м. [5] Однако в ряде случаев горизонтальной площадки в основании валов не сооружали. Например, вал

---

[1]П. Раппопорт. Обследование городищ в районе Киева в 1950 г., стр. 143.

[2]Подробное об этом см.: П. Раппопорт. Заметки о датировке некоторых типов городищ Поднепровья, стр. 109. Замечательно, что на городищах Литвы устройство валов и рвов на склонах также относится ко времени распространения огнестрельного оружия (см.: Л. Крживицкий. Жмудские пилькальнисы. ИАК, вып. 29, СПб., 1909, стр. 94—97). Тактический смысл этого приема заключался, по-видимому, в том, чтобы задержать противника на середине склона, в зоне действенного ружейного огня. Небольшие рвы на склонах могли быть, кроме того, просто «ровиками для стрелков», устройство которых рекомендуется даже и наставлениях XIX в. (см., например: А. Теляковский. Фортификация, ч. I, СПб., 1856, стр. 91 и черт. 29, *4*). Устройство небольших валов на склонах для создания многоярусной системы огня характерно для оборонительных сооружений Засечной черты XVI в. (*А. В. Никитин*. Оборонительные сооружения Засечной черты XVI— XVII вв. МИА СССР, *№* 44, 1955, стр. 203). Единственным примером, где на древнем городище известно расположение на склоне валов и рвов, является городище в с. Большие Деревичи (древний город Деревич). Здесь на склоне мыса, на котором расположено городище, имеется широкая терраса, в ряде мест переходящая во рвы, защищенные с внешней стороны валами. Быть может, появление этого приема связано с изменениями тактики, происшедшими в XIII в., однако более вероятно, что и здесь данный прием связан с более поздней переделкой укреплений, поскольку на этом городище в XVII—XVIII вв. существовал замок.

[3]*А. Л. Монгайт*. Древнерусские деревянные укрепления по раскопкам в Старой Рязани, стр. 30.

[4]П. Раппопорт. Археологические заметки..., стр. 183.

[5]П. Раппопорт. Отчет о раскопках 1953 г. Архив ИИМК, ф. 35, оп. 1, 1953, № 6. В валу окольного города эта берма оказалась срезанной и сдвинутой в сторону рва под давлением массы земли, оползшей с вала.

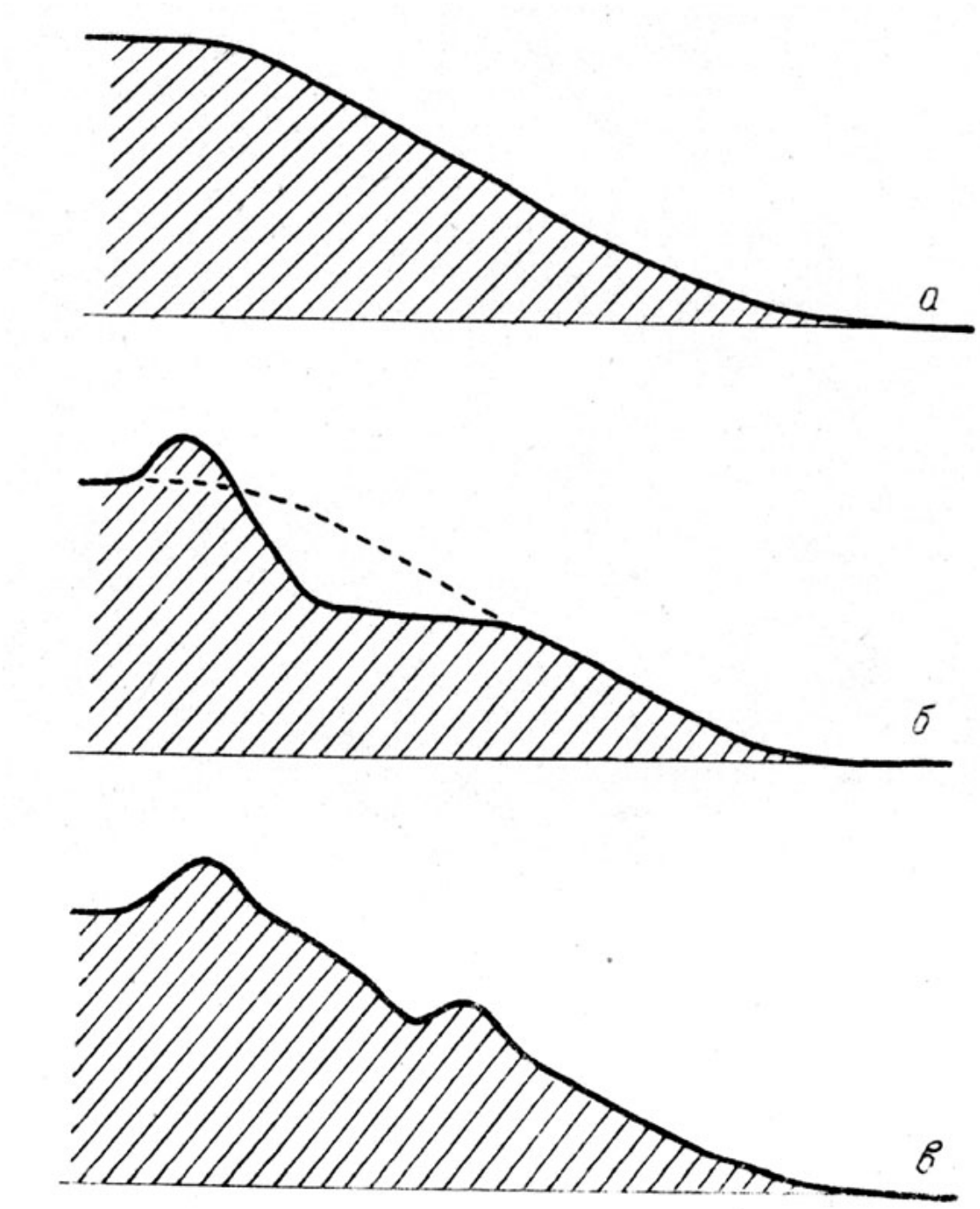

Рис. 84. Схема обработки склонов. а — естественный склон холма; б — подрезка склона для придавая ему большей крутизны; в — устройство дополнительного рва на склоне.

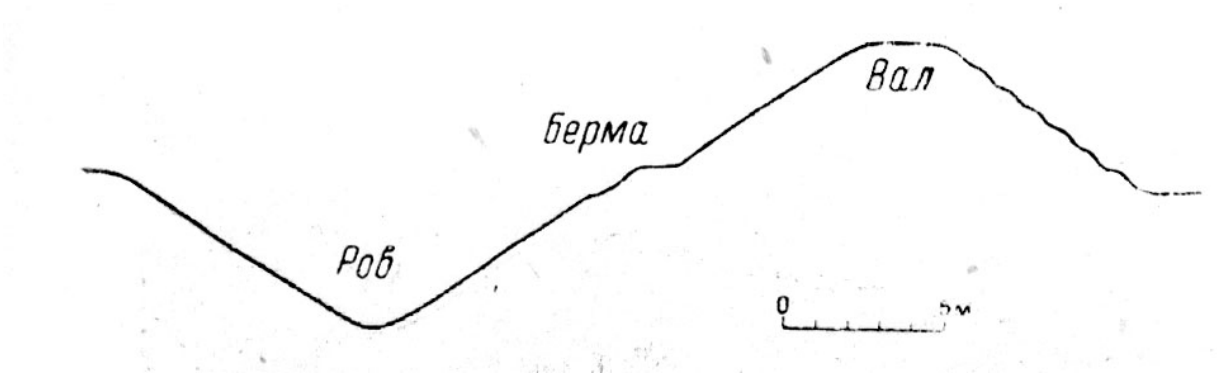

Рис. 85. Профиль вала и рва детинца в Вышгороде. Реконструкция.

детинца в Переяславле на другом участке, над крутым склоном надпойменной террасы р. Альты, по-видимому, не имел бермы. Согласно раскопкам В. Хвойки, не имел бермы и вал в Белгороде. [1] По-видимому, ее не было и в основании валов «города Ярослава» в Киеве, так как прорезка вала близ Лядских ворот показала, что насыпь переднего склона вала располагалась непосредственно на краю склона оврага, спускавшегося в долину Крещатика.

Иногда, чтобы обеспечить от оползания передний склон вала, кроме горизонтальной площадки в основании вала — бермы, устраивалась еще одна горизонтальная площадка, расположенная ниже основания вала, уже на крутости рва. Подобные площадки, врезанные в материковые стенки рва, отмечены в Вышгороде, а также в укреплениях детинца и окольного города древнего Переяславля.

2

Выяснение первоначальной формы древних оборонительных рвов возможно пока лишь на примере очень небольшого количества памятников, так как прорезки рвов на древнерусских городищах были до сих пор проведены только в нескольких, единичных случаях.

Так, исследование Райковецкого городища показало, что рвы его имели треугольную в разрезе форму и очень крутые стенки: 55—60° к горизонту. [2] Дно рвов этого городища было остроугольным — под углом около 60—75°. Глубина наибольшего, первого рва на Райковецком городище доходила до 5—6 м. По-видимому, в ряде мест, в особенности у ворот, дно рва и его стенки были обложены камнем. Прорезка рвов в Колодяжине также выявила их треугольный профиль с остроугольным дном. [3] Глубина рвов здесь достигала 9 м.

В 1951 г. раскопками был открыт ров древнего Черниговского детинца, относящийся, по-видимому, к XI в. Прорезка этого рва показала, что он имел не остроугольное, а скругленное дно. [4]

Прорезка рва в Вышгороде показала, что этот ров имел симметричный профиль со стенками, имеющими уклон около 35° к горизонту (рис. 86; 87). Дно рва оказалось не остроугольным, а скругленным. Общая ширина вышгородского рва около 16 м при

наибольшей глубине 5 м. [5] Такой же симметричный профиль со скругленным дном имел и ров г. Деревича, где, однако, крутизна склонов была несколько большей — около 40° (рис. 88). Первоначальная глубина рва здесь была около 5. 5 м при ширине около 13 м. Приблизительно такую же крутизну, около 40° к горизонту, имел и ров, расположенный перед валом окольного города в древнем Переяславле.

Во время случайных земляных работ были обнаружены в нескольких местах остатки рвов киевского «города Ярослава». [6] Однако судить по этим отрывочным данным о полном профиле киевских рвов не представляется возможным. Ясно лишь то, что киевские рвы имели очень значительную ширину. Так, поперек ул. Чкалова был найден отрезок рва, сохранивший ширину около 18 м. Учитывая, что верхняя часть рва здесь была, вероятно, срезана при планировке улицы, можно предположить, что первоначальная ширина рвов древнего Киева была еще большей. Дно киевского рва было, по-видимому, скругленным, а уклон его стенок — около 45° к горизонту.

---

[1] См., например, чертеж В. Хвойки (Архив ИИМК, арх. № 177, инв. № 1496).

[2] *В. К. Гончаров*. Райковецкое городище, стр. 27 и рис. 12; см. также: Наукові записки Інституту історії матеріальної культури АН УРСР, Київ, 1935, кн. 5—6, стр. 130, 143 и 145; Вісн. Акад. наук УРСР, Київ, 1948, № 7, стр. 41.

[3] Доклад *В. К. Гончарова* на пленуме ИИМК в январе 1951 г.

[4] Доклад *В. А. Богусевича* на пленуме ИИМК 15 марта 1952 г.

[5] П. Раппопорт. Археологические заметки..., стр. 183.

[6] *И. М. Самойловский*. Разведки и раскопки в Киеве. Археологічні пам'ятки УРСР, т. III, Київ, 1952, стр. 76, 77.

Рис. 86. Вал и ров детинца в Вышгороде.

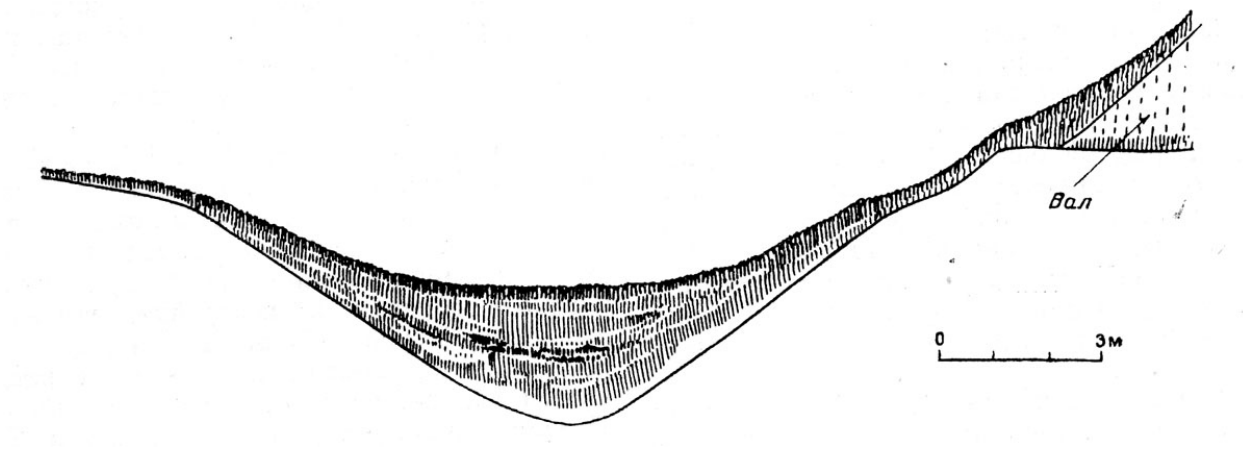

Рис. 87. Разрез рва детинца в Вышгороде.

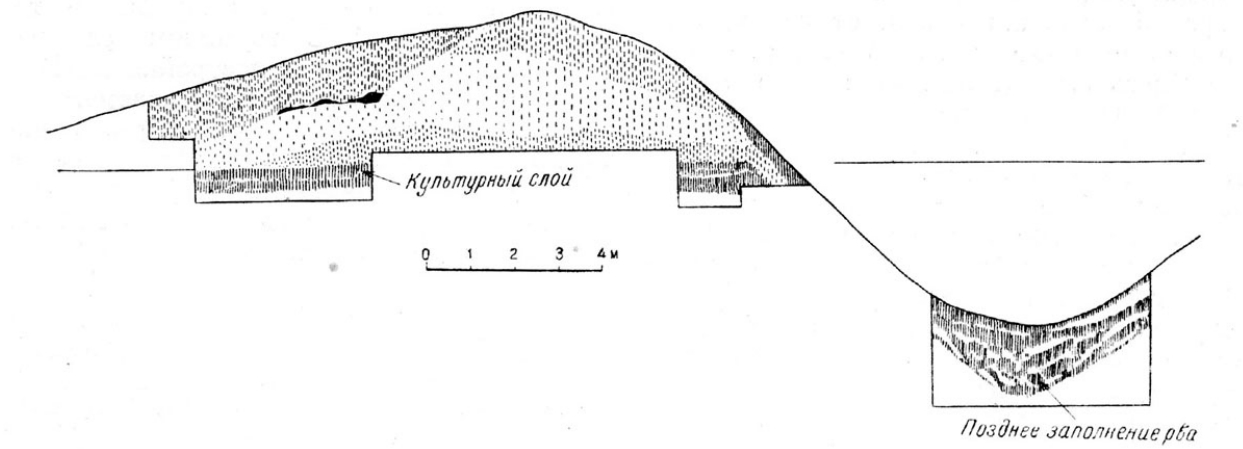

Рис. 88. Разрез вала и рва на городище «Замчиско» в с. Большие Деревичи.

Таким образом, судя по имеющимся немногочисленным данным, наиболее распространенной формой оборонительных рвов на Руси в X—XIII вв. были симметричные треугольные рвы с несколько скругленным дном, хотя иногда применялись рвы и с остроугольным дном.

Само расположение значительной части древнерусских укрепленных поселений на высоких мысах совершенно исключало возможность наполнения их оборонительных рвов водой. Однако в нескольких случаях, на поселениях, расположенных в низменной местности, рвы были заполнены водой, что, конечно, затрудняло их форсирование и тем самым придавало этим рвам большее военное значение.

Поскольку глубина рвов, даже в сравнительно не очень мощных укреплениях XI—XIII вв., была, как правило, не менее 5—6 м, а высота валов также не менее 4— 5 м, общая высота препятствия, которое необходимо было преодолеть при штурме древнерусских городов, обычно превышала, таким образом, 10 м.

3

Письменные источники достаточно определенно указывают на то, что термином *город* в древности часто обозначали всю оборонительную систему укрепленного поселения. Однако иногда этот термин употреблялся и в более узком значении, указывая лишь на наземные части укрепления, собственно городские стены, в отличие от земляных частей укрепления — валов и рвов.

Как правило, вал и ров в письменных источниках до XIII в. не имели самостоятельных обозначений, а упоминались под общим наименованием — *гребля* или *гробля.*

В некоторых случаях под греблею ясно понимается ров. [1] Так, например, в Овруче — «бяше черес гроблю мост ко вратом градным». [2] В Новгороде убитого Овстрата «въвьргоша и в греблю». [3] В других случаях, однако, гребля называется «высокой», *т. е. является* уже не рвом, а валом. [4] При уничтожении укреплений отмечаются две основные части этой операции — сожжение города (*т. е. деревянных* городских стен) и «раскапывание» гребли. [5] Если бы под греблей понимался только ров, то естественнее было бы ожидать употребления слов «засыпать» или «закопать», а не «раскопать». Иногда в летописи отмечено даже, что «раскапывают» не греблю, а город, употребляя здесь этот термин в более широком значении. [6] В современном русском, украинском, белорусском и польском

---

[1] Термин *ров* употребляется в ранних письменных источниках для обозначения не городских рвов, а различных канав и при изложении библейских сюжетов. Позднее, с конца XIII и особенно с XIV в., это слово начинает употребляться довольно широко и для обозначения городских рвов.

[2] Лаврентьевская лет., 6485 (977).

[3] Новгородская I лет., 6723 (1215).

[4] Ипатьевская лет., 6737 (1229).

[5] «Грады их огневи предасть и гребля их раскопа» [Ипатьевская лет., 6749 (1241)]. См. также: Ипатьевская лет., 6680 (1172).

[6] Так, например, при уничтожении г. Владимира-Волынского. После того, как город был сожжен, Бурундай велел «город роскопати» [Ипатьевская лет., 6769 (1261)].

языках слова *гребля, гробля* обозначают также не ров, а плотину, насыпь. [1]

Изредка в письменных источниках встречается упоминание городских валов и отдельно, под термином *вал.* Так, например, при взятии Козельска татары «разбившим граду стену и возъидоша на вал». [2] Как правило, однако, в летописях слово *вал* обозначает не городские валы, а длинные «змиевы» валы. [3] Так же редко, как под термином *вал,* встречается упоминание городских валов и под терминами *приспа* или *сол*. [4] Позднее, с XIV в., в летописях уже неоднократно упоминаются городские валы.

Очень показательно, что прием сожжения городских укреплений во время осады не получил на Руси широкого распространения до XIII в. Земляные части оборонительной системы, по-видимому, играли в защите города не меньшую роль, чем его деревянные стены. Это хорошо подтверждают и археологические памятники, показываю-

---

[1]См., например: Толковый словарь русского языка под ред. Ушакова, т. I. М., 1934, стлб. 619. При переводах византийских авторов слову «гробля» в греческом тексте соответствует в одних случаях ров, в других — вал (И. Срезневский. Материалы для словаря, т. I, стлб. 593—594).

[2]Ипатьевская лет., 6745 (1237).

[3]Например, в Ипатьевской летописи под 6601, 6603, 6654 гг. и т. д.

[4]Ладога заложена «камением на приспе» [Ипатьевская лет., 6622 (1114)]; Владимир Мономах построил город Владимир «и осыпа его спом» (Новгородская летопись по синодальному харатейному списку. СПб., 1888, стр. 435).

щие, какое большое значение в организации обороны населенных пунктов играли земляные укрепления.

V. КАМЕННЫЕ И ДЕРЕВЯННЫЕ СТЕНЫ X—XIII вв.

1

Валы, рвы и подрезка склонов представляли собой, конечно, не все типы оборонительных сооружений древнерусских городов. Хотя в письменных источниках эти валы и рвы (большей частью под термином *гребля)* упоминаются как важный элемент городских укреплений, однако из этих же письменных источников становится совершенно ясно, что, кроме того, существовали и другие, наземные оборонительные сооружения, и прежде всего сам *город, т*. е. городские стены.

В нескольких, крайне редких случаях письменные источники говорят о наличии в древнерусских городах XI—XII вв. каменных стен. Так, в 1089 г. митрополит Ефрем построил каменные стены в Переяславле — «и град бе заложил камен, от церкве святаго мученика Фоодора». [1] В 1114 г. «заложена бысть Ладога камением на приспе». [2] О князе Андрее Боголюбском летопись сообщает под 1175 годом, что он «создал же бяшеть собе город камен именемь Боголюбый». [3] По-видимому, каменными были стены Новгорода, построенные в 1044 г. — «на весну же Володимир заложи Новгород и сдела его». [4] В Новгородской III летописи эта запись дополнена словами «и сдела на Софийской стороне каменной город». [5] К сожалению, сведения Новгородской III летописи гораздо менее бесспорны, чем данные Новгородской I, Ипатьевской и других летописей, в которых помещена краткая редакция этого известия. В 1114 г. в летописи вновь указывается: «В се же лето Мьстислав заложи Новъгород болии перваго». [6]

В. А. Богусевич в работе, специально посвященной новгородским оборонительным сооружениям, считает, что эти стены, построенные в 1044 г. и расширенные в 1114 г., были деревянными, а каменные стены в Новгороде появились только в XIV в. [7]

Противоположного мнения придерживаются *М. К. Каргер* и *Н. Г. Порфиридов*, считающие, что уже с 1044 г. Новгород имел каменные стены вокруг детинца. [8] Основным аргументом в пользу этого предположения является не столько свидетельство Новгородской III летописи, сколько употребление во всех списках летописи термина *заложить* при упоминании постройки новгородских стен. Действительно, термин этот применялся главным образом к постройке каменных сооружений, употребление же его по отношению к деревянным сооружениям встречается большей частью в поздних летописях Поэтому наличие термина *заложить* в «Повести временных лет» действительно является доводом, хотя и далеко не бесспорным, в пользу того, что в Новгороде уже в XI в. были построены каменные стены вокруг детинца. [9] С термином *заложить* отмечена в летописи и постройка в 1194 г. детинца во Владимире на Клязьме. [10]

К сожалению, из всех перечисленных памятников только на двух (в Боголюбове и в детинце г. Владимира) были действительно обнаружены остатки каменных стен. Во всех остальных случаях остатки каменных укреплений не только не изучены, но пока даже не обнаружены. [11]

---

[1]Лаврентьевская лет., 6597 (1089). Подробнее об этом см.: *М. К. Каргер*. Памятники переяславского зодчества XI—XII вв., стр. 45.

[2]Ипатьевская лет., 6622 (1114). По Новгородской летописи: «Павьл посадник Ладожьскый заложи Ладогу город камян» [Новгородская I лет., 6624 (1116)].

[3]Ипатьевская лет., 6683 (1175).

[4]Новгородская I лет., 6552 (1044).

[5]Новгородская III лет., 6552 (ПСРЛ, т. 3, СПб., 1841, стр. 211).

[6]Ипатьевская лет., 6622 (1114).

[7]А. Строков и В. Богусевич. Новгород Великий. Л., 1939, стр. 142.

[8]*М. К. Каргер*. Новгород Великий. М., 1946, стр. 9, 10. — *Н. Г. Порфиридов*. Древний Новгород. М. — Л., 1947, стр. 26, 99.

[9]Термин *заложить* по отношению к деревянным сооружениям встречается, например, в XV в. в псковских летописях: в 1431 г. при постройке Выбора (Псковские летописи, I. М. — Л., 1941, стр. 39) и в 1464 г. — Красного городца (ПСРЛ, т. 4, СПб., 1848, стр. 228). Впрочем, и в ранних списках летописей (например в Лаврентьевской) иногда термин *валожить* употребляется по отношению к таким городским укреплениям, о которых тут же добавлено, что они «срублены», например Суздаль в 1192 г. или Переславль-Залесский в 1195 г.

[10]Лаврентьевская лет., 6702 (1194).

[11]Распространенное мнение, что в основе стен Ладожской крепости находятся древние части, изучением памятника не подтверждается (П. Раппопорт. Из истории военно-инженерного искусства древней Руси. МИА СССР, № 31, 1952, стр. 148).

Некоторые исследователи древнерусских оборонительных сооружений приводили еще ряд городов, в которых, по их мнению. уже в X—XI вв. имелись каменные стены. Так, Лутковекий и Ласковский считали, что каменные стены были построены в 1030 г. в Юрьеве, а в 1036—1037 гг. в Киеве. [1] Н. Бранденбург добавляет к этому еще постройку в 990 г. каменных стен в Белгороде. [2] В действительности нет никаких оснований предполагать, что в упомянутых городах существовали в это время каменные стены. Оборонительный пояс Киева составляли деревянные стены на земляном валу, такими же были в укрепления древнего Белгорода. При построении Ярославом «града Юрьева» летопись не указывает, какими были его стены. Правда, при походе русских на Юрьев в 1261 г. летопись отмечает каменные стены этого города, [3] однако еще в 1224 г. Генрих Латвийский, подробно описывая взятие Юрьева немцами, ни слова не говорит о наличии в этом городе каменных укреплений. [4] Несомненно, что под 1261 г. в летописи речь идет о каменных стенах Орденского замка Castrum Tarbate, построенного немцами в 1234 г. [5]

Таким образом, общее количество *каменных городов* на Руси до XIII в. было крайне невелико. Правда, кроме памятников, упомянутых в летописи, археологическими раскопками были вскрыты каменные стены в таких местах, где на основании письменных источников не было никаких оснований предполагать наличие этих стен. Так. в Пскове, в слое, относящемся, по-видимому, к X в., были найдены следы каменной стены детинца, сложенной насухо из плитняка. [6]Остатки кирпичных стен были обнаружены также вокруг Киево-Печерской лавры и вокруг киевского Софийского собора. Стена вокруг Киево-Печерской лавры, построенная, судя по технике кладки и формату кирпича, в XII—XIII вв., была раскопана на небольшом участке *В. А. Богусевичем* в 1951 г. [7] Толщина этой стены около 2 м, сложена она в виде двух тонких кирпичных стенок с забуткой из битого кирпича между ними. Фундамент стены имеет глубину около 0. 7 м. Стена вокруг Софийского собора, впервые обнаруженная раскопками *М. К. Каргера* в 1948 г., относится, по-видимому, к XI в.

Вряд ли есть основания рассматривать стены, окружавшие Киево-Печерскую лавру и Софийский собор, как собственно военные сооружения. Конечно, стены эти были, по-видимому, приспособлены к обороне, но не к такой упорной и организованной, какую должны были выдержать настоящие городские стены. Расположение стен, окружавших лавру и Софийский собор, не на валу, а на ровной: поверхности и отсутствие перед этими стенами рвов (это было совершенно определенно прослежено по отношению к стене у Софийского собора) говорят о том. что основное их значение заключалось в другом — это были в первую очередь декоративные сооружения, окружавшие митрополичий и монастырский замки; сооружения, имевшие гораздо более художественное, чем военное значение. Об этом их назначении свидетельствуют также лопатки на стене, окружавшей Софийский собор. Лопатки эти, отнюдь не обусловленные чисто военными требованиями, вполне оправданы в постройке, которая должна была иметь торжественный вид парадной ограды митрополичьего города. Епископским замком, был по-видимому, и «каменный город» в Переяславле. [8]

Вероятно, к такому же типу сооружений относился и детинец во Владимире на Клязьме. Недаром ворота этого детинца в летописи были названы «воротами святой богородицы», — очевидно, стена детинца воспринималась современниками прежде

---

[1]Лутковский. Исторический обзор построения в России крепостей и укреплений с древних времен до 1800 г. Инженерн. записки, ч. 24, № 6, СПб., 1841. — Ф. Ласковский. Материалы для истории инженерного искусства в России, ч. I, стр. 110.

[2]*Н. Е. Бранденбург*. Старая Ладога. СПб., 1896, стр. 133.

[3]Софийская I лет., 6769 (ПСРЛ, т. 5, СПб., 1851, стр. 190).

[4]Генрих Латвийский. Хроника Ливони*и. М.* — Л., 1938, стр. 225—228.

[5]См., например: A. Tuulse. Die Burgen in Estland und Lettland. Dorpat, 1942, стр. 52.

[6]*С. А. Тараканова*, ук. соч., стр. 28.

[7]Стена эта была прослежена на участке длиной около 135 м. По предположению *В. А. Богусевича*, стена имела высоту около 5—6 м (см.: *Ю. С. Асеев* и *В. А. Богусевич*. Военно-оборонні стіни XII віку в Киево-Печерській лаврі. Вісн. Акад. Архітектури УРСР, Київ, 1951, № 4, стр. 40).

[8]*М. К. Каргер*. Памятники переяславского зодчества XI—XII вв., стр. 48.

всего как стена, ограждавшая Успенский собор. Очень небольшой участок сохранившейся стены этого детинца был вскрыт раскопками рядом с воротами. [1]

Собственно военными каменными городскими стенами на Руси до XIII в. оказываются, таким образом, только стены Пскова и Ладоги, а также стены Новгорода, хотя в отношении этого последнего города еще существуют сомнения, были ли его стены действительно каменными. Возможно, что боевой, военный характер имели также каменные укрепления Боголюбова. Следует отметить, что все эти каменные стены, имевшие военное значение, расположены в Новгородской земле и, отчасти, во Владимиро-Суздальском княжестве. В южных районах Руси вплоть до XIII в. каменные стены как военные оборонительные сооружения совершенно не применялись.

2

Подавляющее большинство древнерусских оборонительных сооружений вплоть до XIII в. было построено не из камня, а из дерева. [2] О том, что городские стены в древней Руси были преимущественно деревянными, можно судить, например, по письменным источникам. Хотя, как правило, в летописях и не указано, из какого материала строились укрепления, но это ясно видно хотя бы из того, что наиболее употребительным термином для обозначения постройки города было *срубить город* (рис. 89). [3] На деревянную конструкцию оборонительных сооружений древнерусских городов ука-

---

[1]*Н. Н. Воронин*. Оборонительные сооружения Владимира XII в. МИА СССР, № 11, 1949, стр. 220.

[2]Необходимо подчеркнуть, что даже из немногих перечисленных каменных и кирпичных укреплений некоторые (стена вокруг Печерской лавры) являются памятниками не древнее рубежа XII— XIII вв.

[3]См., например: Лаврентьевская лет., 6611 и 6700; Ипатьевская лет., 6603, 6611, 6624 и *т. д. Иногда* применялось также выражение «поставить город».

Рис. 89. Постройка Белгорода. (По миниатюре Радзивилловской летописи).

зывают также отдельные случаи их гибели от пожаров при нападении или осаде. [1]

К сожалению, остатков наземных деревянных конструкции русских городских укреплений, относящихся ко времени до XIII в., не сохранилось почти нигде. Крайне незначительные следы частокола, однако, удалось проследить на ряде памятников, например, на Шарковском городище Киевской области, на Ковшаровском городище в районе Смоленска, на Черкасовском городище под Оршей. [2] Еще более определенно можно говорить о наличии «частокола из толстых бревен» на городище Княжа Гора под Каневом. [3]

Таким образом, есть все основания предполагать, что деревянный частокол, применявшийся как оборонительная конструкция еще в памятниках VIII—X вв.. продолжал достаточно широко употребляться и позже — в XI—XIII вв. [4] Вероятно, именно частокол упоминается в русских летописях под термином *столпие,* например: «манастырь оградиша столпъемь». [5] Кроме того, по-видимому, частокол упоминается и под названием *тына*. [6]

Несмотря на то, что от древних частоколов до настоящего времени сохранились в лучшем случае только нижние части кольев, внешний вид этой конструкции, благодаря ее простоте, может быть с достаточной вероятностью восстановлен на основании этнографических параллелей. Даже в современных русских и украинских деревнях иногда еще употребляются ограды в виде частокола из заостренных вверху бревен, вполне идентичные, вероятно, по виду и устройству древним частоколам (рис. 90).

Ни у кого из исследователей, занимавшихся вопросами истории русского военно-инженерного искусства, не возникало сомнений в том, что, кроме простейшей ограды — частокола, в древней Руси существовали и гораздо более сложные, срубные конструкции городских стен. Именно такие конструкции, очевидно, и понимались в древних письменных источниках под термином *стена.* Следует отметить, что термин этот вообще очень редко встречается в письменных источниках по отношению к городским стенам до XIII в. [7] Большей частью слово *стена* в это время обозначало каменные стены церквей либо даже «нерушимую стену» как символ небесной защиты. [8] В XIII в. упоминаются уже стены Киева, Владимира, Козельска и Колодяжина, а еще позже термин этот начинает широко применяться для обозначения как каменных, так и деревянных городских стен. [9]

---

[1]Ипатьевская лет., 6654 (1146); Московский летописный свод, 6604, 6606 и т. д. (ПСРЛ, т. 25, М. — Л., 1949). По отношению к нерусским городам в летописи встречаются и прямые указания на то, что они были деревянными. О чешском городе Глубичичи см.: Ипатьевская лет., 6762; о болгарском городе Ошеле: Воскресенская лет., 6728.

[2]О частоколе на Шарковском городище см. отчет В. Хвойки (Архив ИИМК, ф. 1, д. 99 за 1901 г., л. 37); Ковшаровское городище см.: *А. Н. Лявданский*. Смоленские городища, стр. 236; Черкасовское городище см. Працы, т. II, стр. 73.

[3]Д. Самоквасов. Могилы русской земли. М., 1908, стр. 263.

[4]На более северных памятниках ямы от вертикально вкопанных бревен городской ограды были обнаружены в Псковском детинце, где эта ограда относилась, по-видимому, ко времени древнее X в. (*С. А. Тараканова*, ук. соч., стр. 28).

[5]Ипатьевская лет., 6559 (1051); см. там же, 6669 (1161): «Загорожено бо бяше тогда столпием от горы оли и до Днепра».

[6]Монголы при штурме городов обычно окружали их тыном, создавая этим своеобразную контрвалационную линию. Например, «и отступиша Торжек... и отыниша тыномь всь» [Новгородская I лет., 6746 (1238)]. В болгарском городе Ошеле отмечен «крепок тын дубов», из-за которого стреляли защитники города (Воскресенская лет., 6728). Частокол мог быть устроен также в виде двух рядов кольев, как это было обнаружено, например, на латвийском городище Беверин, относящемся к XII— XIII вв. (*Ф. В. Баллод*. Отчет о командировке в Прибалтийский край летом 1909 г. Труды Московск. предварит. комитета по устройству XV археолог. съезда. М., 1911, стр. 41).

[7]Упоминание стен греческого города Корсуня при взятии его Владимиром (Лаврентьевская лет., 6496), упоминание стен Вышгорода в «Сказании о Борисе и Глебе» (*Д. И. Абрамович*. Жития святых мучеников Бориса и Глеба. Пгр., 1916, стр. 65) и стен Киева в 1159 г. (Никоновская лет., 6667).

[8]Ср. также обращение к богоматери: «Ты еси роду крестьянску стена» (И. Срезневский. Материалы для словаря, т. III, стлб. 588).

[9]Стены Киева, Владимира, Козельска и Колодяжина упомянуты в летописи при описании взятия этих городов монголами [см.: Летопись по Академическому списку, 6745—6746 (1237—1238) (ПСРЛ, т. I, вып. 3, Л., 1928, стр. 517 и 522); Ипатьевская лет., 6748 (1240)]. Русское слово «стена» по своему происхождению имеет значение «каменная ограда» (см.: *А. В. Десницкая*. Сравнительно-исторический метод. Изв. АН СССР, сер. лит. и яз., т. X, вып. 4, М., 1951, стр. 351).

Однако к XII в. это значение давно уже полностью переросло в новое, более широкое значение, и слово «стена» в это время относится не только к каменным, но и к деревянным оградам.

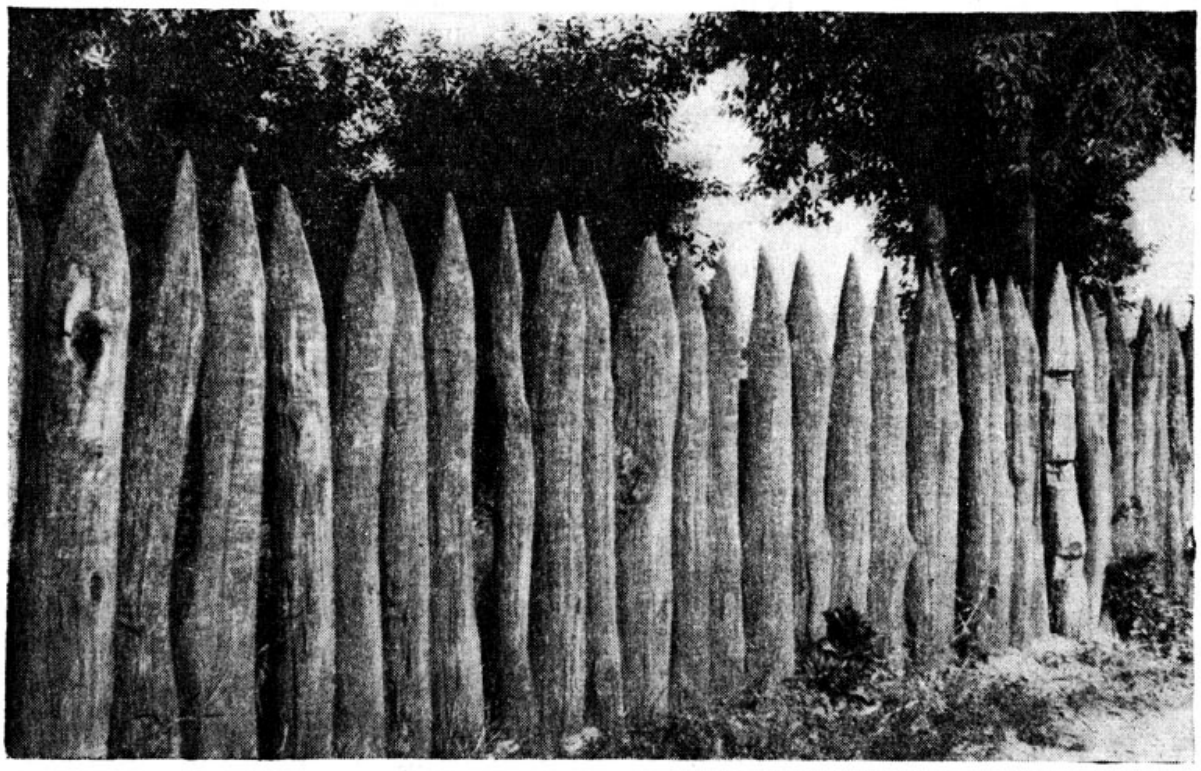

Рис. 90. Частокол в с. Грубском Житомирской области.

Таким образом, до XIII в. деревянные укрепления русских городов чаще всего не имеют в письменных источниках специального наименования, входя в общее обозначение системы городской обороны — *город,* причем в более узком смысле под этим словом в отличие от *гребли* обычно и понимались именно деревянные городские стены.

Но если от древних частоколов кое-где на русских городищах дошли до нас некоторые остатки, то от наземных срубных конструкций русских оборонительных сооружений, относящихся ко времени до XIII в., нигде не сохранилось никаких следов. Между тем, деревянные стены русских крепостей XVI—XVII вв. достаточно хорошо известны не только по очень подробным письменным источникам и изображениям, но даже и по сохранившимся памятникам. Именно эти, более поздние деревянные стены обычно использовали как аналогии для реконструкции облика более древних срубных стен русских городов. При этом обычно совершенно не учитывалось, что привлекаемые в качестве аналогий крепости XVI—XVII вв. построены в условиях совершенно иного уровня военной техники и тактики, чем укрепления X—XIII вв.

Срубные конструкции, находящиеся внутри валов русских городищ X—XIII вв., могут быть использованы для изучения древних наземных частей в значительно большей степени, чем сохранившиеся поздние памятники, так как внутренние конструкции валов в

действительности одновременно с этим являлись и нижними частями исчезнувших верхних конструкций.

Внутренние срубные конструкции валов, всюду, где они были обнаружены, находились непосредственно под поверхностью вала, причем в верхних частях бревна конструкций обычно уже едва прослеживались, так как дерево, расположенное близ поверхности, совершенно истлело. В тех случаях, когда оборонительные валы имеют очень значительную высоту, деревянные срубы иногда расположены не с самого основания валов, а лишь в их верхней части, как это имеет, например, место в валах Старой Рязани. В Белгородке в валу окольного города срубы расположены с самого низа вала, а в валу детинца, имевшем несколько большую высоту, срубы начинаются уже гораздо выше. Точно так же и в Старых

Безрадичах — у въезда, где валы повышаются, срубы находятся только в верхней части вала, в то время как в остальных частях городища срубы начинаются с самого основания вала.

Таким образом, при значительной высоте валов срубные конструкции иногда располагаются не в основании вала, а выше, но зато лицевые стенки всех срубов всегда доходят до самого гребня валов. Все это совершенно определенно свидетельствует, что срубные конструкции валов были связаны не с основанием вала, а с его вершиной, иначе говоря, срубные конструкции были как-то связаны с наземными частями оборонительной системы.

Ошибка В. Хвойки, не сумевшего отделить остатки *острога* XVII в. от древней конструкции белгородских валов, привела к тому, что в научной литературе получила широкое распространение реконструкция оборонительной системы, состоящей из валов сложного типа и очень простых деревянных укреплений — частокола на гребне вала. Между тем, этот сложный тип валов несомненно предполагает и наличие значительно более солидной, чем частокол, наземной конструкции. Сложные, срубные конструкции внутри валов были сооружены только на тех укрепленных поселениях, которые имели большое военное значение. Совершенно невероятно, чтобы именно в этих наиболее мощных русских крепостях применялся наиболее упрощенный и легкий тип наземной конструкции — частокол.

Существуют, наконец, и прямые доказательства того, что срубные конструкции, находящиеся внутри валов, выходили некогда на поверхность. Так, на городище у с. Заречье деревянные конструкции в валу сгорели во время пожара, охватившего все укрепление. [1] Естественно, что если бы части этой конструкции не выходили на поверхность земли, огонь не смог бы проникнуть во внутреннюю конструкцию вала. Другим бесспорным свидетельством того, что на валах, имеющих внутреннюю срубную конструкцию, находились срубные же наземные части, является материал раскопок на городище у с. Екимауцы в Поднестровье. Здесь под обгоревшими

---

[1] П. Раппопорт. Древнерусские оборонительные конструкции с применением сырцовой кладки. КСИИМК, вып. 52, 1953, стр. 19.

и обвалившимися срубами оборонительной системы были обнаружены скелеты погибших защитников города. [1] Естественно, что поверх трупов погибших людей могли оказаться лишь наземные части деревянной конструкции.

Таким образом, можно считать несомненным, что деревянные срубы, находящиеся внутри валов, выходили и на поверхность этих валов, являясь основанием наземных деревянных конструкций (рис. 91).

Конечно, наземные деревянные конструкции могли быть устроены иначе, чем их нижние части, расположенные внутри валов. Несомненно, однако, что изучение подземных частей может дать кое-какие сведения и об исчезнувших верхних частях оборонительной системы. Так, наличие в ряде памятников трехстенных срубов внутри валов, по-видимому, указывает на то, что наземные деревянные стены состояли не из клеток, а только из одной оборонительной стены, сложенной из горизонтально лежащих бревен и укрепленной расположенными на определенных расстояниях короткими поперечными стенками. Наземная деревянная стена, вероятно, так же как подземные срубные конструкции, могла состоять из отдельных трехстенных срубов, плотно приставленных друг к другу, а иногда представлять собой сплошную стену, в которой продольные бревна соединялись друг с другом «внахлестку» в местах сопряжения их с поперечными стенами (рис. 92). [2]

Наличие в древней Руси до XIII в. наземных стен, состоящих из клеток, забитых землей (по типу памятников XVI—XVII вв.), никакими фактическими данными не подтверждается и представляется маловероятным.

3

Венчатые, *т. е. срубные*, конструкции стен древнерусских укреплений в научной литературе принято делить на систему *городней* и систему *тарасов.* Очень четко это деление было проведено в работе Ф. Ласковского, а затем еще более детально аргументировано в работе М. Фриде. [3]В дальнейшем это деление было принято всеми исследователями, обращавшимися к вопросам истории древнерусского военно-

---

[1]Несмотря на то, что именно на городище у с. Екимауцы имеются совершенно бесспорные доказательства наличия наземных срубных стен, производивший раскопки *Г. Б. Федоров*, под явным влиянием работ Хвойки, первоначально реконструировал оборонительную систему в виде простого частокола (*Г. Б. Федоров*. Славяне Поднестровья, стр. 94—95). В более поздней работе *Г. Б. Федоров* дал уже иную реконструкцию, со срубными стенами (см. статью *Г. Б. Федорова* в сб. «По следам древних культур. Древняя Русь», М., 1953, стр. 141). Исследование памятников не всегда дает достаточно точные материалы для определения — были ли срубные конструкции, находимые при раскопках, только подземными, или ж они частично выступали над землей. Так, *В. К. Гончаров*, реконструируя оборонительную систему Райковецкого городища, представил срубы целиком засыпанными землей, однако в более ранних публикациях исследователи, производившие раскопки, считали эти срубы, наоборот, целиком выступающими над землей. Ср.: *В. К. Гончаров*. Райковецкое городище, стр. 30, рис. 12; Наукові записки Інституту Історії матеріальної культури АН УРСР, Київ, 1935, кн. 5—6, стр. 138, рис. 5. В действительности

раскопанная часть срубов в Райках была, по-видимому, целиком подземной, но над ней были еще и верхние, надземные венцы, сгоревшие или сгнившие без остатка.

[2]Даже в тех случаях, когда плохая сохранность дерева не позволяет определить тип врубок, эти два типа срубных стен легко отличаются по ритму их поперечных стенок. В тех случаях, когда продольная оборонительная стена сплошная, поперечные стенки находятся приблизительно на равных расстояниях, а в тех случаях, когда эта стена состоит из отдельных срубов, поперечные стенки попарно сближены друг с другом, так как длина самих срубов естественно значительно больше, чем расстояние между поперечными стенками соседних срубов.

[3]Ф. Ласковский. Материалы для истории инженерного искусства в России, ч. I, стр. 82 - М. Фриде, ук. соч., стр. 130.

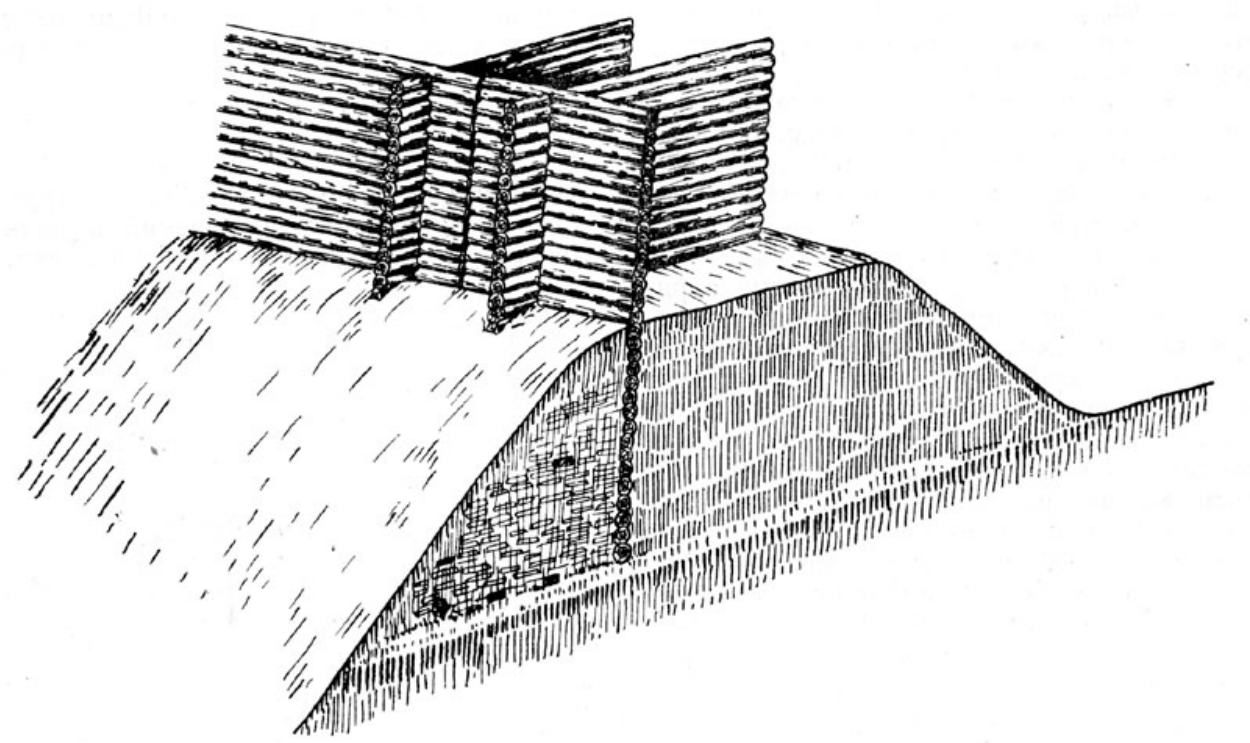

Рис. 91. Схема конструкции оборонительной стены.

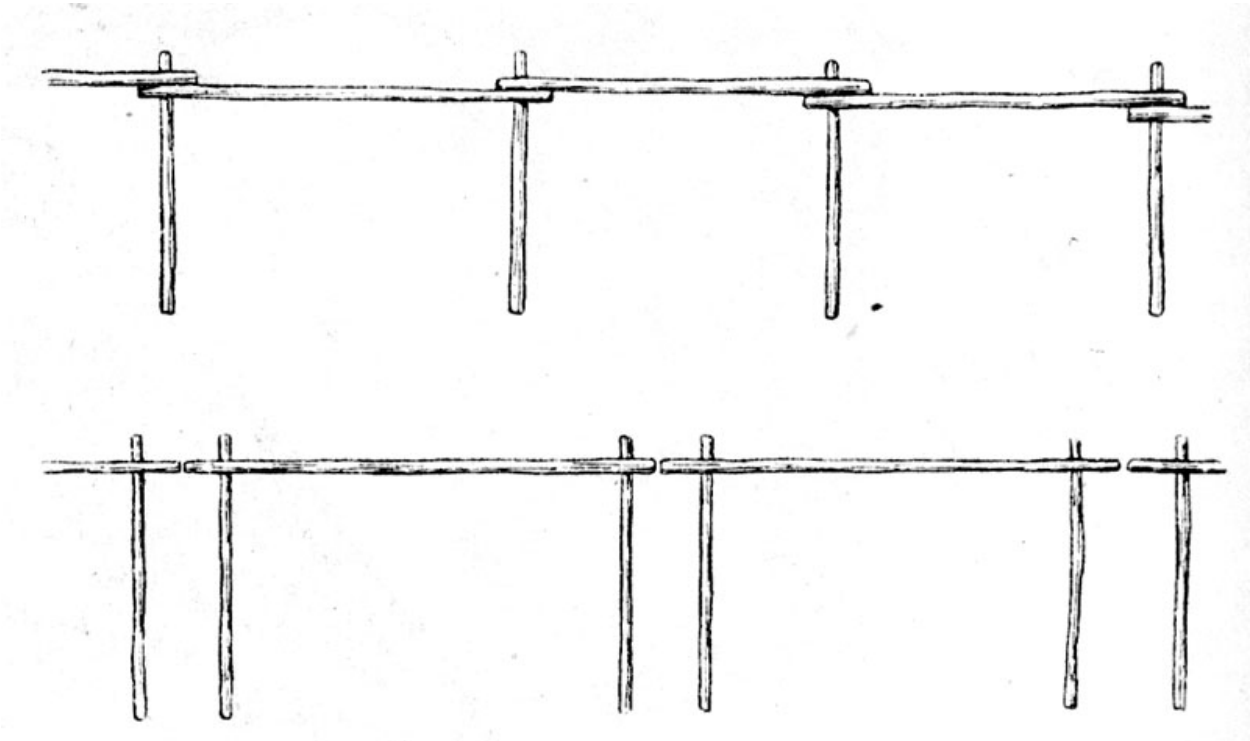

Рис. 92. Схема планов конструкции оборонительных стен.

инженерного искусства. [1] Между тем, классификация эта требует существенных поправок, так как построена она почти целиком на письменных источниках XVI— XVII вв. и на еще более поздних сохранившихся памятниках. Письменные же источники XI—XIII вв. не дают оснований для подобной классификации.

Связанная система деревянных срубов в XVI—XVII вв. называлась *тарасами.* На основании того, что этот термин в письменных источниках появляется лишь с середины XVI в., делали вывод, будто до этого времени венчатые стены имели какую-то иную конструкцию и упоминаемые в летописях *городни* были чем-то совершенно отличным от *тарасов,* вероятнее всего, отдельными, не соединенными друг с другом срубами. В действительности под термином *городня,* очевидно, понималась просто определенная часть венчатой стены, ее сруб или звено, что достаточно четко явствует из описаний городов XVI в. [2] По-видимому, в таком же значении употреблялось слово *городня* и ранее, например, в «Уставе» Владимира Мономаха: «А се урочи городнику: закладаюче городьня куна взяти... имати же ему донеле город сърубять». [3] Конструкция городней могла быть различной. Так, в «Уставе Ярослава о мостах» упоминается, например, «острая городня», т. е., вероятно, звено городской ограды, имевшее в плане остроугольную форму. [4] В описании взятия Казани в Никоновской летописи отмечено, что «острог бе их рублен городнями и землею насыпан». [5] Поскольку в данном тексте специально оговорено, что городни были засыпаны землей, то ясно, что вообще они могли быть и другого конструктивного типа — не засыпанные землей.

Доказывая, что городни это отдельные, не соединенные друг с другом срубы, составлявшие городскую стену, исследователи обычно ссылаются на описание осады половцами города Римова, когда «летеста две городницы с людми». [6] Между тем, гораздо

более вероятно, что от тяжести людей опрокинулись не целиком срубы, составлявшие часть городской стены, а лишь верхние части этих срубов, имевшие характер боевых площадок, находившихся наверху городских стен. В Киевской земле уже значительно позже, в XIX в., городнями также назывались срубы, составлявшие городскую стену, хотя в это время, как правило, применялась уже связанная система конструкции стен. а не отдельные срубы, расположенные один рядом с другим. [7]

Таким образом, указание летописи на то, что опрокинулись «две городницы», только подтверждает, что под этим термином понимались звенья любого типа венчатой конструкции. Это тем более вероятно, что слово *сруб* в древней Руси, как правило, вообще не применялось. [8] Термин же *тарас,* согласно письменным источникам XVI—XVII вв., по-видимому, обозначал в первую очередь

---

[1]Например: В. Яковлев. Эволюция долговременной фортификации. М., 1931, стр. 20; *В. И. Довженок*. Будова міських укріплень в Київской Русі. Вісн. Акад. наук УРСР, Київ, 1947, № 7 (135), стр. 50; *Н. Н. Воронин*. Крепостные сооружения. Глава в «Истории культуры древней Руси», т. I, М. — Л., 1948 и др.

[2]Например, в Никоновской летописи, под 1536—1541 гг., в описаниях пожаров Владимира, Торжка и др. В грамоте 1467 г. указывается: «А города им делать пять городен уроком» (Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси, т. I. М., 1952, стр. 252); в «Устюжском летописном своде» (под ред. *К. Н*. Сербиной, М. — Л., 1950, стр. 80) читаем: «И зажгли город и выгорело 2 городни у нижних ворот». Между прочим, в современном русском языке, в некоторых областных говорах слова *городня, городень* сохранились в значении «звено ограды или забора», см., например: В. Даль. Толковый словарь, т. I. М., 1935, стр. 391.

[3]Русская Правда. Подгот. к печати С. Юшковым. Киев, 1935, стр. 21. Срубные опоры мостов также назывались в летописях городнями.

[4]Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. *М.* — Л., 1950, стр. 507.

[5]Никоновская лет., 7061 (1553).

[6]Ипатьевская лет., 6693 (1185). В. Мавродин понимает: этот текст как падение двух башен (*В. В. Мавродин*. Очерки истории Левобережной Украины. Л., 1940, стр. 259).

[7]Z. Wartolowska. Średniowieczna warownia w Pszczynie. Światowit, t. 20, Warszawa, 1949, стр. 355. В киевских замках XVI в. на срубных стенах располагались боевые площадки с «бланкованьем», «подсябитьем» и другими боевыми приспособлениями. Судя по тексту люстраций, эти площадки, вместе со звеном срубной стены, входили в понятие *городня.* См., например, люстрации 1552 г. Черкасского. Киевского и Житомирского замков (Архив юго-западной России, ч. 7, т. I, Киев, 1886, стр. 77, 106 и 126). Именно такие площадки и могли, в исключительных случаях, опрокинуться от тяжести людей.

[8]Единственное исключение — *струб,* в котором Андрей Боголюбский хоронил своего коня [Никоновская лет., 6657 (1149)].

но столько связанную систему срубов, сколько обычную для этого времени систему срубов со специальными помещениями для стрелков и пушек. [1] Поэтому ни *городни,* ни *тарасы* не могут служить наименованиями определенных типов конструкции русских оборонительных стен X—XIII вв.

4

В верхней части городских стен древнерусских укреплений имелись специальные конструкции — *заборола.* Заборола — не сам *город,* а его часть, так как летопись прямо указывает, что заборола могли быть сбиты «с города» ударами стенобитных машин. [2] В «Сказании о Борисе и Глебе» при описании перевозки мощей Бориса в Вышгороде раздельно упомянуты стены и заборола. [3] При описании этого же события в Ипатьевской летописи отмечено, что люди «покрили... град и забрала» [4] Еще четче сказано в Новгородской летописи, где, правда, уже в XIV в. отмечена постройка стен Юрьева монастыря «и с заборолами». [5] Таким образом, из приведенных текстов совершенно ясно, что понятия *стена (или город)* и *заборола* не однозначны. [6]

То, что заборола находились именно в верхней части стен, видно из нескольких мест летописи; особенно ясно это в описании взятия Царьграда в 1204 г. [7] При штурме городов осаждающим приходилось лезть вверх (иногда по приставным лестницам) к городским заборолам, откуда на них сверху бросали камни и стреляли. [8] Стреляли с заборол поверх бруствера или же через специальные бойницы — неясно. Когда на заборолах города Владимира был убит князь Мстислав, летописец отметил, что стрела проникла «сквозе доску скважнею». [9] Упоминание *скважни, по*-видимому, указывает на наличие в заборолах бойниц, хотя возможно, что стреляли и поверх бруствера, так как в летописи в нескольких местах говорится, что стрелы осаждавших не давали защитникам города «выникнути из заборол». [10]

Заборола представляли собой не только бруствер, но и площадку наверху стен. Об этом можно судить по тому, что в письменных источниках многократно упомянуто, как защитники города стоят на заборолах. [11] Очень возможно, что иногда заборола представляли собой даже площадки, имеющие кровлю, подобно тому как они изображены, например, в Радзивилловской летописи (рис. 93). [12]

Согласно письменным источникам, однако, термин *заборола* относился не к одному, определенному типу оборонительной конструкции, а имел более широкое значение, как защитное устройство вообще. Об этом могут свидетельствовать, например, русские переводы греческих авторов, где словом *заборол* переводили обычно парапет крепостной стены, иногда самую стену, а иногда даже башни. [13] Можно предположить, что и в применении к русским оборо-

---

[1] Термин *тарас* в документах XVI и особенно XVII в. встречается очень часто.

[2] Ипатьевская лет., 6769 (1261).

[3] *Д. И. Абрамович,* ук. соч., стр. 65.

[4] Ипатьевская лет., 6623 (1115).

[5] Новгородская I лет., 6841 (1333).

[6]Н. Голицын считал, что заборола — это сами деревянные стены города (*Н. С. Голицын*. Русская военная история, ч. I, стр. 42).

[7]Новгородская I лет., 6712 (1204). О том, что событие описано в летописи со слов очевидца, см.: История русской литературы, т. I. М. — Л., 1941, стр. 303.

[8]Ипатьевская лет., 6737, 6789, 6799. Ср. также в Новгородской IV летописи под 1382 г.: «Татарове... по лествицам взыдоша на град, никому же възбраняющю с заборол, не сущю забралнику на стенах».

[9]Лаврентьевская лет., 6605 (1097). См. то же: Ипатьевская лет., 6605. В Печерском патерике это событие отмечено более коротко: «Мстислав застрелен бысть в Володимери на забралех» (Патерик Киевского Печорского монастыря. СПб., 1911, стр. 119).

[10]Ипатьевская лет., 6769, 6789. В летописи упомянут еще один случай, когда на заборолах города Торжка (но уже без всяких пояснений о том, как это произошло) был «внезапу застрелен» Ярополк Ростиславич [Никоновская лет., 6689 (1181)].

[11]Например: Ипатьевская лет., 6769, 6785, и др. В «Слове о полку Игореве» Ярославна плачет «в Путивле на забрале» или «Путивлю городу на забороле» (Слово о полку Игореве. *М.* — Л., 1950, стр. 27). В «Изборнике» Святослава указано: «по забралом ходиши градьныим» (см.: И. Срезневский. Материалы для словаря, т. I, стлб. 896).

[12]Радзивилловская, или Кенигсбергская, летопись. Фотомеханическое воспроизведение. СПб., 1902, стр. 232.

[13]См.: И. Срезневский. Материалы для словаря, т. I, стлб. 896—897. Слово *забрало* обозначало в древнерусском языке защиту, а з*абральник* — защитник. См., например, в Синайском патерике: «Св. Афанасия великого истине забральника» (И. Срезневский. Материалы для словаря, т. I, стлб. 897).

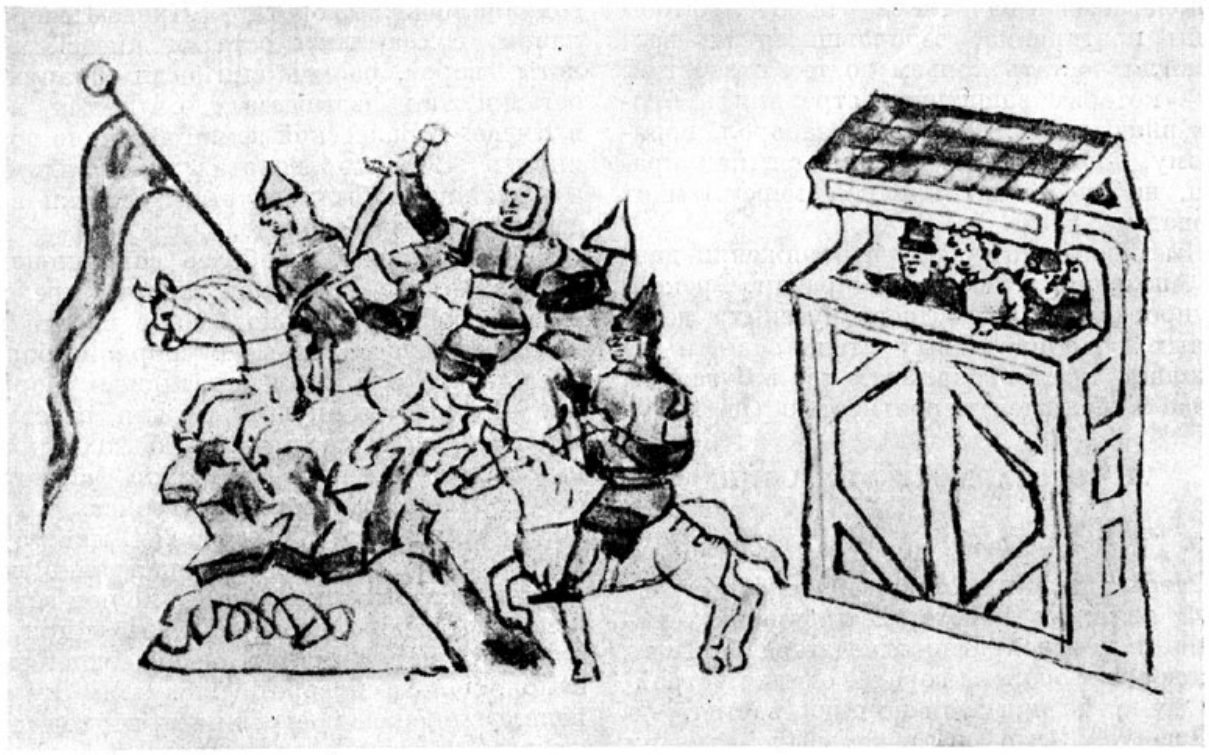

Рис. 93. Заборола в Переяславле. (По миниатюре Радзивилловской летописи).

нительным сооружениям этот термин обозначал как боевую площадку с бруствером, расположенную наверху городских стен, так и просто защитный бруствер, а иногда, возможно, даже и самую стену.

С заборол не только стреляли, но и бросали на противника различные предметы.

Так, например, в 1159 г. осажденные в Киеве дружинники говорили своему князю: «Можем бо брань творити с ними из града; все бо у нас оружие есть: и камень, и древа, и колья, и вар». [1] Поэтому несомненно, что, кроме заборол в виде простого бруствера на городской стене, должны были существовать (по крайней мере в ряде случаев) и такие заборола, которые выступали перед городской стеной и позволяли не только стрелять с них вперед, но и бросать вниз камни, бревна, лить кипяток («кар») в том случае, если противник приближался к самому подножию стен. Возможно, что такие заборола могли быть устроены подобно *обламам* в военной архитектуре XVI—XVII вв. [2]

По-видимому, заборола бывали (по крайней мере иногда) невысокими, так как в одном из текстов летописи отмечено, что «смерди скачуть черес заборола». [3] О том, что и вся оборонительная система города могла иметь очень небольшую высоту, свидетельствует одно из мест в описании осады г. Владимира-Волынского в 1097 г.: «Горожане скочиша з града и почаша сечи вое Давыдовы». [4] Правда, подобный случай — единственный, засвидетельствованный письменными источниками; быть может, это говорит о том, что, как правило, городские укрепления были выше и с них нельзя было легко соскочить на землю. Любопытно, что хотя в приведенном случае показания

---

[1]Осаждавшие же в это время Киев воины вели обстрел города, по-видимому, исключительно из луков: «И яко страшно бе видети, понеже весь град покрыша стрелами... » [Никоновская лет., 6667 (1159)].

[2]Чертежи *обламов* см., например: М. Красовский. Курс истории русской архитектуры, ч. I. Деревянное зодчество. Пгр., 1916, стр. 101.

[3]Ипатьевская лет., 6667 (1159).

[4]Лаврентьевская лет., 6605 (1097).

Лаврентьевской и Ипатьевской летописи сходятся, более поздний московский летописец, считая, по-видимому, такую вещь неправдоподобной, написал несколько иначе: «А гражане вытекъше из города на них же и убиваху их». [1]

Можно думать, что заборола, выступающие вперед перед стенами, должны были располагаться на такой высоте, чтобы воины противника, взобравшиеся на вал, не могли достать копьем до тех отверстий, через которые защитники стреляли и бросали вниз камни. Основание заборол, по-видимому, должно было находиться, как правило, на высоте по крайней мере 3 м от основания стены.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют, таким образом, реконструировать облик древнерусских деревянных оборонительных стен, если и не с полной достоверностью, то во всяком случае с большой вероятностью (рис. 94).

VI. ВОРОТА, МОСТЫ И БАШНИ

1

Очень важной частью городских укреплений являлись ворота. В письменных источниках неоднократно отмечается большая роль ворот в обороне города, однако устройство их нигде при этом не описывается.

Известно, что в некоторых случаях в крупных городах ворота делались каменными и, по-видимому, очень парадными, как на то указывают даже их названия — Золотые, Серебряные ворота. Известно также, что иногда над такими парадными воротами строились церкви. В летописи упомянуты такие надвратные церкви в Киеве, Переяславле, Новгороде, Владимире. [2]

По-видимому, однако, прием этот употреблялся лишь в наиболее крупных городах, так как ни одного упоминания надвратной церкви в каких-либо других, более мелких городах не имеется.

До настоящего времени сохранились остатки нескольких каменных ворот XI— XII вв. Так, например, почти полностью сохранились ворота Киево-Печерской лавры, сохранились остатки киевских Золотых ворот, раскопками были обнаружены остатки так называемых Батыевых ворот в Киеве. В Залесской земле частично сохранились Золотые ворота во Владимире, а раскопками были вскрыты остатки ворот детинца в этом городе.

К сожалению, наиболее сохранившиеся ворота Киево-Печерской лавры представляют собой не столько боевые ворота крепости, приспособленные к упорной обороне, сколько парадное, декоративное сооружение — торжественную арку для въезда на территорию монастыря. [3] Об их крайне небольшом военном значении свидетельствует полное отсутствие устройств для защиты самих проездов ворот. Вместе с тем нельзя отрицать, что при постройке ворот учитывался и военный фактор, о чем говорит само их расположение, поскольку при подходе к воротам стена, ограждавшая монастырь, делала поворот (рис. 95). [4] Это позволяло хорошо простреливать подход к ним если не с самих ворот, то по крайней мере с близлежащего отрезка стены.

Остатки ворот владимирского детинца, вскрытые раскопками в 1936—1937 гг., сохранились настолько плохо, что по существу почти ничего не дают для реконструкции их оборонительной системы. [5] Эти во-

---

[1] Московский летописный свод, 6607 (ПСРЛ, т. 25, М. — Л., 1949).

[2] В Киеве — Лаврентьевская лет., 6545 (1037); в Переяславле — Лаврентьевская лет., 6597 (1089); в Новгороде — Новгородская I лет., 6701 (1193), 6703 (1195); во Владимире на Клязьме —

Лаврентьевская лет., 6704 (1196). Несколько подробнее описана постройка киевских Золотых ворот у Длугоша под 1034 г.: «Кроме того, чтобы показать великолепие, как свое, так и города, он (*т. е. Ярослав*, — П. *Р.)* воздвиг с самой щедрой и богатой роскошью ворота, обращенные в сторону Польши, и приказал называть их "Золотыми", потому что створы этих ворот и их вершину украсил золочеными листами» (Латинский текст Длугоша цитируется в работе: К. Бестужев-Рюмин. О составе русских летописей. СПб., 1868, стр. 109, 110. Перевод сделан по нашей просьбе *Е. Ч. Скржинской*).

[3]См., например: *В. В. Суслов*. Памятники древнего русского зодчества, вып. 3. СПб., 1897. Время сооружения ворот — по-видимому, начало XII в. На чертеже В. Суслова ворота ошибочно изображены как трехпролетные, тогда как в действительности их боковые пролеты никогда не функционировали как проходы и были заложены изначала.

[4]См. план в работе: *Ю. С. Асеев* и *В. А. Богусевич*, ук. соч.

[5]*Н. Н. Воронин*. Оборонительные сооружения Владимира XII в., стр. 215. Ворота были сооружены в 1194—1196 гг.

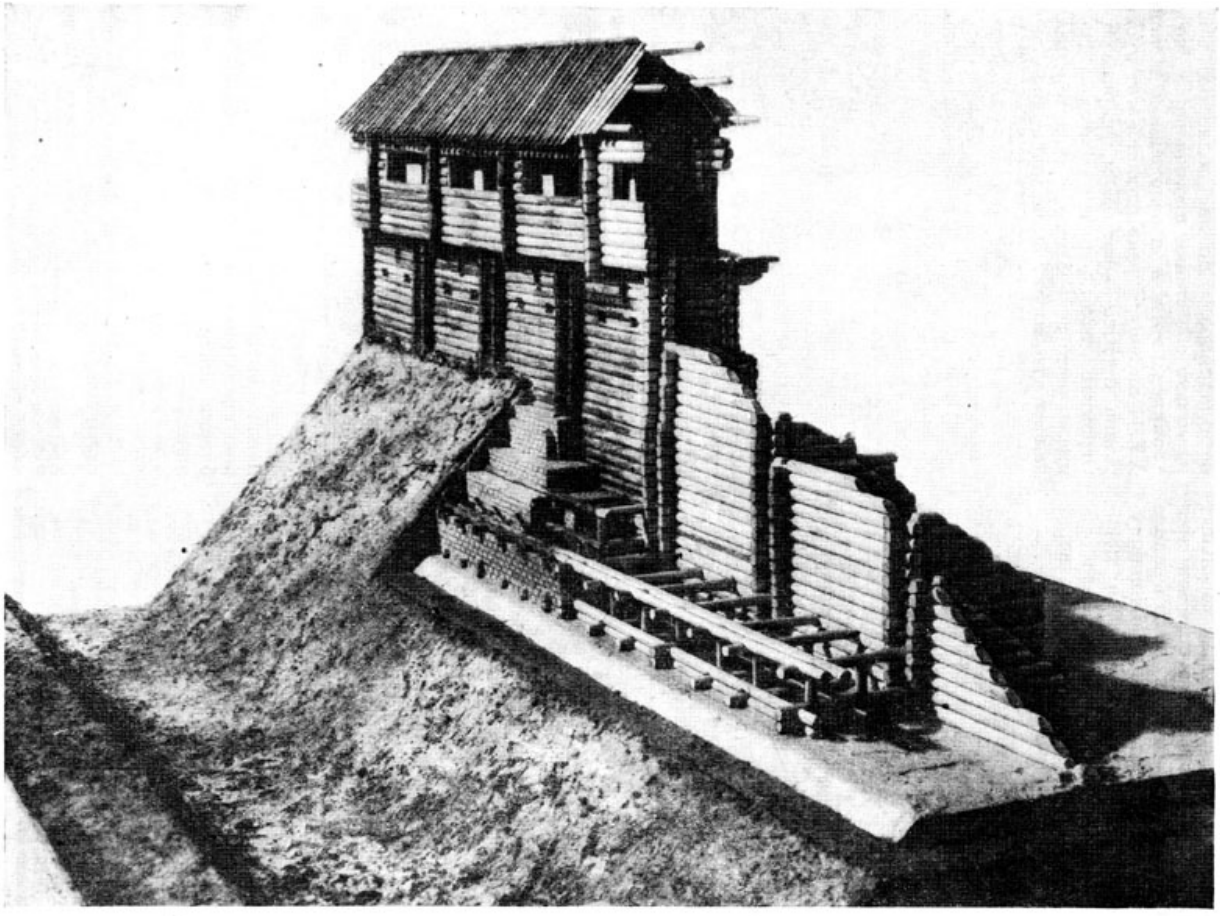

Рис. 94. Конструкция оборонительной стены Белгорода. Реконструкция *М. В. Городцова* и *Б. А. Рыбакова*. Макет Государственного Исторического музея.

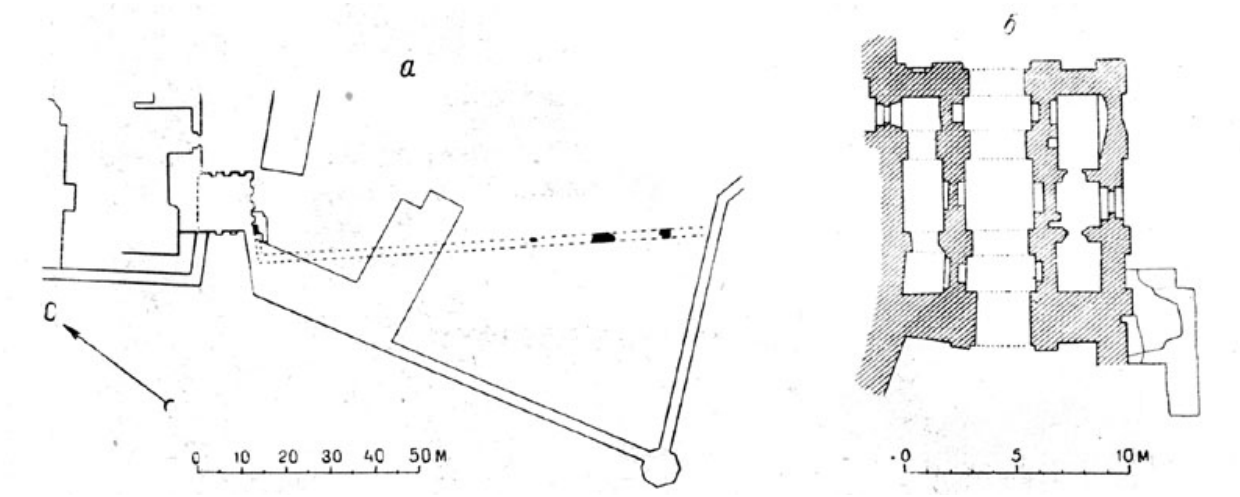

Рис. 95. Ворота Киево-Печерской лавры. (По Асееву и Богусевичу). а — генеральный план; б — план ворот; черным отмечены участии древней стены, раскопанные в 1951 г.

рота представляли собой два массивных пилона, между которыми расположен проезд шириной около 4 м и длиной около 12. 5 м. Пилоны имеют различную толщину, один из них — 3 м, а другой — 4 м: по-видимому, в более толстом пилоне была расположена лестница, ведшая на верх ворот и в надвратную церковь.

Остатки Софийских или так называемых Батыевых ворот в Киеве были впервые обнаружены раскопками в 1913 г. [1] Они представляли собой два пилона длиной 5—6 м и шириной 1. 5—2 м каждый. Ширина пролета ворот между этими пилонами 4—5 м.

Значительно больше данных имеется для реконструкции оборонительной системы Золотых ворот в Клеве и Золотых ворот во Владимире. [2] В особенности хорошо сохранились белокаменные Золотые ворота во Владимире. [3] До нас полностью дошли не только обе стенки проезда ворот, но сохранился, хотя и переложенный в конце XVIII в., свод, перекрывающий этот проезд. Длина проезда ворот 18 м, ширина 6 м. Огромная высота проезда (около 11 м) имела чисто декоративный характер, реальная же его высота была значительно меньшей, так как в пролете ворот, ближе к стороне, обращенной наружу, имеется малая арочная перемычка для упора воротных полотнищ, высотой всего около 6 м. Об устройстве верхней части владимирских Золотых ворот и надвратной церкви никаких достоверных данных не имеется.

Золотые ворота в Киеве сохранились значительно хуже владимирских; от них к настоящему времени на поверхности земли видны лишь части двух пилонов, не сохранившие ни арок, ни сводов (рис. 96). [4] Общая схема плана ворот и их размеры очень близки владимирским и подтверждают сложившееся мнение, что Золотые ворота

---

[1] З археологічних розвідкових розкопок 1913 року в Киеві. Наукові записки Інституту історії матеріальної культури АН УРСР, кн. 5—6, Київ, 1935, стр. 189. Батыевы ворота находились в валу, ограждавшем «город Владимира», и были построены, по-видимому, на рубеже X и XI вв. До 1798

г. эти ворота еще существовали даже в виде двух стенок, возвышавшихся над землей (М. Берлинский. Краткое описание Киева. СПб., 1820, стр. 188; *И. М. Самойловский*, ук. соч., стр. 74).

[2]Киевские Золотые ворота были построены в 1037 г. (Лаврентьевская лет., 6545). Владимирские Золотые ворота построены в 1164 г. Подробнее об этом см.: *Н. Н. Воронин*. Оборонительные сооружения Владимира XII в., стр. 204—205.

[3]*Н. Н. Воронин*. Оборонительные сооружения Владимира XII в., стр. 203.

[4]*Е. Д. Корж*. Золоті ворота в Киеві. Архітектурні пам'ятники, Київ, 1950, стр. 18. Работой этой можно пользоваться лишь как публикацией чертежей Золотых ворот, так как все попытки реконструкции первоначальных форм памятника совершенно неубедительны. Об этом см. рецензию *Н. Н. Воронина* в журнале «Советская книга» (1951, № 1, стр. 116).

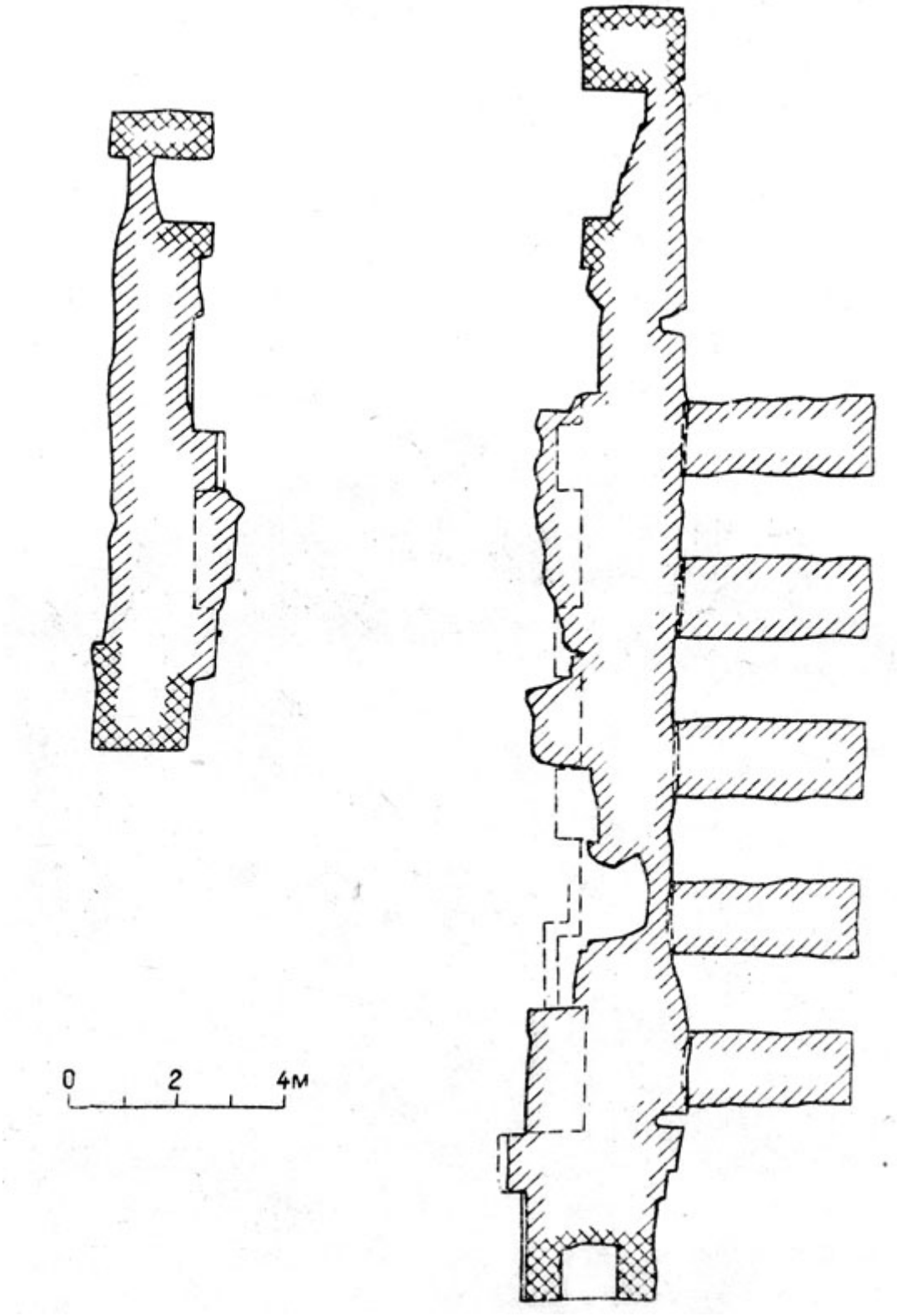

Рис. 96. План остатков Золотых ворот в Киеве. (По Корж).

во Владимире в значительной степени повторяли киевские.

Ширина проезда киевских Золотых ворот около 7 м, длина пролета, по-видимому, доходила почти до 25 м, а высота пролета, судя по сохранившимся основаниям подпружных арок, около 12 м. [1]

Основное отличие киевских Золотых ворот от владимирских, кроме материала (киевские ворота кирпичные, а владимирские белокаменные), в том, что пилоны киевских ворот имеют очень незначительную толщину, всего около 2 м. Естественно, что в таких тонких стенках не могла быть расположена лестница. Поэтому вопрос о мосте расположения лестницы, ведшей на ворота и в надвратную церковь, остается открытым. Совершенно несомненно, что стенки ворот и в древности имели такую же незначительную толщину. Это явствует из того, что поверхности стен, обращенные в сторону воротного пролета, сохранили кое-где свою внешнюю отделку (затертые швы раствора, декоративные ниши и пр.), а наружные поверхности воротных стенок, обращенные в сторону вала, сохранили на известковом растворе стен ясные следы (отпечатки) срубных конструкций вала. Эти отпечатки, свидетельствующие об одновременности постройки ворот и вала, в то же время подтверждают, что дошедшие до нас остатки воротных стенок имели и в древности ту же незначительную толщину.

Несмотря на очень плохую сохранность киевских Золотых ворот, многие детали их конструкции можно восстановить с большей полнотой, чем даже во владимирских, благодаря наличию двух рисунков киевских ворот, исполненных с натуры в 1651 г. художником А. Вестерфельдом (рис. 97). [2] Эти изображения в сочетании с сохранившимися пятами арок показывают, что, кроме подпружных арок свода, в пролете ворот существовало еще несколько арочных перемычек. Очень вероятно поэтому, что боевой настил в киевских воротах, в отличие от владимирских, был устроен не только на деревянных балках, но и на кирпичных перемычках. [3]

Необходимо отметить, что боевой настил как в киевских, так и во владимирских Золотых воротах не мог существовать без какого-либо прикрытия спереди, так как иначе площадка этого настила подвергалась бы угрозе прямого обстрела снаружи. Таким прикрытием мог быть деревянный бруствер, размещенный в передней части этого настила, но очень может быть, что для этих целей существовала и какая-либо спе-

---

[1] Согласно плану Золотых ворот (*Е. Д. Корж*, ук. соч., стр. 21, рис. 10), длина их, возможно, была и меньше — 20—21 м.

[2] *Я. И. Смирнов*. Рисунки Киева 1651 г. по копиям их конца XVIII в. Тр. XIII АС, т. II, М., 1908, табл. IV, *1* и *2*.

[3] Гипотеза *Е. Д. Корж* (ук. соч., стр. 20) о том, что встроенные позднее, хотя и в пределах того же XI в., пилястры были предназначены для укрепления ворот при постройке на них церкви, мало правдоподобна. Гораздо вероятнее, что эти части были встроены именно для придания большей прочности (а может быть и огнестойкости) боевому настилу, *т. е. для* военного усиления ворот, а также для укрепления пилонов самих ворот, испытывавших снаружи давление земли вала. Таким образом, пилястры с арочными перемычками могли служить основанием для боевого настила и вместе с тем как бы внутренними контрфорсами ворот.

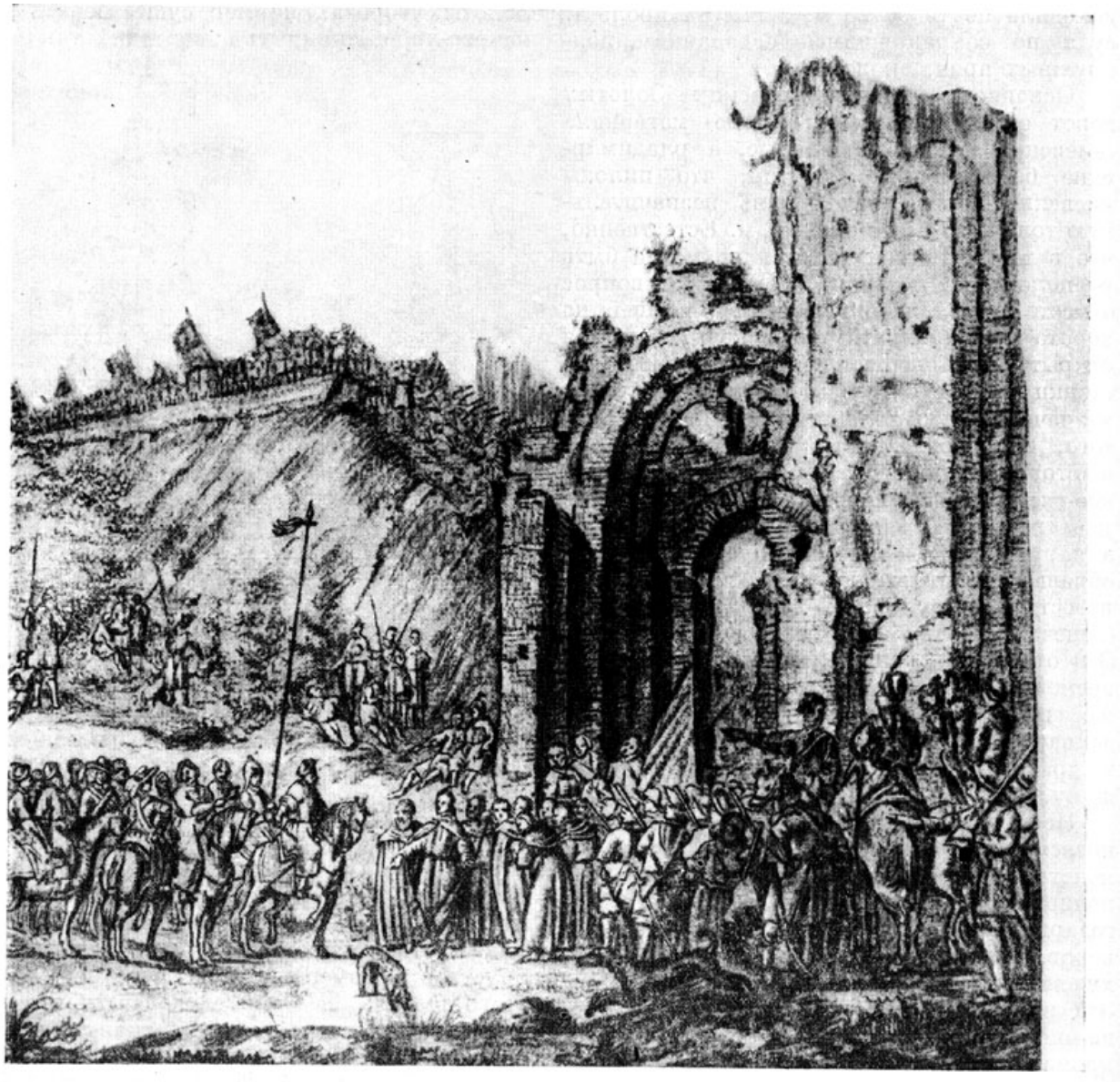

Рис. 97. Золотые ворота в Киеве. (По рисунку А. Вестерфельда).

циальная каменная конструкция. Так, на рисунках Вестерфельда видна какая-то пристройка или часть стенки, выступающая вперед из плоскости фасада ворот. Возможно, что эта кирпичная стенка образовывала нечто вроде невысокой башенки или прикрытия, которое предохраняло воротный проезд и находящийся в нем боевой настил от обстрела снаружи.

Рисунки Вестерфельда дают некоторые данные и для реконструкции общей композиции верхней части ворот. Так, на этих рисунках ясно видно, что наружные стены пилонов ворот поднимались значительно выше подпружных арок. Следовательно, эти стены, возвышавшиеся над сводом пролета, относились уже не к конструкции самих ворот, а к той надвратной церкви.

которая была расположена над воротами. Тем самым определенно устанавливается, что наружные поверхности воротных пилонов непосредственно переходили в наружные стены церкви и над воротами не существовало никакой площадки. Общая композиция надвратной церкви, вернее, ее постановка над воротами, была близка, таким образом, композиции ворот Киево-Печерской лавры. Сходство композиции надвратных церквей Киево-Печерской лавры и киевских Золотых ворот отмечал и Афанасий Кальнофойский, видевший эти памятники в первой половине XVII в. [1]

Таким образом, надвратная церковь киевских Золотых ворот не была самостоятельной небольшой церковью, поставленной на площадку над воротами, а являлась прямым продолжением нижней части ворот, и общая композиция Золотых ворот была поэтому башнеобразной. [2] Видевший Золотые ворота в середине XVII в. Павел Алеппский так и отметил в своем описании: «Мы осматривали развалины высоких ворот с каменною башнею, которые называют святыми воротами». [3]

Трудно сказать, имела ли верхняя, башнеобразная часть ворот какое-либо военное назначение (кроме возможности вести наблюдение за подступами к воротам) или же вся оборона ворот заключалась в устройстве над проездом деревянного боевого настила, с которого можно было сверху обстреливать воротный проезд. К условиям обороны, конечно, могла быть приспособлена в надвратная церковь. Возможно, что церковь имела непосредственные выходы на городские стены и, таким образом, была тесно связана со всей оборонительной системой города.

Следует отметить, что выходы из церквей непосредственно на городские стены отмечены в ряде сооружений XI—XIII вв. Так, в Боголюбовском замке переход с хор церкви ведет к городской стене. В Переславле-Залесском собор расположен у самого вала, и дверь с хор этого собора (ныне заложенная) вела, по-видимому, на вал. [4] В рязанском городище у Климентовского погоста (по-видимому, город Ново-Ольгов) церковь стояла почти у самого въезда, в 10 шагах от оборонительного вала, и, очевидно, также была связана с городскими укреплениями. [5]

Очень вероятно поэтому, что и надвратные церкви на каменных городских воротах были связаны со всей оборонительной системой. Однако необходимо отметить, что в русской архитектуре все же не было такой тесной связи между культовыми и военными сооружениями, которая имела место в западной архитектуре, и церкви, специально приспособленные к обороне, на Руси не известны. [6]

2

Каменные ворота существовали до XIII в. лишь в нескольких крупнейших древнерусских городах, в подавляющем же большинстве русских городов ворота были в это время деревянными.

В местах, где были некогда деревянные ворота, как правило, до нас дошли лишь

[1]Афанасий Кальнофойский пишет, что надвратная церковь лавры устроена «таким же фасадом, как была церковь Благовещения... на вратах Киевских Златых» (Описание Киевопечерской лавры. Киев, 1826, стр. 147).

[2]Для более детального решения вопроса о плане и конструкции надвратной церкви данных не имеется. Однопролетность ворот (и, следовательно, отсутствие столбов в средней их части) позволяет высказать предположение, что церковь была бесстолпной, так как в противном случае ее подкупольные столбы опирались бы непосредственно на свод ворот. Удлиненность плана ворот дает основания думать, что церковь могла иметь нартекс. Таким образом, план надвратной церкви был близок плану Ильинской церкви в Чернигове, но, конечно, без выступающей апсиды. В сказании «О построении и освящении киевской церкви св. Георгия» указано, что в киевских Золотых воротах имелись какие-то комары, вероятнее всего — аркосолии (Киевлянин, кн. 3, из*д. М. Максимовича*, М., 1850, стр. 67). О том, что упомянутое сказание относится, по-видимому, к XI в., см.: Н. Никольский. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений. СПб., 1906, стр. 123.

[3]Сборник материалов для исторической топографии Киева. Киев, 1874, отд. 2, стр. 73.

[4]*Н. Н. Воронин*. Раскопки в Переславле-Залесском. МИА СССР, № 11, 1949. стр. 197.

[5]*В. А. Городцов*. Материалы для археологической карты долины и берегов реки Оки, стр. 629.

[6]В частности, оказалось неверным предположение И. Иодковского о военном характере Коложской церкви в Гродно. См.: *Н. Н. Воронин*. Раскопки в Гродно. КСИИМК, вып. 27, 1949, стр. 146, прим. 23.

оплывшие проезды в валах, без всяких следов деревянных конструкций. Эти проезды в валах, расположенные на уровне площадки городища, свидетельствуют о том, что для въезда в город не нужно было подниматься на вал (рис. 98; 99).

Естественнее всего предполагать, что проезды были оформлены деревянными срубами, которые удерживали земляную насыпь вала от осыпания внутрь проезда. Деревянные срубы, широко применявшиеся для устройства оборонительных конструкций (как внутри валов, так, очевидно, и наземных), в данном случае были наиболее пригодны и функционально оправданы. Следует отметить, что и в более поздних русских крепостях ворота всегда делались только срубными.

Ширина воротных срубов, судя по сохранившейся ширине проездов в валах, была не более 10 м, а обычно — 5—8 м. Сам воротный проем, по-видимому, должен был иметь незначительную высоту, так как даже во владимирских Золотых воротах внутренняя арка, служившая для упора ворот, не превышала по высоте 6 м. Можно думать, что в деревянных воротах небольших русских городов высота проезда была еще меньшей.

Однако валы, в которых расположены ворота, в ряде случаев имеют высоту большую, чем эта предполагаемая высота воротного проезда. Кроме того, на валах находились еще деревянные стены. Таким образом, воротные срубы несомненно имели характер башни,

так как они должны были иметь высоту, во всяком случае не меньшую, чем высота стен, поскольку ворота были наиболее уязвимым местом городских укреплений, и здесь естественно ожидать не понижения, а скорее повышения защитных устройств, подобно тому как и валы со стороны ворот обычно имели большую высоту, чем с остальных сторон города.

К сожалению, археологически, путем раскопок, деревянные воротные сооружения древнерусских укреплений нигде по существу не исследованы. Поэтому все за-

Рис. 98. Въезд на городище в с. Старые Безрадичи. Вид снаружи.

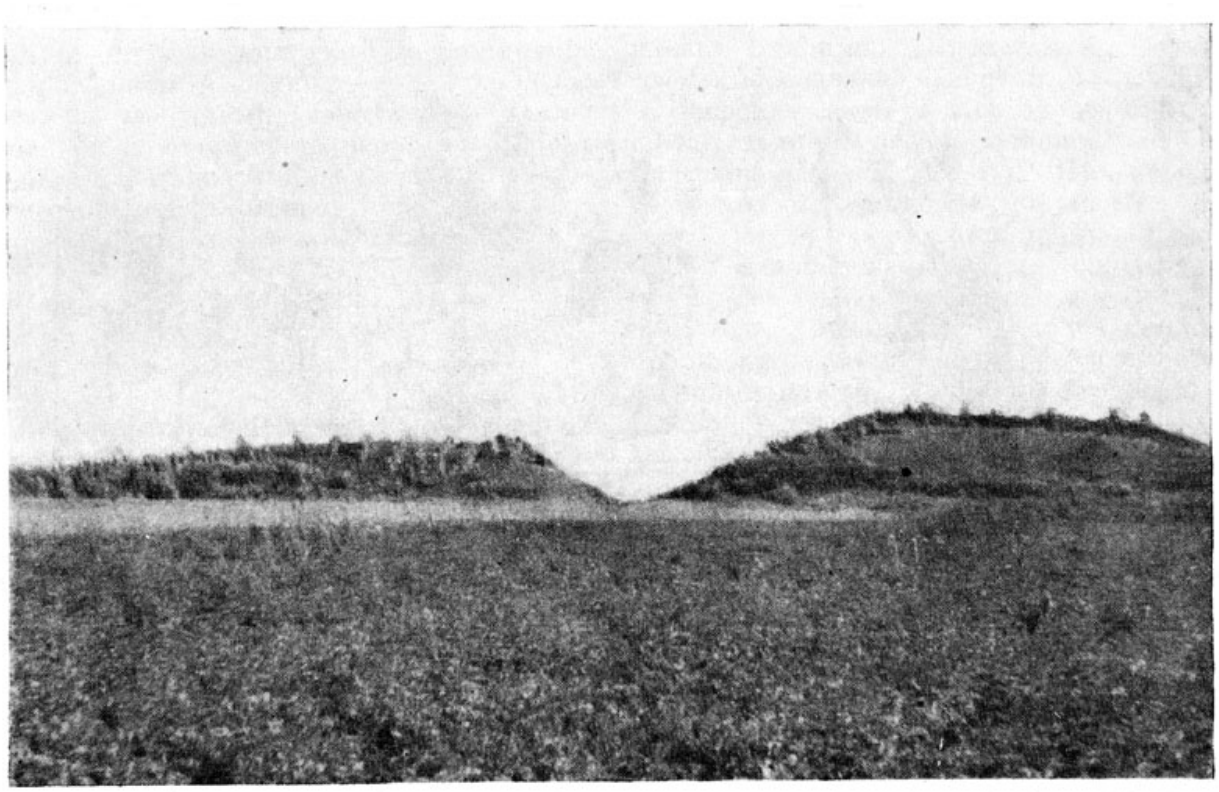

Рис. 99. Въезд на городище в с. Старые Безрадичи. Вид изнутри городища.

ключения о конструкции деревянных ворот остаются пока в значительной степени предположительными. Однако башнеобразный характер композиции ворот вряд ли может вызывать сомнения.

При наличии каменных ворот защитники города имели возможность обороняться, находясь на площадке над этими воротами; можно думать, что и при деревянных воротах в верхней части воротного сруба должна была существовать подобная боевая площадка. Эта площадка, как и в каменных воротах, должна была соединяться с проходом, шедшим по валу или по верху городских стен.

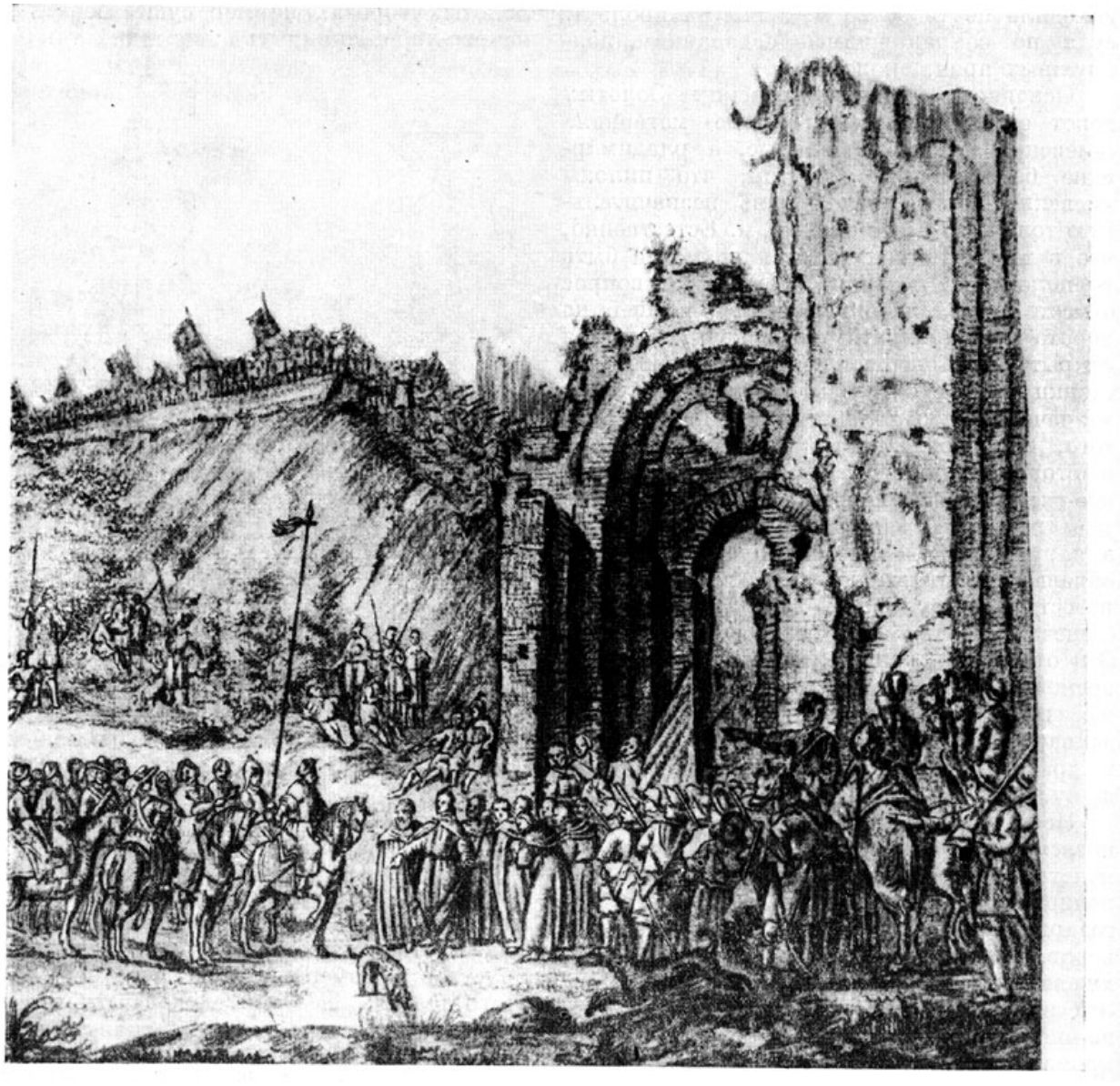
Судя по тому, что проезды в валах, косвенно свидетельствующие о наличии здесь в древности воротных срубов, обнаруживаются даже на таких городищах, где валы имеют очень небольшую высоту и простую земляную конструкцию, можно думать, что ворота в виде деревянных башен устраивались не только в тех укреплениях, где существовали срубные стены, но даже и в более простых укреплениях со стенами в виде простого частокола. Сочетание срубных башен со стенами в виде частокола, достаточно хорошо известное по памятникам XVII в., по-видимому, имело место и в XI—XIII вв. Существует, однако, ряд небольших городищ, где сплошные валы не имеют проездов. [1] Для суждения об устройстве ворот в этих укреплениях нет никаких данных.

Можно отметить, что, согласно свидетельству письменных источников, ворота в русских городах всегда «затворялись», а не перегораживались, *т. е. имели* воротные створы, а не какие-либо специальные приспособления типа опускных решеток.

Кроме ворот, в некоторых древнерусских укреплениях имелись еще дополнительные входы, предназначенные, вероятно,

---

[1]См., например, Ободровское городище на Смоленщине. Германовское и Черкасовское городища под Оршей и др.

для скрытой связи города с окрестностью и для вылазок. Это были проходы внутри валов — потерны, выводившие прямо в оборонительный ров. Такие скрытые внутривальные проходы были обнаружены в Городске, Колодяжине. [1] Вероятно, такие же потерны

существовали и в Белгороде, так как об этом свидетельствуют провалы в валах, образовавшиеся, по-видимому, от обрушения перекрытий этих проходов. [2] Более детально были изучены потерны в Райковецком городище. [3] В западной части городища здесь был вскрыт проход между деревянными срубами вала, имевший ширину 1. 5—1. 7 м и облицованный дубовыми бревнами. Высота прохода не была установлена, но, судя по находкам в этом проходе упавших бревен, его перекрытие было, очевидно, также бревенчатым. Выводил этот проход из города на дно рва. Другая потерна, в восточной части городища, имела ступенчатый спуск, вырезанный в грунте, и вела на дно рва, опускаясь ниже деревянных срубов вала.

3

Перед городскими воротами через ров устраивался мост. Подъемных мостов на Руси, по-видимому, не сооружали, так как в письменных источниках вплоть до XIII в.. такие «возводные» мосты упоминаются всего один раз и при этом не в русском, а в польском городе — Калише. [4] Любопытно, что и позже, даже в XV в., подъемный мост в летописях упоминается опять не на Руси, а в польско-литовском городе Кременце. [5] В русских городах мосты в случае необхо-

---

[1] *В. К. Гончаров*. Райковецкое городище, стр. 24.

[2] *В. И. Довженок*. Військова справа в Київській Русі. Київ, 1950, стр. 57.

[3] *В. К. Гончаров*. Райковецкое городище, стр. 24. Остатки облицованного деревом прохода внутри вала были обнаружены в Киеве. Однако неясно, к какому времени относится эта конструкция. Так, в 1909 г. Акимов, подводя итоги изучению киевских укреплений, отметил наличие вала, расположенного на уступе откоса «города Владимира», где была обнаружена потерна. Этот вал Акимов относил ко времени не ранее XIV в. (Военно-историч. вестн., Киев, 1909, № 1—2, стр. 109).

[4] Ипатьевская лет., 6737 (1229).

[5] Никоновская, Воскресенская и другие летописи под 1418 г.

димости «переметывали» или «отсекали». [1] По миновании опасности мост вновь мостили — «и тако въборзе помостиша мост». [2] Существовали ли какие-либо специальные приспособления для такого «переметывания» мостов, письменные источники не сообщают.

В нескольких случаях археологическими раскопками удавалось обнаружить опорные столбы от мостов. Так, например, в Райковецком городище были найдены основания массивных зарытых в землю столбов от стояков моста через ров. [3] Мост этот был довольно узким. На одной из миниатюр Радзивилловской летописи, изображающей падение князя Олега с моста в ров у города Овруча, мост представлен деревянным, на столбах (рис. 100). [4]

4

Крепостные башни в русских летописях упоминаются под различными наименованиями. Употребляются термины *столп, вежа, костёр, стрельница* и, наконец, *башня.* Последнее наименование — *башня* -появляется лишь в XVI в. и вскоре становится общеупотребительным. Несколько раньше, с XIV в., появляются названия *костёр* и *стрельница,* причем термин *костёр* употребляется исключительно в Новгороде и Пскове, а термин *стрельница* -главным образом в Москве. До XIII в. в русских летописях для обозначения башен употребляются исключительно наименования *столп* и *вежа.*

Особенно часто употреблялся термин *столп.* Однако и этот термин встречается в летописях главным образом во второй половине XIII в. Так, например, в Ипатьевской летописи башни-столпы упоминаются под 1277 г. в Гродно, в 1287 г. в Люблине, в 1288 г. в Берестье и Каменце и в 1291 г. в Черторыйске. [5] В XII в. термин *столп* в значении «башня» употреблен лишь один раз — это указание на каменную башню в Венгрии, куда в 1188 г. был заточен князь Владимир Ярославич. [6] Термином *столп* обозначали башни и ранее XII в.: в Лаврентьевской и Новгородской I летописях столпом названа Вавилонская башня (упоминаемая под 986 г.). [7] При переводах греческих источников в документах XI в. слово *башня* также часто переводится термином *столп*. [8] В остальных случаях употребляемое слово *столп* имеет иное значение, в смысле придорожного столба, колонны, опоры шатра и пр. [9] Таким образом, называя столпами каменные русские башни со второй половины XIII в., летопись в более раннее время употребляет этот термин в том же значении каменной башни только по отношению к иноземным постройкам — башне в Венгрии, Вавилонской башне и *т. п. На* Руси до XIII в. под термином *столп* башни не упоминаются.

Термин *вежа* употребляется в летописи реже, чем *столп.* В смысле башни этот термин лишь дважды упоминается в Ипатьевской летописи. В 1190 г. так названа та каменная башня в Венгрии, которая в той же Ипатьевской летописи за два года до этого называлась столпом, что является прекрасным доказательством однозначности этих терминов. [10] Позже, в 1259 г., вежей названа башня в городе Холм. [11] В более поздней Густынской летописи вежами названы также башни киевского Софийского собора. [12]Во всех других случаях под термином *вежа* понимается палатка, шатер, кибитка,

---

[1]Новгородская I лет., 6726 (1218) — в Новгороде; Ипатьевская лет., 6658 (1150) и 6767 (1259) — в Белгороде и Луцке. О значении слова «переметать» как «разметать», «разрушить» см.: И. Срезневский. Материалы для словаря, т. II, стлб. 910.

[2]Ипатьевская лет., 6658 (1150) — в Белгороде.

[3]*В. К. Гончаров*. Райковецкое городище, стр. 25.

[4]Радзивилловская, или Кенигсбергская, летопись. Фотомеханическое воспроизведение. СПб., 1902, л. 41 об. См. об этом в Лаврентьевской летописи под 977 г.: «Бяше черес гроблю мост ко вратом градным, теснячеся друг друга пихаху в гроблю и спехнуша Ольга с мосту в дебрь». Возможно, что иногда проход через ров осуществлялся даже не по мосту, а по узкому земляному перешейку, игравшему роль моста, как это имеет, например, место на городище у с. Старые Безрадичи.

[5]Ипатьевская лет., 6785, 6795, 6796 и 6799.

[6]Ипатьевская лет., 6696.

[7]Лаврентьевская и Новгородская I лет., 6494 г.

[8]И. Срезневский. Материалы для словаря, т. III, стлб. 580.

[9]См., например: *Г. Е. Кочин*. Материалы для терминологического словаря древней России. *М.* — Л., 1937, стр. 345.

[10]Ипатьевская лет., 6698.

[11]Ипатьевская лет., 6767.

[12]Густынская лет. (ПСРЛ, т. 2, СПб., 1843, стр. 266).

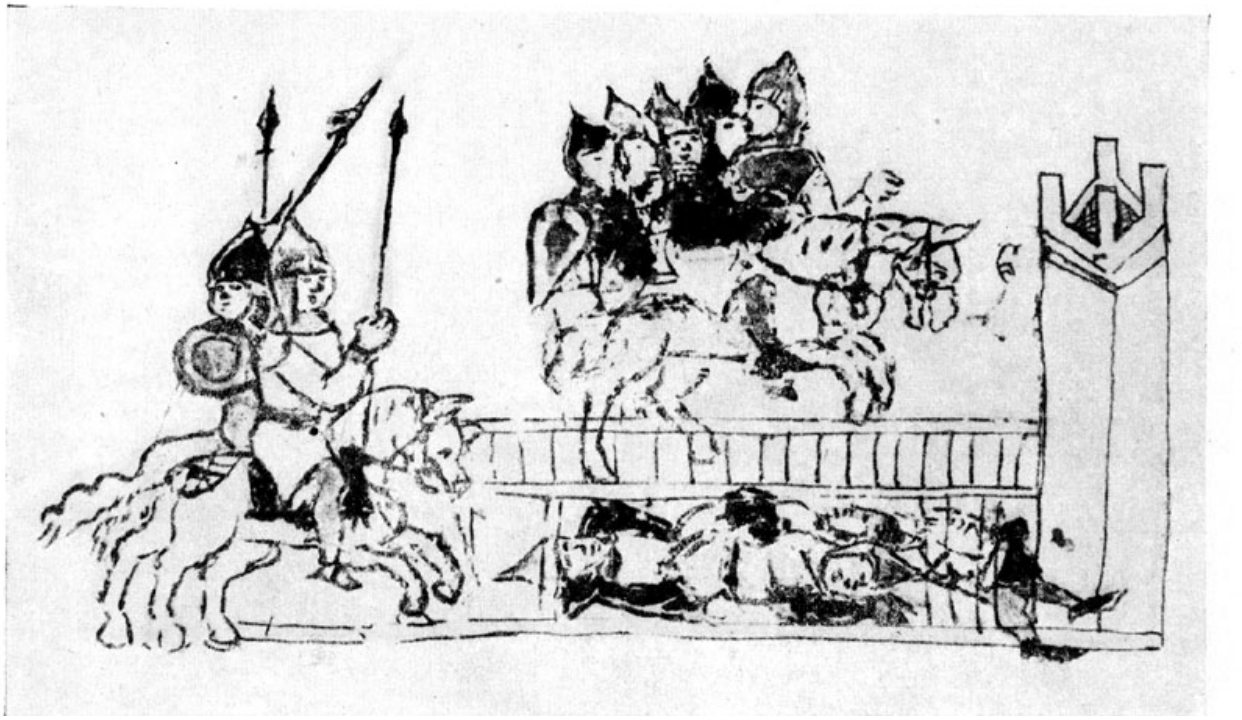

Рис. 100. Мост в Овруче. (По миниатюре Радзивилловской летописи).

жилье кочевников; [1] Новгородская летопись называет вежей жилище у карел; [2] в Лаврентьевской летописи вежей названа часть жилья у древлян. [3]

Имеется лишь один случай, когда термином *вежа,* казалось бы, названы крепостные башни. Это упоминание веж при осаде князем Давидом г. Владимира в 1097 г.: «И ста Давид оступив град и часто приступаше. Единою лодступиша к граду под вежами, овем же бьющим с града, и стреляющим межи собою, пдяху стрелы акы дождь». [4] В данном контексте слово в*ежи* некоторые исследователи понимали как городские башни. [5] Однако внимательное рассмотрение этой фразы говорит об ином значении. В этом тексте говорится, что одни («единою») подступили к городу «под вежами», а другие («овем же») стреляли с городской стены. Таким образом, слово вежа относится к чему-то связанному с наступающими войсками, а не с обороняющими город. Сравнение различных списков летописи может помочь понять, о чем в данном случае идет речь. В Воскресенской летописи при описании этого события слово в*ежа* заменено и вместо него написано

«подступиша к граду под турами». [6] Но значение слова *туры* нам достаточно хорошо известно — это передвижные осадные сооружения. Термин *лесы,* которым в Лаврентьевской летописи обозначены сооружения, построенные татарами вместо с пороками перед осадой городов, в Никоновской летописи заменяется тем же термином *туры:* «Почаша туры рядити и пороки ставити». [7]

Таким образом, в письменных источниках не имеется ни одного случая, когда на Руси до XIII в. упоминались бы башни, под каким бы то ни было наименованием. Более того, в целом ряде случаев, когда при описании военных действий или других событий естественно было бы ожидать упоминания башен, имеются указания на ворота, мосты, стены, заборола, но о башнях не говорится ни слова. Начиная же с середины XIII в. башни уже довольно часто начинают упоминаться в летописях.

Конечно, отсутствие в письменных источниках указаний на наличие крепостных башен в древней Руси до XIII в. не означает, что башен вовсе не существовало. Ко все же это заставляет осторожнее подходить в вопросу о башнях, который всегда казался таким ясным и бесспорным. [8]

Археологические памятники также позволяют говорить о том, что вплоть до XIII в. башни не имели широкого распространения в русском оборонительном зодчестве. Несмотря на то, что остатки наземных оборонительных конструкций нигде, как правило, не сохранились, сама планировка валов древних городищ несомненно должна была бы выявить места расположения башен. Между тем, в русских укреплениях X— XII вв. следы башен (за исключением надвратных башен) были обнаружены лишь в двух случаях — в Райковецком городище и во Вщиже, причем даже в этих пунктах нельзя говорить о наличии башен с полной уверенностью.

---

[1]Любопытно, что в Курской губернии слово «вежка» обозначало «полевой шалаш» (А. Н. Харузин. Материалы по истории развития славянских жилищ. Живая старина, СПб., вып. 3—4, 1902, стр. 292, прим. 1). *Ф. П. Филин* (Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи. Л., 1949, стр. 240) пришел к выводу, что слово «вежа» в значении «башня» «было распространено, в связи с культурно-историческими отношениями с западными славянами, в древнерусских юго-западных и, возможно, западных диалектах». Вряд ли это верно. Термины «столп» и «вежа» одинаково применялись в той же Ипатьевской летописи по отношению к каменным башням, причем «столп» даже чаще. То, что слово «вежа» обозначало башню только в западнорусских землях, объясняется, по-видимому, не локальностью термина, а тем, что сами каменные башни на Руси до XIV в. строились только в этих западных областях.

[2]Новгородская I лет., 6736 (1228).

[3]Лаврентьевская лет., 6454 (946). Возможно, что в данном случае вежа означает сени, так как в Хорватии и Верхней Крайне слово *вежа* и сейчас обозначает сени (А. Н. Харузин, ук. соч., стр. 292, прим. 1).

[4]Лаврентьевская лет., 6605. То же в Никоновской и Ипатьевской летописях.

[5]Например: *Н. Н. Воронин*. Крепостные сооружения. Глава в «Истории культуры древней Руси», т. I, М. — Л., 1948, стр. 452.

[6]Воскресенская лет., 6607 (1099).

[7]Никоновская лет., 6745 (1237). *М.* Г. Рабинович правильно отмечает, что *вежи* в данном случае обозначают, очевидно, не передвижные осадные башня, а «досчатые навесы, которые могли служить для защиты осаждающих от камней и стрел» (Изв. Акад. Наук СССР, сер. ист. и философ., т. VIII, № 1, 1951, стр. 66).

[8]При переводах византийских авторов, кроме термина *столп,* башни иногда переведены как *забрала,* однако в других случаях они уже противопоставляются заборолам и называются *пиргосы* (И. Срезневский. Материалы для словаря, т. I, стлб. 897).

В Райковецком городище, у самого въезда, внутри городища был расположен деревянный сруб размером 2. 2 X 3 м. Благодаря расположению этого сруба как раз напротив ворот, въезд, имеющий ширину около 3 м, образует поворот, и вход в укрепление возможен лишь минуя деревянный сруб по боковому проходу шириной 1. 6 м. Очень вероятно, что этот деревянный сруб, расположенный у ворот, является основанием башни. [1]

Другая башня была, быть может, расположена на самом конце мыса городища, в том месте, откуда открывается наилучший обзор всей окружающей территории. Здесь был обнаружен деревянный сруб, выступающий из ряда жилых клетей. Сруб этот сделан из массивных дубовых бревен, укрепленных на значительную высоту камнями; внутри его помещалось жилье. Перед ним, как и перед всеми жилыми срубами, проходила линия срубов, забитых землей. По-видимому, этот выступающий жилой сруб представляет собой основание башни, имевшей значение наблюдательного пункта. [2]

Б. А. Рыбаков обнаружил остатки шестиугольной башни на оконечности мыса детинца во Вщиже. На этом же городище было раскрыто основание еще одной башни в центре детинца. Обе башни относятся, вероятно, к XII в. [3]

В научной литературе встречаются указания на наличие башен также в Галиче и Белгороде. Эти указания не имеют под собой достаточно серьезных фактических оснований. Так, например, предположение о башнях в Галиче основано на наличии курганов у въезда в городище. [4] Однако обследование, проведенное автором в 1955 г., показало полную необоснованность подобных предположений. Предположение о наличии башен в древнем Белгороде также ничем не может быть подтверждено, так как обнаруженные в свое время (еще до раскопок В. Хвойки) на валах Белгородского городища основания срубов несомненно относятся не к древней оборонительной системе, а к острогу, существовавшему здесь в XVII в.

Кирпичные оборонительные сооружения типа башен были вскрыты раскопками в Гродно. [5] Здесь обнаружены остатки кирпичной стены, сохранившейся лишь на очень небольшом протяжении и имеющей толщину около 1. 4 м. По-видимому, данный кусок стены представляет собой остатки башни, стоявшей на мысу, на крайнем западном участке Замковой Горы, и имевшей, вероятно, характер наблюдательной вышки. Кроме того, в южной части Замковой Горы была вскрыта прямоугольная постройка, условно называемая «терем» и, возможно, являющаяся также остатками крепостной башни.

Сравнительно очень небольшое количество башен, обнаруженных археологическими раскопками, а также отсутствие каких-либо следов их (хотя бы в виде расширений оборонительных валов) на подавляющем большинстве древнерусских городищ

свидетельствует о том. что предположения о широком распространении и большом значении боевых башен в русском военном зодчестве до XII в. лишены всяких оснований. Расположение большинства упомянутых башен не с напольной:, *т. е. наиболее* угрожаемой, стороны укрепленных пунктов, а на мысах, на наиболее высоких участках укреплений показывает к тому же, что башни эти имели в первую очередь характер наблюдательных пунктов.

Таким образом, вплоть до XIII в. в русских укреплениях широкое распространение имели, очевидно, лишь воротные башни, которые в письменных источниках того времени всегда упоминаются не как башни, а именно как ворота. Строились также башни, предназначенные для наблюдения за окружающей территорией. Башни другого назначения, в частности, башни, фланкирующие крепостные стены, по-видимому, широкого распространения в русском военно-инженерном искусстве до XIII в. не имели.

---

[1]*В. К. Гончаров*. Райковецкое городище, стр. 25.

[2]Там же, стр. 25.

[3]См. статью *Б. А. Рыбакова* в сб. «По следам древних культур. Древняя Русь» (М., 1953, стр. 107 и 115). Однако, судя по вопросительному знаку в тексте тезисов доклада *Б. А. Рыбакова*, он не был вполне уверен в том, что обнаруженные им остатки действительно представляют собой основания шестиугольных башен (*Б. А. Рыбаков*. Вщиж — удельный город XII в., КСИИМК, вып. 41, стр. 58).

[4]Я. Пастернак. Старий Галич. Краків— Львів, 1944, стр. 45.

[5]*Н. Н. Воронин*. Древнее Гродно. МИА СССР, № 41, 1954, стр. 129—136.

VII. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУКЦИЙ ДРЕВНЕРУССКИХ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ

1

Одним из наиболее сложных и в то же время существенных вопросов истории русского военно-инженерного искусства является вопрос о том, насколько самостоятельны были применявшиеся на Руси принципы устройства оборонительных сооружений и насколько они отличались от военного зодчества других народов.

Старые представления, характерные для некоторой части русских буржуазных ученых, о том, что русская военная архитектура целиком зависела от военной архитектуры западноевропейской или византийской, не нуждаются в настоящее время в критике. С другой стороны, в литературе неоднократно высказывалась мысль, что русские укрепления представляли собой нечто принципиально отличное от западноевропейских укреплений как в военном, так и в социальном отношении. Конечно, западноевропейские города и замки значительно отличались от русских средневековых городов и замков — ход исторического развития и черты национального характера придавали как тем, так и другим массу своеобразных особенностей. Однако совершенно несомненно, что

социальная природа городов и замков, их роль и значение в системе феодального общества в основном были одинаковы как в Западной Европе, так и на Руси. [1]

Конкретное сравнение русских оборонительных сооружений с такими же сооружениями соседних стран помогает определить, в чем заключается сходство между ними и в чем между ними разница.

Прежде всего необходимо отметить, что, несмотря на тесные культурные связи Руси с Византией, в конструкциях русских укреплений не имеется почти ничего общего со средневековыми греческими крепостями. Византийская литература была хорошо известна в Киевской Руси; между тем, византийские сочинения об осаде и обороне крепостей — «полиоркетики» — на русский язык, по-видимому. не переводились и на Руси не имели распространения. Очевидно, иные, чем в Византии, военно-тактические принципы, применявшиеся на Руси, предъявляли и совершенно иные требования к оборонительным сооружениям. Однако там, где вопросы касались не практических военных нужд, а идеологической стороны дела, влияние Византии сразу же проявлялось. Господствующий класс Руси активно заимствовал для упрочения своего положения элементы феодальной культуры Византии, но сказывалось это почти исключительно в области идеологии. [2]

Городские ворота Киева не имели никакого сходства с воротами греческих городов, но назывались они Золотыми воротами по образцу константинопольских ворот, ибо именно в идеологическом значении главных городских ворот использование византийских традиций казалось феодальным верхам русского общества совершенно необходимым. [3]

Значительно больше общих черт, чем с византийским военным зодчеством, имеется между военным зодчеством Руси и Западной Европы. Прежде всего до XI в. каменные укрепления в Западной Европе, как и на Руси, были редкими исключениями (кроме подновленных остатков римских крепостей), а основным видом оборонительных сооружений были дерево-земляные укрепления. [4] Вплоть до XII в. западноевропейские замки представляли собой центральную башню-донжон, окруженную одним рядом стен без башен. Очевидно, отсутствие башен, фланкирующих крепостные стены, было характерной чертой западноевропейской си-

---

[1] О социальной сущности русских городов и замков см.: *С. В. Юшков*. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, стр. 261; *М. Н. Тихомиров*. Древнерусские города. М., 1946, стр. 252.

[2] О роли «византийского влияния» на культуру Руси см., например: *Д. С. Лихачев*. Возникновение русской литературы. *М.* — Л., 1952, стр. 119.

[3] Золотые ворота в Константинополе см.: J. Strzygowski. Das Goldene Thor in Konstantinopel, Jahrbuch der Deutsch. Archäolog. Institute, Bd., VIII, 1893, стр. 1; E. Weigand. Neue Untersuchungen über das Goldene Tor. Mitteilungen der Deutsch. Archäolog. Instituts, Athenische Abt., Bd. XXXIX, 1914, стр. 1.

[4] Ch. Oman. A history of the art of war in the middle ages. London, 1924, v. 2, стр. 10. -F. Prevost. Études historiques sur la fortification, l'attaque et le défense des places. Paris, 1869, стр. 29.

стемы обороны, совершенно так же, как и на Руси. Усиление куртин стен башнями, расположенными на определенных расстояниях, появилось в Западной Европе лишь с XII в., *т. е. после* крестовых походов, под явным влиянием оборонительного зодчества Ближнего Востока. [1]

Таким образом, в X—XI вв. оборонительные сооружения Руси и Западной Европы имели между собой очень много общего как по материалу построек, так и по их тактическим принципам. Лишь с XI в. в Западной Европе началось строительство каменных замков. Но при этом разница в строительном интервале не определяла превосходства одного вида оборонительных сооружений над другими. Судя по данным письменных источников, русские дерево-земляные укрепления настолько соответствовали тем требованиям, которые к ним предъявлялись, что взятие штурмом таких укрепленных пунктов, при наличии боеспособного гарнизона, было делом крайне редко удававшимся. Поэтому каменные оборонительные сооружения, очевидно, не имели в это время на Руси преимуществ перед дерево-земляными сооружениями, и, следовательно, почти полное отсутствие до XIII в. каменных укреплений совершенно не говорит о более низком, чем в Западной Европе, уровне русского военно-инженерного искусства. [2]

Общность принципов устройства оборонительных сооружений древней Руси и Западной Европы свидетельствует о том, что уровень развития военного искусства и основные тактические особенности обороны и осады укреплений здесь были довольно близки. Однако существенная разница в устройстве самих сооружений несомненно свидетельствует, что развивались эти сооружения совершенно самостоятельно, не оказывая друг на друга заметного воздействия.

Значительно больше сходства не только в общих принципах построения, но и в самих конструкциях имеется между русскими оборонительными сооружениями и укреплениями других славянских стран, в частности Польши, Чехии и др. Здесь в ряде случаев могло иметь место не только совпадение тактических принципов, но и прямое заимствование конструктивных форм. Тесные культурные и экономические связи Руси с ее западными соседями создавали все условия для того, чтобы достижения военно-инженерного искусства одной страны могли быть вскоре восприняты ив другой, причем проникновение форм могло идти одновременно как из Руси на Запад, так и обратно, поскольку уровень культурного развития и военной техники в этих странах в X—XIII вв. был приблизительно одинаковым. Сходные оборонительные конструкции в Чехии, Польше и на Руси решены в деталях несколько по-разному. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что в большей степени здесь имело место, однако, не столько прямое заимствование, сколько параллельное развитие, причем одинаковые военно-тактические требования, при наличии тесной культурной взаимосвязи, естественно вызывали появление почти одинаковых конструктивных решений.

Так, например, в Чехии в X в. была распространена конструкция оборонительных валов, по принципу своего построения чрезвычайно близкая русским укреплениям типа Белгорода или Переяславля. На Либушинском городище, основанном в первой половине X в., конструкция вала представляет собой деревянные клети, забитые глиной, с прислоненной к этим клетям спереди стенкой. В отличие от русских укреплений в Либушине эта стенка сложена не из сырцовых кирпичей, а из камня-плитняка. [3] Над забитыми глиной клетями несомненно находилась еще деревянная стена. Такая же конструкция известна на городище Будеч и на некоторых других городищах Чехии. [4] Основное отличие чешских

[1]Ch. Oman, ук. соч., стр. 29, 30.

[2]*В. И. Довженок* справедливо отмечает: «Уровень фортификационного искусства определял не материал, из которого строились укрепления, а эффективность этих укреплений в защите от вражеских нападений» (*В. Й. Довженок*. Військова справа в Київській Руси, стр. 58).

[3]Я. Бем. Новые археологические открытия и исследования. Československo, Praha, r. V, 1950, № 9, стр. 534.

[4] M. Šolle. Budeč. Obzor prehistoricky, XIII, Praha, 1946, стр. 9—12. - J. Filip. Praveké československo. Praha, 1948, стр. 331. См. также городище второй половины X в. у Нальжовиц: Archeologické rozhledy, Praha, III — 1951, s. 2—3, стр. 202; городище у Забрушан: там же, s. 1, стр. 59 и др.

укреплений от русских заключается в том, что деревянные клети, лежащие в основе чешских валов, представляют собой не сплошные срубы, а лишь решетчатые деревянные каркасы. [1]

Еще больше сходства имеется между оборонительными конструкциями Руси и древней Польши. На основании изучения археологического материала выяснилось, например, что древнейшие польские городища (VIII—IX вв.) были укреплены частоколом-палисадом из остро заточенных кольев. Позднее эти укрепления уступили место валам, состоящим из деревянных конструкций, забитых глиной. В Великопольше такие сложные деревянные конструкции появились, как и на Руси, в X в. [2] Необходимо, однако, отметить, что для военных сооружений Польши и поморских славян более характерны не срубные конструкции в валах, а конструкции, состоящие из бревен, лежащих слоями, причем бревна каждого слоя перпендикулярны бревнам соседнего слоя. [3] Срубные конструкции, применявшиеся в X—XIII вв. на Руси, в Польше встречаются довольно редко. [4]

Наибольшую близость, доходящую в отдельных случаях почти до тождества, с оборонительными конструкциями Киевской Руси обнаруживают памятники Прибалтики.

Так, очень близкая к русским оборонительным сооружениям XI—XII вв. конструкция вала с деревянными срубами была исследована на городище Лыхавере в Эстонии, представляющем собой остатки замка Леолэ, построенного в начале XIII в. [5]

Подобные конструкции валов известны и на некоторых латвийских городищах — на городище Асоте, городище Талсы и некоторых других. [6]

Характерная для русских укреплений XII в. конструкция срубов, где продольные бревна связаны друг с другом «внахлестку», была хорошо прослежена на латвийском городище Межотне, также, по-видимому, относящемся к XII в. [7]

Учитывая то сильное политическое и культурное влияние, которое оказывала Русь на Прибалтику в XI—XII вв., можно предположить, что эти, аналогичные русским, типы конструкций оборонительных сооружений проникли в Латвию и Эстонию непосредственно с русской территории. Однако материала для окончательного решения этого вопроса пока еще совершенно недостаточно.

Близкие по устройству оборонительные сооружения имелись не только у западных соседей Руси, но и у восточных ее соседей. Так, например, валы с забитыми землей срубами известны на финских городищах в Удмуртии, относящихся к X—XIV вв. [8] Конструкция срубов, находящихся внутри валов некоторых булгарских городищ.

---

[1]W. Hensel. Wstep do studiów nad osadnictwem Wielkopolski wczesnohistorycznej. Poznań, 1948, стр. 120 и 126.

[2]J. Filip, ук. соч., стр. 330. — J. Kostrzewski. Kultura Prapolska. Poznań, 1947, стр. 92. — R. Jakimowicz. Okres wczesnohistoryczny. Prehistoria ziem polskich. Kraków, 1948, стр. 377. Переход от простой конструкции типа частокола к более сложной деревянной конструкции был прослежен, в частности, на городище Тум близ Ленчицы (A. Nadolski. Umocnienia grodu Lęczyckiego. Z otchlani wieków, Poznań 1950, r. XIX, z. 5—6, стр. 87—95). Следует, однако, отметить, что сама реконструкция форм этого укрепления весьма сомнительна. Это отмечает, например, *В.* Хенсель (W. Hensel. Ksztaltowanie się osadnictwa slowiańskiego w okresie wczesnosredniowiecznym. Slavia Antiqua, Poznań, t. II, z. 1, 1949—1950, стр. 45, прим. 1). О датировке укреплений этого городища см.: W. Hensel. Polskie tysiaclecie. Sprawozdania PMA, Warszawa, t. III, z. 1—4, 1950, стр. 34.

[3]В польской литературе такая конструкция называется *рустовой.* См., например: W. Hensel. Szkice wczesnodziejowe. Slavia Antiqua, Poznań, t. II, 1949—1950, стр. 263. На Киевщине конструкция, по-видимому, подобного типа была обнаружена лишь на городище в с. Плесецком, представляющем собой остатки замка XVI— XVIII вв. О городище в с. Плесецком см.: П. Раппопорт. Обследование городищ в районе Киева в 1950 г., стр. 146.

[4]W. Hensel. Wstep do studiów nad osadnictwein Wielkopolski wszesnohistorycznej, стр. 219.

[5]H. Moora ja O. Saadre. Lõhavere Linnamägi. Muistse Eesti Linnused. Tartu, 1939, стр. 179. Этот замок был уничтожен немцами в 1214 г. Описывая штурм этого замка, Генрих Латвийский отмечает, что вал «построен был из земли и бревен» (Генрих Латвийский, ук. соч., стр. 154).

[6]История Латвийской ССР, т. I. Рига, 1952, рис. на стр. 69 и 87; О городище Талсы см. также: H. Moora. Pirmatnējā kopienas un agrā feodalā sabiedrība Latvijas PSR teritorijā. Rigā, 1952, стр. 131.

[7]Senatne un Māksla, IV, Rigā, 1939, стр. 34 и рис. 18.

[8]*А. П. Смирнов*. Финские феодальные города. Сб. «На удмуртские темы», М., 1931, стр. 37—38 и 70.

также чрезвычайно близка русской. [1] Очень возможно, что в данном случае близкое совпадение форм финских и булгарских городищ с русскими объясняется, как и в Прибалтике, прямым влиянием русского военного зодчества.

2

Широкое распространение на Руси практики деревянного срубного строительства уже в IX—X вв. не может вызывать сомнений. Так, хорошо сохранившиеся остатки срубных

конструкций были обнаружены в полуземляночных жилищах и в погребальных сооружениях Киевской Руси IX—X вв. [2]

О существовании на Руси, по крайней мере к X в., полностью сложившейся традиции срубного строительства свидетельствует и тот факт, что как наиболее ранние деревянные конструкции валов, *т. е. сооруженные* в конце X в., так и все последующие конструкции вплоть до XIII в. выполнены в совершенно одинаковой технической манере. Все врубки на углах срубов исполнены «в обло» с длинными, обычно не менее полуметра, остатками. Для устройства деревянных конструкций использована одна порода дерева — исключительно дуб. [3] Устойчивость строительно-технических приемов, отмечаемая на большом количестве памятников разного времени и разных территорий, несомненно свидетельствует о наличии на Руси разработанной и широко распространенной традиции срубного строительства.

Когда вследствие изменившихся требований обороны появилась необходимость в мощных валах, а следовательно, и необходимость в устройстве такого каркаса, который обеспечил бы этим валам полную неизменяемость формы, местными мастерами для этой цели были совершенно естественно созданы деревянные внутривальные конструкции, выполненные в привычной для Руси срубной технике. Устройство в конце X в. оборонительных валов с внутренними деревянными конструкциями, хотя и близкими по типу оборонительным сооружениям других славянских стран, но во вполне самостоятельном, русском, варианте, безусловно говорит о местном происхождении этой конструкции. Очень возможно, что отдельные примеры употребления подобной конструкции будут обнаружены и в более древних памятниках военного зодчества восточных славян.

Сложные типы русских оборонительных сооружений XI—XIII вв., как правило, являются развитием более простых конструкций предшествующего времени. Так, сложные конструкции валов «города Ярослава» в Киеве являются по существу лишь развитием в ширину тех простейших сооружений, состоящих из отдельных срубов, которые применялись уже до этого в валах Белгорода и Переяславля. При этом в Переяславле на стрелке при слиянии Трубежа и Альты, как выяснилось, также уже были использованы срубы, расширенные до нескольких рядов. В дальнейшем, в XII в., именно этот прием устройства многорядных срубов был использован для постройки таких своеобразных крепостей, как Райковецкое городище и Колодяжин, где внутривальные срубы имели не только чисто военное, но и жилое назначение.

В переяславском валу имеется характерная черта — под сырцовой конструкцией в передней части вала расположен дубовый сруб, имеющий всего три венца в высоту и плотно забитый землей. Назначение этого сруба — воспрепятствовать сползанию переднего склона вала к р. Альте. Для такой же цели этот прием, *т. е. расположение* в основании передней части вала невысокого сруба, использован в более развитой форме позже и в валу «города Ярослава» в Киеве.

---

[1] *А. П. Смирнов*. Сувар. Труды Гос. Историч. музея, вып. XVI, М., 1941, стр. 139.

[2] Например, срубы в полуземлянках на Большом Боршевском городище (МИА СССР, № 8, 1948, стр. 21—23), а также деревянные срубы в погребениях, открытых под Десятинной церковью (Отчет Археолог. комиссии за 1908 г. СПб., 1912, стр. 152; *М. К. Каргер*. Археологические исследования древнего Киева, стр. 86).

[3]Исключение представляет лишь конструкция, обнаруженная в Вышгороде при раскопках 1935—1937 гг. Здесь, судя по публикации, срубы были сложены из березовых бревен. В Райковецком городище первая, основная линия клетей срубов сделана из дуба и березы, а в задних клетях, имеющих жилое и хозяйственное назначение, использованы также и другие породы дерева. Наличие в древности большого количества дуба на территории Киевской земли не вызывает сомнения. На Украине и до настоящего времени кое-где сохранились густые дубовые леса, деревья в которых имеют высокие и совершенно прямые стволы.

Таким образом, развитие и усложнение оборонительных конструкций вплоть до XIII в. несомненно свидетельствует о дальнейшем развитии собственных, чисто русских приемов устройства укреплений.

Существуют, однако, в русских оборонительных сооружениях некоторые конструктивные формы, которые не самостоятельно развились на русской почве, а были, по-видимому, откуда-то заимствованы. Таковы, например, сырцовые конструкции, примененные в лицевой части валов конца X в. и не имеющие никаких аналогий ни в жилом или культовом строительстве на Руси, ни в зодчестве других славянских стран. Судя по известным нам данным, можно думать, что сырцовая кладка в древней Руси вообще совершенно не употреблялась. Единственным примером сырцовой техники этого времени являются остатки сооружений, раскопанных в древнем городе Белая Бежа, основанном на развалинах хазарской крепости Саркел. Сырцовые кладки были здесь обнаружены в слое, относящемся к XI — началу XII в. Однако наличие сырцовых кладок из всех древнерусских городов в одной только Белой Веже как раз и подтверждает, что для русской строительной традиции сырцовая техника была совершенно чужда, так как в Белой Веже — русском города, далеко заброшенном в половецкие степи, — несомненно должно было сказаться (и особенно на последнем этапе его жизни — в XI — начале XII в.) влияние строительных традиций местного, донского населения.

Для архитектурной практики Нижнего Подонья, Северного Причерноморья и Крыма сырцовая техника является очень характерной. Так, сырцовые кладки, относящиеся к VIII—X вв., были обнаружены в восточном Крыму (Планерское), [1] на Тамани, [2] на Нижнем Дону (Кобяково городище и городище у ст. Семикоракоровской) [3] и в ряде других мест. Наконец, в 1952 г. раскопками *Б. А. Рыбакова* на Таманском городище (остатки древней Тмутаракани) была обнаружена сырцовая оборонительная стена, относящаяся, по-видимому, к X в. [4]

Вероятно, на Русь в конце X в. сырцовая техника была занесена именно с юго-востока, наиболее вероятно — из Тмутаракани. Чрезвычайно короткий промежуток времени, когда эта техника применялась на Руси (по-видимому, лишь в 80-х и 90-х годах X в.), а также полное отсутствие малейших намеков на подобную технику, как до этого времени, так и позднее, заставляют предполагать, что в данном случае мы имеем дело с работой какой-то, по-видимому, приезжей группы мастеров.

Однако на Руси этим приезжим мастерам не поручили в целом строительства укреплений. Не только планировка оборонительной системы, но и сама деревянная конструкция оборонительных валов в Переяславле, Белгороде и на городище у с. Заречье выдают их местное, русское происхождение. Очевидно, приезжим мастерам была поручена лишь

сравнительно узкая задача — создать конструкции, способные удержать от оползания крутизну переднего склона вала. Эту задачу они и разрешили в привычной для юго-востока сырцовой технике. [5] Но рациональная при постройке зданий или оборонительных стен сырцовая техника, по-видимому, оказалась мало практичной при строительстве оборонительных валов. По самым минимальным подсчетам для постройки небольшой крепости на Стугне (городище у с. Заречье) необходимо было отформовать около 20 000 штук сырцовых кирпичей, а для постройки укреплений Белгорода их нужно было изготовить более 500 000 штук. По-видимому, эта неоправданная трудоемкость работ и послужила причиной того,

---

[1]Доклад *А. Л. Якобсона* в Ленинградском отделении ИИМК, 6 XII 1952.

[2]Раскопки А. Миллера в 1931 г. (Сообщ. ГАИМК, 1932, № 3—4, стр. 58).

[3]Раскопки А. Миллера на Кобяковом городище в 1924 и 1925 гг. (Сообщ. ГАИМК, 1926, № 1, стр. 116; более подробно см.: Архив ИИМК, ф. 2, оп. 1, 1924 г., № 102, л. 73 об.). О городище близ ст. Семикоракоровской см. сообщение *В. И. Сизова* (Древности, т. 10, М., 1885, протоколы, стр. 60).

[4]Сведения любезно сообщены *Б. А. Рыбаковым*. Замечательно, что формат сырцовых кирпичей Таманского городища (6 X 21—24 X 43—47 см) очень близок формату кирпичей, использованных в русских укреплениях конца X в.

[5]Во время раскопок *Д. В. Милеева* в Киеве в 1909 г. в районе Десятинной церкви были обнаружены фрагменты сырцовой кладки, назначение которых установить не удалось. Очень возможно, что сырцовые сооружения здесь относятся также к концу X в. и являются следами деятельности тех же мастеров, которые сооружали и сырцовые конструкции в оборонительных валах. О сырцовых кладках в раскопках *Д. В. Милеева* см.: ИАК, прибавл. к вып. 32, СПб., 1909, стр. 132.

что сырцовая техника не привилась в русском военном зодчестве. В дальнейшем, в XI и XII вв., в строительстве русских оборонительных сооружений употреблялись уже только свои, местные приемы.

VIII. ВЫВОДЫ

Несмотря на крайнюю отрывочность и неполноту сведений, изучение древнерусских оборонительных конструкций позволяет нарисовать в самых общих чертах картину развития типов этих конструкций.

Так, несомненно, что в оборонительных сооружениях VIII—X вв. основное значение имели естественные препятствия, а также использование в усиление оборонительных свойств рельефа местности, в частности, подрезка склонов холмов, на которых располагались укрепления. Из искусственных земляных сооружений наибольшее значение имели рвы. Валы в укрепленных поселениях VIII—X вв. играли меньшую роль, чем рвы, и, очевидно, не имели никаких специальных каменных или деревянных конструкций. По гребню валов, по-видимому, устраивалось деревянное ограждение в виде частокола.

Такой простейший тип оборонительной конструкции, состоящий из частокола на земляном валу, продолжал употребляться и позже, в XI—XIII вв. Однако в связи с увеличением размеров валов и необходимостью поддерживать большую крутизну их переднего склона начиная с X в. наряду с подрезкой склонов холмов начинают применять различные способы укрепления поверхности валов камнем, деревом, хворостом и пр.

Кроме частокола, по-видимому, уже с X в. вошла в употребление и более массивная конструкция в виде бревенчатых срубных стен. В некоторых укреплениях с конца X в. применялся еще более сложный конструктивный прием, заключающийся в том, что срубная стена запускалась глубоко в вал. Таким образом, нижние части наземной срубной конструкции становились внутренней конструкцией оборонительного вала.

Совершенно несомненно, что валы со специальными внутренними конструкциями существовали только на тех укрепленных поселениях, которые имели достаточно большое военное значение. Это были главным образом крупные города, бои за овладение которыми не раз отмечены в русских летописях. Таковы, например, Киев, Переяславль Белгород, Вышгород, Рязань. Иногда, правда, такая конструкция валов применялась и в сравнительно небольших городах, в тех случаях, когда города эти были расположены на ответственных в стратегическом отношении направлениях (как, например, на городище у с. Старые Безрадичи, по-видимому, город Тумащь на Стугне) или являлись центрами самостоятельных княжеских уделов (например Вщиж). Наконец, сложные конструкции валов применялись и на совсем маленьких поселениях, имеющих характер княжеских пограничных крепостей (например, на городище у с. Заречье), защищавших подход к Киеву с юга, со стороны степей. Особенно ясно это специфически военное назначение проявляется на Райковецком городище и в Колодяжине, где жилые и хозяйственные сооружения были построены одновременно и по единому плану с оборонительной системой. Такое сочетание жилых и военно-инженерных сооружений могло быть достигнуто только при плановой постройке всего поселения, а это обстоятельство говорит о том, что данные городища были, по-видимому, не обычными феодальными усадьбами, а крепостями, предназначенными для расположения специального гарнизона.

Таким образом, сложная система конструкции оборонительных валов отвечала прежде всего большому чисто военному значению того укрепленного поселения, где эти валы сооружались. В тех же случаях, когда военное значение поселения было небольшим, независимо от социального типа этого поселения и планировки его оборонительной системы валы делались более простыми, не имеющими специальной внутренней конструкции.

Ограниченное количество исследованных памятников позволяет пока лишь ориентировочно наметить этапы развития внутренней конструкции оборонительных валов. Так, в конце X в. получают распространение валы, основу которых составляют забитые землей деревянные срубы, перед которыми устраивалась стенка, состоящая из деревянного каркаса, заполненного кладкой из сырцовых кирпичей. С XI в. начинает применяться несколько более упрощенная кон-

струкция, состоящая из линии деревянных срубов, набитых землей, но уже без употребления сырцовой кладки. При этом, если в валах X—XI вв. срубы располагались

один рядом с другим и не были между собой конструктивно связаны, то начиная с XII в. появляется связанная система внутривальных срубов. Вариантом этой конструкции являются валы, в которых деревянные срубы расположены в виде нескольких параллельных линий, причем наружная линия является конструктивной основой вала, а внутренние имеют также жилое и хозяйственное назначение.

Наземные деревянные конструкции X—XIII вв., по-видимому, всегда представляли собой либо частокол, либо бревенчатую срубную стену, но никогда не были системой забитых землей срубов, как это имело место в более позднее время.

В верхних частях срубных деревянных стен устраивались заборола — специальные приспособления, защищавшие воинов, оборонявших стены, и дававшие этим воинам возможность стрелять по врагу сверху, с городских стен.

Ворота в древнерусских укреплениях иногда, возможно, устраивались в виде проезда в частоколе, расположенном на валу. Однако в подавляющем большинстве случаев проезд располагался не на валу, а на уровне площадки самого поселения и проходил, таким образом, сквозь вал. Сами ворота, вероятно, устраивались в виде деревянной башни с проездом в ее нижней части. В наиболее крупных древнерусских городах иногда сооружались каменные ворота, в верхней части которых была расположена надвратная церковь. Каменные стены в русских укреплениях до XIII в. встречаются лишь как исключение. Через ров к воротам вели деревянные мосты, опиравшиеся на столбы. Для вылазок и скрытого сообщения между городом и окрестностями внутри валов иногда делались подземные проходы — потерны. выводившие во рвы.

В некоторых случаях, по-видимому, в древнерусских укреплениях сооружались сторожевые башни для наблюдения за окружающей местностью, а также башни для защиты подхода к городским воротам, однако вплоть до XIII в. никакие башни, кроме воротных, в русских оборонительных сооружениях широкого распространения не имели.

Заметное усложнение типов оборонительных конструкций в древнерусском военном зодчестве несомненно имело место в конце X в., так как оборонительные конструкции конца X в. и более поздние зачастую во много раз сложнее и совершеннее конструкций предшествующего времени.

Тип оборонительной конструкции в русских укреплениях до XIII в., по-видимому, не зависел от социального содержания поселения, где была сооружена эта конструкция, так как одинаково простые или одинаково сложные конструкции встречаются как в укреплениях древнерусских городов, так и в укреплениях феодальных замков. Степень мощности и сложности оборонительных конструкций X—XIII вв. в первую очередь, видимо, зависела от чисто военной значимости данного оборонительного пункта, его стратегической роли.

Сравнение русских оборонительных конструкций X—XIII вв. с оборонительными конструкциями соседних стран свидетельствует о том, что основные приемы устройства оборонительных сооружений были в это время на Руси близкими к устройству оборонительных сооружений Западной Европы и в особенности таких соседних славянских стран, как Чехия и Польша. Однако отсутствие полного совпадения конструктивных приемов позволяет утверждать, что это общее сходство было вызвано не непосредственным заимствованием, а близостью тактических приемов и, вероятно, общим сходством развития военного искусства. Изучение древнерусских оборонительных сооружений несомненно свидетельствует о развитии на Руси в X—XIII вв. собственных,

чисто русских приемов строительства оборонительных сооружений. Это, конечно, нисколько не противоречит тому, что в отдельных, правда, довольно редких случаях на Руси заимствовали чужие конструктивные приемы, а иногда Русь оказывала существенное влияние на устройство оборонительных сооружений соседних стран.

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБОРОНЫ

I. ТАКТИКА ОСАДЫ И ОБОРОНЫ УКРЕПЛЕНИЙ ДО XIII в.

1

Развитие оборонительных сооружений во многом зависит непосредственно как от социального строя общества в целом, так в от назначения и содержания самого укрепленного поселения. Так, по совершенно разному принципу строится планировка укреплений древнерусского города и феодального замка. Иногда даже и конструкции укреплений непосредственно зависят от назначения поселений, которые они защищают, как это имеет, например, место в таких укрепленных поселениях, по-видимому, княжеских пограничных крепостях, как Колодяжин или Райковецкое городище. Некоторые древнерусские оборонительные сооружения уже своими огромными размерами прямо говорят о больших экономических возможностях, а также о наличии значительных масс феодально-зависимого населения, которое можно было привлечь к строительству этих укреплений. С другой стороны, оборонительные сооружения боярских укрепленных дворов часто имеют очень незначительную мощность, по-видимому, именно из-за незначительных экономических возможностей владельца данного замка. Оборонительные сооружения возводились для защиты поселений, а выбор места для поселения не мог целиком зависеть только от тактических и стратегических требований, поскольку огромную роль здесь играли и экономические требования, связанные с самой жизнью этого поселения.

Таким образом, связь развития форм оборонительного зодчества с социальным строем И экономикой эпохи не может вызывать сомнений. Однако было бы неправильным целиком объяснять развитие оборонительных сооружений прямым воздействием социального строя общества, так как это влияние проявляется, как правило, лишь в сложной взаимосвязи военно-инженерного искусства с различными сторонами экономической и культурной жизни общества. [1]

Нельзя рассматривать развитие оборонительных сооружений вне единства этих сооружений с тактикой осады и обороны. Правильное понимание развития оборонительных сооружений, их назначения и причин появления различных их типов и конструкций не может быть достигнуто без рассмотрения этих сооружений в свете тех тактических принципов, тактических требований, которые к ним предъявлялись при боевом использовании. Таким образом, выяснение основных тактических принципов осады и обороны укрепленных пунктов яв-

---

[1] «Ничто не зависит до такой степени от экономических условий, как именно армия и флот, вооружение, состав, организация, тактика и стратегия находятся в прямой зависимости от данной

степени развития производства и средств сообщения. Не „свободное творчество ума" гениальных полководцев совершало перевороты в этой области, а изобретение лучшего оружия и изменение в составе армий» (Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Избранные военные произведения, т. I, М., 1936, стр. 2). В свою очередь состав армий определяется социальными условиями, например, «общее крушение феодальной системы и рост городов привели к изменениям в составе армий» (Ф. Энгельс. Армия. Там же, стр. 166).

ляется одной из необходимых предпосылок для выяснения основных принципов развития самих оборонительных сооружений. Конечно, и военная тактика не является простым порождением воли полководца, независимым от других общественных явлений; развитие тактики обусловливается развитием социальных отношений в экономики общества.

Развитие и изменение тактики является большей частью непосредственной причиной, вызывающей изменение форм оборонительных сооружений, но следует при этом учитывать и обратное воздействие оборонительных сооружений на тактику, поскольку развитие форм И конструкций крепостей и развитие тактики осады и обороны укрепленных пунктов являются двумя взаимосвязанными сторонами военно-инженерного искусства. [1]

Самостоятельное изучение тактики осады и обороны, а также зависимости этой тактики от социально-экономического развития общества требует, конечно, особого исследования и в данной работе не может ставиться. Однако понять причины изменения форм оборонительных сооружений можно, только учитывая те изменения, которые происходят в тактике обороны, поскольку в сложном единстве, во взаимосвязи развития тактики и форм оборонительных сооружений более активная роль принадлежит тактике. Поэтому, даже в пределах данной работы, необходимо хотя бы в самых общих и приблизительных чертах установить те тактические принципы осады и обороны, которые были характерны для Руси с X по XIII в. включительно.

2

Сочетание письменных источников и данных археологии позволяет выяснить не только формы древнерусских оборонительных сооружений, но и те тактические принципы, которыми руководствовались при возведении этих сооружений. В особенности много материалов для этого дают русские летописи, в ряде случаев очень подробно описывающие осаду и оборону древнерусских укрепленных пунктов. Однако достаточно достоверные сведения в этой области из русских летописей могут быть получены только для XI и последующих веков и в крайнем случае для второй половины X в. Для VIII, IX и даже, отчасти X в. единственным источником, позволяющим выяснить тактические принципы использования укреплений, являются остатки самих укреплений. Учитывая крайне слабую изученность городищ VIII—X вв., приходится мириться с тем, что основные особенности военно-инженерных сооружений этого периода могут быть выяснены пока лишь очень приблизительно и даже в значительной степени гадательно.

Несомненно, основным принципом организации обороны в укрепленных поселениях VIII—X вв. было использование для этой цели естественных условий рельефа и лишь в самых необходимых случаях сравнительно незначительное изменение и приспособление

местности. Это приспособление заключалось в основном в усилении уже имеющихся природных оборонительных рубежей, как то: подрезка склонов для придания им большей крутизны, углубление оврагов и превращение их во рвы и пр.

Это ограничение средств обороны в русских укрепленных поселениях VIII—X вв. главным образом естественными преградами говорит не только о малых средствах, которыми обладали строители этих укреплений, но и о том, что эти укрепленные поселения не были предназначены для обороны от противника, имеющего какие-либо осадные средства или обладающего разработанной тактикой штурма укреплений.

Правда, письменные источники, относящиеся к X в., *т. е. уже* к концу рассматриваемого периода, отмечают случаи длительной осады укреплений. Так, воевода Игоря Свенельд три года осаждал город уличей Пересечен, а княгине Ольге удалось захватить хитростью древлянский город Искоростень после годичной осады. [2] Однако такие упорные и длительные осады могли быть

---

[1]Выдающийся русский военный инженер *А. З. Теляковский* отметил: «Хотя фортификация есть наука самостоятельная, однакож она тесно связана с двумя другими военными науками, стратегией и тактикой. Тактика и стратегия назначают места для действия войск; дело фортификации посредством укреплений приспособить эти места к выгоднейшему действию войск» (А. Теляковский, ук. соч., стр. 2).

[2]Воскресенская лет., 6422 (914). — Лаврентьевская лет., 6454 (946).

осуществлены в эту пору лишь силами сложившегося раннефеодального государства, а никак не отдельными племенными отрядами. В VIII и IX вв., в условиях еще только слагающейся государственности, военные столкновения не могли иметь того организованного характера, который они приобрели позднее. В столкновениях этих участвовали сравнительно небольшие воинские отряды. Внешние враги Руси — печенеги — также несомненно стремились захватить русские укрепленные поселения внезапным ударом и вряд ли часто проводили длительные организованные осады.

Только в таких условиях оборонительные сооружения русских поселений VIII— IX, а отчасти и X в. могли успешно выдерживать нападение противника. Очень вероятно, однако, что эти оборонительные сооружения не всегда успешно выполняли свои функции, в особенности в тех случаях, когда столкновения происходили с внешними врагами — многочисленными степными кочевниками. Отступление в некоторые периоды границы русских поселений к северу под напором кочевников, так же как и следы пожарищ на городищах этой поры, говорят о том, что оборонительные сооружения русских укрепленных поселений VIII—X вв., недостаточно мощные в силу их малых экономических возможностей, не всегда выдерживали нападение противника.

Но если укрепленные поселения VIII, IX и начала X в. все же в большинстве случаев могли успешно выполнять свои защитные функции, даже обладая сравнительно примитивными оборонительными сооружениями, состоящими в основном из приспособленных к защите естественных условий местности, то начиная с середины X в., когда сложившееся древнерусское государство получило возможность мобилизовывать

для войны достаточно значительные людские массы, такие укрепления уже перестали удовлетворять предъявляемым требованиям.

Значительное усиление мощности оборонительных сооружений, которое можно отметить в конце X в., несомненно связано, таким образом, с появлением новых военно-тактических требований. Эти новые требования могли быть удовлетворены в связи с тем, что развитие производительных сил и экономики обеспечило в эту пору появление новых экономических возможностей. В свою очередь следует иметь в виду, что к X в. происходит также значительное усложнение социальных функций укреплений — появляются оборонительные сооружения типа больших городов и княжеских пограничных крепостей. Поэтому большая мощность оборонительных сооружений конца X и XI вв. по сравнению с оборонительными сооружениями предшествующего периода могла быть вызвана и новым их назначением, а не только изменением тактики.

Для решения вопроса о степени активности обороны русских укреплений VIII—X вв. никаких прямых данных не имеется. Малая роль искусственных оборонительных сооружений еще не дает оснований утверждать, что оборона была пассивной. Сведения более поздних письменных источников (о событиях не древнее X в.) говорят, однако, о том, что активность обороны заключалась в основном в вылазках, а не в организации интенсивной стрельбы из города.

3

Начиная со второй половины X в. свидетельства летописей дают возможность уже с большей определенностью выяснить тактические принципы, которых придерживались как при осаде, так и при обороне русских городов.

Несомненно, что в первую очередь при попытке взять город противника стремились захватить его врасплох, взять город «изъездом» или «изгоном». Этим приемом внезапного захвата города пользовались как кочевники, так и русские войска. [1] Особенно характерный пример подобного взятия города — захват Белгорода в 1150 г. Посылая брата Владимира к Белгороду, князь Изяслав дал ему указание, чтобы город был взят внезапно — «пакы ли изъедеши Белгород, а с тем к нам пошли, а мы к тобе поедем». Войско Владимира, действительно, настолько быстро («вборзе») и неожиданно подошло к Белгороду, что «даче бы не мыт-

---

[1]Примеры такого захвата городов «изъездом» — взятие Киева Святославом в 1175 г. (Лаврентьевская лет., 6683), взятие половцами города Чюрнаева в 1190 г. (Ипатьевская лет., 6698) и мн. др.

ник устерегл и моста не переметал, то яли бы быша». [1]

В 1216 г., когда князь Мстислав с новгородским войском после удачной битвы подошел к городу Владимиру Залесскому, то летописец, указывая, что войска шли медленно, отметил: «Аще быша гонилися по них... а град бы Володимерь изгонили». [2]

Захват города в случаях внезапного нападения осуществлялся через городские ворота. Так, например, в 1219 г. князь Мстислав выбил из Галича венгров, ворвавшись в город через ворота. [3] При штурме Даниилом города Опавы в Чехии русские войска также пытались проникнуть в город через ворота, которые противник не успел затворить «бежаще». [4]

Об очень большой роли, которую играли в обороне города ворота, можно судить по тому, как часто в летописях отмечены случаи проникновения врагов в город через ворота, а также сражения за овладение городскими воротами. [5] О большой роли городских ворот можно, однако, судить и по самим остаткам этих ворот. Не говоря уже о торжественных каменных воротах нескольких наиболее крупных городов, даже обычные деревянные ворота самой своей башнеобразной композицией должны были играть центральную роль во внешнем облике древнерусского города (рис. 101; 102). [6] Расположение в некоторых случаях над городскими воротами церкви также свидетельствует о большом военном значении ворот, ибо с точки зрения русских людей того времени церковь должна была укреплять городские ворота, обеспечивая им, кроме человеческой, еще и «божественную» защиту. В письменных источниках XI—XIII вв. термины «затворить ворота» или «отворить ворота» имели даже символическое значение, обозначая запрет или разрешение на въезд в город. [7]

Конечно, не всегда «изъезд» оказывался успешным даже и при внезапном нападении. Так, например, в 1225 г. князь Мстислав, преследуя противника, «вогнаша и в град Белз и замало города не взяша». [8]

Стремление обеспечить неожиданный захват города приводило к тому, что предварительно старались ознакомиться с устройством его оборонительной системы. Иногда для этой цели предпринимали даже своеобразную агентурную инженерную разведку. Так, в 1150 г. князь Изяслав прислал к сыну Юрия Долгорукого Андрею посла, который имел тайное поручение выяснить подготовленность к обороне города Пересопницы, «розирая наряд его и како город стоить». [9] Незадолго перед тем Изяславу удалось неожиданным налетом захватить Пересопницу, в которой сидел тогда другой сын Юрия - Глеб. Однако в этот раз город был подготовлен к обороне: «Заме бе утвержен город и дружину совокупил». Получив эти сведения и понимая, что «изъезд» города не удастся, Изяслав не решился на нападение.

Если город не удавалось взять внезапно, ворвавшись через ворота, и горожане успевали «затвориться» в городе, то приступали к осаде. Простейшим и основным способом осады было «облежание» города, *т. е. окружение* его войском со всех сторон, пока горожане не сдавались от голода и жажды. [10]

Типичную картину такого «обложения» рисует летопись при осаде Киева печенегами в 968 г.: «И оступиша град в силе велице

---

[1]Ипатьевская лет., 6658.

[2]Суздальская летопись по Академическому списку, 6724 (ПСРЛ, т. I, вып. 3, Л., 1928, стлб. 500).

[3]Ипатьевская лет., 6727 (1219).

[4]Ипатьевская лет., 6762 (1254).

[5]Например: Ипатьевская лет., 6586, 6654, 6660, 6681 и т. д.

[6]Центральная роль воротной башни в облике древнерусских городов, по-видимому, и явилась причиной того, что на древних миниатюрах город символически обозначался в виде башни. В тех случаях, когда в тексте речь идет о въезде или выезде из города, в нижней части башни изображался воротный проезд. Таким образом, хотя миниатюры (в частности миниатюры Радзивилловской летописи) и не дают никаких индивидуальных архитектурных особенностей русских городов, но даже символическое их изображение является косвенным подтверждением того, что древнерусские ворота имели башнеобразный характер и служили композиционной доминантой в архитектурном облике города.

[7]Об этом см.. например, комментарии *Д. С. Лихачева* в книге «Слово о полку Игореве» (М. — Л., 1950, стр. 442—443).

[8]Ипатьевская лет., 6733 (1225).

[9]Ипатьевская лет., 6658 (1150).

[10]Иногда в летописях в таких случаях применяется термин «обстояти град» [Лаврентьевская лет., 6496 (988)].

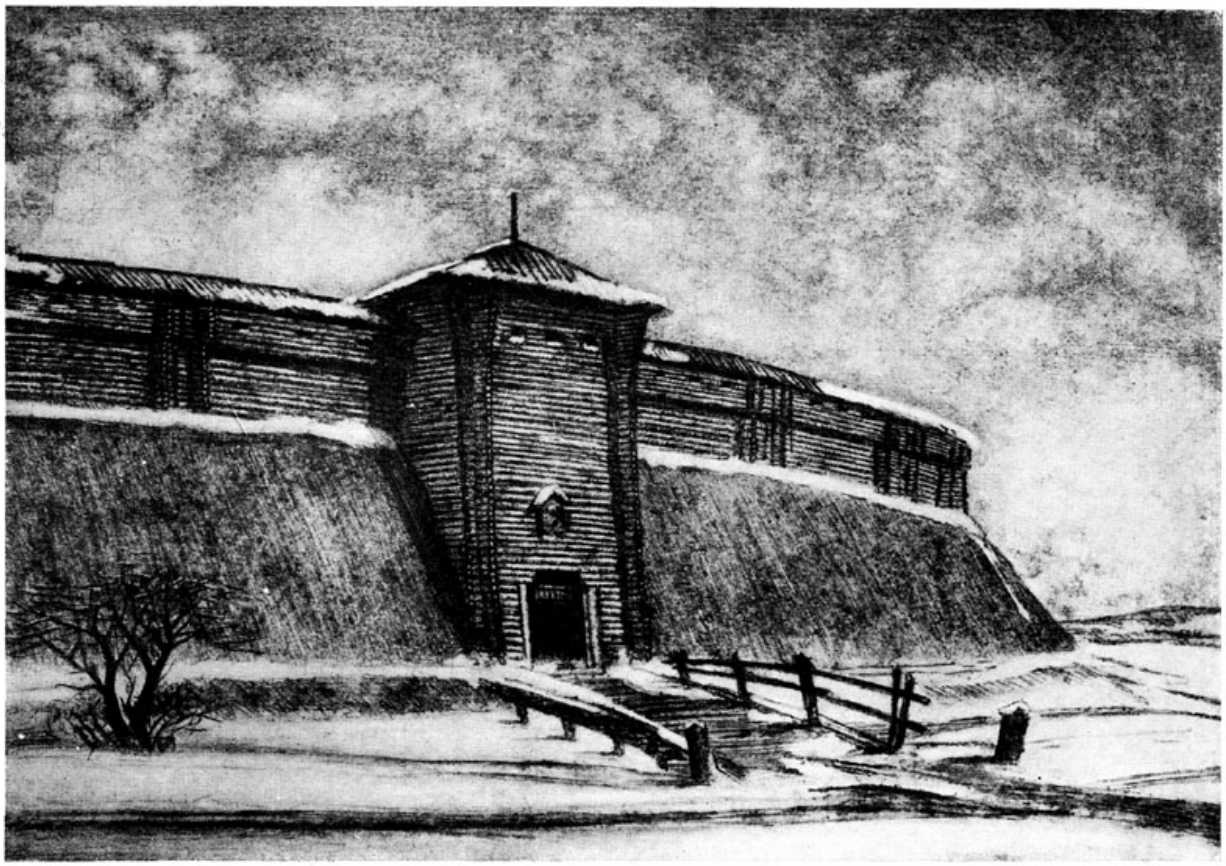

Рис. 101. Ворота древнерусского города. (Гравюра *В. А. Матвеева* по реконструкции автора).

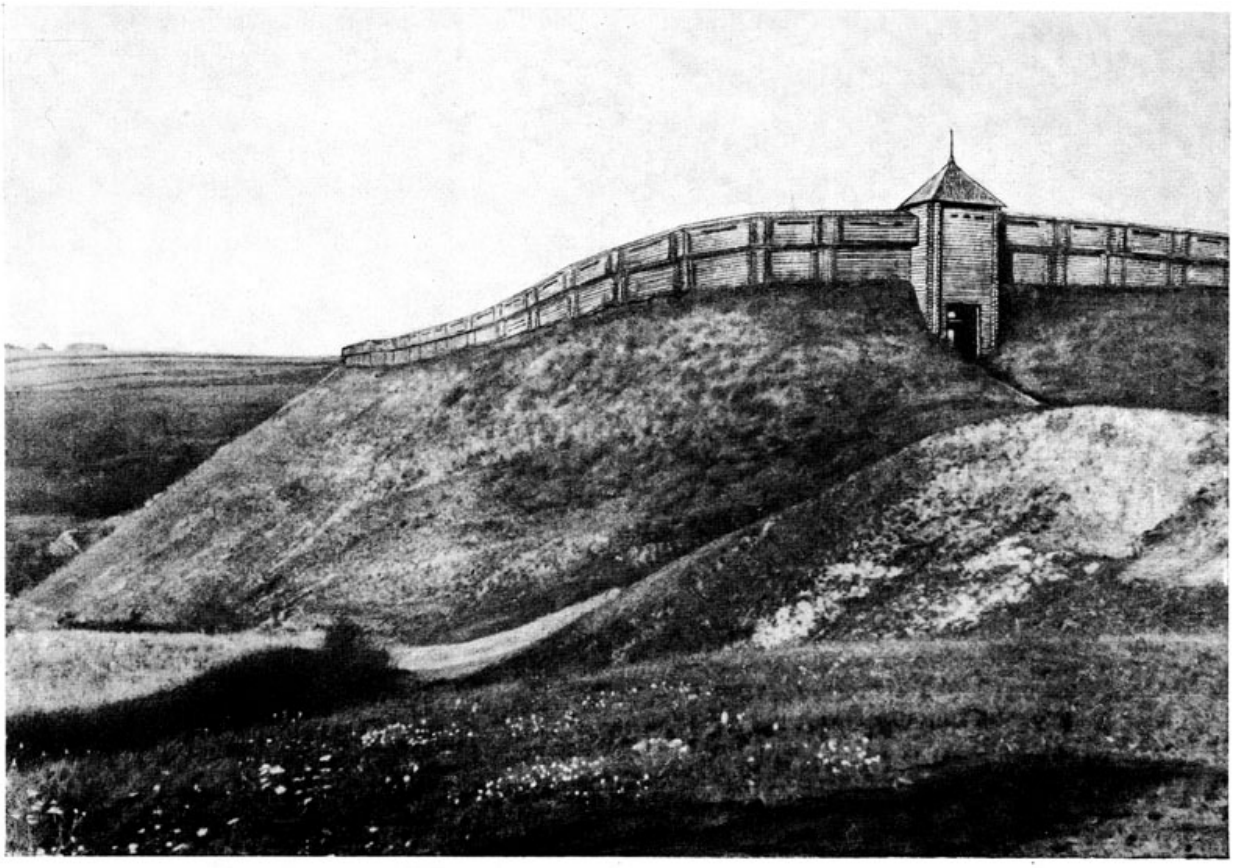

Рис. 102. Русский город XI—XII вв. Реконструкция автора на рельефе городища в с. Старые Безрадичи.

бещислено множьство около града и не бе льзе из града вылести ни вести послати. Изнемогаху же людье гладом и водою». [1] Если при этом удавалось «отнять воду», *т. е. перерезать* пути снабжения города питьевой водой, то это обычно ускоряло развязку. [2] При всей фантастичности истории с колодцами, наполненными киселем и сытой при осаде печенегами Белгорода в 997 г., [3] в этом рассказе замечательно указание летописца на то. что печенеги, убедившись в больших запасах пищи в осажденном городе, сейчас же сняли осаду, по-видимому, считая единственным средством принудить город к сдаче — именно голод и жажду.

Если задача обеспечить город запасом пищи на случай осады могла быть решена путем создания запасов продовольствия, то с водой положение было более сложным, так как расположенные обычно на высоких холмах древнерусские укрепленные поселения далеко не всегда имели колодец на самой территории укрепления. Однако известны случаи наличия колодцев даже в таких древнерусских городах, которые были расположены на большой высоте от уровня реки.

Так, например, в Белгороде раскопками В. Хвойки был вскрыт колодец с дубовым срубом. [4] Раскопки были доведены до глубины 15 м, однако, судя по уровню воды в Ирпене, общая глубина колодца должна была быть около 40—45 м. На городище у с. Старые Безрадичи существует воронка, по-видимому, отмечающая место заплывшего колодца. [5]

Высота площадки этого городища над уровнем р. Стугны около 24 м. Вероятно, еще большую глубину имел колодец на городище у с. Мацковцы (древний город Снепород). От этого колодца на поверхности земли в настоящее время также сохранилась воронкообразная впадина (рис. 103). Наконец, особенно большая глубина колодца была отмечена летописцем, в городе Холме, где «стюденец, рекомый кладязь», имел глубину 35 сажен, *т. е. более* 70 м. [6]

Но если в отдельных случаях колодцы имели такую колоссальную глубину, то, очевидно, в укрепленных поселениях, расположенных на меньшей высоте от уровня реки или грунтовых вод, колодцы должны были быть обычным явлением.

Имея большой запас пищи и колодец, расположенный на территории укрепления, древнерусские города могли противостоять осаде очень длительное время.

Действительно, в летописях неоднократно отмечены случаи, когда «облежание» города продолжалось шесть, семь, восемь, девять и десять недель, а порой и еще больше. [7] И все же, несмотря на столь длительную осаду, города очень часто не сдавались.

В летописях неоднократно указывается на безуспешные осады, после которых осаждавшие возвращались, не взяв города. [8] При этом естественно, что кочевники, ставившие своей задачей прежде всего ограбление поселений и взятие «полона», редко предпринимали длительные осады, обычно ограничиваясь попыткой внезапного захвата города.

Если город не был захвачен «изъездом», то быстрое его взятие — в течение нескольких дней — в летописях до XII в. упоминается очень редко и большей частью имеет какое-либо конкретное объяснение. [9]

Случаи прямого штурма городов обычно отмечены в письменных источниках словами

---

[1]Лаврентьевская лет., 6476 (968).

[2]Примеры этого см.: Лаврентьевская лет., 6601 (1093), 6694 (1186), 6715 (1207); Новгородская I лет., 6717 (1209) и *т. д. Также* многочисленны и примеры голода в городах во время осады, см.: Лаврентьевскаи лет., 6488 (980), 6605 (1097), 6690 (1182) и пр.

[3]Лаврентьевекая лет., 6505 (997).

[4]Колодец обнаружен в нескольких шагах к западу от каменной церкви, построенной в конце XII в. Сруб колодца квадратный (3. 1 X 3. 1 м), сложен из толстых дубовых брусьев. Колодец этот несомненно относится ко времени до монгольского нашествия, так как в его засыпке совершенно не было более поздних вещей, а над колодцем, после его разрушения, были устроены погребения XVI—XVII вв. (В. Хвойка. Древние обитатели Среднего Приднепровья, стр. 89).

[5]П. Раппопорт. Оборонительные сооружения на городище у с. Старые Безрадичи, стр. 115.

[6]Ипатьевская лет., 6764 (1259).

[7]См., например: Лаврентьевская лет., 6454 (946), 6603 (1095), 6605 (1097), 6650 (1142), 6682 (1174) и 6683 (1175); Ипатьевская лет., 6625 (1117), 6666 (1158) и др.

[8]Например: Лаврентьевская лет., 6658 (1150); Новгородская I лет., 6730 (1222) и др.

[9]Так, например, Киев был взят войсками Андрея Боголюбского в течение трех дней, однако город мог бы сопротивляться гораздо дольше, если бы князь Мстислав не бежал из города [Ипатьевская лет., 6679 (1171)].

Рис. 103. Воронка, образовавшаяся на мосте колодца на городище в с. Мацковцы.

«взять город копьем». [1] Такое взятие городов штурмом несколько раз отмечено при описании в летописи походов Святослава. [2] Имело место такое взятие городов во время войны Василька и Володаря с Давидом Игоревичем. [3] В 1123 г. князь Ярослав Святополчич угрожал жителям города Владимира-Волынского: «то узрите завътра приступлю к граду и възму город». [4]

Однако летописи совершенно определенно указывают, что на прямой штурм городов в X—XII вв. решались лишь в редких случаях, по-видимому, тогда, когда в городе был малочисленный гарнизон. Описывая бои у Перемышля, летописец отмечает, что город могли бы взять, «зане некому ся бяшеть из него бити». [5] Именно активность обороны, стрельба с городских стен и была той угрозой, которая являлась основным препятствием штурму города и вызывала переход к другому методу — «облежанию». [6] На это прямо указывают те тексты летописи, где говорится о «крепко бьющихся с града» защитниках города. [7]

Сами по себе укрепления, даже мощные, не являлись надежной защитой, если они не были обеспечены достаточным гарнизоном. По-видимому, в таких случаях защит-

[1]Термин «взять город на щит» означал не взятие штурмом, а взятие этого города в качестве военной добычи. В нескольких случаях в летописях это расшифровывается совершенно ясно, например, когда войско Всеволода Большое Гнездо взяло город Торжок: «И взяша город, мужи повязаша а жены и дети на щит, и товар взяша [Лаврентьевская лет., 6686 (1178)]. Еще яснее это видно, когда жители города Изяславля говорят князю Вячеславу: «Клянися нам Господем Богом, яко нас не даси на щит» [Никоновская лет., 6635 (1127)].

[2]Лаврентьевская лет., 6479 (971).

[3]Лаврентьевская лет., 6605 (1097).

[4]Ипатьевская лет., 6631 (1123).

[5]Ипатьевская лет., 6660 (1152).

[6]Кроме стрельбы из луков, в осаждающих метали из городов камни, лили вар (кипяток). См. например: «Идущу же камению со забрал яко дожду силну» (Ипатьевская лет., 6737), а также перечисление оборонительных средств Киева (Никоновская лет., 6667).

[7]Например: Ипатьевская лет., 6654 (1146), 6655 (1147) и т. д.

ники предпочитали иногда даже сами уничтожить наружную линию обороны и переходили к защите меньшего по площади детинца. Так, например, в 1161 г. князь Ростислав при обороне Белгорода не решился удерживать огромную по протяжению линию обороны окольного города (*острога)* и сам «пожегл» ее до подхода врагов. [1]

Кроме стрельбы с городских стен очень существенным тактическим элементом обороны городов были вылазки. В летописях отмечено большое количество таких вылазок и сражений под стенами городов. Наоборот, отсутствие вылазок в летописи обычно рассматривается как свидетельство слабости или трусости осажденных. Например, в 1148 г. Изяслав осадит Чернигов «и не смеша из Чернигова выйти противу Изяславу». [2] Вылазки осуществлялись как через городские ворота, так и через проходы в оборонительных валах — потерны. Такие потерны имелись, например, в Колодяжине, в Райковецком городище; наличие их можно предполагать и в целом ряде других древнерусских укрепленных поселений. Эти потайные проходы позволяли осажденным скрытно выводить свои войска из укрепления в оборонительный ров, откуда они уже и предпринимали атаки на осаждающих.

По-видимому, если стрельба *с* городских стен должна была воспрепятствовать штурму укрепления, то вылазки должны были заставить противника снять осаду, а в случае удачи обеспечить разгром вражеского войска.

4

Методы захвата городов «изъездом» или путем длительного «облежания», по-видимому, оставались полностью господствующими приемами взятия городов вплоть до XIII в. [3]В

это время не употребляли, как правило, никаких технических средств для штурма городов; не применяли, очевидно, никаких специальных машин и в обороне.

Сведения Льва Диакона о наличии у воинов Святослава камнеметных машин при обороне Доростола (во время Балканских походов, в 970 г.), по-видимому, следует понимать, как использование русскими греческих машин, захваченных ими в этом городе. [4]

В тех редких случаях, когда в XI—XII вв. предпринимались попытки штурма, наступающие употребляли лишь защитные средства. Так, в 1097 г. при осаде города Владимира Волынского русские войска использовали какие-то «вежи» — по-видимому, подвижные деревянные закрытия, прикрывавшие осаждающих от стрел защитников города. [5]

В 1184 г. половецкий хан Кончак пришел на Русь «пленити хотя грады Рускые». В его войске находился «босурменин» (*т. е. магометанин*, вероятно из Хорезма) со специальной машиной, стрелявшей «живым огнем», и имелись «луци тузи самострелнии, одва 50 мужь можашеть напрящи». [6] Употребление этих осадных средств не дало реальных результатов, и сам «бесурменин» со своим «живым огнем» был захвачен русскими в плен.

Подробность описания этого события в летописи позволяет утверждать, что употребление осадных средств не было в это

---

[1] Ипатьевская лет., 6669 (1161).

[2] Ипатьевская лет., 6656 (1148). Следует отметить, что бой на открытом месте давал преимущества хорошо организованному русскому войску перед кочевниками (печенегами, половцами) или литовскими племенами. По-видимому, так именно следует понимать слова Даниила Галицкого: «О мужи воинстии! Не весте ли, яко крестьяном пространьство есть крепость, поганым же есть теснота, деряждье обычай есть на брань» [Ипатьевская лет., 6759 (1251)]. О значении слова *деряждье* как окоп, укрепление из частокола и пр. см. в примечании к летописи: Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871, стр. 539.

[3] Об этом см., например: *М. Г. Рабинович*. Осадная техника на Руси в X—XV вв. Изв. АН СССР, сер. ист. и философ., т. VIII, № 1, 1951, стр. 75. Крайняя редкость случаев взятия городов «копьем» вплоть до XIII в. отмечена и в некоторых старых работах по русской военной истории. См., например, сборник «Русская военная сила» (под ре*д. А. Н*. Попова. М., 1897, стр. 68). Уже в середине прошлого века А. Савельев отмечал, что «древнейшие способы атаки крепостей русскими были производимы в смысле нынешней блокады» (А. Савельев. Материалы к истории инженерного искусства в России. СПб., 1853, стр. 39).

[4] «История» Льва Диакона Калойского. Под ре*д. Д. Попова*, СПб., 1820, стр. 88.

[5] Лаврентьевская лет., 6605 (1097).

[6] Ипатьевская лет., 6692 (1184). «Живой огонь», *т. е. огнеметные* средства, часто ошибочно смешивают о огнестрельным оружием. См. об этом: *В. Г. Федоров*. Военные вопросы «Слова о полку Игореве». М., 1951, стр. 6.

время обычным, а наоборот являлось редким исключением. [1]

Итак, согласно письменным источникам, вплоть до XIII в. ни *пороков,* ни штурмовых лестниц, ни самострелов на Руси не употребляли. [2] Даже в самом начале XIII в. Генрих Латвийский прямо отметил, что русские не знали применения баллист. [3]

Однако если для механического разрушения стен не применяли никаких приспособлений, то поджог городских стен иногда все же пытались осуществить. Правда, в подавляющем большинстве случаев городские стены сжигали уже после взятия города, просто уничтожая этим оборонительную систему побежденного города, но изредка в письменных источниках встречаются указания на попытки зажечь городские укрепления и во время осады. Судя по русским летописям, попытки эти были, однако, немногочисленными и к тому же, как правило, не имели успеха. Так, например, в 1146 г., при осаде Звенигорода нападающие «зажгоша город в трех местах, гражане же божиею помощью угасиша». [4] Таким образом, поджог оборонительных сооружений во время осады вплоть до XIII в. применялся крайне редко и большей частью безуспешно. Все эти данные свидетельствуют о том, что основные тактические принципы осады и обороны укрепленных пунктов в течение XI и XII вв. существенным изменениям не подвергались. [5]

5

Развитие тактических принципов осады укреплений предполагало изменение устройства самих этих укреплений, что в свою очередь сказывалось на тактике. Таким образом, тактика осады и обороны укрепленных пунктов и система оборонительных сооружений этих пунктов непрерывно развивалась в теснейшей взаимосвязи друг с другом. Это развитие оборонительных сооружений можно отметить как в изменении общих принципов их планировки, так и в изменении их конструкций.

Если для VIII, IX и даже почти всего X в. характерно почти полное подчинение системы обороны естественным условиям рельефа местности, то для более поздних памятников характерно постепенное увеличение роли искусственных сооружений. Искусственные оборонительные валы приобретают все большее значение, вначале лишь дополняя и усиливая естественные защитные свойства местности, а постепенно и заменяя собой эти естественные условия рельефа. В ряде укрепленных поселений XII—XIII вв. рельеф местности уже не играет почти никакой роли, так как вся система обороны

---

[1] Иногда считают, что слово «шереширы», использованное в «Слове о полку Игореве», означает метательные огненные снаряды (см. об этом: *П. Н. Мелиоранский*. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве». СПб., 1902, стр. 24—29; *Б. Д. Греков* и *А. Ю. Якубовский*. Золотая Орда и ее падение. *М.* — Л., 1950, стр. 26). Однако это предположение противоречит всему, что нам известно о русской военной технике этого периода. Гораздо правдоподобнее, что слово «шереширы» является видоизменением греческого слова «сариссари», обозначающего «копье» (см. комментарии *Д. С. Лихачева* в книге «Слово о полку Игореве», М. — Л., 1950, стр. 438).

[2] Сведения Новгородской IV летописи об употреблении *пороков* при осаде Всеславом Полоцким Пскова не достоверны, как, впрочем, очень часто мало достоверны и другие сведения этой летописи, относящиеся ко времени до XIV в. (об этом см.: *М. Г. Рабинович*. Осадная тактика на Руси в X—XV вв., стр. 65).

[3]Генрих Латвийский, ук. соч., стр. 90. О том, что на Русл до XIII в. не употребляли камнеметных машин, можно судить не только по тому, что эти машины не упоминаются в русских летописях. Употребление камнеметных машин, предназначенных для подавления активной обороны, могло иметь смысл лишь в том случае, если эти машины поддерживали активные наступательные действия осаждающих — штурм укреплений. Между тем, описания осад в течение всего XII в. не дают никаких оснований сомневаться в том, что они были проведены, в подавляющем большинстве случаев, по тому же принципу, что и в XI в., *т. е. в* виде пассивного «облежания». Тем самым русские письменные источники совершенно недвусмысленно указывают на то, что камнеметные машины в это время не применялись.

[4]Ипатьевская лет., 6654 (1146). Поджог Искоростеня княгиней Ольгой носит совершенно иной характер, так как здесь были зажжены не городские укрепления, а постройки внутри города [Лаврентьевская лет., 6454 (946)].

[5]Медлительность изменений военной тактики и военной техники вообще очень характерна для средневековья как на Руси, так и в Западной Европе. Так, Ф. Энгельс неоднократно отмечал, что, несмотря на чрезвычайно частые военные столкновения, в эту эпоху развитие военной техники и тактики, а также размах военных операций были очень невелики (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XI, ч. 2, стр. 387).

в них целиком построена на искусственных укреплениях. Правда, такие геометрически правильные, круглые в плане укрепленные пункты обычно имеют сравнительно небольшие размеры, во всех же более или менее крупных укрепленных поселениях вплоть до XIII в. естественный рельеф местности продолжал играть существенную, в большинстве случаев даже ведущую роль в организации обороны. По-видимому, это объясняется тем, что в более чистом виде новые принципы военно-инженерного искусства было легче осуществить при постройке небольших крепостей, а особенно владельческих усадеб, чем в строительстве собственно городских укреплений, где, кроме военной стороны, большую роль играли и другие факторы, например, экономичность строительства, расположение уже существующей застройки и пр.

Увеличение роли искусственных оборонительных сооружений сказывается, однако, не только в принципах их планировки и расположения на местности, но и в конструкциях. Так, увеличение размеров и боевого значения валов потребовало укрепления их внутренними конструкциями. Если вплоть до конца X в. русские оборонительные конструкции, по-видимому, представляли собой лишь деревянные стены в виде частокола на простом земляном валу, то уже в конце X в. начинает применяться более сложная конструкция — на валу располагается срубная стена, имеющая нижние, подземные части, служащие для укрепления самого вала. Эти нижние части срубной стены -деревянные клети, забитые глиной, — создавали костяк земляного вала, обеспечивая этому валу на долгие годы прочность и устойчивость формы. Вопрос о том, были ли деревянные срубные конструкции, которые раскопками обнаруживаются в валах древнерусских городищ, с самого начала внутривальными конструкциями, или же они некогда находились на поверхности, — решается достаточно определенно. Сама сохранность дерева, а также забивка срубов плотно утрамбованной глиной без всяких культурных остатков несомненно свидетельствует о том, что эти конструкции были изначала сооружены как подземные, *т. е. внутривальные*.

Основное назначение этих конструкций заключалось в укреплении оборонительных валов, обеспечении полной неизменяемости формы этих валов при любых атмосферных условиях. Конечно, наземные деревянные стены, связанные с таким подземным основанием, также более надежны и прочны, чем стены, поставленные на гребне вала прямо на землю. Однако можно предполагать, что основной задачей внутривальных конструкций было все же укрепление валов, а не обеспечение прочности наземных сооружений. Очень вероятно, что во многих городищах XI—XIII вв., где никаких конструкций внутри валов не имеется, на гребне вала находились такие же деревянные стены, как и в тех местах, в которых эти стены имели внутривальный «фундамент». Точно так же, если деревянные наземные конструкции сгорали, то вряд ли при их восстановлении заново раскапывали весь вал, чтобы заменить и подземные деревянные части. Гораздо вероятнее, что при постройке новой конструкции она ставилась прямо на гребень вала, уже не будучи неразрывно связана с подземными частями. Это тем более вероятно, что подкоп под городские стены, насколько можно судить по письменным источникам, до XIII в. на Руси, как правило, не применялся и, следовательно, подземный «фундамент» деревянных стен не был предназначен для предохранения от подкопов.

Передние склоны этих мощных валов должны были быть очень крутыми, так как важнейшей задачей устройства оборонительных валов было именно создание крутого склона непосредственно перед той оградой, за которой располагались защитники.

В наиболее ранних валах, имеющих внутреннюю конструкцию, создание крутого переднего склона обеспечивалось специальным устройством, состоявшим из деревянного каркаса, заполненного сырцовой кладкой. Передняя сторона сырцовой конструкции была обычно ступенчатой, однако ее ступени были сглажены и заполнены глиной и землей так, что образовывался прямой и крутой склон. Начиная с XI в. от такой сложной конструкции в передней части вала отказываются и внутренний каркас вала состоит уже только из клетей, забитых глиной. Однако поддержанию большой крутизны переднего склона продолжали придавать важное значение. Гак, в валу киевского «города Ярослава» в основании перед-

него склона была устроена специальная конструкция, которая должна была препятствовать оползанию этого склона и тем самым обеспечить неизменяемость его формы. Ту же цель преследовало и создание в основании валов горизонтальной площадки — бермы, что также должно было гарантировать передний склон вала от осыпания. В XII в. появляется и еще один новый прием в устройстве внутренней конструкции валов — клети, составлявшие каркас вала, строятся уже не в виде отдельных срубов, а в виде сплошной, связанной системы. При устройстве внутривальных конструкций такая связанная система не имела никаких преимуществ перед отдельными срубами, в то время как для наземных деревянных стен она была гораздо более рациональной. Можно думать, что и в валах XII в. переход к такой системе конструкции объясняется именно тем, что к употреблению этой конструкции перешли в это время в наземных частях оборонительной системы.

Возможность уничтожения оборонительных стен путем их поджога несомненно свидетельствует о том, что на валах древнерусских укреплений находились наземные деревянные конструкции, стоявшие открытыми и не засыпанными снаружи землей.

Конечно, весьма вероятно, что для придания им огнестойкости деревянные стены обмазывались снаружи глиной, однако, по-видимому, крайне незначительное количество случаев поджога оборонительных сооружений во время осады объясняется в первую очередь тем, что в обороне древнерусских укрепленных пунктов наиболее существенную роль играли не наземные деревянные части, а земляные конструкции — валы и рвы, причем даже деревянные срубы были, как правило, в значительной их части впущены в вал, *т. е. были* наземными лишь частично.

Основой обороны населенных пунктов были именно валы, часто имеющие большую мощность, а иногда даже, как уже говорилось, укрепленные специальной деревянной конструкцией. Однако сами по себе валы, какой бы крутизной и высотой они не обладали, не могли служить серьезным препятствием для осаждающих, если эти валы не были обеспечены обстрелом. Деревянные стены, расположенные на валах, представляя собой лишь дополнительное препятствие, по-видимому, и имели своим основным назначением создание прикрытия для защитников, *т. е. обеспечение* активной стрелковой обороны. Поскольку именно стрельба с городских стен являлась той угрозой, которая препятствовала штурму укреплений, естественно, что наземные деревянные части, хотя и имевшие подчиненное положение в оборонительных сооружениях, все же представляли собой важную и неотъемлемую составную часть в общей системе обороны.

Отсутствие на Руси вплоть до XIII в. камнеметных машин делало при этом совершенно ненужной большую толщину или массивность наземных оборонительных конструкций. Противостоять стрелам могли деревянные стены любой толщины, а поджечь или перерубить топорами деревянную стену, даже сложенную из нетолстого леса, под обстрелом с заборол было, по-видимому, практически невозможно. Именно поэтому оборонительные стены русских укрепленных поселений вплоть до XII в. строились, вероятно, в виде одной стенки, а не в виде забитых землей *тарасов,* как это делалось позднее. Поэтому же не применялись в это время на Руси и каменные оборонительные стены. В условиях тактики X—XII вв. каменные стены имели перед деревянными лишь одно преимущество — огнестойкость. Однако и деревянные стены во время осады зажечь почти никогда не удавалось. Этим, очевидно, объясняется — почему, несмотря на большое количество каменных в кирпичных церквей, возведенных на Руси в XI и XII вв., каменные оборонительные стены, как уже было отмечено, сооружены лишь в единичных случаях, причем как раз там, где чисто военная сторона дела играла второстепенную роль (например, ограда Киево-Печерской лавры, стена вокруг киевской Софии).

Наличие каменных оборонительных стен во Пскове, Ладоге, и, быть может, в Новгороде объясняется вовсе не тем. что эти города имели наибольшее военное значение среди всех прочих русских городов. Вероятнее, здесь сказались местные условия — богатство северо-западной Руси плитным известняком, выходящим в ряде мест на поверхность земли и позволяющим добывать доброкачественную строительную плиту с помощью простого лома. Как это ни парадо-

ксально звучит, но возможно, что постройка в этих условиях каменных оборонительных стен могла быть вызвана лишь дешевизной и меньшей трудоемкостью этой работы, чем постройка деревянных срубных стен. Оборонительные сооружения Новгородской земли до XIV в. еще настолько мало известны, что пока нет возможности установить,

существовала ли здесь устойчивая традиция строительства каменных укреплений или же отмеченные каменные крепости являлись несколькими единичными примерами.

Вообще, вопрос о местных «школах» военно-инженерного искусства на Руси в XII—XIII вв. требует специального рассмотрения. Так, кроме новгородской группы оборонительных сооружений, по-видимому, свои, особые формы имели и оборонительные сооружения Залесской земли.

Но в период феодальной раздробленности местные варианты оборонительных сооружений, по-видимому, были свойственны, кроме крупных русских княжеств и земель, и некоторым небольшим районам древней Руси. Так, на западной окраине Киевского княжества в начале XIII в. выделилась Болоховская земля, оборонительные сооружения которой (например *города* Кудин, Губин и Деревич) имеют много своеобразных особенностей, отличающих их от оборонительных сооружений Киевской земли. [1] В частности, в этих оборонительных сооружениях употреблялся, например, прием постройки оборонительных валов, которые на отдельных участках расширяются, образуя горизонтальные площадки, или даже раздваиваются. Очевидно, оборонительные сооружения Болоховской земли, повторяя в основном киевские приемы устройства военно-инженерных сооружений, имели, кроме того, и свои, местные особенности.

Поскольку основным методом осады было «облежание», естественно, что и основным видом стрельбы защитников должна была быть в это время фронтальная стрельба, не позволявшая осаждающим приблизиться к городским стенам. Судя по тому, что кроме стрел в обороне применялись также камни, бревна и кипяток, по-видимому, стрельба, во всяком случае иногда, была направлена не только вперед, но и вниз, к подножью городских стен. Фланговый обстрел, позволяющий стрелять по атакующему противнику вдоль стен во время штурма, не играл до XIII в. существенной роли, поскольку и сам штурм в это время применялся крайне редко.

Отсутствие необходимости во фланговом обстреле городских стен объясняет и ту крайне малую роль, которую играли в обороне городов башни, имевшие до XIII в. своим назначением, по-видимому, лишь защиту ворот и, в довольно редких случаях, наблюдение за окружающей местностью. Малое количество башен (кроме воротных) в русских городах X—XII вв. было вызвано, таким образом, отсутствием необходимости в том типе стрельбы — фланкировании стен, который является основной функцией башен. [2]

По-видимому, стрельба по противнику могла вестись не только с каких-либо определенных точек, а со всего периметра стен города. Заборола на городских стенах поэтому должны были иметь сквозное сообщение вдоль стен, благодаря чему защитники могли концентрироваться на тех участках, где осаждающие проявляли наибольшую активность.

Развитие типов планировки оборонительных сооружений получает свое объяснение в свете эволюции тактических требований. Совершенно естественно, что при отсутствии разработанных приемов организованной осады для защиты населения достаточно было приспособить к обороне естественные условия рельефа местности. Но уже распространение организованной осады, даже пассивной, в виде «облежания», вызвало необходимость появления укрепленных поселений, со всех сторон окру-

[1]П. Раппопорт. Города Болоховской земли. КСИИМК, вып. 57.

[2]О том, что основное назначение башен, расположенных вдоль крепостных стен, — продольный (*т. е. фланкирующий*) обстрел стен, см., например: Военная энциклопедия, т. 4, СПб., 1911, стр. 429; *В. Ф. Шперк*. Фортификационный словарь. М., 1946, стр. 12. О башнях в западноевропейском средневековье как средстве «фланковой обороны» см.: Федоров. О военной архитектуре средних веков. Инженерн. записки, ч. XLI, кн. 2, СПб., 1855, стр. 232. Однако и по отношению к Западной Европе некоторые исследователи отмечали, что в X—XI вв. башни не были предназначены для фланкирования стен (А. Пузыревский. История военного искусства в средние века, ч. I. СПб., 1884, стр. 116; B. Rathgen. Das Geschütz im Mittelalter. Berlin, 1928, стр. 445).

женных земляными валами, значительно усиливавшими защитные свойства естественного рельефа. Логическим завершением этой эволюции было появление круглых укреплений, форма которых хорошо объясняется господствующими приемами осады и обороны. Действительно, при использовании защитниками фронтальной стрельбы круглая форма укреплений является наиболее удобной, создавая одинаково благоприятные условия стрельбы с любого участка городских стен. Укрепления круглого типа, помимо этого, при площади, равной с площадью укреплений другой формы, имеют минимальный периметр стен и благодаря этому позволяют создавать наибольшую плотность стрельбы с этих стен.

В тех укрепленных пунктах, где имеется сложная система обороны, состоящая из укреплений окольного города и детинца, неясным остается вопрос, как были защищены стыки отдельных частей этих оборонительных сооружений. С наружной стороны валов детинца всегда сооружался ров, и поэтому валы окольного города не могли соединяться с валами детинца, а доходили только до этого рва. Таким образом, в общей организации системы обороны оставалось как бы слабое, незащищенное место, поскольку противник мог проникнуть внутрь укреплений, пройдя по рву, окружавшему детинец. Возможно, что в таких случаях ров перегораживался деревянной стеной; вероятно, иногда здесь, во рву, располагались ворота. Несомненно, однако, что место стыка укреплений окольного города и детинца в реальной боевой обстановке слабым местом обороны не являлось, так как в письменных источниках нет ни одного намека на то, чтобы именно сюда были направлены удары осаждающих.

Объясняется это, по-видимому, тем, что, проникнув внутрь укреплений через стык обороны окольного города и детинца, нападающие должны были некоторое время двигаться вдоль по дну рва, *т. е. под* самым основанием стен детинца. Это было, конечно, наиболее невыгодное и опасное из всех возможных положений, поскольку защитники могли в это время беспрепятственно поражать своих противников сверху, со стен детинца, не только стрелами, но и камнями, деревянными катками, кипятком и пр. Но более того, проникнув по рву внутрь укрепления, нападающие далее должны были подниматься по склону рва на территорию окольного города, повернувшись при этом спиной к детинцу и тем самым становясь в еще более беззащитное положение против стрельбы со стен детинца. Поэтому осаждающие всегда в первую очередь направляли свои удары не в стык укреплений окольного города и детинца, а в городские ворота, хотя это был, казалось бы, наиболее защищенный участок оборонительной системы.

Изменение конструктивных особенностей наземных частей русских оборонительных сооружений в течение XI—XII вв. пока не может быть прослежено из-за недостатка фактического материала, хотя имеются определенные указания на то, что такие изменения в это время происходили. Так, судя по подземным, внутривальным конструкциям, можно предположить, что в XII в. происходит переход в устройстве наземных деревянных стен от системы отдельных срубных звеньев, расположенных вплотную один к другому, к связанной конструкции стены. Развитие нижних, земляных частей оборонительной системы как в отношении их планировки, так и в конструктивном отношении прослеживается достаточно ясно.

Таким образом, несомненно, что в XI— XII вв. имеет место постепенное совершенствование планировочных и конструктивных приемов устройства оборонительных сооружений. Однако это совершенствование приемов затрагивает в основном лишь техническую сторону, почти не касаясь основных тактических особенностей и общих принципов построения сооружений.

Русские оборонительные сооружения XII в., будучи в целом ряде деталей гораздо более совершенными, чем сооружения XI в., сохраняют все наиболее характерные особенности этих последних. Даже наиболее существенное изменение в планировке оборонительной системы — появление геометрически правильных в плане укреплений, не связанных с рельефом местности — не вносит в оборону укрепленных поселений никаких новых принципов организации боя. Это явление хорошо объясняется тем, что, как уже отмечалось, тактические основы осады укреплений в течение XI— XII вв. очень мало изменились.

Совершенствование системы укреплений должно было привести в XII в. к явному преобладанию оборонительных средств над наступательными, что в свою очередь должно было воздействовать на появление новых тактических приемов и технических средств осады.

II. РАЗВИТИЕ ТАКТИКИ ОСАДЫ В XIII в.

1

В течение XII в., вплоть до самого его конца, письменные источники не отмечают существенных изменений в тактике осады городов. Резкое изменение в этой области происходит только в XIII в. и связано прежде всего с новым видом оружия — камнеметными машинами, по русской терминологии — *пороками.*

В хронике Генриха Латвийского подробно описывается, как ливонские рыцари применяли камнеметы в Прибалтике уже в самом начало XIII в. При этом сам Генрих отмечает тот факт, что русские сразу же восприняли этот новый для них тип оружия. Правда, по его словам, первые попытки русских в постройке камнеметов не увенчались успехом: «Устроили русские и небольшую метательную машину, по образцу тевтонских, но не зная искусства метать камни, ранили многих у себя, попадая в тыл». [1] Во всяком случае

несомненно, что уже в самом начале XIII в. на Руси начали применять камнеметные машины. [2]

В 1233 г. летопись указывает на употребление этих машин венграми во время их похода в Галичское княжество: «Угре же воротишася к Галичю и порокы пометаша». [3]

По-видимому, еще до монгольского нашествия камнеметные машины имели уже достаточно широкое распространение на Руси. Некоторые данные для такого заключения дает описание в русских летописях взятия монголами Чернигова в 1239 г. В Голицинском списке Никоновской летописи это событие описано так: «Лют бо бе бой у Чернигова, оже и пороки на нь ставиша и меташа на нь камением полтора перестрела, а камень же яко можаху 4 мужи силнии подъяти». [4] В этом тексте не совсем ясно, кто употребил пороки — русские или монголы, хотя вероятнее, судя по контексту, что русские. В других списках Никоновской летописи об этом сказано более определенно: «И бысть брань велиа и сечя зла; и со града метаху на татарь камение с стен за полтора перестрела, а камение якоже можаху четыре человеки силнии подъяти, и сице възимающе метааху на них». [5] Еще более определенно об употреблении русскими пороков в этом сражении сказано в Тверской летописи: «А из града на них камение с пороков метаху за полтора перестрела, а камени два человека въздниимаху». [6] Любопытно, что в Ипатьевской летописи, где это событие описано почти буквально, как в Голицинском списке Никоновской летописи, оно отнесено не к татаро-монгольскому нашествию, а к осаде Чернигова Даниилом Галицким в 1234 г. [7]

С массовым применением камнеметных машин и разработанной тактикой штурма укреплений русским воинам пришлось столкнуться при вторжении монголов. Последние, хотя и были кочевниками, коренным образом отличались от половцев не только численностью, но и прежде всего своей военной организацией. [8]

---

[1]Генрих Латвийский, ук. соч., стр. 90—91.

[2]Благодаря свидетельствам византийских авторов, известно, что славяне уже в VI в. употребляли различные виды стенобитных машин (см., например: *Б. Т. Горянов*. Славянские поселения VI в. и их общественный строй. ВДИ, т. I, 1939, стр. 318). Однако русские письменные источники XI—XII вв. совершенно определенно указывают на то, что в русской военной практике вплоть до начала XIII в. подобные машины не употреблялись.

[3]Ипатьевская лет., 6741 (1233).

[4]Никоновская лет., 6747. ПСРЛ, т. 10, стр. 114.

[5]Там же.

[6]Тверская лет., 6747 (ПСРЛ, т. 15, СПб., 1863, стр. 374).

[7]Ипатьевская лет., 6742.

[8]Основные успехи монгольского войска во время нашествия на Русь объясняются не только его численностью и организованностью, но главным образом тем, что монголы имели дело с разрозненными силами отдельных феодальных княжеств, которые они и разбивали каждое в отдельности. Даже в тех случаях, когда войска отдельных князей объединялись, они действовали большей частью несогласованно, как это имело, например, место в битве на Калке. Пользуясь феодальной раздробленностью Гуси, монголы могли в каждом отдельном сражении всегда иметь огромное преимущество в численности. См. об этом: *Б. Д. Греков* и *А. Ю. Якубовский*, ук. соч., стр. 198—200 и 213. Численность монгольской армии при вторжении ее в Европу в 1240 г.

источники XIII— XIV вв. определяли в 400—500 тысяч человек. Историки военного искусства предполагают, что в действительности численность этой армии была значительно меньшей. См., например: F. Lot. L'art militaire et les armées au Moyen Age, t. 2, Paris, 1946. Численность монгольского войска во время нападения на Венгрию определяют от 40 до 100 тысяч человек, но во всяком случае не больше 120 тысяч. См.: Э. Ледерер. Татарское нашествие на Венгрию в связи с международными событиями эпохи. Acta historica, t. 2, f. 1—2, Budapest, 1953, стр. 8. По определению В. Бартольда, перед завоеванием Хорезма Чингисхан имел армию в количестве 150—200 тысяч человек (В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. 2. СПб., 1900, стр. 435).

Татаро-монгольское войско было хорошо знакомо со штурмом мощных крепостей — до Руси они неоднократно продемонстрировали это в Средней Азии. Монголы не только имели разработанную тактическую систему штурма городов, но и были снабжены специальной осадной техникой, правда, большей частью китайского или среднеазиатского происхождения. [1]

При осаде городов монголы применяли камнеметные машины, бросавшие большие камни с такой силой, что камни эти разбивали стены городов. Машины употреблялись как с противовесом, так и натяжного действия. По-видимому, наиболее распространенным было орудие типа «манджаник». [2] Хорошо известно, что при покорении среднеазиатских городов наряду с метанием камней монголы применяли метание сосудов с зажигательной смесью. Употребляли ли они этот прием и при нашествии на Русь — неизвестно. Во всяком случае в русских летописях никаких сведений об употреблении огневых снарядов не имеется.

Тактика монголов при взятии русских городов была следующей: город окружали со всех сторон частоколом *(тыном),* затем ставили невдалеке от города осадные камнеметные машины и с их помощью разбивали городские стены и ворота. После этого войско врывалось в город через проломы. Для облегчения подъема на городские стены и валы монголы употребляли приставные лестницы; рвы переходили, заваливая их *приметом, т. е. вязанками* хвороста. Употребляли также специальные деревянные устройства *(леса, туры),* не совсем ясные нам по конструкции. [3]

Совершенно несомненно, что употребление камнеметных машин не могло преследовать цели уничтожения оборонительных сооружений. Когда Джувейни, описывая штурм монголами Москвы, писал, что против стен поставили метательные машины «и в несколько дней ничего от города того не оставили кроме имени его», [4] то это, конечно, лишь хвастливая фраза, нисколько не отвечающая действительности. Камнеметные машины не могли причинить сколько-нибудь серьезного ущерба земляным валам, *т. е. как* раз той конструкции, которая являлась основой обороны древнерусских укрепленных поселений.

Задача камнеметных машин была совершенно иная — они должны были разрушить деревянные стены, расположенные на земляном валу, и тем самым подавить стрелковую оборону защитников укрепления. Иногда для этого было достаточно разбить даже не самые стены, а лишь те части, где располагались защитники, — *т. е. заборола*. При описании взятия монголами польского города Судомиря в 1261 г. летописец отмечает

следующую последовательность осады: [5] сперва город «обьступиша... со все стороне, и огородиша и около своим городомь». Затем «порок поставиша: и пороком же бьющимь неослабно день и нощ, а стрелам не дадущим выникнути из заборол». В результате ударов камнемета «в четвертый же день сбиша заборола с города», после чего «татарове же начаша лествице приставливати к городу, и тако полезоша на город».

Таким образом, употребление камнеметных машин преследовало лишь одну, совершенно определенную цель — подавление активной стрелковой обороны для обеспечения успешного форсирования земляного вала. Такую систему штурма городов одинаково хорошо рисуют как русские, так и восточные письменные источники. В русских летописях именно так описано взятие Козельска, Киева, Рязани, Владимира и других городов. [6] Отмечая что при взятии Торжка монголы «отыниша тыномь всь», а затем «бишася... порокы», лето-

---

[1]Об этом см., например: *М. И. Иванин*. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и средне-азиатских народов при Чингис-Хане и Тамерлане. СПб., 1875; *В. Н. Кун*. Черты военной организации средневековых народов Средней Азии. Уч. зап. Ташкентск. пед. и учительск. инст. им. Низами, сер. обществ. наук, вып. 1, Ташкент, 1947.

[2]Рисунок такой машины из летописи Рашид-эд-Дина приведен в «Истории культуры древней Руси» (т. I, М. — Л., 1948, стр. 467). Некоторые данные о мощности камнеметных машин приведены в работе: *М. М. Денисова*, *М. Э. Портнов* и *Е. Н. Денисов*. Русское оружие. М., 1953, стр. 74.

[3]Термином *леса* в древнерусской переводной литературе иногда переводили греческое слово έ¥sxάrion, означавшее в средневековом греческом языке «основание подвижной башни для штурма городов» (И. Срезневский. Материалы для словаря, т. II, стлб. 75; E. A. Sophocles. Greek Lexicon. 1890, стр. 526).

[4]И. Березин. Нашествие Батыя на Россию. ЖМНП, 1855, *№* 5, стр. 31.

[5]Ипатьевская лет., 6769 (1261).

[6]Ипатьевская лет., 6745 (1237) и 6748 (1240); Суздальская лет., 6745 (ПСРЛ, т. I, вып. 3, Л., 1928); Московский летописный свод, 6745 (ПСРЛ, т. 25, М. — Л., 1949) и другие летописи, а также: Повесть о разорении Рязани Батыем. Воинские повести древней Руси. М — Л., 1949, стр. 12 и 26.

писец добавляет: «якоже инии гради имаху». [1]Также описывает взятие монголами городов и Плано Карпини. [2]

Далеко не всегда, однако, удавалось монгольскому войску легко взять русские города даже с помощью специальных машин и приспособлений. Так, город Козельск Батый осаждал два месяца и с огромными потерями смог взять его лишь после подхода крупного подкрепления. [3] Упорное сопротивление русских городов несомненно объясняется прежде всего героизмом их защитников, погибавших, но не склонявших головы перед врагом. Однако также несомненно, что большую роль здесь играли мощность и совершенство оборонительных сооружений этих городов.

В некоторых случаях монголам приходилось употреблять очень большое количество камнеметных машин для того, чтобы разбить городские стены. Так, например, против небольшой крепости Колодяжин они поставили 12 машин и все же не смогли разбить стен. [4]Некоторые же волынские города монголы даже не решились штурмовать ввиду их неприступности. [5]

Камнеметные машины — *пороки,* появившись на Руси с начала XIII в., позднее, с середины XIII в., упоминаются в русских летописях уже довольно часто. По-видимому, из всех типов стенобитных машин на Руси применялись лишь камнеметы; машины же ударного действия совершенно не употреблялись. Даже сам термин *порок* или *прак,* употребляемый в русских источниках, по-видимому, связан со словом *праща.* [6] Иногда трактуют как ударные орудия те машины, которые в летописях называются *таранами.* Однако и тараны в русских письменных источниках этого времени, видимо, обозначают камнеметы. Лучше всего это видно из текста летописей, где указано, что из таранов «мечут камение». [7] Важно также и то, что миниатюристы XVI в., иллюстрировавшие Никоновскую летопись, всегда изображали *пороки* как камнеметные машины. [8] Стенобитные орудия ударного действия в русских летописях назывались другим термином — *баран.* Однако случаи применения этих орудий на Руси единичны. [9]

Во время осады городов камнеметы ставились на очень небольшом расстоянии от города, так как только при этом условии удары камней могли оказать серьезное разрушающее действие на городские стены. По-видимому, большей частью камнеметы не подвозились издалека, а строились здесь же на месте. Необходимость расположения камнеметов вблизи города была одним из самых слабых мест в тактическом применении этого оружия.

До XIII в. осаждающие могли во время осады находиться на почтительном расстоянии от города, вне пределов досягаемости выстрелов защитников города. [10] При употреблении машин осаждающим приходилось располагаться под самыми стенами города, в зоне, доступной обстрелу с городских стен. Летопись описывает, как в 1249 г. при осаде Ярославля Галицкого князем Ростиславом «стоящу же ему у града

---

[1]Новгородская I лет., 6746 (1238).

[2]Иоанн де Плано Карпини. История Монголов. СПб., 1910, стр. 31—32.

[3]Об этом одинаково говорится и в русских летописях, и в восточных свидетельствах. Ср., например: Ипатьевская лет., 6745 (1237); История Рашид-эд-Дина (ЖМНП, 1855, № 5, стр. 22).

[4]Ипатьевская лет., 6748 (1240). Большое количество камнеметных орудий у монголов отмечают многие авторы, например: *М. И. Иванин*, ук. соч., стр. 126. Со слов русских, бежавших от монголов в Саксонию, стало известно, что крепости Киевской земли были взяты с помощью 32 машин (G. Fejer. Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis, t. IV, v. 1, Buda, 1829, стр. 212).

[5]Например, в Ипатьевской летописи под 1240 г.: «Видив же Кремянець и град Данилов, яко невозможно прияти ему, и отъиде от них». Так же и у города Холм: Ипатьевская лет., 6769 (1261).

[6]Иногда даже камнеметные машины обозначаются термином *праща* [Ипатьевская лет., 6753 (1245)]. Срезневский связывает слова *порок, прак, праща* с древнечешским praštiti — «метать» (И. Срезневский. Материалы для словаря, т. II, стлб. 1213).

[7]Например: Ипатьевская лет., 6742 (1234).

[8] *А. В. Арциховский*. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, стр. 58—59. При раскопке городов, взятых штурмом монголами, нередки находки метательных камней (М. Брайчевский. Археологічні пам'ят-ки часів боротьби Руси проти монгольскої навали. Вісн. Акад. наук УРСР, вып. 10, Київ, 1951, стр. 66 и 68).

[9] В 1369 г. *бараны* были использованы немцами при осаде Изборска. [Псковская II лет. (ПСРЛ, т. 5, СПб., 1851, стр. 15)]. В Псковской I летописи эти машины названы *заворы* (ПСРЛ, т. 4, СПб., 1848, стр. 192). Крайне редкое применение на Руси стенобитных машин ударного действия объясняется прежде всего тем, что машины этого типа не могли причинить серьезного ущерба русским оборонительным сооружениям, состоящим из деревянных стен, расположенных на мощных земляных валах.

[10] Так поступил, например, Владимир при осаде Корсуни (см.: *А. Л. Бертье*-Делагард. Как Владимир осаждал Корсунь. Изв. Отд. русск. яз. и лит. Акад. Наук, т. 14, СПб., 1908).

и строящю порокы, ими же прииметь град, и бысть бой велик пред градом. Оному же велевшу своим охабитися, да не язвени будуть вои его от гражан, дондеже устроить сосуды порочные». [1] Более того, в ряде случаев осаждавшие вынужены были находиться даже у самых ворот города, чтобы воспрепятствовать вылазке: «Да не изъидуть... и не изсекуть праков». [2] Эту же цель преследовало и окружение осажденных городов *тыном, т. е. своеобразной* контрвалационной линией.

Камнеметные машины применялись в XII в. не только как осадное, стенобитное оружие. Не менее часто в летописях отмечено применение пороков и в качестве оборонительного оружия, установленного в городах для их защиты. В этих случаях камнеметы действовали уже против стенобитных машин и живой силы осаждавших. [3]

Кроме пороков, в XIII же веке появляется на Руси и новое стрелковое оружие — самострел. Отдельные случаи применения самострелов отмечены в летописях уже во второй половине XII в., но, по всей видимости, до XIII в. этот новый тип оружия не получил широкого распространения. [4] Зато уже с середины XIII в. в летописях очень часто упоминаются самострелы, а иногда даже «самострелы коловоротные великие и малые». [5]

Применение в обороне самострелов еще более увеличило возможности активной обороны городов.

Таким образом, на Руси в первой половине XIII в. происходят резкие изменения в тактике осады укрепленных пунктов. На смену пассивному «облежанию» приходит прямой штурм городов, обеспеченный такими осадными средствами, как камнеметные машины и приставные лестницы. Перелом этот, связанный со всем ходом развития русского военного искусства, не был вызван монгольским нашествием и совершился в основном еще до этого события.

Одновременно с этим все более активной становится и оборона укреплений. Если уже в XI—XII вв. стрельба с городских стен была в большинстве случаев настолько интенсивной, что создавала основное препятствие к взятию городов штурмом, то теперь, кроме стрельбы из луков, в обороне начала применяться стрельба из самострелов и

пороков. Кроме того, достаточно широко по-прежнему продолжали применяться и вылазки.

Появление нового тактического принципа — прямого штурма укреплений — было тесно связано с введением нового оружия — *пороков,* обеспечивавших успешность штурма. Однако вряд ли изменение русской военной тактики в XII—XIII вв. и, в частности, применение штурма может быть объяснено прямым воздействием техники, развитием производительных сил. Конструкция камнеметных машин не была настолько сложной, чтобы высокоразвитое русское ремесло в XI—XII вв. не могло обеспечить возможности их создания. Кроме того, наличие в это время в Византии как самих камнеметных машин, так и специальных сочинений, посвященных тактике и технике штурма, должно было быть в какой-то степени известным на Руси. [6]

Таким образом, отсутствие вплоть до XIII в. организованного штурма городских укреплений при поддержке камнеметных машин должно, по-видимому, объясняться не невозможностью постройки на Руси таких машин, а какими-то другими причинами. Наиболее вероятно, что в данном случае особенности тактики были связаны с социально-экономическими особенностями развития древней Руси, а также зависели от военно-политического

---

[1]Ипатьевская лет., 6757 (1249).

[2]Ипатьевская лет., 6757 (1249).

[3]Применение камнеметов против живой силы характерно не только для русских войск. В «Сказании о разорении Рязани Батыем» описывается, как монголы с помощью пороков уничтожили отряд Евпатия Коловрата (Воинские повести древней Руси. Сер. «Лит. памятники», М. — Л., 1949, стр. 14 и 27).

[4]В Ипатьевской летописи под 1184 г. отмечены «луци тузи самострелнии» у половцев при походе Кончака. Изображение самострелов в Радзивилловской летописи, начиная с середины XII в., не дает права говорить о реальном их употреблении в это время. Известно, что в этой летописи даже пушки изображены при описании событий XII в.

[5]Ипатьевская лет., 6799 (1291). О времени появления самострелов на Руси см.: *Б. А. Рыбаков*. Русское военное искусство X—XIII вв. М., 1945, стр. 19; *М. Г. Рабинович*. Из истории русского оружия IX—XV вв. Труды Инст. этнограф., нов. сер., 1, М. — Л., 1947, стр. 92, и другие работы. В Западной Европе самострел (арбалет) получил широкое распространение также с XII— XIII вв. См., например: *А. К. Левкович*. Арбалет. Киев—Харьков, 1936, стр. 12 и 24.

[6]Примером греческой «инструкции по полиоркетике» может служить сочинение Анонима Византийского, которое «относится к числу тех книг, которые приказал подготовить для своей энциклопедии Константин VII Порфирородный» (А. Мишулин. Греческие полиоркетики об искусстве осады городов. ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 389).

окружения. Так, до XIII в. основными врагами Руси были кочевники, а в более северных районах существовала возможность военных столкновений с литовскими и финскими племенами, стоявшими на более низкой ступени общественного развития, чем русские.

Как кочевники, так и северные соседи Руси не имели мощных укреплений, и поэтому естественно, что на Руси и не было необходимости в разработанной тактике штурма вражеских городов. Внутренние военные столкновения, когда распространенным явлением стал захват русских городов русскими же войсками, относятся в основном уже к периоду феодальной раздробленности, *т. е. начиная* со второй половины XI в. Однако столкновения между войсками отдельных феодальных княжеств, как правило, не имели характера крупных военных мероприятий, что наблюдалось в период феодальной раздробленности не только на Руси, но и в Западной Европе. Так, Ф. Меринг отмечал, что «развитие феодального лепного государства полно войн и военной шумихи, но его военные возможности чрезвычайно малы, войска невелики по численности». [1] В этих феодальных распрях и «которах» также не было необходимых предпосылок для сложения организованной тактики штурма, поскольку такая тактика требовала как достаточно значительной концентрации войск, так и некоторого минимума экономических возможностей для обеспечения постройки под стенами осажденного города камнеметных машин. Крупные военные мероприятия типа одновременного удара соединенных русских сил на Полоцкое княжество в 1128 г. или похода Андрея Боголюбского на Киев в 1174 г. были для XII в. редким явлением, и не такими походами, а именно мелкими стычками в основном определялась военная обстановка на Руси в этот период.

Во второй половине XII в. и в особенности в XIII в. русским войскам все чаще приходится сталкиваться с противником уже совершенно иного типа, а именно с поляками, венграми, волжскими болгарами, немецким орденом. Во время таких военных столкновений русским войскам приходилось считаться с наличием на территории этих соседей Руси хорошо укрепленных городов и крепостей. Кроме того, сложение мощных княжеств, таких, как Владимиро-Суздальское на северо-востоке и Галицко-Волынское на юго-западе, позволило сконцентрировать в руках отдельных князей уже достаточно значительные воинские силы и материальные средства. В таких условиях наличие разработанной тактики штурма, поддерживаемого камнеметными машинами, могло стать актуальной необходимостью еще до того, как эту же тактику принесли с собой на Русь с запада венгры и немцы, а с востока монголы. Необходимость же в таком тактическом приеме, по-видимому, достаточно быстро привела к созданию на Руси технических средств, обеспечивавших эту тактику и, в частности, пороков.

---

[1] Ф. Меринг. Очерки по истории войн и военного искусства. М., 1940, стр. 49. Вопрос о численности войск в древней Руси во многом еще остается неясным. По-видимому, в период существования единого древнерусского государства удавалось мобилизовать для походов значительные массы людей. Так, в походах Святослава принимали участие по 15—25 тысяч воинов, а в Балканском его походе даже еще значительно большее войско (*А. А. Строков*. Военное искусство Киевской Руси. М., 1948, стр. 23). *Б. А. Рыбаков* принимает несколько большие цифры (История культуры древней Руси, т. I. М. — Л., 1948, стр. 400). Такие огромные для средневековья армии, однако, являются исключением для истории древней Руси. Позже, в особенности с усилением феодальной раздробленности, численность войск заметно уменьшается. Правда, в грандиозном военном мероприятии — походе на Киев в 1174 г. — летописец отмечает 50 тысяч воинов, но здесь участвовали соединенные силы более 20 русских князей (Ипатьевская лет., 6682). В столкновениях же между отдельными князьями, которые в основном и определяли собой военную обстановку на Руси в XII в., принимали обычно участие очень небольшие отряды — по 1—2 тысячи воинов. См.: *Б. А. Рыбаков*. Военное дело. Глава в «Истории культуры древней Руси», т. I, М. — Л., 1948, стр. 404. Необходимо отметить, что и в Западной Европе в эпоху средневековья численность войск, как правило, была очень невелика. О численности войск во Франции и Англии в X—XII вв. см., например: F. Lot, ук. соч., t. 1, стр. 121, 219, 284; t. II, стр. 441. Даже в знаменитой битве при Бувине в 1214 г. выигравшая сражение

армия Филиппа-Августа состояла всего приблизительно из 2400 всадников и 4—5 тысяч пехотинцев (J. Verbruggen. Le probleme des effectifs et de la tactique a la bataille de Bouvines. Revue du Nord, t. 31, № 124, Lille, Oct. — déc. 1949, стр. 181). Об организации и численности войск на Руси см.: *Б. Д. Греков*. Киевская Русь. М., 1944, стр. 197—198 и 209; *В. Т. Пашуто*. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950, стр. 182—189; *А. А. Строков*. О возникновении и начальных этапах развития русского военного искусства. Сб. «О начальных этапах развития русского военного искусства», М., 1951, стр. 10, и др.

2

Резкие изменения в тактике осады городов и в технике оружия, происшедшие в первой половине XIII в., должны были, конечно, очень скоро сказаться и на системе обороны укрепленных пунктов и на самой конструкции укреплений. Проследить эти изменения в устройстве оборонительных сооружений чрезвычайно трудно прежде всего потому, что подавляющее большинство укрепленных пунктов Киевской земли, как показали археологические раскопки, не смогло оправиться после татаро-монгольского нашествия и прекратило свое существование как раз к середине XIII в. Тяжелые экономические последствия монгольского погрома особенно сильно сказались именно в Среднем Поднепровье — районе, подвергшемся наибольшему опустошению. Поэтому здесь даже в тех населенных пунктах, которые продолжали существовать, жители не могли, конечно, и думать о постройке сколько-нибудь серьезных укреплений.

Таким образом, именно в Среднем Поднепровье, в «Русской земле», согласно узкому значению этого слова, нет возможности выяснить пути развития оборонительных сооружений во второй половине XIII в.

На Севере — в Залесской земле — большинство городов оправилось после монгольского удара, однако оборонительные сооружения этого района Руси еще не настолько хорошо изучены, чтобы можно было выделить те конструкции, которые были созданы именно в XIII в., и отличить их от конструкций более ранних или более поздних.

Больше возможностей для выяснения данного вопроса должны дать памятники Верхнего Поднепровья и особенно Новгородской земли — районов, не подвергшихся опустошительному нашествию монголов, — где строительство оборонительных сооружений продолжалось в течение всего XIII в. К сожалению, плохая изученность памятников и здесь не позволяет отделить укрепления XIII в. от укреплений, относящихся к другим периодам.

Кроме того, следует иметь в виду, что формы и конструкции оборонительных сооружений предшествующей поры, т. е. XI—XII вв., в северных русских княжествах могли быть несколько иными, чем в княжествах южной Руси. Поэтому, хотя основной путь развития военно-инженерного искусства в этот период несомненно был общим для всей Руси, в частностях оборонительные сооружения XIII в. в Новгородской земле и Владимиро-Суздальском княжестве могли в значительной степени отличаться от киевских, так как в их основе, возможно, лежали различные местные традиции.

Во всяком случае конкретное изучение тех форм, в которых протекало развитие русского военно-инженерного искусства во второй половине XIII в., невозможно до тех пор, пока не будут выявлены и исследованы памятники военного зодчества этой поры, в настоящее время совершенно неизвестные.

Единственным исключением являются западные районы Волынского княжества, где оборонительные сооружения, относящиеся именно ко второй половине XIII в., известны. Область эта важна еще и потому, что расцвет Волынской земли относится как раз к XII и XIII вв. и именно здесь, судя по летописи, монгольские войска натолкнулись на наиболее мощные укрепленные пункты.

К сожалению, и на Волыни, так же как и в северной Руси, плохо изучены более ранние памятники, поэтому не выявлены особенности развития оборонительных сооружений этой области и отличие их от оборонительных сооружений Среднего Поднепровья. Кроме того, из памятников XIII в. на Волыни известно лишь несколько каменных сооружений и совершенно не изучены городища этой поры.

Несмотря на это, памятники военного зодчества Волынской земли второй половины XIII в. должны быть привлечены к изучению истории военно-инженерного искусства прежде всего хотя бы потому, что других оборонительных сооружений этого времени мы пока не знаем. Если даже эти сооружения и имеют много местных своеобразных особенностей, отличающих их от памятников военного зодчества других русских земель, то несомненно, что общие тактические особенности их должны были отвечать тем основным требованиям, которые предъявляла тактика осады и обороны и к другим оборонительным сооружениям того же времени. Волынские оборонительные сооружения второй половины XIII в. должны поэтому показать, хотя бы в каких-то своих, возможно очень специфических, формах, как шло развитие типов оборонительных сооружений в связи с появлением новых тактических принципов.

Памятники военного зодчества второй половины XIII в. и, возможно, начала XIV в. в западных и северных районах Волынского княжества представлены группой каменных башен, из которых три более или менее хорошо сохранились до наших дней (рис. 104; 105). [1] Сохранились также остатки укреплений детинца в г. Холм. [2]

Первое, что бросается в глаза при рассмотрении данных памятников, — это большое количество каменных сооружений. Конечно, наряду с каменными здесь существовали, и, по-видимому, в большом количестве, деревянные оборонительные сооружения. Об этом совершенно недвусмысленно говорят свидетельства летописи о постройке и уничтожении ряда волынских городов. [3] Однако подавляющее большинство известных нам (как по письменным источникам, так и по сохранившимся остаткам) оборонительных сооружений этого времени было каменными. Так, каменными стенами был окружен детинец в Холме. Среди башен деревянной была лишь одна башня в Холме, однако и она имела каменное основание около 7 м высотой. [4]

Сам факт постройки на Волыни во второй половине XIII в. значительно большего количества каменно-кирпичных военно-инженерных сооружений, чем их было создано на

всей Руси за все предшествующие столетия русской истории, говорит о большом значении, которое приобрели в это время каменные оборонительные сооружения. [5]

В северных районах Руси, по-видимому, существовали какие-то свои, несколько иные традиции в строительство укреплений, так как в Новгородской земле каменные крепости известны и до XIII в. Однако и здесь количество каменных укреплений заметно увеличивается также в основном с конца XIII в. Так, если до XIII в. в Новгородской земле существовало лишь три каменных крепости — Ладога, Псков и, вероятно, Новгород, то в 1280 г. строится каменная крепость в Копорье, в 1302 г. в Орехове и перестраиваются укрепления Новгорода, в 1309 г. перестраиваются каменные стены Пскова, в 1330 г. строится каменная крепость в Изборске и т. д. [6]

Именно с этого времени, с XIII в., появляются в письменных источниках указания на то, что каменные укрепления признаются современниками более мощными, чем укрепления деревянные. Очевидно, так нужно понимать, например, те фразы в летописях, где, отмечая крепость какого-либо города, летописец добавляет, что этот город «весь бо бяше учинен от камени». [7] Или же при походе русских войск на Юрьев летописец пишет о городе: «Бе бо велми крепок о три стены каменные». [8]

Совпадение сведений письменных источников с сохранившимися памятниками несомненно свидетельствует о том, что начиная с XIII в. совершенно явно становятся ощутимыми преимущества каменных укреплений перед деревянными. Вряд ли можно сомневаться, что основной причиной этого было появление камнеметных машин, удары которых каменные стены гораздо лучше выдерживали, чем стены деревянные. [9] В связи с этим в некоторых районах Руси в зависимости от мест-

---

[1]О группе каменных башен см.: П. Раппопорт. Волынские башни. МИА СССР, № 31, 1952.

[2]Укрепления Холма были частично раскопаны *П. П. Покрышкиным* в 1910—1912 гг., см.: П. Раппопорт. Холм. СА, XX, 1954.

[3]Так, например, в 1276 г. был *срублен* город Каменец (Ипатьевская лет., 6784); город Владимир-Волынский нельзя было быстро уничтожить из-за «величества» его укреплений, тогда князь Василько «повеле зажечи и» (Ипатьевская лет., 6769).

[4]«Подсздана каменьемь в высоту 15 лакот» [Ипатьевская лет., 6767 (1259)].

[5]Каменно-кирпичные укрепления Волынской земли, относящиеся ко 2-й половине XIII в. или к началу XIV в.: детинец в Холме, башни к Каменце, Берестье, Черторыйске, Гродно, в Столпье и Белавине под Холмом. По-видимому, существуют остатки каменной башни в с. Спас под Холмом. Возможно, что каменные башни этого времени существовали также в Дрогобыче и еще нескольких пунктах (см.: П. Раппопорт. Волынские башни, стр. 220).

[6]О постройке Копорской крепости см.: Новгородская I лет., 6788 (1280); постройка «града каменного Орехового» отмечена под 6810 г. (1302) в летописи Авраамки (ПСРЛ, т. 16, СПб., 1889, стр. 57), по Новгородской же летописи каменный город был построен здесь в середине XIV в.; перестройка каменных укреплений в Новгороде отмечена в Новгородской I летописи под 6810 (1302), 6837 (1329), 6841 (1333) гг. и т. д.; о постройке плитяной стены в Пскове см.: Псковская I лет., 6817 (1309) (Псковские летописи, вып. 1. М. — Л., 1941, стр. 14); о постройке Изборска см. новгородские и псковские летописи под 6838 г. (1330).

[7]Описание укреплений Кракова см.: Ипатьевская лет., 6799 (1291).

[8]Новгородская I лет., 6769 (1261).

[9]Следует, кроме того, отметить, что поджог городских стен во время штурма также (судя по летописям) начинает шире применяться именно в XIII в., см., например, осаду Ошеля в 1220 г. (Лаврентьевская лет., 6728).

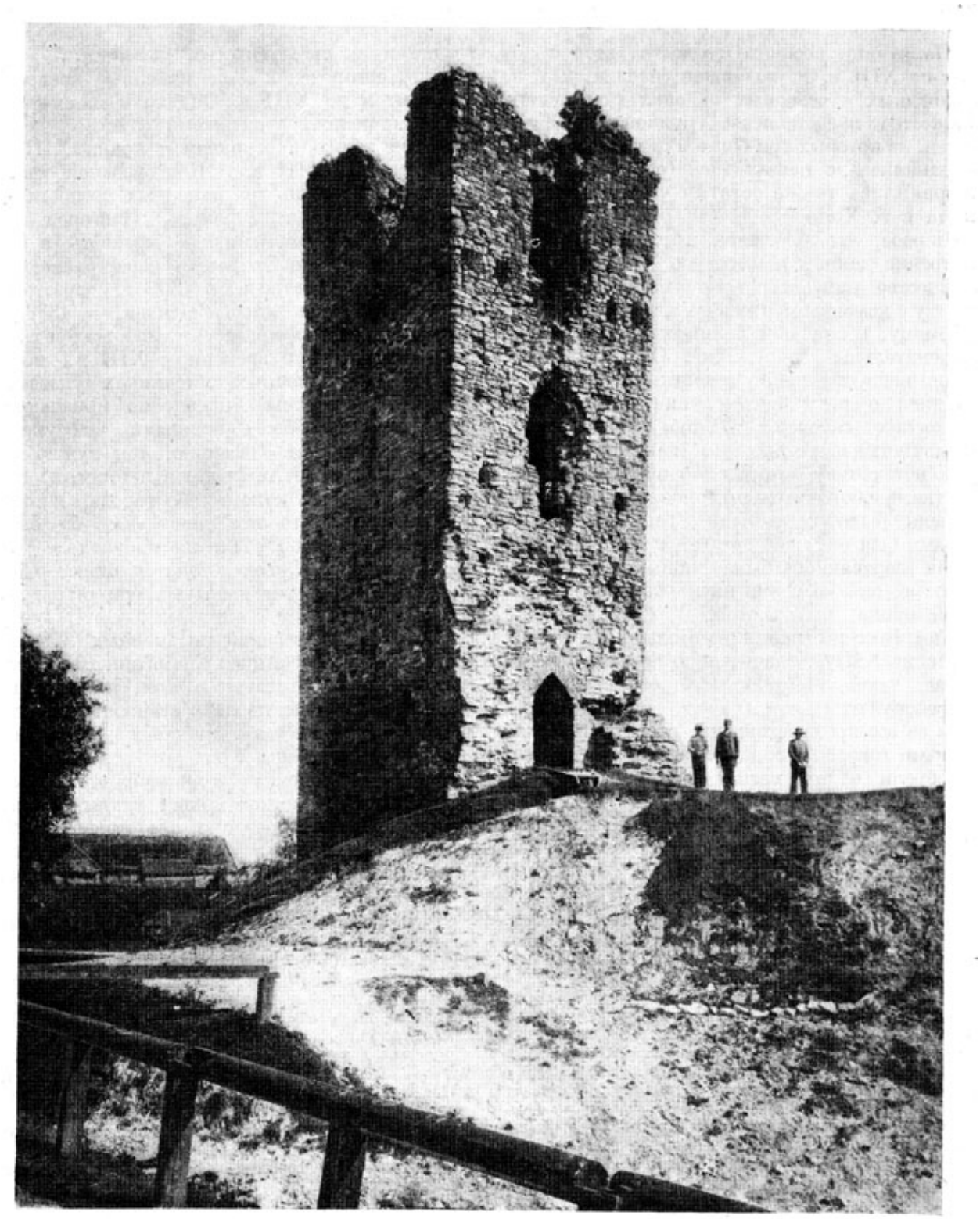

Рис. 104. Башня в Столпье. (Фот. 1909 г. из фотоархива ИИМК).

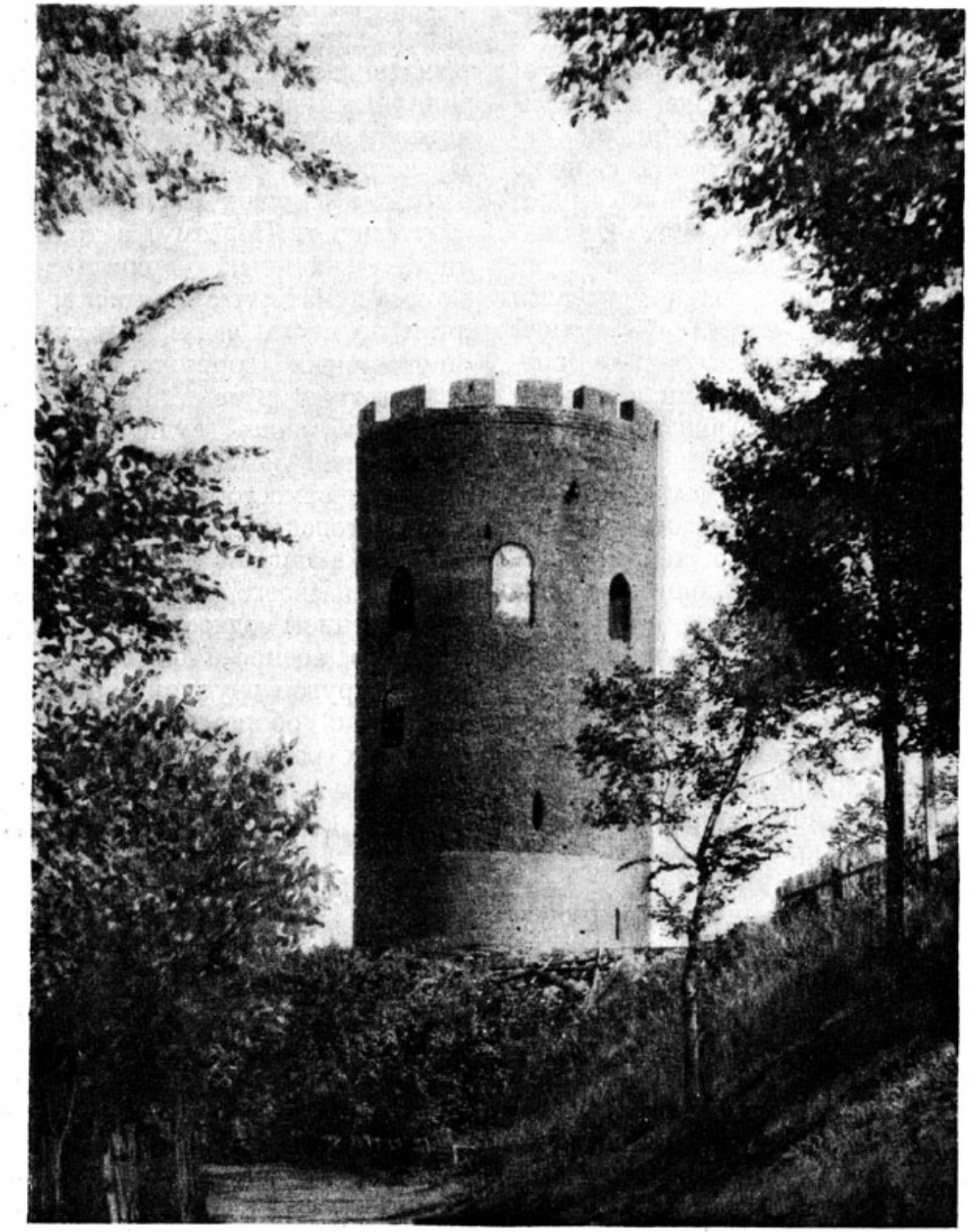

Рис. 105. Башня в Каменце-Литовском. (Фо*т. Г. Н*. Логвина).

ных условий и возможностей с середины или конца XIII в. и начинается строительство каменных укреплений. Совершенно естественно, что районами, где оказалось возможным такое строительство, были Западная Волынь и Новгородская земля, [1] наименее пострадавшие от монгольского нашествия.

Очень характерной чертой оборонительных сооружений Волыни второй половины XIII в. является, кроме того, наличие большого количества высоких башен. Некоторые из этих башен, например Белавинская, были отдельно стоящими, другие были связаны с какими-то архитектурными комплексами — как башня в Каменце и особенно в Столпье. Башня в Гродно была расположена у го-

---

[1]Необходимо, впрочем, подчеркнуть, что в Новгородской земле строительство каменных укреплений могло быть вызвано не только изменением тактики и техники осады, но и местными строительными традициями. Вопрос об этих традициях и о развитии оборонительных сооружений северной Руси до XIII в. требует особого изучения.

родских ворот, а упоминаемая в летописи башня в Холме стояла «среде города», *т. е. внутри* городских стен.

Однако, несмотря на различие в архитектурных формах и в расположении, у всех этих башен было одно общее качество — подавляющее большинство их имело своим основным назначением круговой обстрел окружающей территории. Возможно, что, помимо этого, некоторые башни служили также наблюдательными или сторожевыми постами, но основное их назначение было все же связано со стрельбой. О башне в Холме летопись прямо отмечает: «Вежа же среде города высока, якоже бити с нея окрест града». [1] Относительно башни в Гродно в летописи также сказано: «Побивахуть бо со столпа того». [2] В верхней части Столпьенской башни до настоящего времени сохранились отверстия от балок какого-то деревянного настила, существовавшего вокруг этой башни и несомненно предназначенного для кругового обстрела. По-видимому, ни одна из волынских башен не была связана с городскими стенами и, следовательно, не преследовала цели — создать фланкирующий обстрел стен. [3]

Преимущества высоких башен для ведения кругового обстрела очевидны. Стрельба с высоты уменьшает мертвые (непростреливаемые) пространства, а также позволяет увеличить дальность обстрела. Эти преимущества, в особенности при наличии такого оружия, как самострелы, свидетельствуют об активизации обороны укреплений.

Несомненно, что активизация стрелковой обороны должна была иметь место не только на Волыни, но и на всей русской территории, поскольку тактические особенности осады укреплений, которые вызвали эту более активную оборону, были одинаковы как в южных, так и северных районах Руси. Отсутствие сведений об оборонительных сооружениях XIII в. в других районах не позволяет, однако, ответить на вопрос — в какой форме сказались эти изменения на оборонительных сооружениях других русских земель.

Возможно, что в XIII в. башни начали приобретать большое значение не только на Волыни, но и на смежной с ней территории Киевской земли. Так, очень вероятно (судя по плану городища), что башни имелись в Губине, а возможно, и на других *городах*

Болоховской земли. Однако такие оборонительные сооружения, построенные, по-видимому, уже в начале XIII в., известны пока лишь единицами. Это не дает возможности решать достаточно определенно, насколько типичными для военного зодчества Руси или хотя бы южной Руси были волынские башни. В летописях сведения о постройке таких башен в других областях, кроме Волыни, отсутствуют. Поэтому, а также судя по ряду чисто западных архитектурных деталей, можно думать, что волынские башни представляли по своим формам местный вариант оборонительных сооружений, не характерный для других русских областей.

Своеобразная судьба Волынской земли, потерявшей уже к середине XIV в. свою национальную самостоятельность и вошедшей в состав Литовского государства, привела к тому, что оборонительные сооружения Волыни не нашли своего дальнейшего развития в русском военном зодчестве. Последующая история русского военно-инженерного искусства связана с другой группой оборонительных сооружений, с оборонительными сооружениями северных районов Руси.

III. СТРАТЕГИЯ ОБОРОНЫ

1

Изучение оборонительных сооружений заставляет поставить вопрос не только о тактике обороны отдельных укрепленных пунктов, но и об организации обороны всей территории древнерусского государства в целом, а позже и территорий различных феодальных княжеств.

Решение этого вопроса требует, однако, очень больших предварительных работ по обследованию не только остатков отдельных древнерусских укреплений — городищ, но и всей системы расположения и взаимосвязи этих пунктов. Поэтому в настоящее время проблема изучения стратегии обороны, *т. е. организации* обороны всей территории страны, еще не может быть решена полностью. Некоторые отдельные стороны этой проблемы могут быть все же выяснены, если и не целиком, то хотя бы предварительно, на основании уже

---

[1]Ипатьевская лет., 6767 (1259).

[2]Ипатьевская лет., 6785 (1277).

[3]Неясно пока, чем была вызвана прямоугольная в плане форма каменной ограды Холмского детинца. Во всяком случае отсутствие на углах детинца башен свидетельствует о том, что фланкирование стен здесь не играло никакой роли.

имеющихся результатов археологических исследований и древних письменных источников.

Основным врагом Руси в X—XIII вв. (речь идет главным образом о центральных районах Киевской Руси — о Среднем Поднепровье) были степняки, кочевники. Во второй половине X — первой половине XI вв. — это печенеги, несколько позже — торки и

начиная с середины XI в. — половцы. Кроме этих внешних врагов, немалое значение имели также столкновения между войсками различных русских князей. С ростом феодальной раздробленности и распадом единого Киевского государства, *т. е. со* второй половины XI в. и особенно в XII и XIII вв., княжеские феодальные усобицы становятся даже более существенными для военной обстановки, чем набеги кочевников.

Что же касается самих кочевников, то половцы были значительно сильнее печенегов и торков, но только своей численностью. Боевые качества их и тактические приемы, по-видимому, были одинаковыми. Во всяком случае такие основные особенности, как скорость и внезапность набегов, нападения из засады, применение различных военных хитростей и уклонение от открытого боя — летопись отмечает одинаково и у печенегов, и у торков, и у половцев. Перечисленные качества объясняются тем, что основой войска кочевников была легкая иррегулярная конница.

Эти боевые качества кочевников настолько определенно отмечены как в русских летописях, так и в восточных источниках, что не вызывают никаких сомнений. [1] Скорость и внезапность нападения, меткость стрельбы, умение завлечь врага в засаду и окружить его были основными боевыми достоинствами кочевников. [2]

Во время набегов кочевники ставили своей основной задачей не взятие городов, а захват пленных и ограбление неукрепленных поселений. Укрепленные пункты кочевники осаждали редко, а захватывали их еще реже. [3] По-видимому, древнерусские укрепленные поселения — *города,* даже и очень небольшие, были все же достаточно надежной защитой от кочевников.

Письменные источники дают возможность определить, конечно в самых общих чертах, те пути и основные направления, по которым кочевники двигались во время своих набегов на Русь. На Днепровском Правобережье кочевники двигались к Киеву, по-видимому, всегда прямо с юга, со стороны Роси и Стугны. Так, в летописи отмечены бон с печенегами под Василёвым на Стугне (996 г.), бои с половцами у Раставца и Неятина в верховьях Роси (1071 г.). В 1093 г. половцы осадили Торческ (находившийся также где-то в районе Поросья), затем разбили войско русских князей южнее Треполя и лишь после этого прорвались к самому Киеву. В 1095 г. половцы вновь воевали по Роси. В «Поучении» Мономаха также несколько раз упомянуты бои с половцами на Стугне, у Халепа и на Роси. [4]

На Днепровском Левобережье картина была несколько иной — здесь кочевники наносили удары Руси не только с юга, но и с востока. Очень часто летопись отмечает нападения кочевников на район Посулья, особенно подробно об этом говорится в «Поучении» Мономаха. [5] Перейдя Сулу, половцы обычно шли к Переяславлю. [6] Следующим пунктом на пути к Киеву было урочище Льто, куда обычно выходили встречать печенегов и половцев киевские князья. [7] Однако наряду с этим южным направлением на Левобережье всегда существовала опасность нападения кочевников и с востока. Так, в 1068 г. половцы подошли со стороны Сновска, в 1094 г. вместе с князем Олегом Святославичем они также с востока подошли к Чернигову, не один раз приходили

---

[1] См., например: П. Голубовский. Печенеги, торки и половцы. Киев, 1884, стр. 79—80; *И. У. Будовниц*. Владимир Мономах и его военная доктрина, ИЗ*, вып*. 22, стр. 54. Попытки пересмотреть вопрос о культурном уровне кочевников и приписать им высокую культуру очень мало обоснованы. См., например, статью *В. А. Пархоменко* в журнале «Східній світ» (1928, № 3—4, Харьків, стр. 308).

[2]*В. Н. Кун*, ук. соч., стр. 15—30. — *С. А. Плетнева*. Кочевники южнорусских степей IX—XIII вв. Автореф. дисс., М., 1952, стр. 13.

[3]Например, взятие Торческа в 1093 г., взятие Римова в 1185 г. и еще несколько очень немногочисленных примеров.

[4]Лаврентьевская лет., 6504 (996), 6579 (1071), 6601 (1093), 6603 (1095), 6604 (1096) и др.

[5]Лаврентьевская лет., 6604 (1096).

[6]Лаврентьевская лет., 6500 (992 — в этом случае не половцы, а печенеги), 6604 (1096). 6615 (1107) и др.

[7]Лаврентьевская лет., 6527 (1019), 6576 (1068). — *М. К. Каргер*. «Летская божница» Владимира Мономаха. КСИИМК, вып. 49, 1952, стр. 13.

половцы на Вырь, Прилук и Ромен в верховьях Сулы. [1]

Бедствия, причиняемые набегами кочевников, были огромными; об этом достаточно красноречиво свидетельствуют русские летописи. [2] Поэтому для предотвращения набегов русские князья пытались укреплять не только отдельные города, но и самую границу Русской земли со степью, чтобы не допустить вторжения кочевников и отбить их набег еще на границе. О том, что во время существования относительно единого раннефеодального государства, в конце X в. и в первой половине XI в., на южных границах Руси имелись оборонительные рубежи, свидетельствуют письменные источники. Так, при князе Владимире Святославиче, под 988 г., «Повесть временных лет» указывает на постройку *городов* вдоль Десны, Остра, Трубежа, Сулы и Стугны. [3] Перечисление именно этих рек не случайно. Действительно, здесь отмечены как раз те реки, которые прикрывают Днепровское Правобережье с юга, а Левобережье — с юга и востока, *т. е. районы*, наиболее опасные со стороны нападения кочевников. Под 1032 г. «Повесть временных лет» отмечает постройку *городов* и по Роси, *т. е. на* еще более южном, внешнем рубеже Киевщины. [4]

Постройка *городов, т. е. пограничных* крепостей, вдоль этих южнорусских рек говорит о сознательном укреплении границы как раз в наиболее опасных ее участках, подверженных частым нападениям кочевников.

Таким образом, насколько можно судить по свидетельству летописи, тактика борьбы с кочевниками в эпоху древнерусского государства состояла в основном в усилении крепостями южной и юго-восточной границы, а также в том, что русские войска выходили навстречу кочевникам, как только получали известия об их набегах, чтобы отбить вражеский набег еще вблизи границы. [5]

Но если в эпоху Киевской Руси такое большое значение придавали обороне границ Русской земли, то естественно возникает вопрос: не существовало ли на этих границах, кроме отдельных укрепленных пунктов, также и сплошных оборонительных рубежей?

Имеется лишь одно письменное свидетельство о наличии таких сплошных рубежей на южных границах Руси — это письмо архиепископа Бруно, проезжавшего через Киевскую

землю в первые годы XI в. Бруно писал, что «государь Русов, великий царством и богатствами... в течение двух дней провожал он меня сам вплоть до крайнего предела своего государства, который он со всех сторон окружил крепчайшей и длиннейшей оградой по причине кочующего врага». [6]

Какова могла быть та «ограда», о которой писал Бруно? Подавляющее большинство исследователей считало, что остатками этой оборонительной линии являются так называемые Змиевы валы. [7]

Однако если ясное свидетельство летописи о постройке *городов* подтверждается к тому же и наличием вдоль упомянутых рек городищ, относящихся к концу X — началу XI в., то не вполне ясное указание Бруно, к сожалению, пока не разъясняется археологическим материалом. Раскопки Змиевых валов, произведенные, правда, всего в нескольких единичных пунктах, показали, что валы эти насыпаны на чистой земле, не имеющей культурных остатков. Поэтому время постройки Змиевых валов археологическим путем пока не могло быть определено. [8]

В русских летописях Змиевы валы приводятся уже не как действительные линии обороны, а лишь как топографические признаки, что несомненно свидетельствует о заброшенности этих валов ко времени их упоминания в летописи. [9] Однако Змиевы валы упоми-

---

[1]Лаврентьевская лет., 6576 (1068), 6600 (1092), 6602 (1094), 6604 (1096), 6621 (1113) и др.

[2]Сводка этих сведений хорошо дана у П. Голубовского (ук. соч., стр. 83).

[3]Лаврентьевская лет., 6506 (998).

[4]Лаврентьевская лет., 6540 (1032).

[5]Относительно общих стратегических принципов военного искусства Киевской Руси см., например: *А. А. Строков*. Военное искусство Киевской Руси. М., 1948. Стратегия обороны Русской земли до середины X в. в письменных источниках отражена очень слабо, и этот период требует отдельного исследования.

[6]А. Гильфердинг. Неизданное свидетельство современника о Владимире Святом. Русск. беседа, т. I, М., 1856, стр. 11—12 (перевод с латинск. сделан *Е. Ч. Скржинской*).

[7]Наиболее четко это было сформулировано *В. Б. Антоновичем* в статье «Змиевы валы в пределах Киевской земли» (Киевск. старина, 1884, март, стр. 356—369).

[8]*Б. А. Рыбаков*. Раскопки в Переяславе-Хмельницком в 1945 г., стр. 22.

[9]Змиевы валы упоминаются в летописях: Лаврентьевская лет., 6601 (1093), 6603 (1095), 6657 (1149); Ипатьевская лет., 6601 (1093), 6654 (1146), 6659 (1151).

наются в летописи лишь с конца XI в., *т. е. уже* в период феодальной раздробленности, когда общие рубежи Русской земли, конечно, и не могли больше использоваться в

оборонительных целях, поскольку в это время каждое русское княжество само и независимо от других защищало свои границы.

Упоминание в конце XI и в XII в. в русских летописях Змиевых валов как не имеющих военного значения не свидетельствует еще о том, что валы эти не относятся к эпохе древнерусского государства. Очень странно и симптоматично, однако, то обстоятельство, что до конца XI в., *т. е. как* раз тогда, когда Змиевы валы могли служить оборонительными рубежами, ни в летописях, ни в других письменных источниках они совершенно не упоминаются. Трудно предположить, чтобы эти гигантские сооружения, тянущиеся на сотни километров и требующие колоссального труда по их возведению, никак не были отмечены в летописи, если бы эти валы действительно были построены при Владимире или Ярославе.

На вопрос о том, являются ли Змиевы валы оборонительными сооружениями, построенными в эпоху древнерусского государства, или они относятся к более раннему времени, помогает ответить изучение топографии этих валов. Так, некоторые исследователи уже отмечали, что отдельные линии Змиевых валов расположены в таких местах, где никогда не проходили ни границы древнерусского государства, ни границы каких-либо древнерусских земель. Существует, например, несколько линий Змиевых валов в районе р. Синюхи -притока Южного Буга, *т. е. значительно* южнее, чем заходили в степь самые южные русские поселения X—XI вв. [1] Один из участков этого вала, идущий с севера на юг, пересекает Буг и подходит на юге к р. Кодыме, *т. е. не* доходит всего на полтораста километров до берега Черного моря. [2] Само расположение этого участка Змиева вала говорит о том, что он никак не мог быть связан с защитой территории древнерусского государства.

Обследование участка валов на Левобережье Днепра южнее Переяслава-Хмельницкого привело *Б. А. Рыбакова* к выводу, что, «вероятно, Змиевые валы Левобережья Днепра можно отнести к скифскому времени». [3]

Единственным участком Змиевых валов, который прочно связывался с эпохой Киевской Руси, были несколько линий этих валов, проходящих к югу от Киева — по рекам Вете *и* Бобрице, по Стугне, и наконец, по Роси. Хорошая согласованность этих валов с городищами привела исследователей к мысли, что Змиевы валы в этом районе созданы как внешняя линия обороны древнего Киева. Эта точка зрения, высказанная впервые Б. Антоновичем, с тех пор является господствующей в научной литературе. [4] Правда, Л. Добровольский, специально занимавшийся обследованием Змиевых валов в районе Киева, отметил, что часть этих валов относится к скифскому времени, однако остальные валы он также считал сооружениями времени Киевской Руси. [5]

Между тем, городища Киевского района до самого последнего времени оставались неисследованными, и не было по существу известно даже, какие из них являются остатками поселений времени древней Руси, а какие относятся к другим эпохам. [6]

В настоящее время, когда все городища в районе Киева подверглись хотя бы самому предварительному обследованию, можно уже сделать некоторые выводы о системе органи-

---

[1] Линии этих валов нанесены на археологических картах Антоновича и Сецинского (*В. Б. Антонович*. Археологическая карта Киевской губернии М., 1895; Е. Сецинский. Археологическая карта Подольской губернии. Тр. XI АС, т. I. М., 1901).

[2]П. Китицин. Пограничный вал, насыпанный в Побужском крае. Древности, т. 15, вып. 1, М., 1894. протоколы, стр. 111.

[3]*Б. А. Рыбаков*. Раскопки в Переяславе-Хмельницком в 1945 г., стр. 22. Занимавшийся изучением этих же валов В. Ляскоронский также относил их к скифскому времени (*В. Г. Ляскоронский*. Змиевы валы в пределах южной России, их соотношение к курганам-майданам и приблизительная эпоха их возникновения. Тр. XIII АС, т. I, М., 1907). Некоторые исследователи относят Змиевы валы (или во всяком случае большую их часть) к антскому времени (*М. Ю. Брайчевский*. Антский период в истории восточных славян. Археологія, т. VII, Київ, 1952, стр. 30).

[4]*В. Б. Антонович*. Змиевы валы в пределах Киевской земли, стр. 369.

[5]Зап. Історично-Філологічного відділу ВУАН, кн. XII, Київ, 1927, стр. 209. Другие статьи Л. Добровольского о Змиевых валах см.: Военно-историч. вестн., 1912, кн. 1; Чтения в Историч. общ. Нестора летописца, кн. 21, вып. 1—2, 3, Киев, 1909—1910.

[6]Председатель Киевского отдела Военно-исторического общества в письме, направленном в 1911 г. в Археологическую комиссию, отмечал, что киевская территория «до сих пор в военно-историческом отношении остается почти совершенно неисследованной» (Архив ИИМК, ф. 1, д. 232 за 1910 г., л. 11).

зации обороны окрестностей древнего Киева. [1]Прежде всего на этом участке древнерусские укрепленные поселения оказались также далеко не так уж хорошо согласованными с линиями Змиевых валов, как принято было считать. Так, например, в ответственных участках — в месте подхода к Ирпеню Змиева вала, идущего от р. Стугны, а также при впадении в Ирпень р. Бобрицы древнерусских укрепленных поселений вообще не оказалось. Нет древнерусских городищ и в нижнем течении р. Веты, несмотря на то, что этот участок, у Днепра, был недостаточно хорошо укреплен Змиевыми валами. Древнерусские укрепления, закрывающие подход к Киеву на этом участке, оказались расположенными или севернее (Китаевское городище), или значительно южнее (Триполье, Халепье, Витачёв).

Но даже и там, где линия валов как будто бы хорошо согласована с древнерусскими городищами, как это имеет, например, место вдоль р. Стугны, городища относятся не к одному времени. Так, на городище у с. Заречье укрепленное поселение было основано, по-видимому, в конце X в., а на соседнем городище у с. Старые Безрадичи не ранее конца XI в., *т. е. тогда*, когда укрепление в с. Заречье было уже в основном заброшено.

Таким образом, можно констатировать, что хорошо согласованных с городищами линий Змиевых валов в районе Киева также не имеется. Очень вероятно поэтому, что постройка Змиевых валов в районе Киева, как и в других районах Руси, относится не к периоду существования древнерусского государства, а к какому-то гораздо более раннему времени, вероятнее всего, к скифской эпохе.

Такое предположение тем более правдоподобно, что строительство сплошных оборонительных рубежей на многие сотни километров длиной было бы бессмысленно, если бы не существовала регулярная охрана этих рубежей. Содержание же такого

специального пограничного войска вряд ли было под силу раннефеодальному Киевскому государству даже в периоды его наибольшего могущества.

Окончательное решение этого вопроса будет возможно лишь после систематических археологических раскопок как самих Змиевых валов, так и связанных с ними городищ. Однако, если даже Змиевы валы были сооружены еще до эпохи сложения древнерусского государства, очень вероятно, что некоторая часть этих валов позже могла быть использована в качестве пограничных оборонительных рубежей. Совпадение некоторых линий Змиевых валов с границами территории древнерусского государства и с теми оборонительными рубежами, на которых строились в это время укрепленные пункты, заставляет думать, что отдельные участки Змиевых валов были при этом использованы, а быть может, даже усилены в конце X — первой половине XI в. [2] К сожалению, никаких археологических данных для решения этого вопроса пока также не имеется.

Единственным, к тому же очень косвенным свидетельством, что в народной памяти в XIII в. еще сохранялось понимание того, против какого врага служили защитой Змиевы валы, может служить фраза летописи, где о первом приходе татар на Русь говорится: «И придоша близь Руси идеже зовется вал Половечьскыи». [3]

Но если вопрос о времени постройки Змиевых валов и об их использовании в эпоху древнерусского государства остается еще не окончательно решенным, то общие принципы организации обороны территории страны для этого периода достаточно ясны. От основного врага — степных кочевников — оборонялись путем укрепления южной и юго-восточной границ Русской земли. По-видимому, кочевники редко решались на глубокие рейды по Русской земле в том случае, если у них в тылу оставались незахваченные русские укрепления. Очевидно, боясь возможного удара с тыла или перерезывания пути отхода при возвращении с пленными и добычей, кочевники предпочитали опустошать пограничные районы, *т. е. те* районы, откуда легче всего можно было в случае необходимости быстро отступить назад, в степи. Поэтому постройка *городов* (конечно, в древнерусском значении этого слова, *т. е. укрепленных* пунктов, крепостей) в погра-

---

[1] П. Раппопорт. К вопросу о системе обороны Киевской земли. Кратк. сообщ. Инст. археологии АН УССР, вып. 3, Киев, 1954.

[2] Такая точка зрения была высказана *Н. Н. Ворониным* в сводной работе о крепостных сооружениях древней Руси (История культуры древней Руси, т. I. М. — Л., 1948, стр. 441).

[3] Лаврентьевская лет., 6731 (1223). Аналогично этому в XVII в. Белгородская засечная черта иногда называлась местными жителями «татарской» (Киевск. старина, 1900, ноябрь, Археологическая летопись, стр. 125).

ничных районах была действенным способом защиты русской территории.

Однако постройка отдельных *городов* не могла полностью возместить отсутствие сплошных пограничных оборонительных рубежей, создание которых оказалось возможным только на совершенно ином историческом этапе, после сложения

централизованного Русского государства. Киевское государство в силу его недостаточной централизации не могло организовать такой сплошной охраны южной границы Руси. Поэтому, несмотря на наличие пограничных *городов,* усилия киевских князей иногда оказывались тщетными, и кочевникам в отдельных случаях удавалось прорываться даже к самой столице древнерусского государства — Киеву.

2

В конце XI — начале XII в., когда на Руси уже полностью возобладала феодальная раздробленность, существенно изменилась и общая военная обстановка. Прежде всего каждому отдельному княжеству стали угрожать уже не только нападения кочевников, но и нападения со стороны других, соседних княжеств. Более того, даже половецкая угроза в XII — начале XIII вв. почти всегда была связана уже с феодальными распрями, поскольку сами русские князья для борьбы со своими противниками зачастую призывали половцев. [1]

В тех случаях, когда половцы нападали на русские земли самостоятельно, не в союзе с отдельными русскими князьями, они производили нападения в основном на те же районы и с тех же направлений, как это имело место и раньше. Так, на Днепровском Левобережье наиболее часты были нападения половцев на район Сулы. [2] Иногда удары наносились с востока — в район Выря. [3] На Правобережье Днепра постоянная угроза половецкого вторжения по-прежнему висела над Поросьем; во второй половине XII в. через каждые несколько лет летопись отмечает, что половцы вновь «воеваша Поросье» или «начаша... пакость творити по Рьси». [4] Иногда, по-видимому, половцы обходили бассейн Роси с запада, как это имело место, например, в 1160 г., когда русские князья «избиша половци межи Мунаревом и Ярополчем» — в верховьях Ирпеня. [5]

В некоторые периоды напор половцев возрастал особенно сильно. Так, за последнее десятилетие XI в. не было ни одного года, когда в летописи не были бы отмечены половецкие набеги. Между тем, оборона границ становилась все более и более затруднительной в связи с дроблением русского государства на отдельные феодальные княжества и ослаблением военной мощи киевских князей. Наряду со строительством пограничных городов-крепостей со второй половины XI в. в обороне южной границы русских земель все большее значение приобретало заселение пограничных районов оседающими кочевниками — печенегами, торками и берендеями, известными в летописи под общим наименованием черных клобуков. [6]

Черноклобуцкие поселения, особенно многочисленные в Поросье, создавали между враждебными степняками и Русью своеобразный барьер. Конечно, и русским князьям зачастую приходилось стоять с войсками на границе, «стерегучи земли Руские». [7] Однако большей частью русские войска отражали половцев совместно с черными клобуками, а иногда русские князья посылали на половцев даже и одних черных клобуков под начальством русского воеводы. [8]

На рубеже XI—XII вв. была выработана новая тактика борьбы с половцами. Большая заслуга в разработке этой тактики принадлежит Владимиру Мономаху. Новая тактика заключалась в активных наступательных действиях, в организации глубоких рейдов в степь и в разгроме там половецких веж. [9] Успешные походы Мономаха вглубь степей, вплоть до

[1]Ср., например, характеристику феодальных усобиц у Ф. Энгельса: «Раздоры феодалов приводили к тому, что внутри страны шла непрерывная война даже и в том случае, когда внешний враг был в стране» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 443).

[2]См., например: Ипатьевская лет., 6615 (1107), 6634 (1126), 6661 (1153), 6688 (1180), 6692 (1184) и др.

[3]Ипатьевская лет., 6621 (1113).

[4]Ипатьевская лет., 6663 (1155), 6670 (1162), 6673 (1165), 6680 (1172), 6682 (1174), 6685 (1177) и др.

[5]Ипатьевская лет., 6668 (1160).

[6]*Д. А. Расовский*. 1) О роли Черных Клобуков в истории древней Руси. Seminarium Kondakovianum, I, Praha, 1927, стр. 93; 2) Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии. Seminarium Kondakovianum, VI, Praha, 1933, стр. 10 и 55.

[7]Ипатьевская лет., 6700 (1192).

[8]Ипатьевская лет., 6693 (1185).

[9]*И. У. Будовниц*. Владимир Мономах и его военная доктрина. ИЗ, вып. 22, 1947, стр. 89— 92. — *А. А. Строков*. Военное искусство Руси периода феодальной раздробленности. М., 1949, стр. 22—24.

Дона, принесли некоторое облегчение от половецких вторжений в первой половине XII в. После Мономаха традиции наступательных действий против кочевников поддерживал его сын Мстислав. [1] В дальнейшем, в течение всего XII века, русские князья успешно продолжали придерживаться той же тактики активной борьбы с кочевниками, хотя растущая раздробленность Руси сильно затрудняла мобилизацию крупных военных сил для успешных походов. Походы отдельных князей, не обладавших достаточными силами, далеко не всегда бывали удачными, как это хорошо показал несчастный поход Игоря Новгород-Северского в 1183 г.

Но если для X—XI вв. основной угрозой, определявшей собой всю военную обстановку в южной Руси, были кочевники и тактика обороны строилась в основном с расчетом именно на отражение вторжений кочевников, то к XII в. положение существенно меняется. В XII в., особенно же во второй половине этого века, военная обстановка начинает определяться уже в основном феодальными усобицами и «которами», внутренними войнами между отдельными русскими князьями.

Кроме южной границы со степью, становится необходимым поэтому защищать уже все границы каждого отдельного княжества. Очень хорошо заметно это изменение в тактике обороны границ на примере Киевской земли и особенно ближайших окрестностей Киева (рис. 106). [2]

Так, к северу от Киева в XI в. был расположен всего один укрепленный пункт — Вышгород. Далее, вплоть до устья Ирпеня, ни на север, ни на северо-запад от Киева никаких укреплений не было. Да и Вышгород, по-видимому, защищал подходы к Киеву не столько с севера, сколько с востока, из-за Днепра. Анализ летописных сведений о боях

под Вышгородом показывает, что именно здесь обычно переправлялись через Днепр войска, шедшие на Киев со стороны Днепровского Левобережья. Таким образом, подходы к Киеву с северной стороны по существу почти совершенно не были прикрыты укрепленными пунктами. Зато с восточной стороны подходы к Киеву были достаточно хорошо защищены — в обоих пунктах возможного перехода противника через Днепр, в районе бродов, на правобережных кручах стояли укрепленные города — Вышгород и Треполь.

Очень слабо были защищены подходы к Киеву с запада, здесь находился лишь один укрепленный пункт — Белгород, через который шел путь на запад, на Волынь. К тому же раскопки валов Белгородского городища, проведенные в 1909—1910 и 1951 гг., показали, что как детинец, так и окольный город древнего Белгорода были построены в конце X в. Общая площадь, укрепленная этими валами, составляет более 100 га. Совершенно несомненно, что такая огромная территория могла быть занята большим средневековым городом, а никак не пограничной крепостью или феодальным замком. Следовательно, и постройка в конце X в. укреплений Белгорода, единственного укрепленного пункта к западу от Киева, также была вызвана в первую очередь не нуждами обороны Киева, а потребностями обороны самого этого города.

Но если северные и западные подступы к Киеву были почти совершенно не защищены, то с юга и юго-запада укрепленные поселения были расположены в большом количестве. Эти укрепления находились в большинстве на естественно удобных для обороны рубежах, на высоких северных берегах рек, текущих с запада на восток. Основной линией обороны служили крепости, расположенные по левому берегу р. Стугны, хотя и ближе к Киеву также имелось еще несколько укрепленных пунктов. Расположенные на небольших расстояниях одно от другого, эти укрепления хорошо прикрывали подступы к Киеву со стороны степей. Далее русские укрепленные пункты располагались на юг вплоть до Роси, однако следует иметь в виду, что линия обороны вдоль Стугны продолжала оставаться действующим оборонительным рубежом в течение не только всего XI, но и XII вв., несмотря на наличие более южных укреплений. [3]

Таким образом, оборона Киевского района в XI в. строилась на укрепленных пунктах, расположенных в основном с юга и отчасти с восточного направления, т. е.

---

[1]См. характеристику Мстислава в Ипатьевской летописи под 6648 (1140) г.

[2]О расположении древнерусских укрепленных поселений в районе Киева см.: П. Раппопорт. К вопросу о системе обороны Киевской земли.

[3]Так, в 1193 г. князья Святослав и Рюрик «много стояша у Василёва, стерегша земле своея» (Ипатьевская лет., 6701).

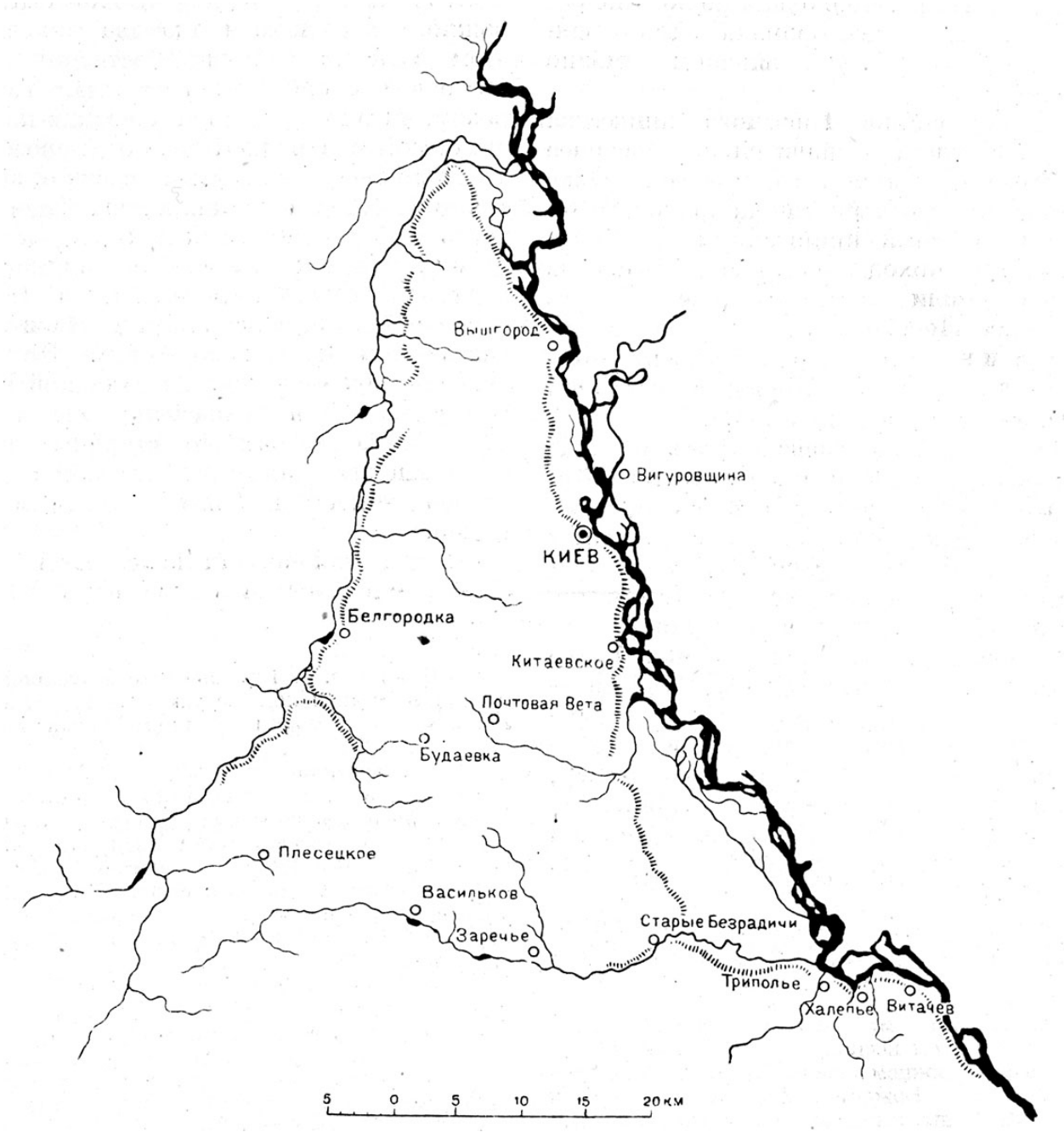

Рис. 106. Карта древнерусских городищ в районе Киева.

как раз на тех направлениях, откуда чаще всего можно было ожидать вторжения кочевников.

Позднее, в XII и XIII вв., угроза появления кочевников в районе Киева продолжала оставаться достаточно реальной. Поэтому укрепление южных рубежей продолжалось и в это время. [1]

Однако необходимо отметить, что наряду с южным направлением в конце XI и в XII вв., значительно усиливается и оборона восточного рубежа Киевской земли. Так, в последние

годы XI в. над Витичёвым бродом через Днепр был построен город Святополч. Не ранее второй половины XI в. основано укрепление в с. Вигуровщина, напротив Киева. В XII в. капитально перестраиваются оборонительные сооружения Вышгорода.

Это усиление восточного рубежа, по-видимому, связано с феодальными распрями между киевскими князьями и князьями

---

[1]Одним из свидетельств этому является городище у с. Старые Безрадичи на Стугне, по-видимому, остатки древнего города Тумащь, оборонительная система которого была построена в конце XI или в XII в.

черниговскими, а также князьями далекой Залесской земли.

Хотя восточная граница Киевского княжества в XI—XIII вв. проходила не по Днепру, а несколько восточнее, оборона здесь строилась, по-видимому, в основном именно по Днепру.

С севера граница Киевского княжества всегда проходила значительно севернее устья Ирпеня. Кроме того, с севера Киев был прикрыт густыми труднопроходимыми лесами, а за ними припятскими болотами. Все военные походы на Киев с севера, из Залесской земли, шли, как правило, через Днепровское Левобережье. Естественно поэтому, что и в XII в. постройка укрепленных пунктов для защиты Киева с северной стороны не была необходимой. [1]

С запада граница Киевской земли также всегда проходила значительно западнее Ирпеня, и оборона здесь строилась поэтому на укрепленных пунктах, расположенных значительно дальше от Киева. Судя по данным летописи, западная граница Киевского княжества в XII в. проходила в районе верховьев Южного Буга, Случи и Ужа. Более западный район — бассейн р. Горыни — уже выходил в XII в. за пределы собственно Киевской земли, хотя часто и принадлежал киевским князьям. [2] Так, например, западным рубежом Киевского княжества иногда служила Пересопница, но основной рубеж, по-видимому, проходил несколько восточнее.

В особенности ясным это становится во второй половине XII в. в связи с постепенным ослаблением Киевского княжества. [3]

В 1148 г. князь Изяслав дал сыну Юрия Долгорукого Ростиславу «Божьскый, Межибожие, Котелницю и ина два городы». При этом Изяслав поручил Ростиславу: «а ты постерези земле Руской оттоле». [4] Таким образом, именно этот район киевский князь, видимо, считал западной границей своей земли.

Наиболее угрожаемым участком западной границы Киевского княжества была южная часть этой границы, так как походы на Киев галицких войск обычно направлялись через верховья Буга и затем через Поросье. [5] Даже с Волыни войска шли на Киев большей частью тем же южным путем. [6] Но военное значение южного участка западной границы

Киевской земли возрастало еще и оттого, что, кроме угрозы со стороны галицких и волынских князей, этот район был доступен также и прямым набегам кочевников. [7]

В этом районе, так называемой Болоховской земле, летопись отмечает в XII в. до-

---

[1]Следует, впрочем, отметить, что в XII в. в летописях названы несколько ранее не упоминавшихся *городов* в нижнем течении Припяти — Чернобыль и Давидова Боженка. Археологически они еще не обследованы, и поэтому пока нельзя судить о том, когда в действительности здесь были построены укрепленные пункты.

[2]На съезде в Уветичах в 1100 г. князю Давиду дали Божск, Острог, Дубен и Черторыйск, а затем еще Дорогобуж, тем самым, очевидно, считая, что эти города не входят в удел киевского князя (Ипатьевская лет., 6608). Позже, в 1150 г., князь Изяслав, выгнав сына Юрия Долгорукого из Пересопницы, заявил, что его волость «по Горину» (Ипатьевская лет., 6658). Уделом Изяслава был Владимир-Волынский, следовательно он считал, что Пересопница К Дорогобуж входят в состав Волынского княжества. Далее, под тем же годом в Ипатьевской летописи вновь описывается борьба за Погорынье между волынским и киевским князьями.

[3]В XIII в. Погорынье уже безусловно входит в состав Волынской земли (*В. Т. Пашуто*. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси, стр. 195, 207).

[4]Ипатьевская лет., 6656 (1148).

[5]Так, в 1146 г. Владимир Галицкий захватил у киевского князя город Прилук, находившийся между Бугом и верховьями Роси (Лаврентьевская лет., 6654). В 1150 г. Владимир Галицкий шел к Киеву «мимо Мунарев к Володареву», *т. е. с* верховьев Роси (Ипатьевская лет., 6658). Тем же путем идут на Киев галицкие войска и в 1169 г. (Ипатьевская лет., 6677).

[6]Именно так, например, шел на Киев Изяслав в 1150 г.: «через Черные Клобуки», *т. е. через* Поросье (Ипатьевская лет., 6658).

[7]О том, что половецкие кочевья имелись в районе Южного Буга, говорится уже в «Поучении» Мономаха, который ходил против половцев «на Бог» (Лаврентьевская лет., 6604). И позже, в 1173 г., когда половцы воевали у Киева, русские князья погнались за ними и «изьгониша я за рекою Бугом» (Ипатьевская лет., 6681). О проникновении половцев в Киевскую землю через этот юго-западный район говорится, например, в летописи под 1160 г., когда русские князья «избиша половци межи Мунаревом и Ярополчем», *т. е. в* верховьях Ирпеня (Ипатьевская лет., 6668). В 1169 г. половцы от Корсуня проникли к Полонному, находившемуся на р. Хоморе, в бассейне верхнего течения Случи (Лаврентьевская лет., 6677). Об этом см. также: Н. Молчановский. Очерк известий о Подольской земле до 1434 г. Сб. сочинений студентов Университета св. Владимира, вып. VIII, Киев, 1886, стр. 86.

вольно много городов, которые до этого ни разу не упоминались и, возможно, были в это время построены именно как пограничные укрепления Киевского княжества.

Некоторые из городищ данного района были подвергнуты археологическим раскопкам, причем материал раскопок дает основания предполагать, что одной из основных задач при

постройке этих укрепленных поселений действительно было создание пограничных крепостей. Так, на Райковецком городище, расположенном в бассейне верхнего течения р. Тетерева, жилые постройки оказались конструктивно связанными с оборонительной системой и целиком построенными одновременно с сооружением всего укрепления. При этом все жилища оказались имеющими более или менее одинаковый характер, и следов какого-либо выделяющегося, более богатого жилища не было обнаружено. Это. очевидно, свидетельствует, что Райковецкое городище представляет собой остатки не обычного феодального замка, где жил феодал со своей дружиной и челядью, а остатки крепости несколько иного типа.

Несомненно, что такое совместное строительство жилых и оборонительных сооружений исключает возможность постепенной застройки поселения и могло быть произведено только одновременно, по приказу, для какой-то совершенно определенной цели. Наиболее вероятно, что этой целью было создание на западном рубеже Киевской земли пограничных крепостей, в которых могли быть размещены воинские гарнизоны.

Второе известное поселение такого типа — городище у с. Колодежного на Случи, остатки древнего города Колодяжина, расположено в том же пограничном районе. Наконец, третье городище, где была обнаружена подобная система связанных воедино жилых и военно-инженерных сооружений, — Городское городище в среднем течении р. Тетерева. Возможно, что и здесь появление подобной конструкции вызвано пограничным положением данного укрепленного поселения, поскольку и этот, более северный район имел, по крайней мере иногда, важное значение для обороны Киева. [1]

Слабая исследованность археологических памятников западной границы Киевского княжества не позволяет окончательно решить, являются ли укрепленные поселения типа Райковецкого городища, Колодяжина и Городска именно пограничными крепостями, или же появление здесь столь своеобразной комбинированной конструкции жилищ и оборонительных сооружений может быть объяснено также и какими-то другими причинами. [2] Однако даже независимо от того, каково будет решение этого вопроса, значение данных поселений как укрепленных пунктов, прикрывавших западные границы Киевского княжества, по-видимому, не подлежит сомнению.

Постепенно, к XIII в. положение с обороной границ Киевской земли вновь существенно меняется. Дальнейшее ослабление Киевской земли и усиление ее западных соседей — Галича и Волыни — привели к тому, что боярство западных окраин Киевской земли приобрело значительную самостоятельность и даже независимость от Киевского князя. Этот процесс, процесс дальнейшего дробления феодальных княжеств на все более мелкие уделы, имел место во многих русских землях и является естественным следствием усиления феодальной раздробленности в тех районах, где более или менее сильной княжеской власти в союзе с городами не удалось обуздать мелких князьков и боярства.

На западной окраине Киевского княжества к XIII в. в совершенно независимую от киевского князя область выделяется Болоховская земля. *Города* Болоховской земли,

---

[1]Так, например, в 1150 г. князь Изяслав наступал на Киев с Волыни именно через этот район — через Дорогобуж, Коречск, Ушск, Мичьск, Звиждень, Белгород (Ипатьевская лет., 6658).

[2]Исследователи, раскопавшие Райковецкое городище, высказали предположение, что это была княжеская пограничная крепость (см.: *В. К. Гончаров*. Райковецьке феодальне городище XI— XIII ст. ст. Вісн. Акад. Наук УРСР, Київ, 1948, № 7, стр. 39). Как княжескую крепость рассматривает

Райковецкое городище и *В. И. Довженок* (Феодальное имение в эпоху Киевской Руси в свете археологических данных. Археологія, VIII, Київ, 1953, стр. 21). Иную, менее убедительную точку зрения, считающую данные городища обычными феодальными замками, выдвинули *П. П. Ефименко* и *В. А. Богусевич* (Кріпость Ярослава Мудрого в Киеві. Вісн. Акад. Наук УРСР, Київ, 1952, № 12, стр. 46). Следует отметить, что в некотором противоречии с интерпретацией данных городищ как остатков пограничных крепостей является отсутствие подобных памятников в других пограничных районах, как, например, на линии Сулы, Роси и др.

т. е. замки болоховских князей, имеют совершенно иной конструктивный тип, чем, например, Колодяжин или Райковецкое городище. По-видимому, эти замки уже совершенно не были связаны с обороной Киевской земли, а предназначались лишь для защиты самих владельцев замков. Мощность укреплений этих замков давала возможность болоховским князьям вести самостоятельную политику, выступая, например, в коалиции с венграми и галицкими боярами против князя Даниила. В событиях 1240—1241 гг. болоховские князья сыграли крайне неблаговидную роль, перейдя на сторону монголов. [1]

По-видимому, в первой половине XIII в. оборона границ Киевского княжества уже перестала существовать как более или менее организованная система, кроме, вероятно, укреплений на южной границе, поскольку борьба с половцами продолжала оставаться в южной Руси наиболее актуальной задачей вплоть до татаро-монгольского нашествия. [2]

Можно думать, что изменения системы обороны Киевщины характерны в общих чертах не только для одного этого района, а для большинства древнерусских областей. На смену обороне общерусских границ, в связи с развитием феодальной раздробленности, складывается оборона границ каждого феодального княжества в отдельности. «Политически и экономически замкнутые земли княжеств и в военном отношении стремились обеспечить себя от вторжения извне. Если, как мы видели выше, в условиях Киевской державы эти оборонные мероприятия были обращены преимущественно в сторону степи, были «односторонними», то в условиях «войны всех против всех» каждое княжество было вынуждено к организации круговой, всесторонней обороны, Систему такого расположения крепостей-городков мы найдем в каждом русском феодальном княжестве». [3]

Особенности социального строя, недостаточная централизация государственной власти не позволили в X—XIII вв. организовать непрерывные пограничные оборонительные линии, как это было осуществлено позднее, уже в XVI—XVII вв., централизованным Русским государством. Однако, судя по текстам летописей, можно думать, что как русские войска, так и особенно кочевники редко решались на глубокие рейды вглубь вражеской территории в том случае, если у них в тылу оставались незахваченными укрепленные пункты, гарнизон которых мог нанести им удар в спину или отрезать пути отхода к своей территории. Поэтому устройство отдельных укрепленных пунктов на наиболее важных направлениях в известной мере (хотя, конечно, далеко не полностью) компенсировало отсутствие сплошных оборонительных рубежей по границам.

Расположение древнерусских городищ в районе Киева, в частности, вполне подтверждает, что большинство укрепленных поселений стремились поставить так, чтобы они закрывали наиболее удобные пути проникновения на территорию Киевщины. Поэтому само

расположение укрепленных пунктов несомненно свидетельствует о прекрасном понимании древнерусскими военачальниками не только тактических, но и более общих, стратегических принципов обороны. При этом, если укрепленные владельческие дворы, не игравшие роли пограничных крепостей, располагались часто даже на плоской местности, пограничные укрепления, как правило, ставились на высоком холме, большей частью над низиной или поймой реки, так, чтобы иметь выгодные для обороны условия и одновременно контролировать расположенную впереди территорию. Мощность оборонительной системы зависела главным образом от военно-стратегического значения данного пункта, а планировочное и конструктивное решения, хотя и подсказывались условиями рельефа, но диктовались в основном временем постройки укрепления, *т. е. теми* принципами устройства оборонительной системы, которые были господствующими в данный исторический период.

---

[1]П. Раппопорт. Города Болоховской земли. КСИИМК, вып. 57.

[2]О слабости Киевского княжества в XIII в. см., например: *В. Т. Пашуто*. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси, стр. 220.

[3]*Н. Н. Воронин*. Крепостные сооружения. Глава в «Истории культуры древней Руси», т. I, М. — Л., 1948, стр. 447. В качестве примера здесь приведены системы обороны Владимирского и Рязанского княжеств. Утверждение это, по-видимому, не может вызвать сомнений, хотя сами карты обороны данных земель очень приблизительны вследствие недостаточной археологической изученности их территорий.

IV. СТРОИТЕЛИ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ

Большое значение, которое имели в древней Руси оборонительные сооружения, вызвало появление особых специалистов — *городников,* руководивших строительством укреплении. В феодальном обществе эта ответственнейшая отрасль строительства не могла находится ни в чьем ведении, кроме ведения самого феодала — князя. По-видимому, *городники* и являлись представителями княжеской администрации на строительстве оборонительных сооружений. Именно поэтому, вероятно, вознаграждение городникам за их работу специально оговорено в «Уставе» Владимира Мономаха. [1]

От более позднего времени сохранились даже прямые свидетельства того, что *городники* (или, по терминологии XV в. *городщики)* были представителями княжеской администрации. Нет сомнений, что и в XI— XIII вв. городники занимали, во всяком случае иногда, достаточно высокое общественное положение. Так, вышгородский «градьник» Миронег в другом тексте упомянут, как «старейшина града» [2]. Здесь следует отметить и то обстоятельство, что в «Уставе» Мономаха оговорено содержание городника с четырьмя конями, что также свидетельствует о достаточно высоком материальном и общественном положении городников. Наконец, об этом же свидетельствует и то место летописи, где указано, что в 1197 г. Новгороде «постави манастырь святыя Еуфимия в Плътьниках Полюжая Городьшиниця Жирошкина дъци». [3] Если «городьшиниця», т. е., по-видимому, жена городника, могла сама «поставить» монастырь, то, очевидно, она принадлежала к верхам Новгородского общества. [4]В письменных источниках XI—XIII вв. имена городников названы лишь в нескольких единичных случаях. Так, кроме

вышгородского «градьника» Миронега, в Вышгороде отмечен и «старейшина огородьником, зовом же бяше Жьдан по мирьскууму, а в хрьщении Никола». [5] По-видимому, этот Ждан-Никола также был городником — строителем укреплений. [6]

Позже, уже во второй половине XIII в., в летописи указано, что волынский князь Владимир Василькович послал «мужа хитра именемь Алексу, иже бяше при отце его многы городы рубя» для того, чтобы «изнайти таково место город поставити». [7] Алекса подобрал место «и приеха ко князю и нача поведати». После этого на избранном месте был «срублен» город Каменец.

Эти немногочисленные письменные свидетельства говорят все же достаточно определенно о наличии в древней Руси специалистов-городников, бывших не ремесленниками, а княжескими администраторами, *т. е. главным* образом военными или, точнее, военно-инженерными специалистами, руководившими строительством и ремонтом, а также, вероятно, и содержанием укреплений.

Но если письменные источники дают сравнительно мало данных о людях, руководивших строительством укреплений, то еще меньше сведений имеется о тех людях, чьими руками эти сооружения создавались. Не может быть никаких сомнений в том, что строителями русских оборонительных сооружений X—XIII вв. были русские мастера. Укрепленные поселения — *города* строили те же люди, которые в этих поселениях жили и которые в случае опасности эти поселения и защищали.

В феодальном обществе постройка городских укреплений являлась повинностью, которую князья возлагали на феодально-зависимое население. От более позднего времени сохранились многочисленные документы — жалованные грамоты, которыми князья в виде особой привилегии вотчинни-

---

[1] *С. В. Юшков*. Общественно-политический строй и право Киевского государства, стр. 260; «Устав» Мономаха см.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. *М.* — Л., 1950, стр. 496.

[2] Ср. тексты «Сказания о Борисе и Глебе» и «Чтения о Борисе и Глебе» (*Д. И. Абрамович.* Жития св. мучеников Бориса и Глеба, стр. 54 и 17).

[3] Новгородская I лет., 6705 (1197).

[4] *М. Н. Тихомиров*. Древнерусские города. М., 1946, стр. 234.

[5] «Сказание о Борисе и Глебе» (*Д. И. Абрамович*, ук. соч., стр. 57).

[6] Совершенно неправдоподобно предположение М. Грушевского о том, что Ждан-Никола был огородником в современном понимании этого слова и, следовательно, в Вышгороде «огородная культура велась в больших размерах» (М. Грушевский. Киевская Русь, т. I. СПб., 1911, стр. 309). О том, что «огородник» — это строитель ограды, *т. е. городник*, см. также: *Б. А. Рыбаков*. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 408, прим. 412.

[7] Ипатьевская лет., 6784 (1276).

кам (главным образом монастырям) освобождали зависимых от них крестьян от различных повинностей и податей в пользу князя. Как одна из основных и, видимо, наиболее тяжелых повинностей в документах всегда упоминается и строительство укреплений. К сожалению, все сохранившиеся документы подобного рода относятся уже к XV— XVI вв., однако в составе Ипатьевской летописи до нас дошла духовная грамота князя Владимира Васильковича, датируемая 80-ми годами XIII в. В этой грамоте от строительства укреплений освобождаются крестьяне княжеского села Городел — «аже будеть князю город рубити, и ни к городу». [1]

Вряд ли могут быть сомнения в том, что и несколько раньше, в XI и XII вв., строительство городских укреплений также было феодальной повинностью. Об этом говорят даже и сами размеры некоторых древнерусских оборонительных сооружений, для возведения которых требовалась мобилизация очень большого количества рабочей силы.

Местными, русскими силами возводились не только деревянные и дерево-земляные оборонительные сооружения, но и каменные укрепления. Большое количество каменных храмов, построенных на Руси в XI—XII вв., говорит о том, что в большинстве крупных русских городов имелись свои квалифицированные кадры каменщиков и кирпичников. О русских мастерах-строителях свидетельствуют сами формы и конструктивные особенности оборонительных сооружений. Так, киевские Золотые ворота не имеют в своей композиции ничего византийского, но зато по общей своей военно-оборонительной схеме они были, по-видимому, близки деревянным башнеобразным воротам, характерным для большинства русских городов этого времени. На камнях кладки Золотых ворот во Владимире имеются «знаки Рюриковичей», свидетельствующие о том, что строителями этих ворот были русские княжеские мастера. [2]

При постройке каменных оборонительных сооружений, требующей более квалифицированной рабочей силы, чем строительство дерево-земляных укреплений, помимо феодальнозависимого населения использовался, по крайней мере иногда, также и труд свободных ремесленников. Правда, прямых свидетельств этому в письменных источниках не имеется, однако из проложного сказания XI в. известно, например, что труд наемных рабочих применялся при постройке церкви Георгия. [3] Точно так же и позднее, в XV— XVI вв., при постройке каменных оборонительных стен обычно нанимали мастеров-каменщиков.

Многовековый опыт строительства на Руси оборонительных сооружений привел к сложению устойчивых традиций, как в выборе мест для расположения укрепленных поселений и планировке оборонительной системы, так и в конструкциях укреплений. Эти традиции в сочетании с мастерством строителей и военно-инженерным опытом городников позволили уже в XI—XIII вв. создавать такие мощные и совершенные оборонительные сооружения, которые могли выдержать осаду самых многочисленных и опасных врагов. Так, известно, с каким трудом приходилось, например, монголам брать штурмом некоторые русские города, несмотря на то, что монгольское войско имело, как правило, значительный перевес в численности и было снабжено первоклассной по тому времени осадной техникой. Некоторые же русские крепости монголы даже не решились штурмовать, например, город Холм, который монгольский полководец Бурундай не рискнул осаждать, «росмотрев твердость города, оже немощно взяти его». [4]

По знаниям и опыту русские строители оборонительных сооружений, видимо, не уступали соответствующим специалистам других стран, а иногда даже и превосходили их, так как некоторые русские города, как признавали уже современники, по своим укреплениям были более совершенными, чем города Западной Европы, Так, венгерский

король Андрей, увидев в 1231 г. укрепления города Владимира-Волынского, удивленно воскликнул: «Така град не изобретох ни в немечскых странах». [5]

---

[1]Ипатьевская лет., 6795 (1287). В качестве аналогии можно сослаться на то, что и в Польше в XI—XIII вв. строительство укреплений было феодальной повинностью (Русск. историч. сборник, издаваемый Обществом истории и древностей российских, т. IV, кн. 2—3, М., 1841, стр. 185).

[2]*Н. Н. Воронин*. Оборонительные сооружения Владимира XII в., стр. 215.

[3]Киевлянин, кн. 3, из*д. М. Максимовичем*, М., 1850, стр. 67.

[4]Ипатьевская лет., 6769 (1261). Так же и города Кременец и Данилов, см.: Ипатьевская лет., 6748 (1240).

[5]Ипатьевская лет., 6739 (1231).

V. ВЫВОДЫ

Русские оборонительные сооружения VIII—IX вв. были приспособлены к отражению нападений, заключавшихся, по-видимому, в основном во внезапном захвате укрепленных поселений. Организованная осада в виде пассивного «облежания» начала широко применяться, очевидно, лишь с X в. и явилась одной из основных причин, вызвавших к концу X в. существенные изменения в устройстве оборонительных сооружений.

В течение всего XI и XII вв. внезапный захват («изъезд») и пассивная осада («облежание») были господствующими приемами овладения укреплениями. Штурм укреплений применялся крайне редко, главным образом тогда, когда *город* был слабо укреплен или имел малочисленный гарнизон. Оборона укрепленных пунктов строилась в это время следующим образом. Основой обороны являлись мощные и крутые земляные валы, на которых располагалась деревянная стена, служившая дополнительным препятствием для врага и прикрытием для защитников. Стрельба защитников укрепления была исключительно фронтальной и направленной вперед, а также вниз, к подножию вала. Интенсивный обстрел, который вели защитники с городских стен, являлся основной причиной, препятствовавшей штурму укреплений.

Поскольку штурм укреплений применялся крайне редко, отсутствовала необходимость во фланкирующем обстреле стен, а это в свою очередь объясняет, почему башни играли такую малую роль в обороне.

Деревянные стены, расположенные на земляных валах, состояли из частокола или из одной бревенчатой стены. Двойные стены, забитые землей, и каменные стены, как правило, не применялись, поскольку в условиях пассивной осады и отсутствия камнеметных машин они не имели никаких преимуществ перед простыми деревянными стенами.

Активность обороны, кроме стрельбы с городских стен, проявлялась также в частом применении вылазок.

Начиная с XIII в. все большее распространение начал приобретать штурм укреплений. Успех штурма обеспечивался применением камнеметных машин, разрушавших заборола, а иногда и сами деревянные стены и тем подавлявших активную стрелковую оборону защитников укреплений. Приблизительно с середины XIII в., когда этот прием сделался уже господствующим, произошли существенные изменения в устройстве оборонительных сооружений — большее значение приобрели каменные стены, начали сооружать высокие башни, позволявшие вести круговой обстрел территории. В обороне, кроме луков, начали широко применяться самострелы и камнеметные машины.

Таким образом, существенные изменения в устройстве оборонительных сооружений, связанные с коренными изменениями в тактике осады и обороны, происходили, с одной стороны, в конце X в., а с другой — в середине XIII в. Эти хронологические рамки являются границами определенного этапа в развитии русского военного зодчества. Заметное развитие оборонительных сооружений, как в отношении их планировочных приемов, так и в отношении конструкций, можно, однако, отметить и в пределах этого этапа.

Стратегия обороны русской территории в первой половине рассматриваемого периода в конце X и XI вв. заключалась в основном в обороне границы Русской земли со степью. Невозможность создания в эту пору сплошных оборонительных рубежей отчасти возмещалась строительством на границах отдельных укрепленных пунктов. С конца XI в., *т. е. с* развитием феодальной раздробленности, на смену укреплению общерусских границ приходит другой прием — путем строительства крепостей и замков пытались укрепить границы каждого отдельного княжества со всеми его соседями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящих «Очерках» рассматривается развитие русских оборонительных сооружений с X по XIII в., *т. е. в* период, целиком относящийся к феодальной поре русской истории. Однако хронологические рамки периода устанавливаются в соответствии с явлениями, происходившими в развитии военного зодчества, а не с этапами крупных социальных изменений в истории Руси.

Так начало рассматриваемого периода — конец X в. — определяется резкими изменениями в развитии оборонительных сооружений и несомненно представляет определенный рубеж в развитии военного зодчества. Точно так же и конец рассматриваемого в данных «Очерках» периода — середина XIII в. — представляет собой определенный рубеж с точки зрения развития самих оборонительных сооружений, а не в общеисторическом плане, поскольку феодальная раздробленность возобладала на Руси задолго до этого времени.

Таким образом, рассматриваемый период — с конца X до середины XIII в. — представляет собой определенный этап лишь в развитии русского военного зодчества. Этап этот связан с господством определенных тактических приемов осады и обороны укрепленных пунктов, в данном случае с господством «изъезда» и «облежания» как основных приемов нападения. Однако, как известно, развитие всего военного искусства полностью объясняется развитием социальных отношений, экономики и

производительных сил. Естественно поэтому, что и периодизация истории военного зодчества, несмотря на ее относительную самостоятельность, в конечном итоге должна соответствовать периодизации общеисторической, хотя основные ее этапы могут и не точно совпадать (большей частью несколько запаздывать) с основными этапами этой общеисторической периодизации. [1]

Надо полагать, что рассматриваемый период, с конца X до середины XIII в., представляет собой этап развития военного зодчества, соответствующий раннефеодальному периоду русской истории. Этому нисколько не противоречит то обстоятельство, что границы данного периода в развитии военного зодчества хронологически несколько не совпадают с временем возникновения и разложения русского раннефеодального государства и включают также раннюю пору феодальной раздробленности.

В настоящих «Очерках» рассматриваются оборонительные сооружения группы среднеднепровских русских княжеств (территория древней «Русской земли»), а также, частично, оборонительные сооружения Полоцкой, Смоленской и Рязанской земель. Судя по имеющимся материалам, памятники всех этих районов не имеют существенных отличий, связанных с наличием местных «школ» военного зодчества, хотя возможно, что дальнейшее изучение выявит здесь в развитии оборонительных сооружений какие-то местные варианты. Оборонительные сооружения Галицко-Волынского и Владимиро-Суздальского княжеств, по-видимому, обладают несколько большим количеством специфически местных особенностей, характерных для развития военного зодчества в этих землях.

---

[1]Относительно периодизации истории русского военного искусства см., например, дискуссию в журнале «Военная мысль» (1947, №№ 1, 4 и 7).

Что же касается Новгородской земли, то даже ничтожное количество памятников X—XIII вв., известных на этой территории, не оставляет сомнения в наличии здесь своеобразной «школы» военного зодчества.

Несмотря на местные отличия, общие принципы развития военно-инженерного искусства на всей территории древней Руси в X—XIII вв. должны были быть едиными. Об этом свидетельствуют как общие данные о единстве русской культуры рассматриваемого периода, так и прямые свидетельства летописей, говорящих о наличии на всей Руси одних и тех же приемов осады и обороны укреплений. Естественно, что и основы периодизации истории военного зодчества на всей русской территории должны быть одинаковыми, несмотря на отличия, которые могли существовать в устройстве самих оборонительных сооружений.

Оборонительные сооружения X—XIII вв., рассмотренные в настоящих «Очерках», дают основания говорить о том, что указанное время является определенным этаном в развитии военного зодчества на всей территории древней Руси. Этот этап продолжался почти три столетия и знаменовал собой крупнейший прогресс в истории не только военного зодчества, но и в истории русской культуры.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЕРЕЧЕНЬ ГОРОДИЩ К КАРТЕ [1]

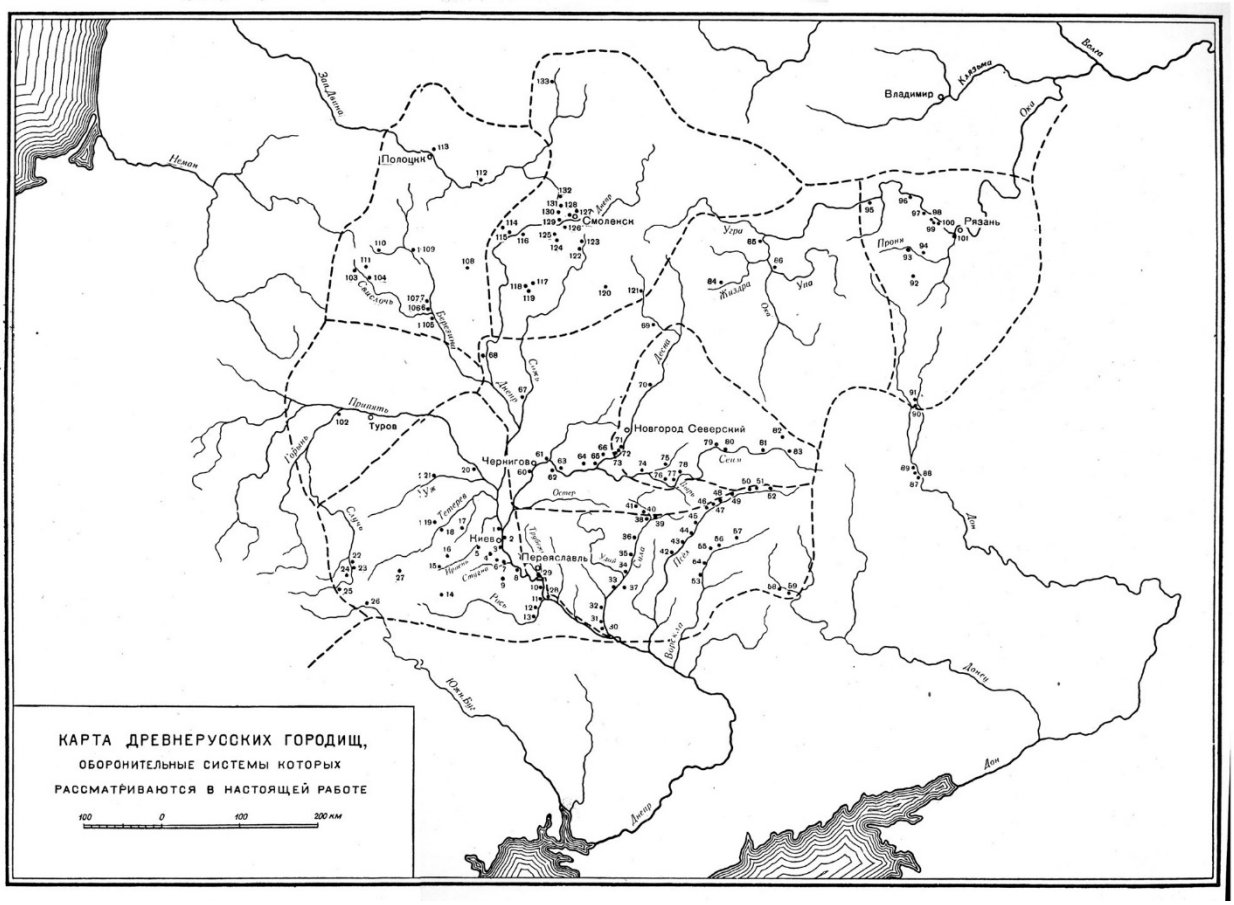
1. Вышгород.
2. Вигуровщина.
3. Китаевское.
4. Почтовая Вета.
5. Белгородка.
6. Заречье.
7. Старые Безрадичи.
8. Витачёв.
9. Шарки.
10. Григоровка.
11. Княжа Гора.
12. Сахновка.
13. Очаков.
14. Ягнятин.
15. Яроповичи.
16. Грубское.
17. Корчеватый.
18. Городск.
19. Стуга.
20. Гримовское.
21. Коростеньское.
22. Мирополь
23. Колодежное.
24. Большие Деревичи.
25. Губин.
26. Кудинка.
27. Райковецкое.
28. Бубновская Слободка.
29. Городище Устье.
30. Кизивер.
31. Лящивцы.
32. Чутовка.
33. Мацковцы.
34. Снетин.
35. Сенча.
36. Свиридовка.
37. Круча.
38. Монастырище.
39. Басовка.
40. Медвежье.
41. Липовое.
42. Сары.
43. Кнышевка.

44. Каменное.
45. Новотроицкое.
46. Шпилевка.
47. Тополи.
48. Могрица.
49. Горналь.
50. Наволочки.
51. Стрелица.
52. Гочевское.
53. Опошня.
54. Глинск.
55. Тростяницкое.
56. Петровское.
57. Ницахи.
58. Донецкое.
59. Хорошево.
60. Шестовицкое.
61. Брусилово.
62. Салтыкова Девица.
63. Блистово.
64. Феськовка.
65. Буромка.
66. Городищенское.
67. Любенское.
68. Попова Гора.
69. Вщиж.
70. Кветунь.
71. Мещанское.
72. Хотинское.
73. Московское.
74. Божки.
75. Ховзовка.
76. Путивль.
77. Курган.
78. Горкинское.
79. Банище.
80. Городенск.
81. Липинское.
82. Шуклинское.
83. Ратское.
84. Городец.
85. Спас.
86. Кулешово.
87. Голышевка.
88. Малое Боршевское.
89. Большое Боршевское.
90. Кузнецовское.
91. Михайловский кордон.
92. Лихаревское.
93. Ижеславец.
94. Чертово.
95. Ростиславльское.

96. Романово-Борисоглебское.
97. Переяславль-Рязанский.
98. Богатырское дворище.
99. Рубцово.
100. Новоселки.
101. Климентовский Погост.
102. Давид-городок.
103. Заславль.
104. Минск.
105. Углаты.
106. Свислочь.
107. Новоселки.
108. Цяцерын.
109. Борисов.
110. Логойск.
111. Семков Городок.
112. Старое Село.
113. Гаравыя.
114. Черкасовское.
115. Орша.
116. Германовское.
117. Высокое.
118. Азарычи.
119. Чаранки.
120. Деребуж.
121. Осовик.
122. Ковшаровское.
123. Ободрово.
124. Городище.
125. Зверовичи.
126. Цихановщина.
127. Вязовеньки.
128. Лестравка.
129. Красная Горка.
130. Вонлярово.
131. Волоковая.
132. Каспля.
133. Торопец.

---

[1]Городища, приводимые в качестве аналогий и расположенные вне основной территории, рассматриваемой в «Очерках», на карте не отмечены. На карту нанесены приблизительные границы русских княжеств XII в.

КАРТА ДРЕВНЕРУССКИХ ГОРОДИЩ, ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ КОТОРЫХ РАССМАТРИВАЮТСЯ В НАСТОЯЩЕЙ РАБОТЕ

Стр. 183

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ — Вестник древней истории.

ВУАН — Всеукраинская Академия наук.

ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.

Древности — Древности. Труды Московского археологического общества.

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.

ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского Археологического общества.

ИАК — Известия Археологической комиссии.

ИЗ — Исторические записки.

ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР.

КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР.

А. Н. Лявданский. Смоленские городища — А. Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии. Научные известия Смоленского университета, т. 3, ч. 3, Смоленск, 1926.

И. И. Ляпушкин. Отчет об экспедиции 1947 г. — *И. И. Ляпушкин*. Отчет о работе Днепровской левобережной экспедиции 1947 г. Архив ИИМК (Ленинград).

И. И. Ляпушкин. Отчет об экспедиции 1948 г. — *И. И. Ляпушкин*. Отчет о работе Днепровской левобережной экспедиции 1948 г. Архив ИИМК (Ленинград).

МИА СССР — Материалы и исследования по археологии СССР.

ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ.

Працы, т. I — Працы катэдры археолёгіі, т. I. Менск, 1928.

Працы, т. II — Працы археолёгічнай камісіі, т. II. Менск, 1930.

Працы, т. III — Працы сэкціі археолёгіі, т. III. Менск, 1932.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

РАИМК — Российская Академия истории материальной культуры.

РАНИОН — Российская Ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.

СА — Советская археология.

И. Срезневский. Материалы для словаря — *И. И. Срезневский*. Материалы для словаря древне-русского языка. СПб., 1893.

Тр.... АС — Труды археологических съездов.

ЦГИАЛ — Центральный Государственный исторический архив в Ленинграде.